

[Вернуться к оглавлению](#)

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ ВОЙСК

И. Ульянов
РЕГУЛЯРНАЯ ПЕХОТА
1801 - 1855

ОТ АВТОРА

Русская пехота к середине десятих годов XIX века достигла пика своей славы: непобедимая доселе армия "двунадесяти языков", предводительствуемая великим Наполеоном, костями легла в необозримых пространствах России; города "благодарной Европы", и блистательный Париж в том числе, рукоплескали темно-зеленым батальонам победоносных войск. Выдающиеся заслуги пехоты признавались всеми. Даже столь верная поклонница кавалерии — "кавалерист-девица" Надежда Дурова — в своих сочинениях отдала должное старейшему роду войск: "...Вот идет прекрасная, стройная, грозная пехота наша! главная защита, сильный оплот Отечества... Хоть я люблю без памяти конницу,.., но всякий раз, как вижу пехоту, идущую верным и твердым шагом, с примкнутыми штыками, с грозным боем барабанов, чувствую род какого-то благоговения, страха... Когда колонны пехоты быстрым, ровным и стройным движением несутся к неприятелю!.., тут уж нет молодцов, тут не до них: это герои, несущие смерть неизбежную! или идущие на смерть неизбежную — середины нет!.. Кавалерист наскочет, ускачет, ранит, пронесется, опять воротится, убьет иногда; но во всех его движениях светится какая-то пощада неприятелю: это все только предвестники смерти! Но строй пехоты — смерть! страшная, неизбежная смерть!" [82, стр. 234 — 235].

В справедливости последнего высказывания в 1801 — 1855 гг. убедились многие противники России: железные батальоны русских успешно сражались с турками и с персидскими сарбазами, с фанатичными кав-

казскими горцами и польскими повстанцами, со шведами и венграми, с напористыми французами и со стойкими англичанами.

В минуты максимальной опасности, под градом неприятельских пуль и ядер отчетливо проявлялись лучшие черты российского пехотинца: стойкость и выносливость, неистребимый оптимизм и неистощимая изобретательность. Никакие трудности не могли заставить его забыть свой долг или предаться унынию. В траншеях под Севастополем студеной зимой 1854—1855 гг. тщедушные солдатики, кутаясь в обрывки шинелей, радовались морозу, так как он досаждал противнику. В голодных походах и на пропитанных кровью бастионах всегда находилось место для шуток ротных "балагулов" и слышался дружный смех. Нам, изнеженным потомкам, могут показаться дикими многие проявления этого веселья на поле боя (так, в 1812 г. наступающий батальон хохотал, когда один из солдат, пораженный пулей, упал в нелепой позе), но вызваны они были отнюдь не жестокосердием бойцов, а их способностью отвлекаться от окружающих опасностей и ужасов войны в нужную минуту.

Увеличилось количество поражений русских войск, но отнюдь не из-за ухудшения качеств солдата: менялись условия ведения войны, противники (особенно в Азии) с каждым годом становились все опытнее, бурно развивалась военная промышленность западных стран, что приводило к пересмотру тактики пехоты. Армия же Империи при этом фактически оставалась законсервированной: единожды убедившись в непобедимости

своих войск, Александр I, а вслед за ним и Николай I менее всего заботились о техническом совершенствовании столь безотказной военной машины. Штык, по их мнению, должен был и в дальнейшем играть решающую роль на полях сражений. Действительно, даже во время Севастопольской эпопеи союзники редко решались вступать в рукопашные схватки с русскими пехотинцами, найдя более приемлемые формы борьбы: под интенсивным огнем нарезного оружия французов и англичан пехотные монолиты славных полков теряли множество людей, а вместе с тем и ударную силу. Но и в этих условиях они оставались грозными противниками. Корреспондент английской газеты так описывал завершающий этап сражения при Инкермане 24 октября 1854 г.: "Судьба сражения еще колебалась, когда прибывшие к нам на помощь французы атаковали левый фланг неприятеля. С этой минуты русские не могли уже надеяться на успех, но, несмотря на это, в рядах их не заметно было ни малейшего колебания и беспорядка... Минут по пяти длилась иногда страшная схватка, в которой солдаты дрались то штыками, то прикладами. Нельзя поверить, не бывши очевидцем, что есть на свете войска, умеющие отступать так блистательно, как русские. Преследуемые всей союзной полевой артиллерией, батальоны их отходили медленно, постоянно смыкая ряды и по временам бросаясь в штыки на союзников. Это отступление русских Гомер сравнил бы с отступлением льва, когда, окруженный охотниками, он отходит шаг за шагом, потрясая

Автор выражает благодарность:

Летину Сергею Альбертовичу, Королеву Виталию Борисовичу и Степанову Борису Юрьевичу за общую консультацию;

сотрудникам РГВИА Вальковичу Александру Михайловичу и Капитонову Александру Петровичу за огромную помощь в работе;

Леонову Олегу Геннадьевичу, Прищепе Сергею Васильевичу за предоставленные материалы и помощь в создании книги.

гровкой, обращает гордое чело к врагам своим и потом снова безбоязненно продолжает путь, истекая кровью от многих ран, но непоколебимый, мужественный, непобежденный" [68, №5, стр.73].

Вопросы организации, обучения, обмундирования и вооружения русской пехоты стали основными темами предлагаемой читателям работы. Наряду с подробным изложением целого ряда уставных документов первой половины XIX в. в книге помещены отрывки из мемуаров; многие факты восстановлены по неопубликованным ранее архивным источникам. Объектами исследования автора стали полки и батальоны регулярной полевой пехоты (гвардейской и армейской); несколько слов уделено организации частей и подразделений гарнизона и Внутренней Стражи. В книгу сознательно не помещалась информация о национальных пехотных формированиях (польские и финские полки, финские и греческий батальоны), так как многие качества русской пехоты в основе своей, несомненно, имели великорусский менталитет и не были присущи инородческим образованиям.

Сознавая всю обширность затронутых в исследовании вопросов, автор приносит извинения за возможные неточности предлагаемого читателю труда; в то же время он надеется, что книга эта может стать основой для более подробного и столь необходимого теперь изучения истории военных подвигов наших предков.

1 ВРЕМЯ СЛАВЫ И ВОСТОРГА

Вступая на престол после жестокого переворота, Александр торжественно обещал, что порядки в стране станут такими же, как при "бабушке" — Екатерине II. Но при этом он оставался сыном Павла, унаследовавшим от отца чрезмерное пристрастие к унификации всех сфер жизнедеятельности государства и особенно обожавшей им армии. Все развитие вооруженных сил во время его правления проходило в борьбе "либеральной" и "консервативной" тенденций: вереница организационных и тактических нововведений сочеталась с ужесточением контроля за строевой подготовкой и внешним видом солдат и офицеров. Первые годы царствования, повлекшие за собой великие труды, победы и потери, прошли в обстановке непрерывных войн с европейскими и азиатскими противниками; парадомания не успела еще вытеснить из ума молодого Императора соображения практической пользы; не успев проникнуться уверенностью в своих военных талантах и памятуя о гвардейском заговоре против своего отца, он чутко прислушивался к мнению советников и нередко "заигрывал" с офицерской верхушкой, допуская ряд вольностей; солдаты еще не стали для Александра простыми "заводными игрушками" во взрослых играх. Именно поэтому мы выделяем очерк развития пехоты с 1801 по 1815 г. (в так называемый "наполеоновский период") в отдельную главу.

Основной точкой приложения сил Империи в эти годы была начавшаяся еще при Павле борьба с наполеоновской Францией —

борьба, отнимавшая порой все силы армии и государства, заставлявшая перенимать все действительно полезные навыки неприятельской стороны и приведшая наконец к величайшему триумфу, прославившему Россию в целом и русскую пехоту в частности.

Однородный прежде этнический состав пехоты в начале XIX века был нарушен. "Прежде русская пехота составлялась только из велико руссов... Со времен Павла все было перепутано, и в состав пехоты вошли также: 1) поляки — хорошие солдаты у себя, но не с особенным усердием сражавшиеся за Россию; 2) финны, ливонцы, и вся эта смесь только портила русскую пехоту" [92, №7, стр.90].

Принципы комплектования армии не претерпели существенных изменений. Попрежнему основную часть новобранцев давали рекрутские наборы. В 1802 г. был проведен . первый при Александре и 73-й по общей нумерации рекрутский набор: с 500 душ повелевалось собрать по два рекрута. Далее каждый год объявлялись наборы: в 1803 г. — по два рекрута, в 1804 г. — по одному. Следующий 1805 г. открыл собой продолжительную и грозную эпоху войн России с Францией в царствование Александра I. В указе о наборе рекрутов, в частности, говорилось: "Среди происшествий, покой Европы столь сильно возмутивших, не могли Мы взирать равно-

душно на опасения, ей угрожающие. Безопасность Империи Нашей, достоинство ея, святость союзов и желание, единственную и неперменную цель Нашу составляющее, водворить в Европе на прочных основаниях мир, решили Нас двигнуть часть войск Наших за границу и сделать к достижению намерения сего новые усилия" [135, стр.10]. Среди "усилий" основными признавались полное укомплектование существующих войск и создание новых полков. Все это потребовало удвоить обычную норму набора: 76-й набор "вырывал" четыре рекрута из каждых 500 ДУШ.

Неудачные боевые действия основательно опустошили армию: в 1806 г. в дивизиях и инспекциях недовостало 52 848 пехотинцев; для формирования новых 11 мушкетерских и 6 егерских полков требовалось 40080 солдат. Поэтому в 77-й набор 1806 г. признавалось необходимым собрать по 5 рекрутов. Снижены были и требования к физическим данным людей: нижнюю границу роста установили на вершок ниже нормы (нормой считался рост в 2 аршина 4 вершка), а предельный возраст повысили на год (по правилам в рекруты принимали с 17 до 35 лет). Кроме этого жестокого набора, 1806 г. ознаменовался и созданием милиции, или Земского войска — народного ополчения, призванного поддержать армию в случае вступления неприятеля в пределы России (а такой возможности тогда очень опасались). Манифест о со- ■ ставлении милиции был опубликован 30 ноября 1806 г.; правительство рассчитывало собрать 612 тысяч ополченцев.

В ратники ополчения помещиками выбиралось назначенное количество людей, способных "поднять оружие", возрастом от 17 до 50 лет. Ополченцев учили скорому построению во фронт ("без всякой лишней солдатской вытяжки"), ровному шагу и стрельбе (так как предполагалось, что войско могло быть вооружено и ружьями в случае необходимости). Первоначально ружьями вооружали до четверти ратников, которые образовывали первую шеренгу; остальные строились за ними в четыре или пять шеренг.

После относительно удачных сражений при Пултуске и Прейсиш-Эйлау в 1807 г. правительство посчитало возможным оставить "действительными ратниками" треть из ранее собранных людей, а остальных распустить по

домам. Оставшиеся на службе были названы Подвижной (Служащей) милицией; в идеале в ней должны были остаться самые "молодые, здоровые и способные" ополченцы. Завершившаяся война позволила упразднить Земское войско. Но здесь надежды ополченцев, которым обещали возвращение к прежнему состоянию, в большинстве случаев потерпели крах: правительство, не желавшее терять уже частично обученный контингент людей, призывало помещиков отдать ратников в военное ведомство вместо рекрутов. Около 170 тысяч взрослых, нередко семейных людей в мгновение ока были оторваны от своих хозяйств и распределены по полкам. Лучшие ополченцы до 35 лет, ростом не ниже 2 аршин 7 вершков, "видные и стройные", отбирались для Гвардии. Необходимость в рекрутском наборе в 1807 г. уже не возникла. По воспоминаниям А.Ф. Ланжерона, солдаты из ополченцев служили плохо, "многие из них бежали, и были даже случаи возмущения целых батальонов... Впоследствии они были направлены в Кавказскую армию... отсюда многие бежали и были очень полезны персам" [92, №9, стр.568].

78-й набор 1808 г. также проводился на жестких условиях: с 500 душ брали 5 рекрутов ростом не ниже 2 аршин 3 1/2 вершка и возрастом от 19 до 37 лет. Такой набор не был непосредственно обусловлен потребностью войск; военное ведомство, собирая рекрутов во вновь образуемые рекрутские депо, намеревалось за 8 —9 месяцев дать им первоначальное военное образование перед отсылкой в полки. Таким образом, создавался запас людей, особенно необходимый при экстраординарных потерях.

10 октября 1808 г. было издано положение о запасных рекрутских депо (дополненное в 1809 г.), где также одной из причин организации этих структур признавалась необходимость постепенного морального приготовления рекрутов к службе в строевых частях (в качестве примера приводились кантонисты, которые с детских лет поступали на службу и в дальнейшем легче переносили тяготы армейской жизни).

От дивизии в депо выделялись штаб-офицер, 6 лучших поручиков, 24 унтер-офицера, 240 рядовых, 2 барабанщика, 3 цирюльника и 3 лазаретных служителя. Все депо делилось на 6 рот, а рота — на 4 капральства, по которым и распределялись равномерно все рекру-

"Траурная форма", 1801 г.

Обер-офицеры: 4-го Егерского полка, Астраханского гренадерского полка (вне строя),
Навагинского мушкетерского полка

ты. В депо от местной инвалидной роты отсылались офицер, унтер-офицер и 10 рядовых, осуществляющих караульную службу в отсутствие рекрутов. Для улучшения обучения в депо ежегодно направлялись 142 выпускника 2-го Кадетского корпуса; после прохождения своеобразной "стажировки" они переводились в полки.

При обучении рекрутов начальникам следовало обращаться с ними мягко, достигая результатов не наказанием, а доходчивым объяснением задачи; интенсивность учений была невелика, дабы не изнурять новобранцев. Отличающихся хорошей подготовкой ре-кругов всячески поощряли, заменяли им серые рекругские воротники на красные солдатские и назначали ефрейторами. "Ленивых" заставляли учиться в то время, когда все другие отдыхали; в крайнем случае их назначали в фурлейты (извозчики). Первые два месяца рекруты осваивали строевые приемы без ружья; следующие два — приемы с ружьем и зарядание (шаржирование); еще месяц — движение в строю. Остальное время (еще три-четыре месяца) они повторяли пройденное и учились стрельбе. С 1 июня по 15 августа рекрутов депо сводили в одно место (наподобие лагеря); им преподносились азы действия в составе целой роты или батальона.

Собранные в декабре — январе рекруты с 1 октября направлялись из депо к сборным местам дивизий, а отобранные для Гвардии — прямо в Санкт-Петербург. Вместе с ними к полкам двигались и воинские команды депо. Вышедшие со сборных мест к войскам люди считались уже не рекрутами, а рядовыми.

Двадцать шесть депо к 1811 г. были распределены по дивизиям, от 2-й до 26-й. 10 сентября при внутренних гарнизонных батальонах в Петрозаводске, Новгороде, Твери, Москве, Калуге, Туле, Орле, Курске, Харькове и Екатеринославе создали 10 новых запасных рекрутских депо 2-й линии (прежние депо были причислены к 1-й линии, разделенной на две дивизии и одну бригаду). Уже 22 ноября дивизии наименовали резервными корпусами, бригады — дивизиями, депо — бригадами, роты — батальонами.

В 1809 г. было собрано по 5 рекругов с 500 душ, в 1810 г. — по 3 рекрута, в 1811 г. (81-й набор) — по 4 рекрута. В 1811 г. планка роста была снижена до 2 аршин 3 вершков.

В 1812 г. нужды воюющей армии заставили провести три набора; общее количество рекрутов составило 20 человек с 500 душ (тяжесть набора по большей части легла на казенных крестьян; большая часть помещичьих крестьян формировала ополчение). В марте из рекрутских депо 1-й линии образовали 10 пехотных дивизий. В июне были задействованы депо 2-й линии: на их основе (с добавлением батальонов 2-го и 3-го Морских и Московского гарнизонного полков) сформировали 6 новых пехотных полков. Проведенный в 1812 г. 83-й набор сопровождался резким снижением требований к поставляемым рекрутам: принимались люди ростом не ниже 2 аршин 2 вершков, возрастом от 18 до 40 лет. Военная коллегия разрешала "допустить к приему в рекруты людей, имеющих такого рода телесные пороки или недостатки, кои не могут служить препятствием маршировать, носить амуницию, владеть и действовать ружьем, т.е. не браковать: редковолосых, разноглазых и косых, — ежели только зрение их позволяет прицеливаться ружьем; с бельмами и пятнами на левом глазе, заик и косноязычных, если только могут сколько-нибудь объясняться; не имеющих до 6 или до 8 зубов боковых, лишь бы только были в целости передние, для скусывания патронов необходимые; с маловажными на черепе наростами, не препятствующими носить кивер или каску; с недостатком одного пальца на ноге, если это ходьбы рекрута не затрудняет; имеющих на левой руке один какой-либо сведенный палец, не препятствующий заряжать и действовать ружьем; принимать и кастратов" [135, стр.561. Те же правила были сохранены и при 84-м наборе (1812 г.).

6 июля 1812 г. правительство опубликовало манифест о сборе земского ополчения. В образованных трех округах очень быстро было собрано свыше 300 тысяч человек, часть из которых участвовала в боевых действиях вплоть до октября 1814 г. Немало ополченцев Московского и Смоленского ополчений в августе — октябре 1812 г. были причислены к армейским пехотным и егерским полкам, составляя при построениях третью шеренгу и выполняя различные хозяйственные функции.

В феврале 1813 г. для упорядочения пополнения действующих войск была образована Резервная армия под командой князя Лобанова-Ростовского; в армию входило, помимо

прочего, четыре пехотных корпуса. На комплектование батальонов Резервной армии поступили рекруты 84-го набора; срок обучения в батальонах не превышал 8 — 9 месяцев, после чего подразделения направлялись к войскам за границей.

Проведенный в 1813 г. 85-й набор дал по 8 рекрутов с 500 душ. Активные и достаточно успешные действия правительства, направленные на пополнение армии в 1812 — 1813 гг., а также завершение заграничных походов позволили отказаться в 1814 г. от проведения набора и упразднить Резервную армию, укомплектовав рекрутами по три "сильных" батальона в каждом полку. Более того, в "уважение трудов, понесенных старыми воинами", разрешено было отпустить со службы отслуживших 25-летний срок солдат. Открывшийся в 1815 г. небольшой комплект потребовал проведения 86-го набора на чрезвычайно "мягких" условиях: с 500 душ выбирали только одного рекрута.

В 1804 г. было издано наставление для приема и отвода рекрутских партий, в котором определялись основные правила для офицеров, ведущих партии. Партионный офицер с сопровождающей его конвойной командой, придя на назначенное для сбора место, осматривал рекрутов, принимал их в партию, приводил к присяге и определял в артель, объединяющую не менее 10 человек. Состоящие в одной артели рекруты связывались круговой порукой. Перед маршем офицер высылал в намеченный для ночлега пункт квартирыера. Дальность дневного перехода устанавливалась в 20 — 30 верст, а в ненастье, "великие грязи", в морозы и жару — 10—15 верст, дабы не изнурять рекрутов. Через два дня марша назначался "ростак" (однодневная остановка).

Рекруты двигались в три шеренги по рядам, перед партией и за ней шли конвойные; больных на повозках везли позади колонны. Офицерская повозка ехала за повозками для больных; замыкал шествие арьергард из унтер-офицера и трех рядовых. Офицеру не разрешалось ехать в повозке; на марше он постоянно находился "при фронте". Если в селении, где намечалась ночевка, был "питейный дом", то в караул к нему выделялись 4 солдата и 8 рекрутов под командой старого исправного солдата или унтер-офицера.

Партионный офицер, в партии которого оказывалось свыше 10 процентов умерших, бежавших и оставленных в госпиталях, препровождался на гауптвахту до тех пор, пока "все оставленные в госпиталях соберутся".

Следующее наставление было издано в 1813 г.; правила конвоирования рекрутов существенно не изменились. В наставлении, в частности, указывалось, что "офицер, коему вверяется партия, всегда должен памятовать, что каждый рекрут посвящается на службу Государю и на защиту Отечества и потому цель столь важного предназначения обязывает его поступать с ними, как отец с детьми, наставляя каждого в познании обязанностей внятно, просто, без строптивости, но терпеливо и кротко, не ослабляя однакож должного порядка, законами предписанного. Причем всеми мерами стараться возродить в них благородное поревнование к славе, непоколебимую верность к Государю и положить прочное основание любви к Отечеству, а службу представить почтенною, легкою и приятною".

В гренадерские и мушкетерские полки направляли рекрутов ростом не ниже 2 аршин 8 вершков; в егерские — не выше 2 аршин 4 вершков, молодых и проворных (причем половину некомплекта в егерских полках полагалось замещать мушкетерами из средней шеренги).

До 1808 г. рекруты приходили к полкам в крестьянской одежде, затем их стали снаряжать по подобию солдат. Рекруту полагались серые, "белые" или "смурые", сшитые из крестьянского сукна: кафтан "солдатского покроя" с обтяжными пуговицами, панталоны, галстук, ранец и фуражная шапка. Кроме того, новобранца снабжали рубахами, рукавицами, исподними портами, крестьянскими сапогами и портянками ("подвертками"). Строго следили, чтобы каждый принимаемый рекрут имел шубу или тулуп длиной не выше колена. В рекрутском депо, помимо перечисленных вещей, "от казны" выдавали летние панталоны, солдатские сапоги, рубаху, чулки; на время нахождения в депо рекрута снабжали шинелью с обтяжными пуговицами. С 1811 г. вместо шубы отдатчики должны были сшить рекруту кафтан, по покрою подобный шинели; а с 1813 г. — шинель серого, белого, смурого или даже черного сукна.

Армия постоянно пополнялась и сыновьями находящихся на службе или уже уволен-

ных солдат — военными кантонистами. Все дети мужского пола из солдатских семей с 7-летнего возраста забирались в учрежденные в царствование Императора Павла I военно-сиротские отделения при гарнизонах, где их учили строевой службе, грамоте, арифметике, "барабанщичьей науке" и игре на флейте. Родственники до 1808 г. по ходатайству могли оставлять сына и дома, но с обязательством обучить его всем упомянутым дисциплинам и в 18 лет выставить на службу в полк; впоследствии эта практика была признана неэффективной. Дети гвардейских солдат распределялись исключительно в Гвардию. В 1812 г. в армии числилось около 39 тысяч кантонистов, на службу из них было определено свыше 4 тысяч.

В 1810 г. военное руководство обратило внимание на недостаточно активное, по его мнению, использование гвардейских кантонистов, которых при пехотных полках и батальонах Гвардии и в Гвардейском сиротском отделении насчитывалось 1794 человека. В выпущенном "Положении о военных кантонистах, находящихся при гвардейских полках" [56] предлагалось несколько возможных "профессий" для подростков 11 — 18 лет. Прежде всего кантонисты должны были заменить ротных цирюльников: в каждую роту приписывали двух кантонистов — 14 и 12 лет. Рота теперь могла "быстрее бриться" на квартирах; в поход брали только старших по возрасту цирюльников. Ротные барабанщики и флейтчики также набирались из кантонистов не моложе 12 (флейтчики) и 14 (барабанщики) лет. Подобный опыт уже был наработан: в Лейб-Гвардии Семеновском полку возраст большей части ротных музыкантов не превышал 14—16 лет, при этом многие из них участвовали в походе 1807 г. В каждом полку с 1810 г. устраивалась школа на 30 кантонистов, обучавшихся по нотам игре на флейте и барабане. Лучшие ротные музыканты замещали освобождающиеся вакансии батальонных барабанщиков и полковых музыкантов; полкового барабанщика выбирали из батальонных. Другие школы при полках готовили ротных писарей; 36 кантонистов в 10—11 лет записывались в школу, а с 14 до 18 лет занимали должность писаря. Кроме того, кантонисты определялись в качестве цирюльников в госпитали и отдавались в учение различным ремеслам (сроком на 5 лет). В 18

лет все кантонисты, не показавшие выдающихся способностей в своих "профессиях", зачислялись в рядовые.

В марте 1811 г. были установлены новые правила комплектования нижними чинами гвардейских, гренадерских и кирасирских полков [39, ч.3]. Все эти отборные части должны были пополняться по возможности уже проверенными на службе людьми, а не рекрутами, обучение которых требовало времени, а моральные качества довольно долго оставались неясными. Практика комплектования отборных частей подоглавленными солдатами встречалась и раньше, но строгая система была установлена впервые. Для пополнения гвардейской пехоты все гренадерские, пехотные и егерские полки обязывались впредь ежегодно до 1 декабря направлять в столицу по 4 гренадера и по 2 стрелка, что в сумме давало 936 лучших солдат армии, "отличнейших поведением, ловкостью и знанием своего дела". Каждый из гренадерских полков получал пополнение из "приписанных" к нему двух дивизий; из каждого полка высылались по 6 гренадеров и 9 стрелков. Хуже всего приходилось полкам 19-й и 20-й дивизий: каждая из них комплектовала целый гренадерский полк (соответственно Херсонский и Грузинский); кроме того, чины указанных двух полков пополняли Лейб-Гренадерский полк (в 1-й и 2-й дивизиях, комплектовавших лейб-гренадеров, было 11, а не 12 полков), а открывающиеся в них вакансии заполняли опять-таки из 19-й и 20-й дивизий. Таким образом, каждый гренадерский полк ежегодно высылал от себя по 6 лучших солдат; пехотный или егерский полк — по 21 солдату; полки 19-й и 20-й дивизий — по 36 солдат.

Недостающее число людей в гренадерских полках разрешалось пополнять лучшими рекрутами.

На комплектование Лейб-Гренадерского полка были назначены 1-я и 2-я дивизии, Санкт-Петербургского гренадерского — 6-я и 21-я, Таврического — 3-я и 4-я, Екатерино-славского — 17-я и 25-я, Павловского — 11-я и 23-я, гренадерского графа Аракчеева — 5-я и 14-я, Киевского — 10-я и 26-я, Астраханского — 9-я и 22-я, Малороссийского — 7-я и 24-я, Сибирского — 15-я и 13-я, Фанагорийского — 12-я и 18-я, Московского — 8-я и 18-я, Грузинского — 20-я, Херсонского — 19-я.

Подготовкой офицеров занимался ряд военно-учебных заведений. К началу царствования Александра это были 1-й и 2-й Кадетские корпуса, Шкловский кадетский корпус, Императорский Военно-Сиротский дом. Пажеский корпус, состоящий в Придворном ведомстве, только в 1802 г. был причислен к числу вузов. Шкловский корпус в 1807 г. перевели в Смоленск и назвали соответственно Смоленским. В 1812 г. "для образования в военную службу детей финляндских уроженцев" учредили Га-апаньемский Топографический корпус.

С 1807 г. дворянам с 16 лет и студентам университетов разрешено было вместо поступления на правах унтер-офицеров в полки проходить курс первоначального обучения при 1-м и 2-м Кадетских корпусах, в так называемом "Волонтерном корпусе"; после постижения основ военной науки они получали первый офицерский чин, чаще всего в полках армейской пехоты. К 1809 г. желающих стало так много, что при 2-м корпусе учредили два дворянских батальона, объединенных в 1810 г. в Дворянский полк. В полку (а ранее в корпусе и батальонах) дворяне в течение краткого времени знакомились с "порядком службы", учились строевым приемам и стрельбе, получали ряд познаний об обязанностях офицера. До 1808 г. таким образом было подготовлено 289 офицеров; всего в период 1807—1815 гг. дворянские подразделения выпустили 30 офицеров в Гвардию, 3561 — в армейскую пехоту, 169 — в батальоны Внутренней Стражи. Только за время войны 1812 г. из Дворянского полка было произведено 17 выпусков, давших, среди прочих, 984 офицера армейской пехоты.

Уже в первые годы между кадетами двух корпусов и воспитанниками Дворянского полка сложились весьма своеобразные отношения, основанные на гордости за родное учебное заведение и на пренебрежительном взгляде на "чужих". Даже клички говорили сами за себя: кадетов 1-го корпуса называли "мясниками", 2-го корпуса — "деревяшками", воспитанников Дворянского полка — "тюками".

Выпускникам Дворянского полка с 1810 г. из Кабинета Его Величества отпускали по 50 рублей на первоначальное обмундирование (хотя на эти деньги можно было приобрести лишь некоторые предметы офицерской экипировки).

По воспоминаниям Н.А. Андреева, в полку в первое время служили и старые, и малые, нередко отцы вместе с сыновьями. Учились все, кто не знал русской грамоты и первых четырех правил арифметики. В 1811 г. вместе с добровольцами из полка Андреев был произведен в офицерский чин и направлен в формирующийся 50-й Егерский полк 27-й пехотной дивизии: "Царь нас поздравил и велел немедленно экипировать, что исполнено было с величайшей скоростью за казенный счет; но как? нитяные кутасы, шарф, темляк, эполеты медные и сукно кадетское, но и за то слава Богу и Царю!" [88, стр.178].

К военно-учебным заведениям, осуществлявшим подготовку офицеров из дворян, относился и образованный в 1810 г. Императорский Царскосельский лицей.

Правительство перед самой войной 1812 года сделало попытку существенно удешевить содержание постоянно растущей по численности армии. С этой целью была организована еще одна категория крестьян, прикрепленных к казенной земле, — так называемые военные поселяне, обеспечивающие размещаемые в их районах войска натуральными продуктами и "обязанные личной воинской повинностью".

Поселенные войска были достаточно обычны для России XVII—XVIII веков; военные поселения образовывались также из уволенных со службы солдат начиная с 30-х годов XVIII века. Окончательное становление регулярной армии повлекло за собой отказ от подобных полувоенных структур, неспособных поддерживать постоянную боеготовность.

Новое развитие идея создания военных поселений получила в начале XIX века при активном участии Аракчеева. Для первого "опыта" в 1810 г. был избран Елецкий мушкетерский полк. Лучшие нижние чины полка, желательно женатые, переводились в резервный батальон, переименованный в "поселенный" и занимавший очищенные от местных жителей территории в Климовичском уезде Могилевской губернии. Новоиспеченные крестьяне вселялись в оставленные хозяевами дома и снабжались всеми необ-

Гвардейская пехота, 1802—1803 гг.

Рядовой Лейб-Гвардии Измайловского полка, унтер-офицер Лейб-Гвардии Семеновского полка, рядовой Лейб-батальона Лейб-Гвардии Преображенского полка, рядовой прочих батальонов Лейб-Гвардии Преображенского полка, унтер-офицер Лейб-Гвардии Егерского батальона

Гвардейская пехота, 1802—1803 гг.
Обер-офицер Лейб-Гвардии Егерского батальона и штаб-офицер Лейб-Гвардии
Семеновского полка. Батальонный барабанщик Лейб-Гвардии Преображенского
полка, рядовой Лейб-Гвардии Егерского батальона, флейтщик Лейб-Гвардии
Преображенского полка.

ходимыми орудиями труда и скотом. Взамен прежнего резервного батальона из рекрутов Рославльского депо был сформирован новый 4-й батальон; в каждой его роте, помимо рекрутов, были 2 офицера, 6 вице-унтер-офицеров и 7 конвойных. Таким образом, 1, 3 и 4-й батальоны Елецкого полка разместились постоем в домах 2-го батальона. Срочно приступили к постройке ротных поселков по планам, разработанным самим Аракчеевым. В 1812 г. весь полк вошел в состав действующей армии, а хозяйства, оставленные без присмотра, были разграблены крестьянами. Однако для организаторов поселения этот случай не стал доводом против затеянного дела. После войны поселение вновь было восстановлено; кроме того, в этом же уезде расселили Полоцкий пехотный полк.

По замыслу Аракчеева, звание "военного поселянина" следовало рассматривать как особо почетное: "военный поселянин есть хозяин дома и земли, который должен быть непременно женатый и хорошего поведения". Хозяева, оказавшиеся "дурными и нерадивыми", отлучались от собственности и высылались в "дальние гарнизоны" [61].

Поселянин отвечал перед начальством за выданные ему от "казны" движимое и недвижимое имущество и скот. На постой в каждое хозяйство назначались два человека из действующих батальонов, которые обязывались помогать хозяину в "домашних и земледельческих работах" и сдавать ему весь получаемый провиант (после этого хозяин кормил постояльцев своей пищей).

На полагающемся каждому огороде рекомендовалось сеять овощи и коноплю. Из выращенного зерна после отделения посевного фонда половина сдавалась в ротный "мага-зейн", а другой половиной хозяин мог распоряжаться по своему усмотрению. Во избежание беспорядков при реализации зерна запрещалось продавать его своим унтер-офицерам и офицерам ("чтобы каждый хозяин мог все оное без всякого подбострастия продавать по вольной цене постороннему или казне" [61, стр.3]). В качестве заемного капитала использовалась "ротная сумма", пополняемая вычетами по одному рублю "в треть" (то есть раз в четыре месяца) из жалованья хозяев и доходами от оборота вина, продаваемого в роте. Из заемного капитала выдавались ссуды на покупку лошадей и иного скота и на за-

мещение убытков. Поселянам в свободное время разрешалось брать подряды на ремесленные работы в роте, что позволяло не заводить особых "сапожников, колесников и кузнецов". С ноября по март, когда земледельческие работы не производились, ротные швальни "строили" двух- и трехгодичные мундирные вещи. В летнее же время никаких иных работ, кроме земледелия, не допускалось; единственной обязанностью хозяев было содержание караулов и участие в учениях.

На единовременные при организации поселения выплаты содержался лазарет, которым могли пользоваться жены и дети солдат; в дальнейшем на лазарет шли доходы от мельниц и выплаты на лекарьства для батальона.

Важнейшим средством для "приохочивания" поселян к новой жизни считалась передача хозяйства по наследству сыну или зятю хозяина. Дети поселян оставались при родителях; до 12 лет их обучали избранные при ротах унтер-офицеры, а потом — нанятые учителя или офицеры при батальоне. Холостым хозяевам разрешалось жениться на "девицах и вдовах казенных имений", причем бедным специально для свадьбы выдавалось немалое пособие — от 10 до 15 рублей.

Военные учения поселян проводились по специальному графику: шесть недель с 1 марта их учили обращению с ружьем, маршировке, стрельбе поодиночке; с 16 сентября по 16 октября — в составе роты или батальона; в прочее летнее время в одно из воскресений месяца проводились учения одной из рот; зимой подобные занятия допускались только тогда, когда позволяла погода. С 16 сентября по 1 октября устраивался "лагерь", который круглогодично содержался в порядке; с 1 по 16 октября батальон выходил на "кантонир-квартиры", располагаясь в поселении какой-либо роты. В течение этого времени учения проводились в будние дни; в пятницу вечером поселенцы распускались по домам, а в лагере до воскресного вечера оставались лишь караулы. На квартирах и в лагере поселяне довольствовались своей собственной пищей.

Все офицеры и унтер-офицеры роты обязаны были регулярно и часто обходить поселения, наблюдая за порядком и чистотой в домах и дворах. Для содержания улиц и дворов в сухости и чистоте разрешалось копать "осушительные каналы" и строить мосты. Дрова и разные хозяйственные принадлеж-

ности должны были складываться позади домов; солома и сено — в специальных сараях. Раз в неделю хозяин чистил трубу и печь в своей избе; для тушения возникающих пожаров существовало особое расписание всех чинов, с назначением каждому подручных средств. Дороги в районе военного поселения распределялись участками по ротам и постоянно содержались в порядке. Весной на дорогу в нужных местах укладывали фашинник, прибиваемый к земле деревянными гвоздями, и засыпали сверху землей, а потом песком. По возможности все дороги обсаживались деревьями, причем предпочтение отдавалось березам, осинам и рябинам.

Из собственной прибыли поселянин должен был "строить" себе рабочую одежду. В холодное время это были суконные (любого цвета) камзол с рукавами и шаровары, в теплое — те же вещи из холста; зимой позволялось носить тулупы и полушубки. Лапти разрешалось надевать лишь зимой и во время крестьянских работ, но и для этих случаев начальство рекомендовало "заводить рабочие сапоги".

Неспособные к фронтовой службе поселяне переводились в инвалидную роту при поселенном батальоне; если у хозяина были наследники, то он доживал в собственном доме, пользуясь уважением домашних и получая инвалидное жалованье. Все поселяне вместе с офицерами должны были посещать церковь в назначенные дни. Перед службой офицеры зачитывали собравшимся воинские артикулы и положения о военных поселениях.

Уже 29 марта 1801 г., через 17 дней после восшествия на престол, Александр I вернул полкам прежние (екатерининского времени) названия по наименованиям городов и земель Империи. 12 гренадерских, 69 мушкетерских и 19 егерских полков армейской полевой пехоты были распределены по 14 инспекциям: Финляндская, Санкт-Петербургская, Лифляндская, Литовская, Брестская, Украинская, Днестровская, Крымская, Кавказская, Смоленская, Киевская, Московская, Оренбургская, Сибирская.

30 апреля 1802 г. были введены новые штаты, согласно которым гренадерские полки

состояли из одного гренадерского и двух фузилерных батальонов, мушкетерские — из одного гренадерского и двух мушкетерских, егерские — из трех егерских. В каждом батальоне насчитывалось четыре роты. В Лейб-Гренадерском полку все три батальона считались гренадерскими.

С 1802 по 1806 г. было учреждено несколько новых полков — 15 мушкетерских и 3 егерских. В 1806 г. из полков 11 инспекций (за исключением Кавказской, Оренбургской и Сибирской) составили 13 дивизий. В этом же году армия увеличилась еще на 11 мушкетерских и 10 егерских полков, в связи с чем были образованы новые дивизии — 14, 15, 16, 17 и 18-я. К 15-й дивизии причислили и не вошедшие ранее в состав дивизий полки — Козловский, Витебский, Колыванский, Куринский мушкетерские и 13-й, 14-й Егерские. Интересно, что в 1806 г. ряд дивизий впервые получил организацию, которая в дальнейшем стала всеобщей: 5, 14, 15, 16, 17 и 18-я дивизии включали в свой состав 4 мушкетерских и 2 егерских полка. В 1806 г. все егерские полки по численности были уравнены с мушкетерскими (по штатам военного времени). В феврале 1807 г. была упразднена Кавказская инспекция, полки которой поступили на создание 19-й и 20-й дивизий. В июне гвардейские полки причислили к 1-й дивизии, а из прежде состоявших в ней полков (с добавлением одного полка из 16-й дивизии) сформировали 21-ю дивизию. Одновременно из полков разных дивизий была сформирована 22-я дивизия. Наконец, в феврале 1808 г. последние оставшиеся инспекции были преобразованы в дивизии: Оренбургская — в 23-ю, Сибирская — в 24-ю. В августе 1808 г. из трех сводных гарнизонных батальонов, отличившихся при защите г. Данцига, сформировали новый мушкетерский полк — Белостокский. 30 августа Ростовский мушкетерский полк получил довольно оригинальное отличие: ему присвоили название по имени шефа — "мушкетерский графа Аракчеева" (с 27 января 1811 г. — гренадерский графа Аракчеева) полк.

В апреле 1809 г. полки ряда дивизий были "перетасованы", а в сентябре, после причисления Лейб-Гренадерского и Кексгольм-ского мушкетерского полков к 1-й (гвардейской) дивизии, вышло новое расписание дивизий — от 2-й до 25-й. В 13-й и 20-й ди-

визиях было по четыре бригады (бригада — два полка), в 25-й — две бригады, в 23-й и 24-й — по одной бригаде, в остальных — по три бригады. Бригады зачастую составлялись из различных полков: из гренадерского и мушкетерского, из мушкетерского и егерского. При этом ни в одной из дивизий в бригаду не сводились два гренадерских или гренадерский и егерский полки.

Принципиальные изменения в структуре пехоты последовали в 1810 г. Несомненно, они были навеяны примером ставшего привычным противника — наполеоновской Франции. 12 октября три батальона полка получили единообразную организацию: каждый батальон теперь состоял из одной гренадерской роты и трех рот, называемых во Франции "центральными" (в гренадерских полках это были фузилерные роты, в мушкетерских — мушкетерские, в егерских — егерские). В строю батальона взводы гренадерской роты — гренадерский и стрелковый — вставали на флангах, три остальные роты размещались между ними. Первый и третий батальоны считались действующими, а второй — запасным (в поход выступала только его гренадерская рота, а три остальные, выслав людей на доукомплектование действующих батальонов, оставались на квартирах). Гренадерские роты вторых батальонов при соединении полков в дивизию составляли два сводных гренадерских батальона (по 3 роты), при соединении в корпус — сводную гренадерскую бригаду (4 сводных батальона), при соединении в армию — сводную гренадерскую дивизию. Во всех случаях сводные гренaдеры образовывали резерв дивизии, корпуса или армии.

Пехотные корпуса были учреждены в октябре 1810 г. В 1-й корпус входили 5-я и 14-я дивизии; во 2-й — 16, 17 и 21-я; в 3-й — 2, 3 и 4-я; в 4-й — 7-я, 25-я дивизии и вторые батальоны полков 9, 10 и 18-й дивизий; в 6-й — 19-я и 20-я дивизии. Тогда же для упорядочения состава всех дивизий (предполагалось в каждой дивизии иметь по два егерских полка) четырнадцать мушкетерских полков были переименованы в егерские с номерами от 33-го до 46-го.

В ноябре 1810 г. 25-я дивизия была переименована в 24-ю, а полки прежней 24-й и 23-й первоначально остались вне расписания дивизий; только через три месяца, в феврале

1811 г., они вновь были сведены в 23-ю дивизию.

1810 г., кроме всего прочего, "ознаменовался" появлением военных поселений: 2-й батальон Елецкого мушкетерского полка, расположившийся в Могилевской губернии, получил название поселенного батальона.

В январе 1811 г. из целого ряда гарнизонных полков и батальонов было сформировано 11 пехотных и 3 егерских (47, 48 и 49-й) полка. В связи с этим произошел ряд изменений в составе дивизий: в 1-й дивизии после отсоединения от нее гвардейских полков состояло 5 гренадерских и мушкетерский графа Аракчеева полк; вновь были сформированы 25-я (из 1, 2 и 3-го Морских полков, входящих в Морское ведомство, Воронежского пехотного, 31-го и 47-го Егерских) и 26-я дивизия; изменения коснулись 2, 3, 6, 7, 14, 17, 21 и 24-й дивизий.

Мушкетерские полки в 1811 г. были переименованы в пехотные; при этом их роты (за исключением гренадерских) сохранили название мушкетерских.

В феврале 1811 г. Кавказский гренадерский полк был назван Грузинским гренадерским; в марте 49-й Егерский стал Софийским пехотным. 27 марта 2-я дивизия подобно 1-й получила статус гренадерской — в ее состав вошли Киевский, Астраханский, Московский, Фанагорийский, Сибирский, Малороссийский гренадерские полки. Прежняя 2-я дивизия была переименована в 11-ю, вновь последовал "обмен полками" между дивизиями. 7 июля 19-я и 20-я дивизии, размещенные на Кавказе, были объединены в Грузинский корпус. 6 ноября для создания 27-й дивизии началось формирование новых пехотных и егерских полков. В этом же году было утверждено очередное расписание дивизий (№№ 1—27) и бригад (полки 19-й и 20-й дивизий не имели постоянного бригадного разделения). По этому расписанию две гренадерские дивизии состояли из трех гренадерских бригад каждая, пехотные дивизии — из двух пехотных и одной егерской бригады (пехотные — первая и вторая бригады, егерская — третья). В 6-й дивизии вторая и третья бригады включали в себя по одному пехотному и одному егерскому полку. В 25-й дивизии в первой бригаде числились 1-й и 2-й Морские полки, во второй — 3-й Морской и Воронежский пехотный. 23-я дивизия состояла только из двух

бригад, во второй были сведены пехотный и егерский полки. Помимо полевых полков в две дивизии — 28-ю и 29-ю — были объединены гарнизоны Оренбургского края и Сибири.

В ноябре рекрутские депо получили батальонную организацию; к каждому пехотному или егерскому полку приписали трехротный батальон из рекрутского депо, названный четвертым (резервным, рекрутским) батальоном полка. Резервных батальонов теперь не имели лишь гренадерские полки, пополняемые лучшими людьми армии.

Уже в марте 1812 г. запасные (без гренадерских рот) и резервные батальоны были формально объединены в 18 пехотных дивизий (№№ 30 — 47). В дивизии не вошли запасные батальоны Лейб-Гренадерского, гренадерского графа Аракчеева, Кексгольмского пехотного полков (все три полка, состоявшие при Гвардии, не отделяли вторых батальонов); запасной и резервный батальоны Елецкого полка; запасные батальоны 19-й и 20-й дивизий (резервные батальоны этих дивизий были упразднены довольно скоро).

Тогда же вступило в силу расписание гренадерских рот вторых батальонов полков. По расписанию при каждой из 27 дивизий (№№ 1 - 27) состояло по два сводно-гренадерских батальона. В 1-й дивизии первый батальон состоял из рот Екатеринославского, Санкт-Петербургского и Павловского гренадерских полков, второй — из рот гренадерского графа Аракчеева и Кексгольмского пехотного полков; во 2-й дивизии каждый из двух батальонов состоял из трех гренадерских рот гренадерских полков; в 11-й дивизии — из роты пехотного и роты егерского полков; во всех остальных дивизиях — из двух рот пехотных полков и из роты егерского полка. Сводные батальоны не формировались в приграничных (6, 19, 20, 21, 25-я) и в воевавших с Турцией (8, 10, 13, 16, 22-я) дивизиях.

19 марта 1812 г. дивизии были распределены по вновь организуемым армиям: в 1-ю Западную армию поступили 1, 3, 4, 5, 7, 11, 14, 17, 23 и 24-я дивизии; во 2-ю Западную — 2, 12, 26, 27-я. В мае не вошедшие в расписание 9, 15 и 18-я дивизии поступили в состав 3-й Резервной Обсервационной армии. Эта новая армия уже в сентябре была объединена с Дунайской (8, 10, 13, 16, 22-я дивизии) в 3-ю Западную армию. В сентябре же 1-я и 2-я За-

падные армии объединились и составили Главную армию.

Расписание пехотных корпусов в это время было нестабильным, в большинстве из них числилось по две дивизии (иногда с дополнением из сводных или запасных батальонов).

В 1812 г. предвидимая, а потом ставшая реальной война заставила искать новые пути для усиления армии. В частности, из рекрутов с мая начали формировать особые номерные пехотные и егерские полки. К октябрю насчитывалось 14 пехотных и 4 егерских номерных полка, которые поступили на пополнение войск Главной армии.

Кроме того, в 1813—1815 гг. были сформированы полки: Бородинский и Тарутинский пехотные; Красинский, Ростовский, Измайловский, Бендерский пехотные (с 4 ноября 1813 г. - 54, 55, 56, 57-й Егерские); 51, 52 и 53-й Егерские. В марте 1813 г. к Сухопутному ведомству причислили четыре морских полка (№№ 1 — 4) и Каспийский Морской батальон. Из новых полков сформировали 28-ю пехотную дивизию.

Новым знаком отличия для армии стало образование в апреле 1814 г. Гренадерского корпуса, состоявшего из трех гренадерских дивизий. В каждую из дивизий по образцу пехотной входило четыре полка тяжелой пехоты и по два — легкой. Легкую пехоту в корпусе представляли 1, 3, 8, 14, 26 и 29-й Егерские полки, названные за отличия гренадерскими егерскими. К первой дивизии наряду со "старыми" гренадерскими полками были причислены и два новых, названных в апреле 1813 г. гренадерскими за отличия в войне 1812 г., — Кексгольмский и Перновский. Они заменили в ряду отборных полков переведенные в Гвардию Лейб-Гренадерский и Павловский полки.

Организация Гренадерского корпуса отразилась и на пехотных дивизиях: последовал ряд перемещений полков, полки 28-й дивизии поступили на укомплектование прочих дивизий, а прежняя 3-я пехотная дивизия была названа 28-й. Вся пехота армии в результате всех этих изменений оказалась разделена на Гренадерский и восемь пехотных корпусов (№№ 1—8). В октябре вновь были учреждены 1-я и 2-я армии: 1-я — из Гренадерского, 1, 2, 3, 4, 5 и 6-го пехотных корпусов; 2-я — из 7-го и 8-го пехотных. В состав армий не вошли 1-я гренадерская дивизия, состоящая

1802-1803 гг.

Рядовой 4-го Егерского полка, рядовой Рязского мушкетерского полка, обер-офицер 6-го Егерского полка, обер-офицер Муромского мушкетерского полка, рядовой 1-го Егерского полка (1803-1807 гг.)

1802-1807 гг. Гренадер Селенгинского мушкетерского полка (1802-1805 гг.),
ротный барабанщик Тобольского мушкетерского полка, рядовой Невскою
мушкетерского полка, нестроевой Углицкого мушкетерскою полка, унтер-офицер
Тенгинского мушкетерского полка

при Гвардии (в этой дивизии Кексгольмский полк был назван гренадерским Его Величества Императора Австрийского, Санкт-Петербургский — гренадерским Его Величества Короля Прусского); 9-я и 12-я дивизии, вошедшие в состав особого корпуса во Франции; 21-я дивизия в Финляндии; 19-я и 20-я дивизии Грузинского корпуса.

В дальнейшем, вплоть до 1817 г., последовал ряд переименований и перемещений: гренадерские егерские полки были переименованы в карабинерные (№№ 1—6), Тар-ноиольский полк получил название Житомирского, Грузинский корпус стал именоваться Отдельным Грузинским. Войска, расположенные в Финляндии, были объединены в Особый Финляндский корпус. Почетного звания 7-го Карабинерного удостоился 17-й Егерский полк за отличия в войнах на Кавказе; вместе с этим 46-й Егерский полк был назван 17-м, а 57-й — 46-м Егерским.

Гвардейским полкам прежние названия вернули еще раньше, чем армейским, 14 марта 1801 г. По изданным в декабре 1802 г. штатам в Преображенском полку числилось четыре батальона, в Семеновском и Измайловском — по три. Каждый батальон, включая и Лейб-Гвардии Егерский, состоял из четырех рот.

В мае 1806 г. Егерский батальон был развернут в двухбатальонный Лейб-Гвардии Егерский полк. 22 января 1808 г. к Гвардии причислили сформированный еще в 1806 г. батальон Императорской милиции (гренадерская и четыре егерских роты) вместе с его артиллерийской командой (причисленной к Лейб-Гвардии Артиллерийскому батальону); в апреле того же года батальон получил название "батальона Финляндской Гвардии", или Лейб-Гвардии Финляндского батальона. 19 октября 1811 г. последовало повеление о переформировании батальона в трехбата-льонный Лейб-Гвардии Финляндский полк со статусом (с 11 ноября) полка легкой пехоты.

Полки гвардейской пехоты получили единообразную с армией организацию в марте 1811 г.; одна рота в батальоне называлась гренадерской, другие — фузилерными или егерскими; батальоны получили названия по номерам.

7 ноября 1811 г. на формирование нового гвардейского (Лейб-Гвардии Литовского) трехбатальонного полка поступил батальон

преображенцев, после чего Преображенский полк остался в трехбатальонном составе. Последним перед войной 1812 г. к гвардейской пехоте был причислен Гвардейский (Морской) экипаж в составе четырех рот и артиллерийской команды (с 1815 г. — 8 рот, артиллерийская команда и Гвардейская Ластовая рота). В апреле 1813 г. Гвардия была умножена двумя новыми полками — Лейб-Гвардии Гренадерским и Лейб-Гвардии Павловским, получившими старшинство в один чин "против армейских полков" и названными Новой (Молодой) Гвардией в отличие от прочих гвардейских частей и подразделений ("Старой Гвардии").

Организационно с 1807 г. гвардейские полки вошли в состав 1-й дивизии. В ноябре 1811 г. была организована отдельная Гвардейская дивизия, в которой первую бригаду составляли Преображенский и Семеновский полки, вторую — Измайловский и Литовский, третью — Егерский и Финляндский полки и (с марта 1812 г.) Гвардейский экипаж. В мае 1813 г. гвардейская пехота была разделена на две дивизии. 1-я бригада 1-й дивизии состояла из Преображенского и Семеновского полков, 2-я бригада — из Измайловского и Егерского полков и Гвардейского экипажа. 1-я бригада 2-й дивизии включала Литовский и Гренадерский полки, 2-я — Павловский и Финляндский полки и Саперный батальон.

В Гвардии продолжал числиться Лейб-Гвардии Гарнизонный батальон из трех, а с 1 сентября 1809 г. из четырех рот.

Военное ведомство в царствование Александра I впервые обратило внимание на подготовку унтер-офицерских кадров из недворян для армии. Первым учебным подразделением в пехоте стал Учебный Гренадерский батальон, сформированный 12 июня 1808 г. в составе четырех гренадерских и двух "неранжи-рованных" (Музыкантской и Барабанной) рот. Через год был образован второй учебный батальон из четырех рот (при этом батальоны были названы 1-м и 2-м Учебными Гренадерскими), а в 1811 г. — 3-й Учебный Гренадерский батальон.

Гарнизонные полки и батальоны позднее других (только 3 июля 1801 г.) получили названия "по местам расположения" и были распределены по 11 инспекциям. С 1806 г. гарнизоны причислялись к вновь устроенным дивизиям. Гарнизонные батальоны с 30 апре-

ля 1802 г. состояли из четырех строевых (мушкетерских) рот; в состоящих на внутреннем положении батальонах, помимо них, числилась инвалидная рота. Гарнизонные полки включали в себя два, три или четыре батальона.

Подготовка к войне с Наполеоном в 1811 г. серьезно затронула и гарнизоны, из которых 52 батальона были направлены на формирование 13 армейских полков (по 3 роты из лучших людей батальона) и на создание новых гарнизонных подразделений: трех батальонов и 40 двухротных полубатальонов в губернских городах. С этого же года полубатальоны по возможности стали приводить в трехротный состав и называть батальонами; при этом и некоторые четырехротные батальоны приводились в трехротный состав. 14 марта 1811 г. было утверждено новое расписание гарнизонов Внутренней Стражи, согласно которому полки, батальоны и полубатальоны объединялись в бригады и в 8 округов; в состав округов не входили гарнизоны Аренс-бурга, Архангельска, Астрахани, Москвы, Сибири, Кавказской и Оренбургской линий. Гарнизоны Оренбургского края уже в ноябре 1811 г. были объединены в 28-ю (с 1813 г. — 29-я) пехотную дивизию, а Сибирские гарнизоны — в 29-ю (с 1813 г. — 30-я) дивизию.

Склонный к строгой регламентации всех сторон военного быта, Император не мог смириться с тем, что воинские команды и отдельные нижние чины, по какой-либо надобности прибывающие в столицу, находились в ней без соответствующего контроля и надзора. Таковых действительно было немало: в Санкт-Петербург регулярно высылали команды от дивизий, полков и батальонов (в том числе и гарнизонных) для ознакомления со всеми новшествами в обмундировании, экипировке и строевой службе, для получения тех или иных вещей или денежной казны; множество выздоравливающих нижних чинов, выпущенных из госпиталей, ожидали отправки к полкам. Поэтому в августе 1809 г. был учрежден Сводный Мушкетерский батальон из четырех рот. Командиром батальона назначался старший штаб-офицер, находящийся в городе в командировке, ротными офицерами — командированные обер-офицеры; к каждой роте из Учебного Гренадерского батальона причисляли по два унтер-офицера (из рядовых) на должности фельдфебеля и каптенар-

муса; назначенный чиновник осуществлял функции казначея и квартирмейстера батальона. При построении батальона в первый дивизион помещались все гренадеры, в последний — все егеря. В зависимости от числа людей батальон рассчитывался на 4, 6 или 8 взводов.

* *

Тактика линейной пехоты в первое десятилетие века не претерпела значительных изменений. Изданное в 1807—1810 гг. руководство для офицеров под названием "Общий опыт тактики" подтверждало, что основным строем пехоты оставался развернутый трехшереножный; это обосновывалось целым рядом доводов. Развернутый строй был самым простым и не затруднял различные эволюции и маневры. Кроме того, по существовавшему мнению наиболее удобным способом ведения боя пехоты была оборона, которая позволяла полностью реализовать возможности огнестрельного оружия ("оборона есть положение первоначальное, атака же может быть только случайная").

В 1808 г. в "Наставлении на случай боевых действий и движения турок" говорилось: "По-всемирно употреблять штыки надобно только в нужных случаях; ибо сей род сражения не может служить доказательством храбрости чиновников; напротив того, обнаруживает, что они... не имеют твердости выдерживать неприятельский огонь. Коль же скоро расстроить войска боем в штыки, который есть не что иное, как кулачный бой, потеряется вся столь нужная и необходимая в войсках регулярность, механика, посредством которой предводитель действует всюю машиною войск" [50]. Целесообразность построения в три шеренги доказывалась следующими соображениями: при такой глубине строя все три шеренги могли вести огонь или штыковой бой одновременно; неприятельским выстрелам подвергались "только люди, которые сами все могли действовать и взаимно отвечать своим огнем". До 1806 г., например, Цесаревич Константин Павлович обучал стрелять полки своей инспекции таким образом: люди в первой шеренге держали ружья "на португее", во второй — "приклад под мышкою", в третьей — упирая в плечо

[49, ч.3]. Три солдата, стоявшие друг за другом в трехшереножном строю, назывались "рядом". В сражении задние шеренги приступали "по конец тесаков" передних, во всех других случаях поддерживали дистанцию в два шага. Большая часть офицеров и унтер-офицеров размещались за фронтом, чтобы иметь возможность "принуждать солдат идти вперед" или удерживать от бегства. Батальон для эволюции и стрельбы делился на четыре дивизиона и на восемь взводов, нумеруемых справа налево.

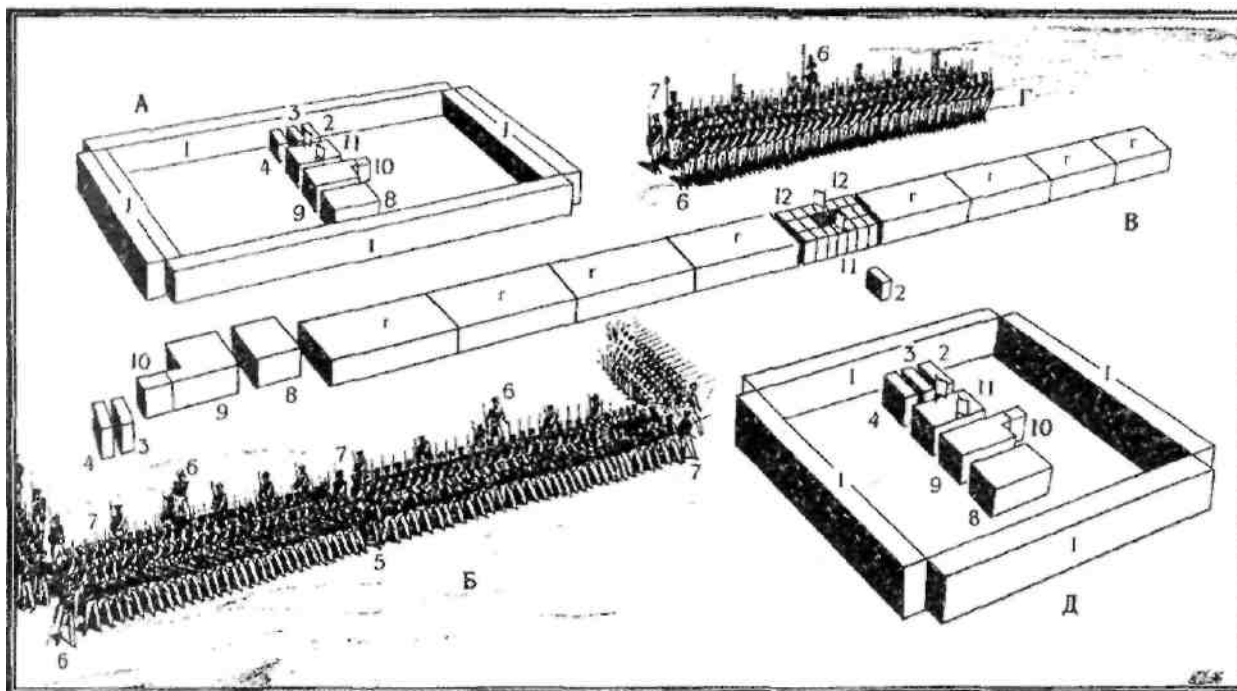
Все передвижения войск в сражениях или на маневрах осуществлялись шагом, ширина которого устанавливалась в пределах от 2/3 до 3/4 аршина. При марше батальона вперед выходил один знаменосец, задающий направление и темп движения; рядом с ним шли офицер и два фельдфебеля. В восьми шагах за первым шел второй знаменосец со знаменными рядами; по ним равнялись фланги батальона. Несколько батальонов, марширующих в одну линию, равнялись по среднему.

При стрельбе первой шеренге строго запрещалось опускаться на колено, "ибо нет ничего смешнее и неприличнее сего коленопреклонения" (это запрещение появилось уже в апреле 1801 г.). Правда, в некоторых случаях частные командиры отступали от этого правила: в 1810 г. в полках Мало-Валахского отряда, действовавшего против турок, в каре людям первой шеренги велено было вставать на колено и стрелять только в самых крайних случаях [48]. Прицеливаться полагалось в колени человека или ниже на дистанции 150 — 200 шагов, в полчеловека — на 300 шагов, в "шляпы" — на 400 шагов. Позднее эти контрольные расстояния изменились (например, дистанцию прямого выстрела вместо 300 шагов определили в 150 — 200 шагов); причиной стало не изменение характеристик оружия, а увеличение Ширины шага до аршина. Стрелять разрешалось только с места. Виды стрельбы были следующие: пальба плутонгами или дивизионами (для отражения слабых атак "нерегулярных войск"), пальба пошереножно и залпы (против кавалерии и при отражении "атак противника с холодным оружием на засеку или пост"), батальный огонь. Последний признавался наиболее предпочтительным: солдаты в батальоне стреляли самостоятельно, без команды.

Всеми очевидцами отмечалось практически полное отсутствие в русской пехоте первого десятилетия века навыков цельной стрельбы. Только в 1809—1810 гг. появились многочисленные наставления для обучения солдат этому столь нужному в боевых условиях искусству. Начальники стали руководствоваться идеей, удачно выраженной П.П. Коновни-цыным: "Стрелок должен быть уверен, что сколько у него пуль в суме, столько он несет смертей неприятелям".

Из эволюции в "Общем опыте тактики" описывались захождения, построения колонн, построения фронта, перемены фронта, построение каре и ряд совместных маневров нескольких батальонов. Эти правила мало отличались от позднейших, описанных в уставах 1816—1820 гг. и изложенных во второй главе книги. Поэтому мы не будем слишком подробно останавливаться на описаниях маневров, а отметим лишь ряд интересных моментов. Построение взводной колонны, перпендикулярной первоначальному фронту, называлось "ломанием колонны"; остальные способы именовались "свертыванием в колонну". Колонны могли быть взводными и дивизионными. Для атаки строили дивизионную колонну из середины (в первой линии оказывались 4-й и 5-й взводы), так как из подобной колонны быстрее всего можно было построить развернутый фронт. По одному офицеру вставляли перед каждым дивизионом, остальные размещались на флангах. Основной функцией колонн считались атаки на полевые укрепления. Егеря или стрелки линейной пехоты преследовали противника или прикрывали перестроения батальонов. При построении каре в углах ставились стрелки, егеря и легкие орудия, приданные полку. Фас каре рассчитывался на 4 дивизиона: одновременно стреляли 1-й и 3-й, а потом 2-й и 4-й дивизионы. Для противодействия отдельным всадникам вперед из каре высылались стрелки, фасы при этом не стреляли. Так как обычное каре "с трудом могло устоять против регулярной кавалерии", то в ряде случаев строили "каре против кавалерии" с фаса́ми глубиной не в три, а в шесть шеренг (в документе описывалось подобное каре трехбатальонного полка).

Построение в каре было довольно сложной эволюцией, слабо обученные войска не всегда могли достаточно быстро провести его.

Тактика

Батальонное каре против кавалерии (А), построение роты (в каре) (Б), развернутый строй батальона (В). Командир батальона (1) в шестнадцати шагах от первой шеренги. В боевом положении музыканты (8) располагаются за первым взводом, барабанщики (9) и флейтчики (10) - за знаменной группой (11), майор (3) и адъютант (4) впереди барабанщиков. Построение взвода в развернутом строе батальона (Г), батальонное каре по четвертому и пятому взводам (Д). Роты в батальонных каре (1), командир батальона (2), майор (3), адъютант (4), капитан (штабс-капитан) (5), обер-офицеры (6), унтер-офицеры (7), музыканты (8), барабанщики (9), флейтчики (10), знаменная группа (11), знаменные

ряды (12)

Участник сражения при городе Красном в июле 1812 г., где новосформированная 27-я пехотная дивизия отражала атаки кавалерии Мюрата, таким образом описал действия пехотных батальонов: "Разбежавшиеся из города егеря... по полю рассыпанные, стали сбегаться к колоннам пехоты, а те также соединились в одну массу. Я... повернул моего коня обратно к нашей куче пехоты (тогда точно можно было назвать кучею сию команду; ибо, сбегаясь в одно место, никто не думал устроить порядок, колонну или каре)... Наша толпа похожа была на стадо овец, которое всегда сжимается в кучу, и при нападении неприятеля, с которой ни есть стороны, батальным огнем отстреливалась и штыками не допускала до себя" [88, стр.184]. Но и в таком невыгодном положении русские пехотинцы смогли отбить все атаки врага. Еще успешнее действовали батальоны полков

Лейб-Гвардии Измайловского и Литовского в сражении при Бородине, отражая атаки французской тяжелой кавалерии. Командир батальона В.И. Тимофеев, например, приказал своим солдатам не стрелять, а лишь "махать штыками" (лошади боялись сверкающего металла) и "колоть в морду тех лошадей, которых кирасиры принудили бы приблизиться к фронту". Расчет офицера полностью оправдался: французы замешкались перед каре, а потом стали строить колонну для атаки. Гвардейцы не стали ждать противника. "Я, — вспоминал потом Тимофеев, — скомандовав "ура", бросился с батальоном в штыки. Передние кирасиры... были жертвою наших штыков, опрокинулись на свою колонну, смешали еще более оную и обратились все в бегство. Тогда я приказал открыть по ним батальный огонь, и тем было довершено поражение" [89, стр.179-180]. В Бородинском

1805-1807 гг. Батальонный барабанщик Бутырского мушкетерского полка (вне строя), унтер-офицер Киевского гренадерского полка, рядовой Санкт-Петербургского гренадерского полка, рядовые Фанагорийского гренадерского и Архангелогородского мушкетерского полков.

1805-1807 гг.

Обер-офицеры Лейб-Гренадерского полка, нестроевой унтер-офицер Азовского
мушкетерского полка, лекарь, аудитор

сражении это был не единственный пример, когда каре не ограничивались пассивной обороной: в завершающей стадии боя Перновский полк в батальонных каре атаковал французскую кавалерию и обратил ее в бегство, причем идущие в первой шеренге солдаты метали вдогонку всадникам ружья со штыками [107].

В изданном в октябре 1810 г. рескрипте Императора признавалась необходимость реорганизации пехотных полков, обоснованная следующим образом: "Ныне в полках линейной пехоты гренaдеры составляют треть всего полка. От сего происходит, что вместо выбора людей, отличных добрым поведением, трудолюбием и храбростью, представляют в гренaдеры некоторое число обыкновенных солдат, ростом и одеждою токмо различных. Положение сие не соответствует назначению гренaдеров, и потому считаю нужным постановить, чтобы они составляли отныне одну осьмую часть всего полка... Опыт доказал, что употребление третьей шеренги в стрелки не соответствует равным образом их назначению; а так как при каждом полку необходимо нужно иметь стрелков, то и назначить к сему служению осьмую же часть полка... В гренaдеры и стрелки выбираются люди, не взирая на рост. Отлично доброе поведение, постоянство и терпение в трудах, мужество и храбрость в опасности суть единыя права к сему выбору... Малейший проступок, не разумея под сим ошибок в учении и тому по-г добных, ..но во всем, что существенно относится к доброму поведению и чести отличного солдата, лишает гренaдера и стрелка его звания..." [100, стр.13—15]. Те же правила распространялись и на егерские полки. В соответствии с этим каждый из трех батальонов полка получал единообразную организацию из четырех рот: в гренaдерских полках сами батальоны и по 3 роты в батальоне назывались фузилерными, в мушкетерских — мушкетерскими, в егерских — егерскими; во всех батальонах одна рота была гренaдерской и включала в себя гренaдерский и стрелковый взводы.

Гренaдерские и прочие роты нумеровались параллельно. В первый батальон гренaдерского полка, например, входили 1-я гренaдерская, 1, 2 и 3-я фузилерные роты; в третий — 3-я гренaдерская, 7, 8 и 9-я фузилерные.

В батальонном строю гренaдерский взвод занимал правый фланг, стрелковый — левый, между ними вставали остальные взводы, по порядку номеров рот (справа налево).

Все взводы батальона нумеровались справа налево: гренaдерский взвод поэтому считался 1-м, стрелковый — 8-м. Между 4-м и 5-м взводами вставала знаменная группа из 6 унтер-офицеров (2 подпрапорщика со знаменами в первой и третьей шеренге и 4 унтер-офицера по бокам от них) и знаменные ряды (по два полных ряда из рядовых с каждой стороны от знаменной группы).

Егерские батальоны строились таким же образом, но знамен им не полагалось, и в знаменную группу входили просто 6 унтер-офицеров.

Шесть вторых гренaдерских рот вторых батальонов полков дивизии сводились в два батальона по три роты в каждом: к первому батальону причислялись роты 1-го и 2-го пехотных полков дивизии и 1-го егерского полка, ко второму — роты 3-го и 4-го пехотных и 2-го егерского. Батальон строился подобно обычному 4-ротному. Справа налево размещались взводы: гренaдерский егерского полка, два гренaдерских 1-го и 2-го пехотных полков, два стрелковых 2-го и 1-го пехотных, стрелковый егерского полка. Все средние взводы рассчитывались на одинаковое число рядов, даже если для этого приходилось перемещать людей из одной роты в другую. Шесть унтер-офицеров между третьим и четвертым взводом выполняли функции знаменной группы; к ним по бокам примыкали знаменные ряды. В командиры гренaдерских батальонов дивизионный начальник выбирал "лучших и отличнейших храбростью" штаб-офицеров из резервных батальонов своей дивизии.

Все изложенное выше вплоть до особого распоряжения не касалось полков линейной пехоты Лейб-Гвардии и Лейб-Гренaдерского полка. Только в марте 1811 г. они получили организацию, подобную армейским гренaдерским полкам, с той лишь разницей, что три роты в батальоне не называли "фузилерными", а именовали только по номеру: "1-я", "2-я" и так далее.

При обучении офицеров батальона часто строили 64 рядовых в одну шеренгу, разбив их на 8 взводов (для имитации батальона) и дополнив знаменными рядами и полным ко-

личеством унтер-офицеров. На подобных учениях заметны были все ошибки практикующихся офицеров и унтер-офицеров.

В 1811 г. началась публикация нового пехотного устава, окончательно разработанного только после войны. До 1816 г. он не получил широкого распространения в войсках (так, СИ. Маевский позже вспоминал: "Я не знал батальонного учения, да его тогда и никто не знал" [93, стр.266]), поэтому мы поместили статью об этом уставе в следующей главе.

Тогда же по полкам разослали положение "Об эволюции стрелков для полков тяжелой пехоты" [40]. Интересно, что в егерских полках стрелки (в данном случае особо выделенные во всех взводах люди) применялись только для прикрытия отступления батальона; в тяжелой же пехоте их функции были довольно многогранны. В батальоне, рассчитанном обыкновенным способом, стрелки выделялись следующим образом: "Во всех отделениях становить в один из средних рядов, во все три шеренги, тех из солдат, кои знают цельную стрельбу и коих единственно употреблять стремиться. Но для сего отнюдь не назначать ни первых, ни последних рядов отделений, поелику на сии места становятся обыкновенно солдаты, знающие ломку твердого фронта, и кои, следственно... при обыкновении должны на оных и оставаться. Никакой нет в том нужды, когда таковой стрелок не будет совершенно подходить под ранжир, но иметь единственно в виду знание цельно стрелять. Сие положение относится, однако, только к тем случаям, когда должно производить учение, или для настоящего дела; но при инспекторских смотрах и в других случаях, например, для караула, люди строятся по обыкновенному ранжиру... К оным стрелкам наряжать от каждой мушкетерской роты по одному расторопному унтер-офицеру, а из гренадерских рот — по два, коим во фронте замыкать за серединою первых взводов своих рот, исключая унтер-офицера стрелкового взвода, коему замыкать за последним взводом в батальоне" [40, лл.320 — 321].

Барабанные бои (сигналы) заменяли стрелкам голосовые команды. Бои делились на предварительные и исполнительные. Использовались разные комбинации следующих сигналов: "резвый поход", "раж", "отбой", "тре-

вога", "первое колено егерского похода", "гренадерский поход", "одна палка", "дробь", "две палки", "отмарш", "аппель", "простая гренадерская переправа", "простой минихов сбор", "простой обыкновенный сбор".

Стрелковая цепь в батальоне строилась из стрелков любого количества рот (от одной до четырех). Стрелками одной роты командовал один офицер; большим количеством (до четырех рот) — три офицера (один старший командир и командиры двух половин цепи). К полковой цепи выделяли для командования штаб-офицера. Старшего офицера цепи сопровождал барабанщик для передачи сигнала, остальных офицеров — по одному барабанщику для приема сигналов; кроме того, каждому офицеру в прикрытии и для посылок выделяли двух стрелков, называемых застрельщиками (с 1818 г. значение этого термина изменилось).

В каждой роте, таким образом, в зависимости от количества отделений, выделялось по 18 — 24 стрелка (по три в отделении). В отличие от егерской цепи цепь стрелков тяжелой пехоты состояла не из пар, а из троек: стрелки каждого отделения образовывали тройку. В тройке каждый стрелок именовался "товарищем".

По команде "стрелки, с плеча — раз — два — отмыкай штыки" стрелки поворачивались направо, отмыкали штыки, вновь поворачивались во фронт и брали ружья на плечо.

По сигналу "резвый поход" каждый ряд, взяв ружья наперевес, беглым шагом двигался вперед; в 10 шагах от фронта люди второй и третьей шеренги принимали влево, при этом все продолжали продвигаться вперед. Офицеры с барабанщиками и застрельщиками шли перед образовавшейся цепью; унтер-офицеры — в пяти шагах позади нее, вслед за первыми рядами своей роты (стрелковый унтер-офицер — за последним рядом взвода). В 80—100 шагах от фронта цепь останавливалась и выравнивалась (между стрелками тройки поддерживалось расстояние в 5 шагов); стрелки брали ружья к ноге, офицеры с сопровождающими уходили за цепь.

По "тревоге" цепь открывала стрельбу: сначала средний "товарищ", потом правый и, наконец, левый по одному выбегали на 15 шагов вперед из цепи, стреляли и скорым шагом, на ходу (по-егерски) заряжая ружья, воз-

вращались на свое место. В тройке в любой момент времени у двоих людей ружья должны были быть заряжены.

Половина стрелков батальона при необходимости строилась в три шеренги и образовывала резерв цепи под командой офицера.

Цепь могла наступать без стрельбы: все стрелки, взяв ружья наперевес, шли тихим шагом вперед. По "тревоге" стрелки начинали наступление со стрельбой: средний "товарищ" выбегал вперед, стрелял и заряжал на месте; после этого правый из тройки выбегал еще на 15 шагов вперед; потом левый делал то же. Следовательно, с каждым выстрелом цепь продвигалась вперед на 10—15 шагов.

Различные виды движения обозначались сигналами: тихий шаг — "гренадерским походом", скорый — "скорым походом", резвый — "резвым походом", бег — повторным "резвым походом".

Цепь можно было сдвигать вправо или влево: стрелки прекращали стрельбу, по рядам поворачивались и шли в нужную сторону; остановившись по сигналу, они вновь открывали огонь.

По меткости стрельбы и даже по тактике русские стрелки начала века значительно уступали французам.

В сражении при Кремсе в 1805 г., например, в стрелки был выслан весь гренадерский батальон Апшеронского мушкетерского полка. Особенно отличился один из гренадеров этого батальона. "Апшеронского мушкетерского полка, гренадерского батальона, роты капитана Морозова гренадер Музен-Кац, находясь в стрелках в виноградном саду, отрезан был от своих товарищей. Французский офицер с четырьмя рядовыми нападают на него. "Сдайся" (пардон) кричат ему со всех сторон. Но храбрый гренадер не хочет понимать их требования, надеясь управиться со всеми пятью. Первым выстрелом убивает он офицера. Четыре солдата с бешенством на него бросаются. Начинается рукопашный бой. Музен-Кац колет штыком и бьет прикладом. Все четыре супротивника его один за другим валятся бездыханны к его ногам" [78, стр.39]. За подобный подвиг, совершенный "в виду всей роты", Император произвел Музен-Каца в унтер-офицеры и приказал выдать ему единовременно сто рублей. Но в целом употребление для стрелкового боя целых подразделений линейной пехоты не оправдывало себя.

Участник сражения Ф.Н. Глинка с горечью вспоминал: "Под Кремсом высланы были у нас в стрелки гренадеры высокого роста с длинными султанами, и французы дробные (низкорослые. — И.У.), малые, били их из-за камней, как хотели. Русский гренадер, сильный, рослый, могший итти со штыком на десятерых неприятелей, падал мертв от пули, пущенной из-за куста бессильным французом" [78, стр.52].

Руководство для стрелков 1811 г., в сущности, было очень неудачным. Люди в цепи вынуждены были постоянно выравнивать шеренгу, не используя никаких естественных укрытий и неся огромные потери от огня постоянно находящегося в движении проивни-ка.

Нередко стрелки завязывали с неприятелем более привычный рукопашный бой.

Во время сражения при Прейсиш-Эйлау в январе 1807 г. 250 охотников (стрелков-добровольцев) Выборгского мушкетерского полка под командой капитана Тимофеева стремительной штыковой атакой очистили от неприятельских стрелков деревню Кушин-штен, обратили в бегство и взяли в плен французский батальон и захватили 4 орудия. Когда из леса выдвинулись два батальона легкой пехоты французов, Тимофеев, выбежав в поле, обратился к полку со следующими словами: "Охотники! Это наше (указывая на пленных), и то наше будет (указывая на идущие батальоны...)"! За ним последовало большое количество охотников, которые, выстроившись в линию, штыками опрокинули французов. При обороне Смоленска в 1812 г. особенно отличились полки 24-й дивизии. И.П. Липранди вспоминал об этом эпизоде: "Вправо от... (Малаховских. — И.У.) ворот, за форштадтом, расположен был Уфимский полк. Там беспрерывно слышны были крики "ура!"... В числе посланных туда с приказанием не подаваться вперед из предназначенной черты был послан и я с подобным же приказанием. Я нашел шефа полка этого, генерал-майора Цыбульского, в полной форме верхом в цепи стрелков. Он отвечал, что не в силах удержать порыва людей, которые после нескольких выстрелов с французами... бросаются в штыки. В продолжение того времени, что генерал-майор Цыбульский мне говорил это, в цепи раздались "ура!". Он начал кричать, даже гнать стрелков своих

шпагою назад; но там, где он был, ему повиновались, и в то же самое время в нескольких шагах от него опять слышалось "ура", и бросались на неприятеля. Одинаково делали и остальные полки этой дивизии (24-й) — Шир-ванский, Бутырский, Томский, 19-й и 40-й Егерские, — сформированные из сибиряков и в первый раз здесь сошедшиеся с французами" [83, стр.11].

Кампания 1812 г. внушила солдатам непоколебимую уверенность в своих силах, тем более что и боевое мастерство их многократно возросло. Очевидно, уже в конце 1812 г. стрелки линейной пехоты перенимали егерскую тактику и преимущество французов в огневом бое перестало ощущаться. В сражении при Бауцене 3 мая 1813 г. уже несколько часов находящиеся в цепи пехотинцы отказались от смены. "Не сменяйте нас! — кричали солдаты. — Мы еще можем стоять до вечера, пришлите только патронов" [78, стр.179].

Вплоть до 1807 г. егеря строились в две шеренги и в своих маневрах руководствовались правилами, установленными в предыдущие царствования. С введением трехшере-ножного строя, а позднее и с изменением организационной структуры, потребовались новые руководства, определяющие тактику егерей: в сомкнутом строю они могли выполнять все эволюции, предусмотренные для линейной пехоты; рассыпной строй батальонов был присущ только егерским полкам. Нам не удалось обнаружить документы, разработанные в период 1807—1815 гг., но по поздним изданиям можно восстановить основные принципы действия легкой пехоты того времени.

По воспоминаниям Д.В. Давыдова, во время кампании 1808 г. в Финляндии тактикой стрелков и егерей немало занимался Я.П. Кульнев: "В отрядах Кульнева я впервые заметил новый тогда способ усиливать цепи застрельщиков. Мне давно уже в глаза бросалось неудобство усиливать их с тыла. Таким усилением только что умножалась густота в цепях, и вместе с густотой поселялся в них беспорядок, который доходил до превращения цепи в безобразную толпу солдат, стреляющих один в другого. Резервы Кульнева располагаемы были более позади флангов цепи застрельщиков, чем позади тыла их, дабы при отступлении этой цепи от неприятеля действовать на его фланги". Кульнев же ори-

гинальным способом прекратил довольно распространенную среди неопытных и нерадивых солдат практику (пользуясь пересеченной местностью, скрывающей их от надзора начальников, солдаты выбрасывали из сум патроны и шли в тыл под предлогом пополнения боезапаса): "приказом, чтобы они оставались на своих местах с пустыми ружьями, сумами.., — следственно, без возможности отвечать неприятельским выстрелам своими собственными выстрелами, — [Кульнев] принудил их быть бережливее в растрате патронов... и стрелять с большей меткостью" [79, стр.269].

В 1815 г. были опубликованы "Правила егерского учения", существенно отличающиеся от использовавшихся ранее (введенных, очевидно, в 1810-1811 гг.).

Общие правила действия в цепи и обучения егерей практически не изменились. В первом разделе среди прочего были изложены положения, касающиеся боевого применения егерей, например: "Какого бы рода движение ни было, никто не должен о намерении начальника рассеиваться мыслями; но каждый обязан исполнять в точности свое дело... Егерские офицеры преимущественно должны отличаться храбростью, спокойствием духа и твердостью в команде... Егери отличаются от тяжелой пехоты проворством, неутомимостью, преимуществом в цельной стрельбе и исправности оружия. От сего рождается самонадеяние, смелость и воинский дух... Егерский огонь, в котором выстрелы можно почти считать, есть самый смертоносный для неприятеля".

Егерская цепь составлялась из егерей первой и второй шеренг. Цепь делилась на пары, в паре люди стояли на шаг друг от друга; между парами в цепи поддерживалось расстояние в 2 — 5 шагов. В рассыпном строю егеря держали ружья наперевес (в движении) или у ноги (стоя на месте). В паре один человек стрелял лишь тогда, когда у второго ружье уже было заряжено; в цепи заряжали "по-егерски", перенося приклад ружья "под левую мышку".

Восемнадцать основных барабанных сигналов в различных сочетаниях заменяли в рассыпном боевом порядке голосовые команды. В 1815 г. таковыми сигналами являлись: "при-дробок", "раж", "тревога", "первое колено похода", "второе колено похода", "скорый марш",

Гвардейская пехота, 1805—1807 гг.

Рядовые, фельдфебель, обер-офицер, батальонный и ротный барабанщики Лейб-Гвардии
Семеновского полка

Гвардейская пехота, 1805—1807 гг.

Обер-офицер, рядовой, валторнист и ротный барабанщик Лейб-Гвардии Егерского батальона.
Штаб-офицер Лейб-Гвардии Измайловского полка

"резвый поход", "одна палка", "две палки", "дробь", "отбой", "два отбоя", "перекат", "дробь и перекат", "отмарш", "минихов сбор", "гренадерский сбор", "аппель". Кроме того, для обозначения некоторых маневров использовались и иные сигналы: "гренадерская переправа", "под знамены мушкетерская", "аг-лицкая зоря" и другие.

До 1815 г. в две цепи рассыпались первая и вторая шеренги егерских взводов; каждая шеренга, разделившись на пары, составляла цепь. Гренадерский и, как правило, стрелковый взводы обычно не рассыпались, вставая в резерве за флангами цепей (гренадерский — за правым, а стрелковый — за левым). Третья шеренга егерских взводов, удвоив ряды, образовывала средний резерв за центром цепей. На флангах каждого егерского взвода размещалось по одному ряду стрелков, которые действовали совместно с цепью; только при скором отступлении они оставались и прикрывали остальных. Таким образом, егерский батальон, целиком образуя цепь, на самом деле рассыпал только две полные роты, или половину своего состава.

Цепь могли строить из половинного числа взводов батальона. В этом случае первые или вторые взводы выбегали вперед и строили две цепи; резервами служили гренадерский и стрелковый полувзводы и третья шеренга рассыпанных взводов. Подобное построение производилось либо перед батальоном, либо позади (для прикрытия ретираты). При отступлении через лес цепи занимали опушку позади первоначальной линии, а оставшиеся на линии строили вторую пару цепей и, отстреливаясь, отступали сквозь первую; таким образом, одна половина батальона всегда составляла резерв другой.

Из середины фронта егеря строили шести-рядную колонну: знаменные группа и ряды шли прямо, первая половина батальона поворачивала налево, вторая — направо и по рядам пристраивались за впереди идущими. Одновременно с поворотом егеря снимали ружья с плеча и брали наперевес. Из шести-рядной колонны батальон быстро выстраивал каре по четвертому и пятому взводам или облическое (утлом вперед). При неожиданном нападении регулярной кавалерии егеря в ряде случаев просто ложились на землю и пропускали лошадей над собой; встав после этого, они продолжали пальбу. Интересно,

что к такому приему прибегала и линейная пехота, не успевавшая выстраивать каре.

Батальон мог строить две шестирядные колонны (из двух дивизионов каждая); при необходимости они образовывали два облических каре или две взводные колонны. Знаменные группа и ряды оставались при третьем дивизионе.

Цепи по сигналам могли двигаться вправо или влево; забегать правым или левым флангом вперед; наступать одна через другую; составлять из двух цепей одну густую; строить единый фронт или отдельные взводы на определенных дистанциях; быстро выстраивать колонну к атаке или взводную колонну.

По "Правилам егерского учения" 1815 г. в цепь рассыпались две первые шеренги всех восьми взводов батальона. Третья шеренга удваивала ряды и в каждом дивизионе образовывала резервный взвод за серединой цепи дивизиона. Таким образом, в построении цепи участвовало две трети людей батальона; четыре резервных взвода могли более эффективно поддерживать цепь. В единой цепи батальона (вместо прежних двух) в каждую пару входили егерь первой шеренги и стоящий за ним в строю егерь второй шеренги. Вводился новый маневр цепи: при движении в сторону цепь по "тревоге" открывала огонь. Те егеря, которым приходила очередь стрелять, останавливались и с удобного места палили до тех пор, пока их напарники не проходили мимо и не занимали новую позицию. После этого стрелявшие егеря сами вставали и быстро перемещались далее в нужную сторону; в это время стреляли их напарники.

По сигналу из общей густой цепи можно было построить две одиночные цепи: в этом случае при наступлении вперед выбегали люди первой шеренги, а при отступлении назад отходили егеря второй шеренги.

При построении цепи из половинного числа взводов гренадерский или стрелковый взвод рассыпался в цепь так же, как и остальные. Третья шеренга рассыпанных взводов не собиралась в резерв, а образовывала одиночную цепь позади основной (егеря вставали за интервалами передней цепи). После перестроения основной цепи в две резервная цепь занимала место между ними, поддерживая ближайшую к неприятелю цепь.

Из цепи половинного числа взводов и из сомкнутых взводов можно было быстро построить фронт двумя способами. Первый был очень удобен при выходе из леса на открытое пространство, занятое противником: цепь занимала опушку леса, сомкнутые взводы быстро выдвигались из леса; после этого цепь, выстраивая позади "линии батальона" взводы, входила в интервалы фронта. По второму способу фронт строился на том месте, где стояли сомкнутые взводы: цепь повзводно по рядам пробегала в свои интервалы, строила взводы за фронтом и вступала на линию.

При отступлении через лес командир батальона высылал половинное число взводов занять опушку, а потом быстро уводил сомкнутые взводы за занявшую позицию цепь. Если отступление в сомкнутых взводах было невозможно по условиям местности, то и вторая половина взводов рассыпалась в цепь; цепь третьей шеренги в этом случае занимала удобную позицию на половине расстояния до опушки и прикрывала отступление взводов, а потом отступала сама под прикрытием огня егерей с опушки леса.

Остальные маневры практически не изменились.

"Правила..." 1815 г., таким образом, увеличивали силу цепи батальона и делали тактику егерей более гибкой. Эти правила "продержались" всего лишь три года и в 1818 г. сменились более всеобъемлющими "Правилами рассыпного строя". В 1818 г. впервые термин "стрелки", обозначающий высылаемых из пехотного батальона для образования цепи людей, был заменен на другой — "застрельщики"; стрелками продолжали называть только служащих в стрелковых взводах чинов.

В батальонах егерских полков с 1809 г. все вооружённые штуцерами егеря ставились только на флангах взводов.

Уже во время боевых действий в 1812 г. по полкам было разослано "Наставление господам пехотным офицерам в день сражения", устанавливающее ряд правил для офицеров и содержащее описание некоторых новых маневров. Ротные командиры должны были перед сражениями проводить беседы с солдатами, напоминая им "о священном долге драться до последней капли крови за веру, Государя и за Отечество, что судьба России зависит от храбрости ее ратников, и что

лучше умереть, нежели покрыться стыдом, оставляя знамена свои или назначенное в линии место... уверять всех, что за отличные подвиги всякий будет награжден, за трусость же или неповиновение не избежит строжайшего наказания" [95, стр.239]. Во фронте под неприятельским орудийным огнем ротный командир находился перед строем, наблюдая, чтобы люди не "кланялись" ядрам. При наступлении фронтом "на штыки" он также шел впереди роты "в полной надежде, что подчиненные, одушевленные таким примером, никогда не допустят его одного ворваться во фронт неприятеля". В случае необходимости ротный командир мог "предоставить честь идти впереди" поручику, а сам позади фронта подбадривал людей и следил за порядком. Для преследования неприятеля выделялись солдаты 3-й шеренги, которые могли действовать и как стрелки. Атака на занятую противником деревню осуществлялась несколькими колоннами с наивозможной быстротой и без выстрелов; "ура" разрешалось кричать только во время решительных атак.

Для егерей предусматривался новый маневр в лесу: на некотором расстоянии от фланга цепи скрытно размещали несколько рядов солдат; при атаке противника на фланг они неожиданно контратаковали из укрытия и обращали врага в бегство.

Все солдаты в карманах или за пазухой должны были носить патроны с ружейной картечью (в таком патроне пуля заменялась несколькими кусочками свинца): эти патроны предпочтительно использовались в рассыпном строю, в лесу или в деревне, против кавалерии или неприятельских стрелков.

В отличие от "Общего опыта тактики" "Наставление..." немало внимания уделяло и штыковому бою ("никто еще никогда против русских штыков не удержался; надобно только дружно итти").

С 1806 г. к каждому гренадерскому и мушкетерскому полку на время боевых действий причисляли по 6 орудий легкой роты; таким образом, при батальоне состояло 2 орудия. В каждой роте таких полков по 10 рядовых средней шеренги и по 2 унтер-офицера обучались обращению с артиллерийскими орудиями, чтобы в случае необходимости заменить выбывшую из строя прислугу [46]. Орудия при батальонах были и во время

кампании 1812 г. Русские войска не раз демонстрировали примеры удачного взаимодействия пехоты и артиллерии. По воспоминаниям генерал-майора И.Ф. Паскевича, в "деле" под Салтановкой 11 июля 1812 г. произошел следующий эпизод: "Ребята, вперед!" — закричал я Полтавскому полку. Они колеблются. "Ура! В штыки!" — Они ни с места. Из рядов слышу я голос: "Хотя бы артиллерия была с нами". "Хорошо, — сказал я, — держитесь здесь". Скачу к артиллерии, устраиваю позади моей позиции батарею в 4 орудия, возвращаюсь к Полтавскому полку и отвожу его на артиллерию. Неприятель, увидев отступление их, бросился с криком "en avant" ("вперед". — И.У.). Полк раздался, и картечь ударила в французские батальоны. Они остановились, смешались. Я подъезжаю к Полтавскому полку, команду "вперед". Они бросаются и гонят неприятеля..."[101, стр.86].

В 1808 г. приказом Военного министра были уточнены правила отдания чести, как указывалось, "для сохранения во всяком случае чинопочитания между всеми воинскими чинами". По правилам часовые отдавали честь всем генералам и штаб-офицерам, обер-офицерам своего полка и награжденным орденами. "Под приклад" часовой брал для всех прочих обер-офицеров и унтер-офицеров и для рядовых, имеющих знаки отличия Военного ордена св. Георгия и св. Анны.

Караулы выходили в ружье и отдавали честь всем генералам и штаб-офицерам своего полка. Главный караул (гауптвахта) делал то же самое только для полковых командиров и полковников своих полков. Для штаб-офицеров чужих полков офицерский караул только ВЕЛХОДИЛ к ружьям, ЕЮ не брал их в руки; унтер-офицерский караул брал ружья и отдавал честь.

Все офицеры при встрече с генералами "вне комнат" вставали во фронт и приветствовали их, поднося левую руку к шляпе или к киверу. Таким же образом, но не останавливаясь, приветствовал старшего младший офицер.

Нижние чины при встрече с начальником вставали по стойке "смирно" и, если на них не было патронной сумы, снимали фуражную шапку.

Строевое искусство русских войск было проверено на грандиозном смотре армии у французского города Вертю в конце августа

1815 г. В присутствии европейских монархов и командующих союзными армиями на огромной равнине маневрировали семь корпусов. Планы смотра разрабатывались весьма тщательно, так как столь масштабных маневров русская армия еще не знала. Специально была отпечатана диспозиция "О церемониальном марше пехоты" за подписью генерал-фельдмаршала Барклая-де-Толли.

Для марша два батальона каждого полка строились один возле другого в i-устьях взводных колоннах (гренадерский взвод впереди). Между батальонами оставлялась взводная дистанция; между взводами — дистанция в 2 шага.

В бригаде полки строились в 25 шагах друг от друга, между полками двух бригад было 100 шагов: в этом промежутке двигалась принадлежащая бригаде артиллерийская рота. Марш дивизии открывала егерская бригада, вслед за ней двигались первая и вторая пехотные.

Перед полком ехал командир, перед батальонами, также верхом, — младшие штаб-офицеры и батальонные адъютанты. За ними следовала линия барабанщиков — собранные вместе барабанщики обоих батальонов с гре-[а]дерскими барабанщиками и флейтчиками на правом фланге шли перед батальонным интервалом. Музыканты двигались за барабанщиками, батальонные командиры — перед своими батальонами и позади линии музыкантов. Взводные командиры вставали на правых флангах взводов, замыкающие офицеры — на левых флангах. Знаменные группы со знаменосцами на правом фланге шли справа от пятых взводов.

Из шести музыкантских хоров дивизии лучший ставился впереди. Подходя к Императору, этот хор выходил из строя, останавливался и играл во все время прохождения своей дивизии. К Императору также выезжали командиры бригад.

29 августа войска салютовали трем Императорам, затем производили всевозможные эволюции (захождения, построение линий, колонн и каре), прошли церемониальным маршем и провели пальбу батальным огнем (по 6 патронов на ружье). Вид полтора сотен тысяч человек, синхронно выполнявших сложные перестроения; громогласное "ура" из тысяч глоток, поддержанное барабанным боем и игрой всех музыкантов; одновре-

менная стрельба пехоты и артиллерии произвели огромное впечатление на всех присутствующих. Сам победитель Наполеона — английский герцог Веллингтон — признался: "Я никогда не воображал, чтобы можно было довести армию до столь великого совершенства". Конечно, самым строгим судьей на смотре был Александр I. Но и он, отметив лишь незначительные недостатки, с гордостью говорил: "Я вижу, что моя армия первая в свете; для нее нет ничего невозможного, и по самому наружному ее виду никакие войска не могут с нею сравниться" [134, стр.343].

С 1802 г. в полках было оставлено по 2 знамени на батальон; одно из шести знамен полка считалось полковым и называлось "белым", остальные именовались "цветными". Знамена прежнего царствования оставались в частях и заменялись новыми по мере необходимости. В гарнизонных батальонах содержали одно белое и три цветных знамени.

Полки и батальоны легкой пехоты знамен не имели.

Первые знамена Александровского царствования были изготовлены в июне 1803 г. для вновь образованных мушкетерских полков. Знамена образца 1803 г. имели квадратное шелковое полотнище со стороной в 2 аршина, сшитое из 9 кусков: в середине помещался оранжевый круг диаметром 14 вершков; 4 куска изображали концы креста на манер георгиевского, еще 4 представляли собой "углы" между концами креста. Кроме того, к полотнищу пришивался "запас", наматывавшийся на древко. В круге был изображен черный двуглавый орел, поднявший одно крыло и опустивший другое; обе головы венчались коронами; в лапах орел держал перуны и молнии. По шву крута рисовали золотой венчик, перевязанный снизу лентой; сверху концы венка были разделены большой императорской короной. В каждом из четырех углов помещалось изображение императорского вензеля в венке, подобном описанному выше. Клюв и лапы орла, перуны, молнии, венки, вензеля и короны прописывались золотом.

Для гарнизонных частей с 1804 г. изготавливались такие же знамена, но без вензелей и венков в углах.

Древко длиной 4 аршина 10 1/2 вершка венчалось навершием в виде копья со штампованным рельефным изображением двуглавого орла (обе головы — с коронами) с державой и скипетром под большой короной на ленте. Общая высота навершия составляла 6 1/2 вершка. На трубку повязывали тесьму с двумя кистями на концах; тесьма и кисти делались из серебряной нити с добавлением черного и оранжевого шелка (в виде полосок), полотнище прибавалось к древку гвоздями с золотыми круглыми шляпками.

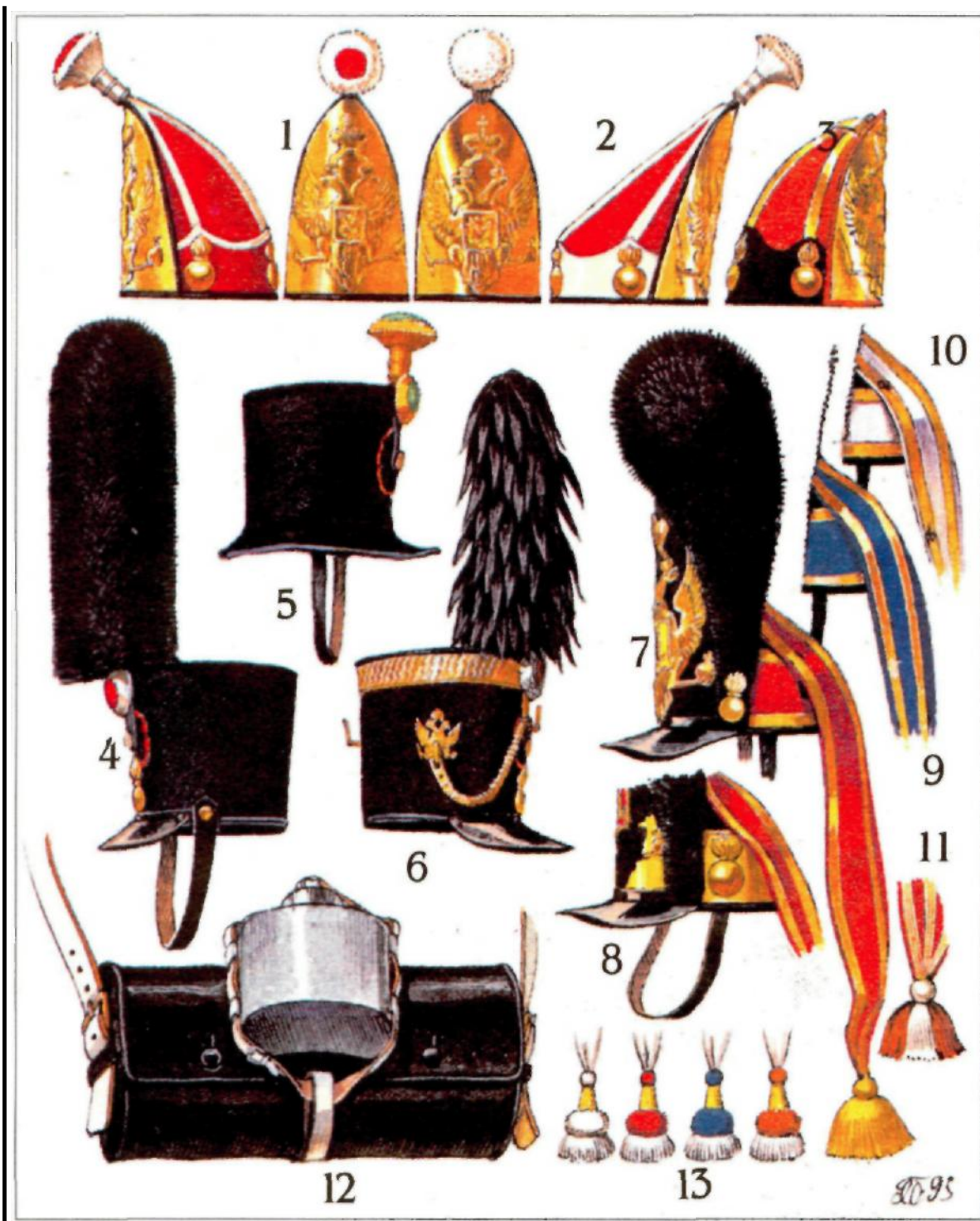
В 1808 г. длину древков увеличили до 5 аршин. Цвет древков вплоть до 1807 г. был черный, а с 1807 г. — по номеру полка в дивизии (для 1-го полка дивизии был установлен белый цвет, для 2-го — палевый, для 3-го — кофейный, для 4-го — черный). В конце 1808 г. цвета были распределены следующим образом: желтый, черный, белый, желтый, черный (для 5 полков); все гарнизонные знамена имели кофейные древки.

С 1806 г. начались пожалования так называемых георгиевских знамен. По краю полотнища таких знамен помещалась надпись, объясняющая причину награждения полка; в копье навершия орел был заменен на георгиевский крест, выкрашенный масляной краской; на груди орла на полотнище рисовали красный овальный щит с изображением св. Георгия; серебряная тесьма заменялась на георгиевскую ленту.

Кроме новых наградных знамен, в 1804 г. в Московском гренадерском полку обветшавшие знамена "за отличие" образца 1800 г. были заменены новыми такой же расцветки (на цветных — черный крест и красные углы, на белом — белые крест и углы), с серебряными вензелями Александра и венками, с золотыми коронами и с двумя узкими голубыми (андреевскими) лентами в круге. На верхней ленте помещалась надпись "С нами Бог", на нижней — "За взятие знамен у Французов при реках Трехи и Нуре года 1799".

Единственный набор наградных гарнизонных знамен был в 1810 г. отправлен Свеа-боргскому гарнизонному полку за боевые подвиги в 1809 г.: на знаменах с зеленым крестом в желтых углах помещались вензеля в венках.

Всем старым полкам за отличие или на замену обветшавших выдавали знамена новых

1802-1805 гг.
(пояснения - на странице 40)

Элементы офицерского обмундирования и снаряжения.

Образцы офицерского шитья полков Лейб-Гвардии: Преображенского (1), Семеновского (2), Измайловского (3), Егерского батальона (затем - полка)(4). Офицерские чепраки образца 1803 г. полков Лейб-Гвардии: Преображенского (5), Семеновского (6), Измайловского (7), Егерского (8). Офицерские чепраки образца 1803 г. армейских полков: легкой пехоты (9), тяжелой пехоты (10)

образцов (обычные или георгиевские), но прежних расцветок. Исключение было сделано для первых георгиевских знамен, пожалованных Киевскому гренадерскому полку "За подвиг при Шенграбене 4 ноября 1805 года в сражении 5 т. корпуса с неприятелем, состоявшим из 30 т.": взамен прежних знамен с двухцветным крестом и пунцовыми углами выдали знамена с розовым крестом (по цвету инспекции) и белыми углами.

Система расцветки знамен новых полков в 1803 — 1813 гг. существенно менялась. Вплоть до 1806 г. выдавались знамена с белыми углами и с крестом цвета воротника мундира (инспекции). Только для Санкт-Петербургской инспекции были установлены знамена с черными крестами и красными углами. В 1807 г. новые полки получили знамена с белыми углами и крестами по цвету дивизий: в 16-й дивизии кресты были синевато-фиолетовые, в 17-й — темно-зеленые, в 18-й — серовато-розовые, в 1-й — зеленые. Для иол-ков 27-й дивизии были разработаны следующие расцветки: в Одесском полку — желтый крест и черно-белые углы, в прочих — красные углы и крест по цвету погон (в Виленском — белый, в Тарнопольском — желтый, в Симбирском — зеленый). В полках, образованных из гарнизонных батальонов, использовались прежние гарнизонные знамена.

С 1813 г. количество знамен в полках сократили вдвое; расцветку установили единую — зеленый крест и белые углы.

Кроме описанных образцов знамена в 1803—1813 гг. получили части: Лейб-Гвардии Литовский полк в 1811 г. (белые — белый крест и черно-желтые углы, цветные — желтый крест и черно-белые углы), морские полки в 1803 г. (белые углы и синие кресты),

1802-1805 гг. (к стр.38)

Шапки гренадерские обр. 1802 г.: Лейб-Гренадерского полка (1), Павловского гренадерского полка (2); фузилер-пая шапка обр. 1802 г. (Астраханского гренадерского полка) (3). Шапка греушдерская обр. 1805 г. (4); шапка егерская обр. 1803 г. (5); шапка офицерская и-ренадерская неуставная, середина 1800-х гг. (6); каски гвардейской тяжелой пехоты обр. 1802 г.: Преображенского полка (7), Лейб-батальона Преображенского полка (8), Семеновского полка (9), Измайловского полка (10). Кисть унтер-офицерской шапки (11). Ранец с флягой обр. 1802 г. (12). Темляки рядовых с различиями по ротам в батальоне (с 1-го по 4-й) обр. 1802 г. (13)

1-й и 2-й Учебные Гренадерские батальоны (белые углы и светло-синие кресты).

За подвиги в сражении при Кульме в 1813 г. гвардейские полки были награждены георгиевскими знаменами. Уже 30 августа (менее чем через две недели после битвы) офицер Семеновского полка П.С. Пуцин записал в дневнике: "Генерал Милорадович привязал к нашим знаменам (прежнего образца. — И.У.) георгиевские ленты, пока прибудут пожалованные нам... георгиевские знамена" [80, стр.123]. Для гвардейских полков линейной и, впервые, легкой пехоты (Егерский и Финляндский полки) разработали новый образец знамени. Орел в круге рисовался по подобию гвардейских киверных гербов: оба крыла были опущены, на груди помещался большой щит с московским гербом, корона осталась только одна — на острие герба. В полки разослали только по 3 цветных знамени, с желтыми крестами и разделенными по диагонали двухцветными углами. Нижняя половина углов в 1-й дивизии была белая, во 2-й — черная; верхние углы (красные, светло-синие, белые или зеленые) различались цветами по полкам дивизии.

Солдаты и офицеры свято берегли свои знамена. Немало было случаев, когда после неудачных сражений попадавшие в плен солдаты сохраняли у себя сорванные с древков полотнища (после сражения при Аустерлице в 1805 т. солдаты семи полков спасли от французов в общей сложности 12 знаменных полотнищ [81, стр.287]). Многие такие примеры описывались в приказах Военного министра. Так, отданный в феврале 1810 г. приказ Военного министра гласил: "Могилев-ского мушкетерского полка рядовой Григорий Петров во время сражения при Пулкиле в 1808 году, видя неизбежность плена, сохранил знамя своего полка; полтора года бытности в плену у шведов берег оное, подвергая себя немалой опасности, и наконец, бежав на лодке из Швеции, явился в Копенгаген у нашего полномочного Министра, которому представил означенное знамя во всей целости.

Государь Император в воздаяние такового подвига рядового Петрова высочайше повелеть соизволил произвести его в унтер-офицеры и производить навсегда жалованье по фельдфебельскому окладу.

Я в обязанности нахожусь объявить о сем по армии на тот конец, чтобы все без

изъятия нижние чины ведали об отличии оказанном рядовым Петровым, и о награде за то ему сделанной" [51].

* • *

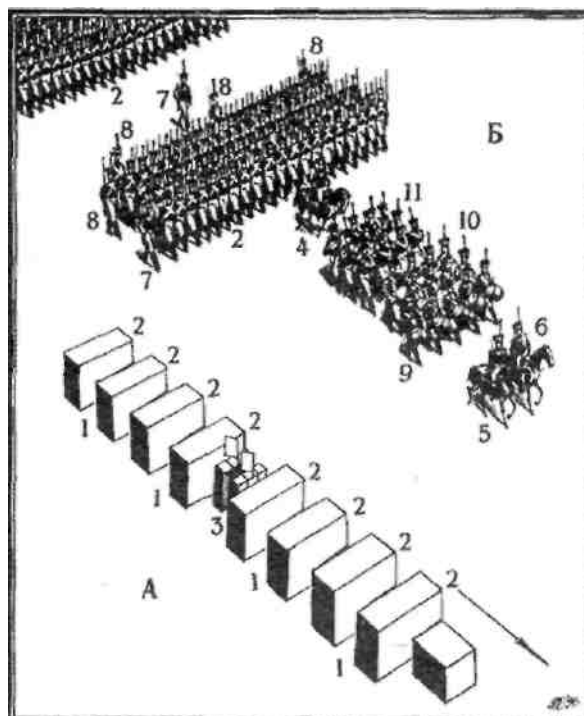
Выдающиеся заслуги полков в Отечественную войну требовалось должным образом отметить. Прежде всего это касалось легкой пехоты, которой нельзя было выдать наградные знамена; поэтому уже в начале 1813 г. был разработан проект массового знака отличия для ношения на головных уборах (киверах) некоторых егерских полков. Окончательный вариант знака представлял собой крепившийся спереди у верхнего края кивера щиток с надписью "За отличие". Первыми таких знаков были удостоены в апреле 1813 г. 20, 1, 5 и 14-й Егерские полки. Знак оказался довольно удачным изобретением, быстро завоевавшим популярность в войсках. До начала 1816 г. знаками были награждены 11 гренадерских, 10 пехотных, 3 карабинерных и 12 егерских полков.

Изготовление знаков продвигалось довольно медленно, и в 1815 г. лишь **часть** награжденных полков получили причитающиеся им "отличия".

Награждение полков трубами — серебряными и георгиевскими (георгиевские отличались изображением георгиевского креста на раструбе и обмоткой из георгиевской ленты вместо серебряного шнура) — получило широкое распространение при Александре I, особенно в 1813-1815 гг. Трубы с различными надписями, объясняющими причину награждения, изготовили в общей сложности для 4 гвардейских, 1 гренадерского, 13 пехотных и 22 егерских полков.

12 марта 1802 г. по конфирмованному "Табелю мундирных, амуничных и оружейных вещей" в обиход вводились новые образцы головных уборов — гренадерской, фузилерной и фуражной шапок и мушкетерской шляпы.

Гренадерская шапка мало отличалась от павловского образца. Рисунок бляхи-налобника стал проще, основным его элементом

Церемониальный марш по уставу 1811/1816 гг.

Построение батальона (А), голова батальонной колонны при прохождении церемониальным маршем (Б). Роты (1), взводы (2), знаменные ряды (3), командир батальона (4), майор (5), батальонный адъютант (6), обер-офицеры (7), унтер-офицеры (8), батальонный барабанщик (9), ротные барабанщики (10), музыканты (11)

остался двуглавый орел с изображением московского герба в щите на груди и с поднятыми крыльями. В верхней части бляхи помещались корона и ленты с девизом "С нами Бог". Край налобника подкладывался черным сукном. Каркас шапки (три ребра) и налобник крепились к жестяному околышу и обтягивались сукном цветов инспекций (задник) и полковых погонов (околыш). Швы сукна задника, проходящие над ребрами каркаса, усиливались белой тесьмой. Верх околыша вырезался фигурно, с тремя мысками, совпадающими с местами закрепления каркаса. Под мысками на околыше пришивались латунные одноогневые гренады; нижний край шапки по периметру оторачивался кожей. Изнутри шапка имела холстинную подкладку. Ребра каркаса сверху крепились между собой и к налобнику, верхняя часть которого в ряде случаев загибалась назад. Шапка венчалась кистью из шерстяной нити.

По табелю в гренадерских шапках полагалось иметь кожаную основу (или "подкладку") под сукно, но достоверно известны лишь две шапки, имеющие кожаные колпаки, обклеенные сукном, — Лейб-Гренадерского и Фанагорийского гренадерского полков. На шапках белой (в Фанагорийском — голубой) тесьмой обозначена, помимо швов каркаса, и граница околыша. Поскольку и задник, и околыш в этих полках кроились из сукна одного цвета, можно предположить, что и в других полках, имевших одноцветные шапки (Невский, Севский, Тульский, Брянский, Ново-ингерманландский, Нарвский и Тамбовский мушкетерские), "разделителем" между задником и околышем служила белая тесьма. Так как производство шапок по высланным к инспекциям образцам разворачивалось уже на местах, то их внешний вид и конструктивные особенности в разных полках отличались иногда весьма существенно.

Каркас мог изготавливаться из "рыбьего уса", проволоки, деревянных реек и из прутьев; рисунок гренад и вид деталей орла на налобнике варьировались. Кисть шапки рядовых набиралась из шерстяных нитей. В унтер-офицерских кистях верхний и нижний секторы состояли из черных и оранжевых нитей, боковые секторы — из белой нити.

Нижние чины фузилерных батальонов гренадерских полков носили фузилерные шапки с налобниками, рисунок которых повторял рисунок гренадерских блях, а высота была несколько меньшей. Кожаный колпак шапки обтягивался сукном.

Мушкетерская шляпа, имевшая в основе своей все тот же шерстяной колпак с широкими полями, отличалась от шляп минувших царствований формой загиба полей: поля загибались вверх спереди и сзади, скрепляясь между собой лентой и образуя два угла. Края полей фиксировались с помощью пришитой к ним металлической проволоки. Высота переднего поля определялась в 5 1/2 вершка, высота заднего — в 6 вершков, расстояние от тульи до углов — в 3 вершка.

Слева на краю переднего поля помещалась круглая кокарда из черной с оранжевой каймой ленты с пуговицей в центре. В углах и над кокардой к шляпе крепились три шерстяные кисти с центром цвета полкового погона и с окружением батальонного цвета (во втором батальоне — желтый, в третьем

красный); у унтер-офицеров, по традиции, кисти были бело-черно-оранжевые.

Для фуражной шапки, форма которой в целом соответствовала шапке павловского времени, были утверждены размеры и расцветка элементов. Темно-зеленый колпак длиной 11 вершков в 5 вершках от нижнего края имел перегиб; верхний край колпака, сужаясь до 3/4 вершка, переходил в кисть из сукна длиной 1 1/2 вершка с гайкой. Колпак сшивался из четырех основных частей, между которыми проходили выпушки. К нижнему краю мог подшиваться двухвершковый околыш с выпушкой по верху. Околыш по возможности делали из сукна инспекционного цвета или из темно-зеленого; выпушку, кисть и гайку — из полкового.

В 1805 г. в полках Кавказской инспекции на краю околыша фуражной шапки стали нашивать полувершковую суконную ленту полкового цвета для удобнейшего определения полковой принадлежности зачинщиков "шалостей, без коих обойтись нельзя по большому числу войска" [2].

Офицерские шляпы конструктивно не отличались от мушкетерских, но имели ряд отличий в деталях: бант-кокарда из черно-оранжевой ленты прижимался к левой стороне переднего поля широкой золотой плетеной петлицей с восьмиконечной звездой и пуговицей; в углах шляпы крепились серебряные с примесью черного и оранжевого шелка кисти, связанные между собой таким же шнурком; шляпа венчалась высоким султаном из петушиных перьев, привязанных к жесткой основе (в тяжелой пехоте для султана подбирались черные перья). Шляпа имела узкий кожаный подбородный ремень. Шитая петлица уже в 1804 г. была заменена на петлицу из узкого золотого галуна, а бант — на круглую кокарду с оранжевой каймой по краю. Султан с этого же времени стал выше прежнего.

Генеральские шляпы отличались плюмажем по краю (кстати, это было единственным отличием генеральской униформы до 1808 г.). В 1809 г. плюмаж на генеральских шляпах был отменен, а отличием чина стала петлица из четырех толстых золотых шнуров (два средних сплетены жгутом).

Длина султана на всех шляпах с 1809 г. существенно уменьшилась.

С 1807—1809 гг. форма полей шляпы начала постепенно изменяться, как правило, следуя веяниям европейской моды; официальных распоряжений на этот счет не существовало. Судя по изображениям, наибольшего расцвета такая практика достигла во время зарубежных походов 1813—1815 гг., когда многие офицеры стали носить шляпы с очень низкими полями и широкими углами. Тогда же изменился и вид кокарды — вокруг черной с оранжевой каймой розетки была добавлена белая (позже серебряная) лента.

С 1803 г. в войсках стали получать распространение суконные цилиндрические шапки: в 1803 г. они были присвоены гарнизонам и мушкетерским батальонам, в 1804 г. их изготовили для маневров Гвардии. С 1805 г. они начали заменять гренадерские и фузилерные шапки и егерские шляпы.

Высота шапки равнялась 4 1/2 вершка; верхний диаметр практически был равен нижнему, определяемому по размеру головы. Дно цилиндра делалось из сукна. Нижний край шапки обкладывался тонкой кожей; к колпаку на трех крючках крепился лакированный козырек. Шапка фиксировалась на голове с помощью кожаного ремешка, пришитого на правом боку и застегивающегося на латунную пуговицу слева. Спереди на всех шапках крепилась круглая розетка-кокарда из черной с оранжевой каймой ленты с латунной пуговицей в центре; вверх от пуговицы шла петлица из черной ленты. В гренадерских и фузилерных батальонах шапки венчались массивными цилиндрическими султанами (с закругленными верхушками) из конского волоса диаметром 4 1/2 вершка и высотой 11 вершков. Музыкантам полагались красные султаны, остальным — черные; султаны унтер-офицеров отличались белой с оранжевой продольной полосой верхушкой, верх унтер-офицерской шапки обшивался галуном. Чины гренадерских батальонов, кроме того, крепили под кокардой латунную одноогневую гренату, предварительно снятую с околыша гренадерской шапки и подрезанную по краям или отштампованную заново. На верхнем краю над кокардой помещалась шерстяная кисть-репеек такой же расцветки, что и прежняя кисть гренадерской шапки или мушкетерской шляпы (в мушкетерских батальонах, кроме того, вместо султана вставлялась кисть, как на шляпе). В фу-

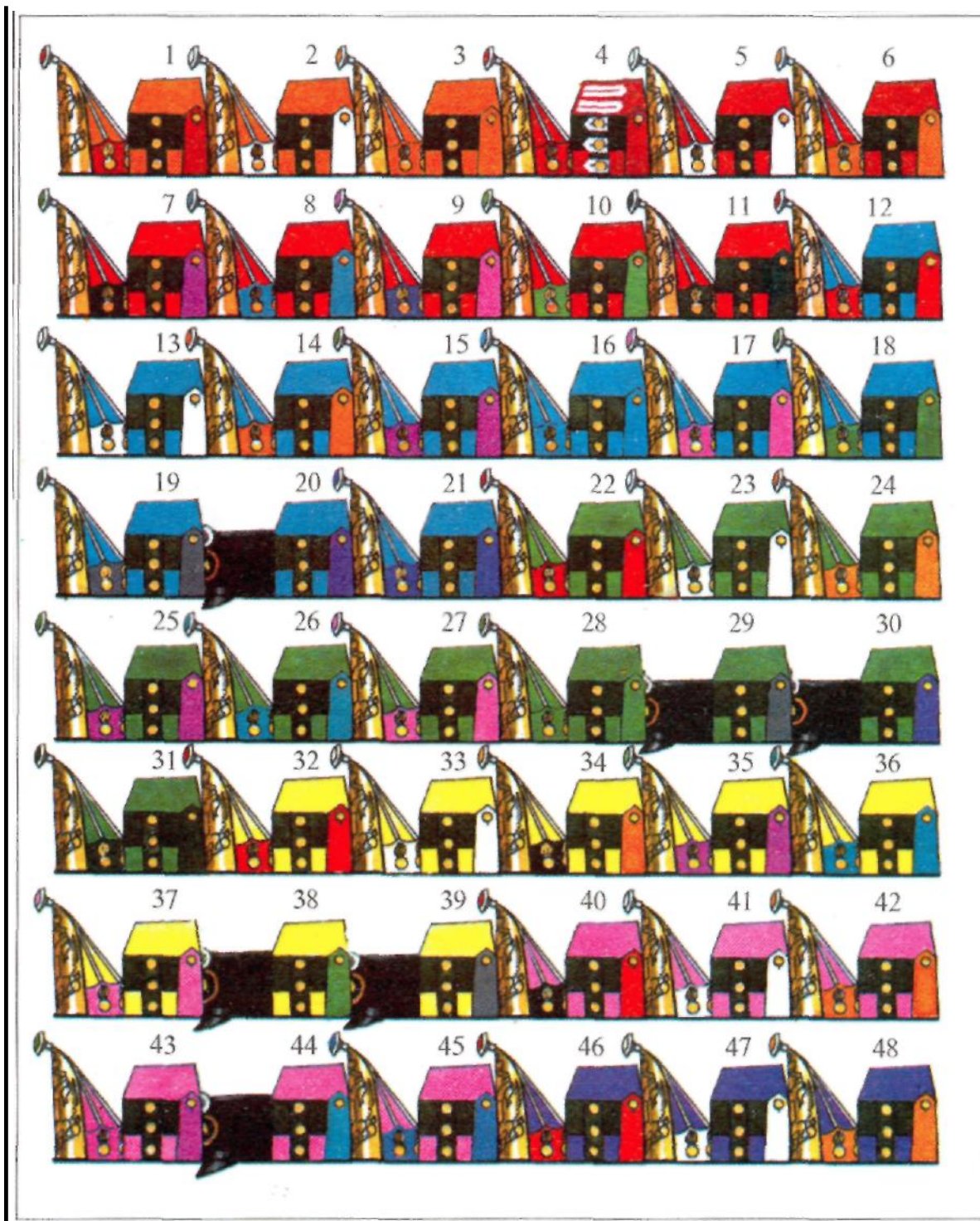
зилерных батальонах цвета кистей были такими же, что и в мушкетерских. В первые годы (очевидно, до 1806—1807 гг.) шапку носили, следуя широко распространенной моде: шапка надвигалась на правую бровь и немного разворачивалась вправо, подбородный ремень проходил по левой скуле и застегивался за правым ухом на кожаную пуговицу.

Такие же шапки, но с серебряными (с добавлением черного и оранжевого шелка) кистями в конце 1805 г. разрешили носить во время боевых действий и на походе офицерам Кавказской инспекции. В войсках, участвовавших в боевых действиях в Европе в 1805 г., офицеры завели подобные головные уборы уже перед походом, поскольку мода на "цилиндры" достигла немыслимого размаха: шапки носили даже генералы и кавалеристы, сам Император и Цесаревич выезжали в них перед войсками. Офицеры всячески украшали нерегламентированные офицерские шапки: на них переставляли шляпные султаны и крепили различные позолоченные бляхи; подбородный ремень заменяли на цепочки; верх шапки обшивали толстым золотым галуном; под султаном на верхнем краю шапки помещали круглый репеек, по рисунку подобный официально введенному в 1809 г. репейку.

Технология изготовления шапки довольно значительно стала меняться в 1807—1809 гг., когда колпак стали делать из кожи и обклеивать сукном. Козырек на крючках был заменен на пришивной; края кивера получили кожаную обшивку, по два ремня в виде буквы "V" начали нашивать по бокам.

В мае 1808 г. по указанию Аракчеева на Московской казенной шляпной фабрике начались работы по созданию нового пехотного кивера по образцу представленных французских киверов, которыми были снабжены во Франции пленные чины Лейб-Гвардии Преображенского полка [8, л. 11].

Основой кивера был цилиндрический колпак, формованный из поярка и выкрашенный в черный цвет. Поярковое же дно обклеивалось черной кожей таким образом, что по краю образовывался бортик высотой в один дюйм. Высота самого колпака равнялась 3 7/8 вершка; верхний диаметр превосходил нижний на один вершок. Кожа днища заворачивалась на сам колпак, образуя сверху полосу, пришитую по краю. По бокам нашивались кожаные ремни в виде буквы "V";

Полки армейской тяжелой пехоты по инспекциям, 1802—1807 гг.
(пояснения - на странице 46)

Полки армейской тяжелой пехоты по инспекциям, 1802—1807 гг.
(пояснения - на странице 46)

верхние их концы закрывались кожаной обшивкой днища, нижние — еще одним ремнем, пришитым по нижнему краю кивера. Этот ремень предназначался для подгонки кивера по конкретной голове: сзади на колпаке делали вырез, обшивали его кожей с закруглением сверху и при необходимости стягивали нижним ремнем, застегивающимся на четырехугольную медную пряжку. Под нижний ремень вшивался козырек из толстой юфтяной кожи длиной в три дюйма и с наклоном вниз от края кивера в два дюйма. На козырьке изнутри продавливались канавки: одна в полудюйме от края козырька, другая — у самого места пришивки. Помимо козырька, под нижний ремень вшивалась и

Полки армейской тяжелой пехоты по инспекциям, 1802-1807 гг. (к стр. 44)

Финляндская. Великолуцкий, Рязанский, Невский (1-3). **Санкт-Петербургская.** Лейб-Гренадерский, Павловский гренад.п.; Кексгольмский, Белозерский, Елецкий, Тенгинский, Литовский, Петровский (с 16.05.1803 г.) (4-11). **Лифляндская.** Санкт-Петербургский, Таврический гренад.п.; Черниговский, Тобольский, Севский, Днепровский, Ревельский, Софийский, Копорский (с 16.05.1803 г. по 21.06.1805 г.) и Калужский (с 29.08.1805 г.), Копорский (с 21.06.1805 г.) (12-21). **Литовская.** Екатеринославский гренад.п.; Псковский, Ростовский, Муромский, Архангелогородский, Низовский, Тульский, Волынский (по 21.06.1805 г.) и Могилевский (с 29.08.1805 г.), Костромской (с 29.08.1805 г.), Волынский (с 21.06.1805 г.) (22-31). **Брестская.** Азовский, Выборгский, Староингерманландский, Апшеронский, Рязский, Подольский, Виленский, Пензенский (32-39). **Украинская.** Киевский, Малороссийский гренад.п.; Смоленский, Брянский, Галицкий (по 21.06.1805 г.) и Эстляндский (с 29.08.1805 г.), Галицкий (40-45). **Днестровская** (до 15.11.1804 г.). Сибирский, Херсонский гренад.п.; Нижегородский (46-48).

Полки армейской тяжелой пехоты по инспекциям, 1802-1807 гг. (к стр. 45)

Днестровская (до 15.11.1804 г.). Владимирский, Ярославский, Ладужский, Алексопольский, Козловский, Новоингерманландский, Крышский (с 16.05.1805 г.) (1-7). **Днестровская** (с 15.11.1804 г.). Нижегородский, Владимирский, Ярославский, Алексопольский, Козловский, Новоингерманландский, Крымский, Одесский (8-15). **Крымская** (до 21.06.1805 г.). Троицкий, Витебский, Белевский, Севастопольский (16-19). **Крымская** (с 21.06.1805 г.). Сибирский, Херсонский гренад.п.; Троицкий, Витебский, Ладужский, Белевский (20-25). **Кавказская.** Кавказский гренад.п.; Казанский, Суздальский, Тифлиссский, Кабардинский, Саратовский (с 29.12.1802 г. по 21.06.1805 г.) и Севастопольский (с 21.06.1805 г.), Вологодский (с 16.05.1803 г.), Саратовский (с 21.06.1805 г.) (26-33). **Смоленская.** Московский, Фанагорийский гренад.п.; Пермский, Воронежский, Углицкий, Курский, Полоцкий (34-40). **Киевская.** Московский, Новгородский, Вятский, Нарвский, Бутырский, Колыванский, Полтавский (41-47). **Московская.** Астраханский гренад.п. (48).

полоска некрашеной тонкой кожи, заправляющаяся вовнутрь кивера; к другому ее краю пришивался холстяной колпак, стягивающийся шнуром. Справа под V-образную обшивку крепился подбородный ремень, застегивающийся на латунную пуговицу слева. На гренадерских и фузилерных киверах спереди нашивался кожаный расширяющийся кверху карман для султана. Для защиты от непогоды сзади к киверу крепилась кожаная закругленная на конце лопасть, в обычном состоянии заправленная внутрь колпака. Несколько позже по бокам таким же образом стали пришивать суконные наушники. Кивера "строились" на три обобщенных размера. На строевых нижних чинов в армейский полк предполагалось отпускать по 300 киверов первого, самого большого, размера, по 1000 второго и по 856 третьего. К киверу по бокам подвязывался этишкет — украшение, состоящее из двух плетеных косичек, из кисточки на коротком двойном шнуре слева и из трех кисточек и двух плетеных кордончиков на длинном двойном шнуре справа. Этишкеты рядовых плелись только из белого шнура, этишкеты унтер-офицеров — из белого, черного и оранжевого. С января 1811 г. на унтер-офицерских этишкетах были оставлены пестрыми лишь кисти и кордончики.

Первыми киверами подобного типа был снабжен в сентябре 1808 г. мушкетерский графа Аракчеева полк, но основная масса полков получила их лишь к концу 1809 г.: к сентябрю 1809 г. кивера были разосланы во 2, 3, 4, 7, 9, 10 и 18-ю дивизии и назначены к отправлению в 5, 6, 14, 17, 21, 23, 24 и 25-ю дивизии.

Знаком отличия гренадерского или фузилерного кивера с февраля 1811 г. стала Гренада "о трех огнях", закрепленная над козырьком; прочие подразделения имели Гренаду "об одном огне".

На всех киверах спереди сверху вставлялся репеек — овальная деревяшка с проволочными "усами", обтянутая сукном. Всем унтер-офицерам полагались репейки, разделенные, как и прежние кисти, на четыре сектора по диагонали: верхний и нижний секторы были черно-оранжевые (позже серые), боковые — белые. В батальонах рядовые имели репейки различных цветов: в 1-м батальоне — белые с зеленой серединой, во 2-м — зеленые с белой серединой, в 3-м —

красные с желтой серединой, в 4-м — красные с зеленой серединой [11, ч.7, л. 102].

Сзади репейки обшивались черным сукном.

Цвета репейков изменились в феврале 1811 г. после реорганизации структуры полков. В гренадерском взводе 1-го батальона репеек стал красным, в стрелковом — желтым, в прочих взводах — белым с зеленой серединой. В гренадерском взводе 2-го батальона верхняя (причем большая) часть репейка была красная, нижняя — зеленая; в стрелковом взводе соответственно желтая и зеленая; в других взводах зеленые репейки имели белую середину. В 3-м батальоне система расцветки была такая же, но зеленый цвет заменялся на голубой.

В феврале 1811 г. был введен новый образец султана для гренадерских полков и гренадерских взводов прочих полков: при высоте 9 1/2 вершка султан имел верхний диаметр 3 1/2 вершка, а нижний — 1 вершок; верхушка султана закруглялась.

Всем офицерам армейской пехоты кивер образца 1808 г. был официально присвоен для ношения в строю вместо шляпы в декабре 1809 г. Все кожаные ремни, козырек и дно кивера лакировались; гренада золотилась, как и введенная вместо подбородного ремня медная чешуя. Чешуя состояла из двух половинок, крепящихся на боках кивера и застегивающихся под подбородком; в каждой из половинок на кожаную основу внахлест пришивались фигурно вырезанные медные пластинки, край верхней пластинки закрывала круглая медная бляха. Этикет офицерского кивера плелся из серебряной нити с добавлением в косицах и шнурах черного и оранжевого шелка; стоимость этишкета (13,5 рубля) более чем в пять раз превосходила стоимость самого кивера (2,5 рубля вместе с лакировкой) [14, л.1]. Своеобразным производением искусства являлись офицерские репейки: на поле, состоящем из черных и оранжевых зубчатых горизонтальных полос, помещалось изображение вензеля Александра I (с короной или без нее); центральный медальон по краю обшивался серебряным шнуром, а на штаб-офицерских репейках — серебряными блестками (такой репеек в документах назывался "шишкой с блестками").

Офицеры гренадерских полков и гренадерских рот носили черные султаны на ки-

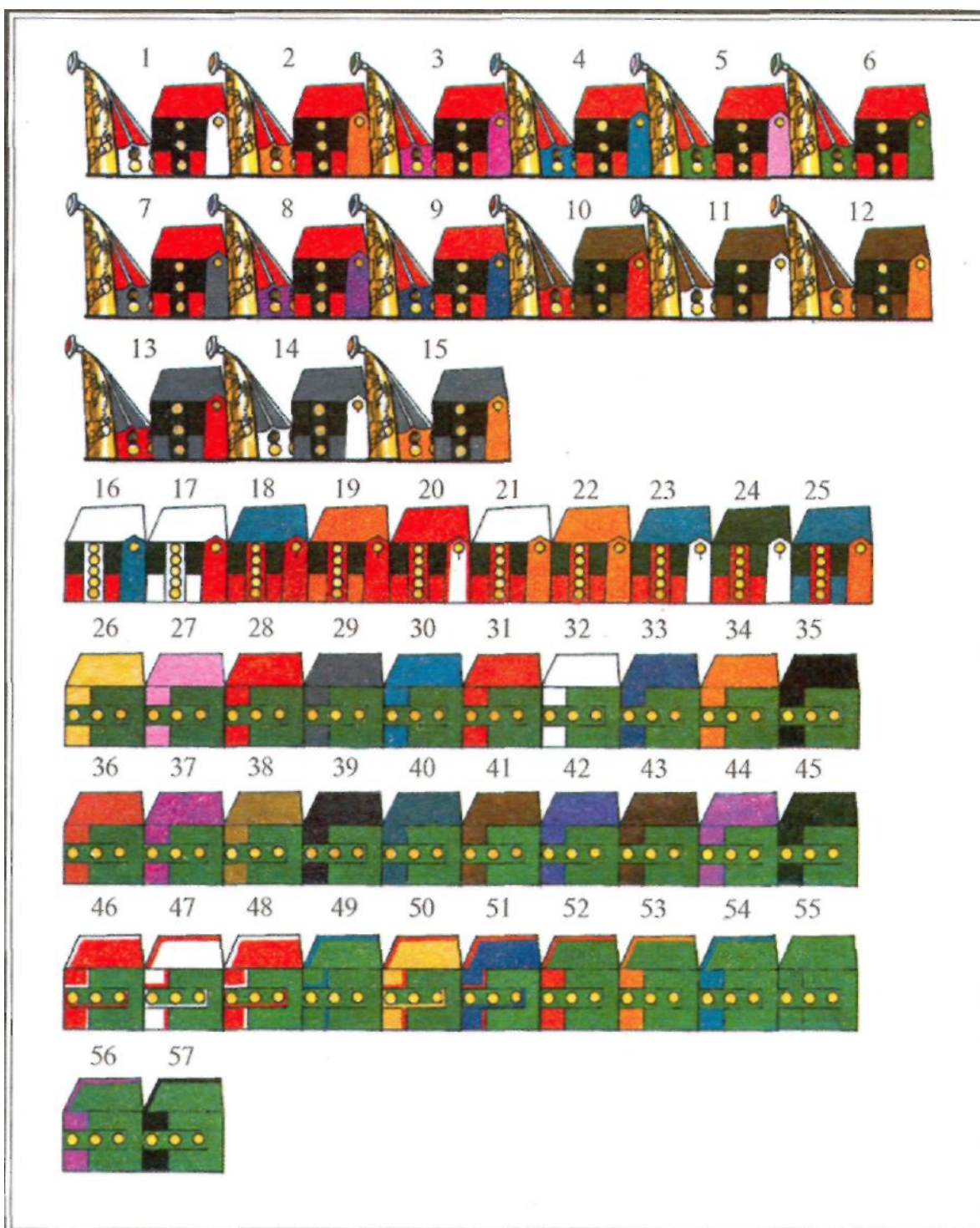
вере, подобные султанам нижних чинов. С 1811 г. новые султаны получили офицеры гренадерских полков и гренадерских взводов.

Оранжевый и черный шелк вскоре сохранился лишь в центре кистей этишкета.

В январе 1812 г. был принят новый образец кивера, отличавшийся от прежнего рядом технологических и габаритных характеристик. Колпак кивера теперь делался из кожи, на которую наклеивалось черное сукно. Высота кивера несколько уменьшилась, так что зрительно расширение кверху стало более заметно. Дно получило небольшой прогиб вниз от переднего края к заднему. В первых образцах отсутствовали задняя лопасть и наушники, хотя позже, в ряде случаев, они вновь стали пришиваться. Остальные элементы прежнего образца были сохранены; кожаный карман спереди делался теперь на всех киверах. Все подбородные ремни должны были быть заменены на чешую, как на офицерских киверах, но без позолоты. Изготовление чешуи в частных мастерских было строго запрещено; поставки их в полки намеревалось производить централизованно. Но так как открывшиеся в 1812 г. боевые действия выдвинули слишком много других, более важных задач, то даже в 1815 г. чешуи не имели многие гренадерские полки, не говоря уже о пехотных и егерских.

В сентябре 1811 г. был описан и разослан в дивизии новый образец фуражной шапки нижних чинов. Невысокий околыш шапки пришивался к тулье в виде срезанного конуса с круглым дном. В тяжелой пехоте тулья выкраивалась из темно-зеленого сукна, околыш — из красного. Все части шапки, особенно тулья и дно, подшивались несколькими слоями холста, причем дно несколько раз прострачивалось по кругу, придавая шапке заданную форму.

Между околышем и тульей и между тульей и дном вшивались цветные выпушки, позволяющие узнать номер батальона. В гренадерском взводе 1-й гренадерской роты обе выпушки были красные, в стрелковом — обе желтые; в прочих ротах 1-го батальона обе выпушки были белые. В гренадерском взводе 2-й гренадерской роты верхняя выпушка была зеленая, нижняя — красная; в стрелковом взводе — зеленая и желтая; в трех других ротах 2-го батальона обе выпушки были зеленые. В третьем батальоне

Полки армейской тяжелой пехоты по инспекциям, 1802—1807 гг.
(пояснения - на странице 50)

Гарнизонные полки и батальоны по инспекциям.
(пояснения - на странице 50)

вместо зеленых выпушек вшивались голубые. На передней части околыша, помимо того, нашивались из желтого шнура (а в ряде случаев красились по трафарету или прорезались и подкладывались желтым сукном) шифровки номеров рот (кроме гренадерских), например, "1.Р.". Позднее шифровки стали проставляться и в гренадерских ротах.

В некоторых отдельных соединениях допускались отхождения от установленного вида фуражной шапки: например, в Дунайской армии принятые для постоянного ношения шапки в начале 1812 г. получили киверные козырьки и шифровки из шнура батальонных цветов (то есть белого, зеленого или голубого).

На некачественно сделанных или сильно изношенных фуражных шапках тулья размягчалась и обвисала вниз, придавая им крайне

Полки армейской пехоты по инспекциям, 1802—1807 гг. (к стр.48)

Московская. Шлиссельбургский, Нашебургский, Тамбовский, Орловский, Старооскольский, Навагинский, Украинский, Саратовский (до 29.12.1802 г.) и Куринский (с 29.12.1802 г.), Олонецкий (1-9). **Оренбургская.** Рыльский, Уфимский, Екатеринбургский (10-12). **Сибирская.** Шир-ванский, Томский, Селенгинский (13-15). **Мушк. полки, сформированные 30.11.1806 г.:** Перновский, Камчатский, Либавский, Мишрельский, Вильманstrandский, Брестский, Кременчугский, Минский, Нейшлотский, Охотский (16-25). **Егерские полки:** 1-32 (26-57)

Гарнизонные полки (п.) и батальоны (б.) по инспекциям. (к стр.49)

Лейб-Гвардии 6.(1). Санкт-Петербургская: Кронштадтский п.; Нарвский, Новгородский, Псковский, Шлиссельбургский, Митавский (с 3.08.1804 г.) б-ны (2-7). Московская: Московский п.; Тверской, Владимирский, Нижегородский, Тамбовский, Воронежский, Саратовский б-ны; Архангелогородский п.; Великоустюжский, Вологодский, Пензенский б-ны (8-18). **Финляндская.** Выборгский п., Фридрихсгамский п., Роченсальмский п.; Вильманstrandский, Кексгольмский, Нейшлотский б-ны (19-24). **Лифляндская.** Рижский п., Ревельский п.; Динамундский, Перновский, Аренбургский б-ны (25-29). **Литовская** (с 3.08.1804 г.). Гродненский, Виленский, Минский б-ны (30-32). **Смоленская.** Смоленский, Витебский, Могилевский б-ны (33-35). **Киевская.** Киевский п. (36); Екатеринославский б. (37). **Днестровская.** Херсонский п. (38); Очаковский б. (39). **Крымская.** Ахтиарский п. (40); Перекопский б.(41). **Кавказская.** Астраханский п., Димитриевский п.; Царицынский, Азовский, Таганрогский, Моздокский б-ны; Киз-лярский полк; Владикавказский б-н.(с 3.08.1804 г.) (42-49). **Оренбургская.** Оренбургский п., Казанский п.; Орский, Кизильский, Верхнеуральский, Троицкий, Звериноголовский, Симбирский, Вятский, Уфимский б-ны. Оренбургские линейные б-ны (с 15.01.1805 г.): 1, 2, 3, 4-й (50-63). **Сибирская.** Тобольский п.; Томский, Омский, Петровский, Семипалатинский, Желензенский, Бийский б-ны; Иркутский п. (64-71), Селенгинский п. (72); Камчатский б. (73). **Днестровская** (на 15.11.1804 г.). Херсонский п. (74); Очаковский б. (75).

непрезентабельный вид.

Офицеры в 1811 г. получили довольно удобный головной убор для ношения вне строя (возможно, ранее для этого использовались фуражные шапки-колпаки, соответствующим образом украшенные). По своему виду он был подобен фуражной шапке нижних чинов, но к околышу пришивался козырек, как на кивере. Шифровка на околыше отсутствовала; возможно, и батальонные выпушки заменялись на красные. Офицерская фуражная шапка неплохо защищала глаза от солнца, а голову от дождя, но была довольно дорогой и прихотливой: большинству офицеров хорошо сшитую фуражку просто жалко было использовать в походных условиях. Поэтому в неофициальной обстановке офицеры нередко носили шапки без козырька, намеренно делая их более легкими и мягкими, чем шапки нижних чинов. В 1812 г. распространению этой моды немало способствовал сам М.И. Кутузов, носивший кирасирскую фуражку на израненной голове.

Введенный для нижних чинов тяжелой пехоты мундир фрачного покроя соответствовал общеевропейской моде. На его изготовление шло грубое темно-зеленое сукно, на подкладку — красная каразая. Высокий стоячий воротник обшивался приборным сукном присвоенного инспекции цвета; из такого же сукна делались круглые обшлаги, по верхнему и нижнему краю пришитые к рукаву. На обшлаги нашивались темно-зеленые клапаны с тремя прорезными петлями. Изначально предполагалось, что обшлаги будут застегиваться на 2 пуговицы, для чего под клапаном делался разрез. Но довольно скоро подобное "ухищрение" стало привилегией офицеров и немногих щеголей из нижних чинов (в большинстве гвардейцев); кроме того, обшлаги расстегивались и у унтер-офицеров, так как им приходилось носить перчатки с крагами; у всех остальных клапан и все три пуговицы играли лишь декоративную роль. Довольно часто клапан был не прямоугольный, а фигурный (с мысками). Клапаны ряда вновь сформированных полков отличались пятью (вместо трех) пуговицами и кроились из цветного сукна. Кафтан был двубортный, на правой стороне заноса нашивалось 7, а на левой — 6 пуговиц; петли прорезались на левой стороне. Длина кафтана от воротника до лифа ненамного превышала длину фалд от

лифа. Из двух фалд левая несколько прикрывала правую; боковые стороны фалд обкладывались красным сукном, в местах схождения обкладок нашивались пуговицы. Форма фалд нередко зависела от полковых традиций; внешние края могли вырезаться либо прямо, либо с изгибом вовнутрь или наружу. Еще две пуговицы полагалось пришивать на лифе; как и седьмая пуговица на правом заносе, они предназначались для фиксации поясной портупей. Плечи мундира в описываемый период, как правило, зауживались по давно установившейся моде; плечевые швы "заваливались" назад, за линию плеч. В швы рукавов на плече вшивались пятиугольные погоны, пристегивающиеся на пуговицы у воротника. Погоны были двухслойные, приборное сукно сверху пришивалось к темно-зеленому мундирному.

Цвета погон назначались по старшинству полков в инспекции. Для десяти возможных полков тяжелой пехоты предусматривались цвета: красный, белый, желтый, светло-малиновый, бирюзовый, розовый, светло-зеленый, серый, лиловый, синий. Четырнадцати инспекциям были присвоены следующие цвета приборного сукна: Финляндской — желтый, Санкт-Петербургской — красный, Лифляндской — бирюзовый, Литовской — светло-зеленый, Брестской — палевый, Украинской — розовый, Днестровской — лиловый, Брестской — плашневый, Кавказской — синий, Смоленской — белый, Киевской — светло-малиновый, Московской — оранжевый, Оренбургской — верблюжий, Сибирской — серый.

Унтер-офицеры имели лишь один, правый, погон на мундире; нижний и боковые края воротника и верхние края обшлагов обшивались золотым галуном. В октябре 1803 г. унтер-офицерам было положено носить два погона.

В декабре 1807 г. на мундирах упразднили седьмую пуговицу на правой стороне заноса и укоротили фалды, с апреля 1809 г. унтер-офицерский галун переместился с нижнего края воротника на верхний.

Учрежденные в 1806 г. полки (Перновский, Камчатский, Либавский, Мингрельский, Вильманстрандский, Брестский, Кременчугский, Минский, Нейшлотский, Охотский) получили особое отличие — пять вместо трех пуговиц на клапаны.

С января 1812 г. все мундиры пехоты стали шиться с воротниками нового покроя:

низкий, до подбородка, воротник теперь застегивался на три крючка.

При образовании дивизий в 1806 г. полки не сразу перешли на иную систему отличий погон, но в 1807 г. эта система была введена: все полки теперь имели красные воротники и обшлага, а погоны — по старшинству полка в дивизии: красные, белые, желтые, темно-зеленые с красной выпушкой, светло-синие или планшечные. На погонах, кроме того, появилась шифровка в виде номера дивизии с точкой; на желтых и белых погонах шифровка выкладывалась из красного шнура, на прочих — из желтого. В 1811 г. для всех гренадерских полков были назначены красные погоны с заглавными начальными буквами названия полка: в Лейб-Гренадерском это были буквы "Л.Г.", в Санкт-Петербургском — "СП.", в Таврическом — "Т.", в Ека-теринославском — "Е.", в Московском — "М.", в Астраханском — "А.", в Киевском — "К.", в Сибирском — "С", в Фанагорийском — "Ф.", в Херсонском — "Х.", в Грузинском — "Г.", в гренадерском графа Аракчеева — "Г.А.", в Малороссийском — "М.Г.", в Павловском — "П.". В новых полках, Кексгольмском и Перновском, это были литеры "К.Г" (?) и "П." (Павловский полк, который имел литеру "П." прежде, был переведен в Гвардию). С 1814 г. переименованным полкам (Санкт-Петербургскому и Кексгольмскому) были присвоены новые шифровки — "FWR" и "F1". С 1814 г. желтый цвет погон стал привилегией гренадерских полков; для пехотных и морских полков были оставлены цвета: красный, белый, светло-синий, темно-зеленый с красной выпушкой.

Нижние чины Лейб-Гренадерского полка на воротнике и клапанах обшлагов носили петлицы из белой тесьмы.

Мундиры музыкантов с 1802 г. отличались расшивкой белой тесьмой и наплечниками из темно-зеленого сукна. Тесьма на свободных краях (край левого заноса и края наплечников) нашивалась в половину ширины. На левом заносе и на клапанах вокруг петель выкладывались двойные петлицы, на верхних половинах рукавов — по шесть рядов тесьмы углами вверх, на крыльцах — по четыре вертикальных ряда. Батальонные и полковые барабанщики и музыканты имели унтер-офицерские нашивки на воротнике и обшлагах; кроме того, отличалась и схема расшивки: на

рукавах нашивалось по семь углов, тесьмой обшивались все швы мундира, нижний край бортов, край левого заноса и обкладка фалд.

Покрой музыкантского мундира значительно изменился в январе 1812 г.: вместо двубортного музыканты получили однобортный мундир, застегивающийся на крючки. Обновилась и схема расшивки: на груди теперь выкладывалось по 6 двойных петлиц с каждой стороны; на концах петлиц пришивались играющие чисто декоративную роль пуговицы.

Для учрежденного в 1815 г. звания "тамбурмажор" были разработаны особые отличия мундира: вся тесьма заменялась на золотой или серебряный, по выбору командира полка, галун. При унтер-офицерских отличиях тамбурмажоры носили эполеты генеральского образца (цвета галуна); поле эполет обшивалось галуном с красной продольной полосой. Тогда же все музыканты, вне зависимости от чина, получили обшивку на все швы и на фалды, а на рукава — по 8 углов. Своеобразной компенсацией стало то, что унтер-офицерские галуны были сохранены лишь тем, кто действительно носил этот чин.

В марте 1802 г. нижние чины тяжелой пехоты получили панталоны двух видов: зимние белые суконные и летние полотняные. Покрой и тех, и других был схожим. Панталоны заправлялись в сапоги, их нижние края находились на 5 вершков выше каблуков; края широкого "лацбанта" закрывались полами мундира. На лацбанте и сзади на поясе пришивались обтяжные кожаные или деревянные пуговицы для пристегивания помочей. На боковых швах панталон снизу пришивались кожаные пуговицы. Эти пуговицы вдевались в петли на ушках изнутри высоких круглоносых сапог. Сзади на голенищах сапог делался вырез глубиной в вершок. Высота сапога равнялась 8 вершкам (от каблука), высота каблука составляла 1/2 вершка.

Уже в декабре 1807 г. конструкция панталон изменилась: для большего удобства высокие сапоги были заменены на низкие с мягкими голенищами, а зимние панталоны получили кожаную обшивку ниже колен (краги). Краги с внешней стороны застегивались на 7 мундирных пуговиц и имели, кроме того, кожаную штрипку, проходившую под каблуком. Интересно, что в приказе на введение панталон содержалась прямая ссы-

ка на образцы "потемкинской" формы. Первоначально панталоны делали довольно тесными, особенной изящности добивались закройщики столичного гарнизона. Но после того как на смотру в 1808 г. гренадер Лейб-Гренадерского полка упал и из-за чрезмерно узких панталон долго не мог подняться, приказано было шить их "гораздо шире" (12, л.458). Во время похода краги с панталон нередко снимали (115, стр.127).

Существенно усложнился покрой летних панталон: нижний их край почти полностью закрывал сапог, спереди подшивались "kozyрьки", по бокам панталоны застегивались на обтяжные пуговицы.

Летом зимние панталоны обычно хранили на квартирах. В 1812 году отправленные в тыл перед самой кампанией зимние панталоны многих полков затерялись, и вплоть до Тарутинского лагеря полки эти вынужденно "щеголяли" в полотняных панталонах (что, несомненно, приводило к росту заболеваемости). К счастью, все солдаты, как правило, имели походные шаровары, носимые в большинстве случаев, что позволяло сберечь маркое казенное имущество.

Все нижние чины с начала царствования Александра I перешли на ношение шинели — одежды, на долгое время ставшей для солдата одним из самых употребляемых и, не будет преувеличением сказать, самым любимым предметом гардероба.

Шинель шилась из грубого некрашеного сукна различных оттенков серовато-рыжеватого цвета: главным условием для снабжения было соблюдение единого оттенка в каждом полку. Воротник и погоны шинели по крою и цвету соответствовали мундирным, с той лишь разницей, что на унтер-офицерских шинелях галун не нашивался. Спереди шинель застегивалась на семь мундирных пуговиц, нижняя пуговица нашивалась немного ниже талии. Позади от самого воротника закладывалось 5 вертикальных складок, зафиксированных на лифе хлястиком из двух частей. При расстегнутом хлястике запас сукна в складках позволял сделать шинель подобием широкого плаща, который по необходимости можно было надеть поверх амуниции или полушубка. Кроме того, расстегнув хлястик, можно было скрутить из шинели длинную скатку. При ночевках солдат также

Армейская пехота, 1807—1808 гг.

Рядовой мушкетерских полков, гренадерский унтер-офицер, рядовой егерских полков, штаб-лекарь, обер-офицер мушкетерских полков в походной форме

имел возможность отвернуть достаточно широкие круглые обшлаги рукавов из шинельного сукна и, таким образом, защитить руки от холода.

Шифровки на шинельных погонах появились, очевидно, одновременно с мундирными. Несмотря на это, нужно признать, что во многих случаях шифровок на погонах шинели не было, что, очевидно, было связано с особенностью производства шинелей, во многих случаях изготавливавшихся централизованно и рассылаемых в действующие части.

В 1806 г. из-за недостатка серого сукна шинели для целого ряда полков шили из темно-зеленого сукна, по тем или иным причинам не принятого для изготовления мундиров. Такие шинели, например, получили Фанагорийский и Малороссийский гренадерские, Бутырский, Новгородский, Смоленский и Олонецкий мушкетерские и 8-й Егерский полки [18, л.30]. В 1812-1815 гг. по той же причине "строилось" немало шинелей из черного, синего, белого, темно-зеленого или некрашеного крестьянского сукна [33, ч.1].

В 1809—1810 гг. было проведено грандиозное по масштабам мероприятие, а именно уравнивание сроков службы вещей по полкам. Если ранее в одном и том же полку числились однотипные вещи разной степени износа (что, несомненно, затрудняло снабжение), то теперь каждый полк в положенное время получал подлежащие замене вещи на "полный комплект" (то есть на всех нижних чинах) [10].

Шея солдата закрывалась черным суконным галстуком с подкладкой из холста, завязывающимся сзади черными тесемками. Высота и длина "ленты" галстука подгонялись под конкретного человека. Спереди к ленте подшивалась небольшая черная манишка такой ширины, чтобы при расстегнутой верхней пуговице мундира и при поднятой голове из-под манишки не высывалась рубаша. До 1809 г. в галстук для лучшего вида иногда вставлялась кожаная прокладка (подгалстучник), не позволяющая галстуку сминаться. Несомненно, эта прокладка причиняла беспокойство при ношении; тем более странно, что в ряде случаев почин исходил от самих солдат, следующих за капризной модой.

Все нижние чины, как и прежде, получали на год две холстинные рубашки с низким воротником-стойкой и с завязкой ниже шеи.

На ноги под сапоги наматывались портянки (онучи) или надевались шерстяные (нитяные) чулки, которые солдаты нередко вязали сами. В холодное время года солдаты надевали суконные рукавицы, цвет которых окончательно был определен в 1808 г., когда их было положено шить из шинельного сукна.

Основные элементы солдатской амуниции остались прежними: в 1802 г. это были поясная португеза, патронная сума на перевязи через плечо, ранец и водоносная "фляга" (манерка).

К лосиной выбеленной португее шириной в 1 1/8 вершка пришивались две лопасти для тесачных и штыковых ножен; португеза имела латунную подвижную пряжку. Правильно надетой считалась португеза, задний конец штыковой лопасти которой находился между двумя пуговицами на лифе. Желобки на краях португеи предохраняли ее от растягивания.

Совершенно не изменился вид патронной сумы на белой лосиной перевязи шириной в 2 1/8 вершка и с желобками по краям. Черная крышка сумы украшалась круглой бляхой "желтой меди" с изображением двуглавого орла; в гренадерских ротах в четырех углах крышки, кроме того, помещались латунные же одноогневые гранаты, повернутые огнями к центру. Четыре унтер-офицера в каждой гренадерской роте носили патроны в черных кожаных подсумках на португее. На крышке подсумка помещалась круглая бляха с орлом.

В конце 1807 г. вид перевязи сумы, а особенно португеи, изменился. Португею велено было носить через правое плечо; в единственную лопасть вставлялись тесачные или штыковые ножны (в первом случае крючок штыковых ножен зацеплялся за край португеи позади лопасти). Ширина португеи сравнялась с шириной перевязи; оба ремня по краям стали прострачивать. Подвижная пряжка на португее была заменена на латунную со шпеньком, пришитую рядом с лопастью (многие португеи делали вообще без пряжки). Солдат в первую очередь надевал португею, а затем и суму на перевязи.

Рядовые через правое, а унтер-офицеры через левое плечо носили цилиндрический ранец из черной "яловочной" кожи. Крышка ранца шириной в 5 вершков застегивалась на

три железные пряжки и на две кожаные пуговицы. В разделенном холстинной перегородкой на две части внутреннем пространстве ранца должны были уместиться: в одной части — трехдневный запас сухарей, в другой — полушубок, две рубахи, портянки, шерстяные носки, зимние или летние панталоны, щетки, вакса, мыло, мел и прочие нехитрые принадлежности солдатского быта. На круглых боках ранца пришивались две железные пряжки, к которым пристегивался беленый кожаный ремень шириной в $\frac{2}{3}$ вершка. Длина ранца составляла 9 вершков, диаметр — $4\frac{3}{4}$ вершка. К ранцу узкими белыми ремнями привязывалась манерка прежнего образца из двойной жести. Высота ее определялась в $4\frac{1}{2}$ вершка (с крышкой), ширина — в $3\frac{3}{4}$ вершка, толщина — в $1\frac{3}{4}$. Поверх ранца с 1805 г. крепилась и скатанная в плотный цилиндр шинель (до 1805 г. шинели возили в обозе).

Нередко во время сражений перед атакой солдаты снимали ранцы и оставляли их на земле. "Бросание ранцев... делает... (русскому солдату. — И.У.) огромную честь, — писал долгое время служивший в русской армии А.Ф. Ланжерон. — Эти тяжелые и неудобные ранцы содержат все, чем владеют наши солдаты; не только то, что отпускает им казна, но еще и все, что составляет их собственность... и ни один человек не поколебался ни одной минуты их бросить... чтобы быть более ловким и иметь возможность лучше сражаться" [91, 1901, №2, прилож., стр.84].

С 1808 г. в обращение были введены четырехугольные ранцы из черной кожи с застегивающимися на три железные пряжки крышками, носимые на двух белых ремнях через оба плеча. Размеры ранца были определены экспериментально: в него должны были помещаться сухари (трехдневный запас), 2 рубахи, панталоны, портянки, фуражная шапка, "товар" (то есть составляющие части) на одну пару сапог, полунагалище, 12 кремней, 3 щетки, 2 терки, дощечка для чистки пуговиц, мел, вакса и чемоданчик с нитками, мылом, клеем, шольником, фаброй для усов, фабреною гребенкой, песком и кирпичом. "Фляга" (или манерка) по-прежнему привязывалась посередине крышки ранца. Вместе с манеркой и с летними панталонами ранец весил 25 фунтов (10,2 кг), а с зимними панталонами — 26,25 фунта (10,75

кг). В теплую погоду через левое плечо солдат надевал шинель, свернутую в длинную скатку, концы которой стягивались у правого бедра белым ремешком. В конце 1808 г., кроме того, в гвардейских полках шинель могли носить, как и прежде, в виде плотной цилиндрической скатки, привязывая ее поверх ранца.

В дальнейшем эта система подверглась целому ряду изменений: в 1809 г. к двум плечевым ремням ранца был добавлен третий, пришитый одним концом к левому ремню и застегивающийся на железную пряжку с гайкой. Нагрудный ремень должен был проходить между вторым и третьим рядами ' пуговиц; левый плечевой ремень надевался поверх скатки. В 1810 г. плечевые ремни стали делать с изгибом у плеча и прострачивать по краям. Зимние панталоны нередко разрешали носить не внутри ранца, а привязывать сверху. Манерку в ряде случаев надевали на ремне через левое плечо [47] или привязывали к скатке.

16 унтер-офицеров гренадерских рот гренадерских полков имели на вооружении винтовальные ружья, остальные унтер-офицеры линейной пехоты — алебарды: фельдфебели — "длинные" с узким лезвием и крестовиной, прочие унтер-офицеры — "короткие" с широким фигурным лезвием. В 1805 г. в гренадерских полках по 4 унтер-офицера каждой фузилерной роты вместо алебард получили ружья. В 1809 г. алебарды были оставлены только фельдфебелям, а в 1811 г. окончательно сняты с вооружения полевой пехоты. В боевых условиях от алебард отказывались и ранее: так, в 1805 г. в войсках графа Буксгевдена перед походом алебарды были сданы в комиссариатское ведомство; даже в 1808 г. эти полки еще не получили их обратно [9, л. 156].

В январе 1808 г. в ротах было убавлено по 12 ружей, сум и тесаков.

В каждую роту пехотного полка выдавалось для ношения 20 топоров, 10 лопат и 5 кирок и мотыг (таким образом, более половины солдат средней шеренги несли на себе шанцевый инструмент). Длина топорика определялась в 1 аршин $\frac{1}{2}$ вершка, длина древка лопаты — в 1 аршин. Железные части лопаты и топора вставлялись в чехлы, сделанные из отслуживших срок патронных сум; ремни для инструмента вырезались из старых

портупей и перевязей. Чехол для топора имел ширину $5 \frac{3}{4}$ вершка вверх и 6 вершков вниз; чехол для лопаты при ширине $5 \frac{1}{4}$ вершков имел длину $6 \frac{1}{2}$ вершка.

Офицерский мундир по покрою незначительно отличался от мундира нижних чинов: фалды были длиннее, обшлага и клапаны рукавов — меньше по размеру, сзади на уровне лифа вшивались карманные клапаны с тремя мысками и тремя пуговицами под ними; на швах фалд прорезались прорехи вертикальных карманов, прикрытые небольшими клапанами. Края фигурно вырезанных офицерских погон обкладывались золотым галуном; ряды позолоченных пуговиц на груди нередко пришивались очень близко друг к другу. В основе некоторых правил военной "моды" лежали комические ситуации. Согласно широко известному анекдоту, в начале 1800-х гг. Александр явился на развод караулов с не-застегнутыми пуговицами на клапанах; на замечание адъютанта он отвечал, что Император "не может быть одетым не по форме". Уже на следующий день офицеры столичного гарнизона, а за ними и всей армии, перестали застегивать две пуговицы на клапане обшлага; только лишь к середине десятих годов расстегнутой стали оставлять одну пуговицу. На узких концах фалд пуговицы не пришивались, не было и 13-й пуговицы на груди, как у нижних чинов. Качество сукна и изящность пошивки мундира более всего зависели от благосостояния владельца: в войсках сосуществовали мундиры из тончайшего, но очень плотного английского сукна и грубо пошитые одеяния из ворсистой солдатской ткани.

Полки, чьими шефами являлись "принцы крови" (представители родственных европейских владетельных домов), отличались петлицами на воротнике и обшлагах офицерских мундиров, по рисунку схожими с петлицами Лейб-Гвардии Егерского батальона (двойные катушки из позолоченной нити с вышивкой золотой канителью между ними и с двумя шитыми же "бортиками" по бокам). В 1813 г. в Киевском гренадерском, а в 1815 г. и во всех остальных армейских полках прежние петлицы были отменены и тут же вновь присвоены офицерам двух гренадерских полков (Санкт-Петербургского и Кексгольм-ского), получивших шефство зарубежных мо-

нархов. Петлицы носили и офицеры Лейб-Гренадерского полка, шефом которого был сам Император.

В 1807 г. офицеры получили право ношения эполет. Первоначально не существовало строго установленных образцов этого нового элемента офицерского обмундирования, поэтому виды эполет значительно различались. Конструктивно эполет состоял из жесткого поля, обтянутого полковым сукном и обшито по краям золотым галуном, и полукружия из скрученного золотого жгута. На поле выкладывалась из галуна или шнура петля для пуговицы; сама пуговица в первые годы нередко нашивалась на воротнике, затем — на плече мундира у нижнего края воротника. Полукружие изначально состояло из одного толстого валика или из толстого и тонкого валиков, позднее — из двух тонких и толстого. Штаб-офицерские эполеты отличались золотой бахромой по краю полукружия: первые такие эполеты были похожи на уланские — густая бахрома на них торчала горизонтально. На следующих образцах из-под нижнего валика вниз свисала тонкая бахрома. На генеральских эполетах бахрома делалась из золотой канители. Подбой эполет кроился из красного сукна. Поле эполет, сначала почти ровное по всей длине, к десятиым годам века начали расширять в том месте, где крепилось полукружие.

Почти сразу эполеты получили шифровку по образцу погон нижних чинов. Цифры или буквы шифровки могли вышиваться золотой нитью или выкладываться галуном. На белых или желтых эполетах под шифровку под-кладывали красное сукно.

Для крепления эполета на плече мундира помещался контр-эполет — пришитая по двум краям галунная полоска, подложенная красным сукном. Нередко для лучшей фиксации у самого рукавного шва нашивали еще одну полоску мундирного сукна, под которую продевался клапан на оборотной стороне эполета.

Офицеры тяжелой пехоты постоянно носили белые суконные или полотняные панталоны, заправленные в высокие сапоги. В октябре 1802 г. для облегчения на походе офицеры получили серые походные рейтузы, носящиеся навывпуск и застегивающиеся на боках по всей длине на 18 плоских медных пуговиц. По нижним краям и в шагу рейтузы

могли обшиваться тонкой кожей, но в большинстве кожаная обшивка использовалась только офицерами, которым полагалось быть в строю верхом. Количество пуговиц на рейтузах нередко менялось, а иногда края просто сшивались между собой. Позднее в обиход вошли темно-зеленые суконные панталоны, заправляющиеся в сапоги, и летние панталоны из белого полотна с козырьками (как у нижних чинов). В 1814 г. после завершения боевых действий офицерам несколько запоздало приказали перейти на ношение новых походных серых рейтуз без застежек на боках и кожаной обшивки; по боковым швам проходила красная выпушка, по бокам от нее нашивалось два красных же лампаса.

Широкая офицерская шинель застегивалась на 8 пуговиц и имела два воротника, один из которых по цвету и крою совпадал с мундирным, а другой (пелерина), из шинельного сукна, свободно свисал вниз. Рукава завершались широкими круглыми обшлагами шинельного сукна. В холода шинель могла подбиваться мехом, ватой и клеенкой, мехом могли обшивать и воротник. Шинель оказалась весьма неудобной, особенно во время боевых действий. Поэтому офицеры с удовольствием приняли официально введенный в 1809 г. двубортный сюртук из темно-зеленого сукна с мундирным воротником и круглыми обшлагами (подобные сюртуки носили в походах и раньше). Сюртук имел красную подкладку; отвороты бортов подшивались красным сукном. Обшлага изначально были темно-зелеными, но уже в 1811 г. этот цвет остался привилегией Гвардии, а армейские сюртуки стали отличаться красными обшлагами. Сзади ниже лифа к сюртуку пришивались вертикальные карманные клапаны с красной выпушкой и с тремя пуговицами каждый. Сюртук обычно мог застегиваться и на правую, и на левую стороны, поэтому петли прорезались на обоих бортах. С 1810 г. на сюртуках разрешили носить эполеты [28]. В зимнее время сюртук утепляли с помощью различных подкладок.

Офицеры Лейб-Гренадерского полка, подобно гвардейцам, с 1802 г. носили вместо погон аксельбант на правом плече (одна косица свисала впереди, другая — позади плеча), с 1807 г. — аксельбант и эполет с золотым полем без шифровки на левом плече, с 1809 г. — два золотых эполета.

Аксельбанты на правом плече изначально полагались и всем адъютантам; с марта 1812 г. они остались привилегией только генеральских адъютантов [38, ч.2].

Форма офицерского знака совершенно не изменилась с павловских времен, лишь с груди орла убрали изображение креста св. Иоанна Иерусалимского.

Новый образец знака был утвержден в ноябре 1808 г.; ширина поля существенно уменьшилась, форма его стала более серповидной. На армейских знаках прежний сложный медальон заменили на крупного орла с опущенными крыльями и с венком и перунами в лапах. Знаки технологически различались на два вида: медные посеребренные и целиком серебряные. Серебряные знаки, как правило, являлись собственностью полка и могли передаваться от одного владельца другому. Три основные части знака — поле, ободок поля и орел — по отдельности или все вместе золотились; сочетание серебряных и золотых частей говорило о чине офицера. Прапорщику полагался полностью серебряный знак, подпоручику — серебряный с золотым ободком, поручику — серебряный с золотым орлом, штабс-капитану — серебряный с золотыми ободком и орлом, капитану — позолоченный с серебряным орлом; штаб-офицерские знаки золотились полностью. Черная с оранжевой каймой шейная лента крепилась изнутри знака.

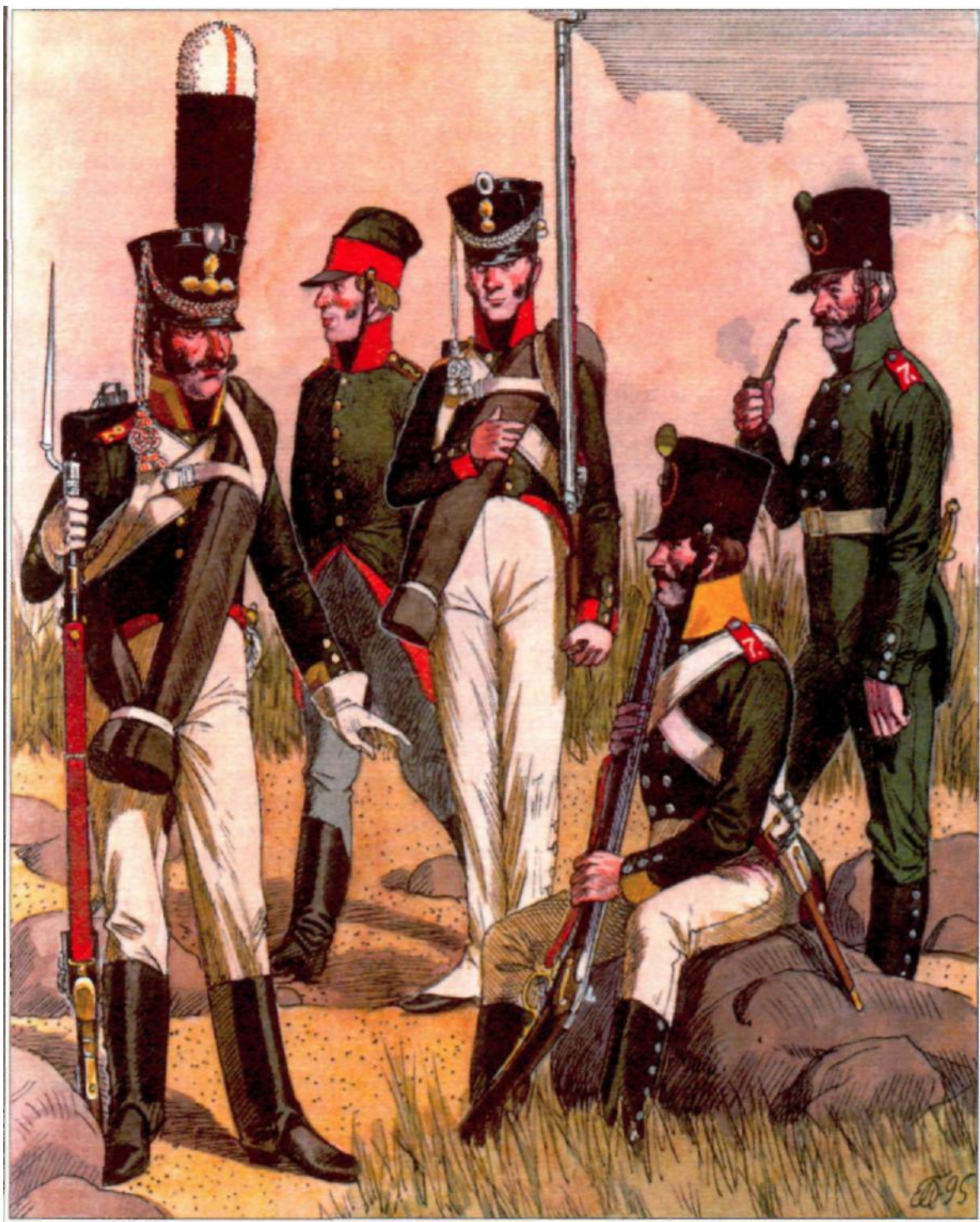
Не претерпели принципиальных изменений и офицерские шарфы (с них лишь совершенно исчез малиновый цвет). По-прежнему вид и размеры кистей зависели, как правило, от воображения и технологических возможностей производителей. Правда, военное руководство пыталось полностью централизовать производство на фабрике офицерских вещей (по иконографическим источникам и по сохранившимся раритетам можно установить, что благое начинание не получило широкого распространения). На фаб-рике делались шарфы двух видов: "двойные" (из двойной нити) для штаб-офицеров и "одинакие".

В феврале 1812 г. "для уменьшения издержки обер-офицеров на обмундирование" Император повелел обер-офицерам армии заменять серебряные шарфы, темляки и этишкеты на белевые (из белого шелка), а золотую обкладку эполет — на бронзовую "штам-

Армейская пехота, 1809—1811 гг.

Обер-офицер егерских полков, обер-офицер гренадерских полков (шефских), рядовой егерских полков, штаб-офицер мушкетерских полков в сюртуке.

Армейская пехота, 1809—1811 гг.

Гренадерский унтер-офицер, нестроевой, рядовой мушкетерских полков, рядовой
гарнизонных полков, инвалид

повку". При этом не запрещалось донашивать вещи из драгоценных металлов или приобретать таковые за собственные средства.

С 1807 г. офицеры Петербургского гарнизона, а годом позже и остальные обязаны были на походе носить ранцы по образцу батальона Императорской милиции, а потом по образцу ранцев нижних чинов. Офицерские ранцы в большинстве случаев носили чисто декоративную роль, поэтому размеры их, особенно толщина, уменьшались. Крышки ранцев были короче, чем у нижних чинов, а ремни крышек белились (судя по иконографическим источникам). "Водоносные фля-жи" офицерам не полагались.

Основным оружием офицера оставалась шпага образца 1798 г. в ножнах нечерненой кожи. Устье и конец ножен обкладывались латуной. При зеленых панталонах офицеры носили шпагу на черной перевязи, в других случаях — на белой.

Во время боевых действий шпагу в офицерском вооружении заметно теснили различные виды сабель (схожие с саблями легкой кавалерии на поясных португезах или восточные на шелковых плечевых перевязях). Старшие начальники, и даже сам Император, не препятствовали в этом подчиненным. Офицер 7-го Егерского полка позже вспоминал о произошедшем в 1807 г. разговоре с Александром: "Государь, увидев на мне французскую саблю, спросил: "Разве лучше сабля?" — "Надежнее шпаги, Ваше Величество". Он приказал мне подать саблю; я вынул из пожен и, взяв за клинок, подал ему; он, взяв, посмотрел и опять мне отдал, говоря: "Тяжел эфес" [122, стр.231].

До 1807 г. обер-офицеры в строю продолжали носить эсионтоны. В 1801 г. во время переворота при выходе Семеновского полка "поручик Никита Кожин, бывший в заговоре и знавший все, бросил эспонтон свой и вскричал: "Не надо тебя! Теперь со шпагой служить надо". Но он явно поторопился. Новый Император лишь незначительно изменил рисунок на пере эспонтон: с груди орла был убран мальтийский крест, а вензель Павла заменили на вензель Александра. Потребовались две серьезнейшие кампании, чтобы окончательно осознать, что холодное древ-ковое оружие пехоты безнадежно устарело и совершенно не соответствует изменившимся условиям войны. Справедливости ради нужно

сказать, что во время боевых действий сами офицеры крайне редко выносили в строй эспонтон.

Как и раньше, офицеры не брезговали выходить в бой с ружьями, особенно в стрелковой цепи. В начале кампании 1812 г. адмирал Чичагов объявил по подчиненной ему армии о своем желании видеть обер-офицеров в строю с ружьями. Виды и системы ружей в этом случае не определялись; каждому было предоставлено право выбора. Но в целом стрельба только отвлекала офицера от выполнения его непосредственной функции — командования людьми.

Штаб-офицеры и адъютанты возили пистолеты в седельных кобурах. Чушки и чепраки шились из темно-зеленого сукна и обкладывались золотым галуном в один ряд. В 1803 г. обшивка чепрака и чушек изменилась: по краю выкладывались золотой галун в два ряда и красный лампас между ними; выпушка была красная. В конном строю офицеры надевали сначала ботфорты, а с 1812 г. сапоги со шпорами. Ботфорты или сапоги надевались на выбеленные лосиные (замшевые) или темно-зеленые суконные панталоны. Штаб-офицеры и адъютанты могли носить и походные рейтузы с кожаной обшивкой (ас 1814 г. — без нее), а под ними — короткие "полусапожки" со шпорами.

Под летними полотняными панталонами офицеры нередко носили черные "щиблеты" (ботинки) вместо сапог. Зимой поверх основной обуви нередко надевали утепленные "галоши".

Довольно распространенным предметом одежды офицера были бурки. Вид их значительно отличался от современного: как правило, это были короткие и некрашенные накидки, у которых отсутствовали четко обозначенные "плечи". С Кавказа пришла мода и на ношение суконных башлыков.

Генералам с 1808 г., помимо полкового мундира (носимого с темно-зелеными панталонами), присвоили и общегенеральский, на красном воротнике и темно-зеленых с красной выпушкой клапанах обшлагов и карманов помещалось золотое шитье в виде дубовых листьев. С этим мундиром полагалось носить шляпу с султаном из белых (снизу - черных и оранжевых) перьев и с плюмажем (до 1809 г.), белые панталоны и ботфорты со шпорами. Полностью золотые эполеты с тол-

стой канительной бахромой подбивались красным сукном. Конское убранство — чепрак и чушки — шились из медвежьего меха и украшались изображениями звезды ордена Андрея Первозванного.

С 1811 г. генералам разрешили носить общеармейский мундир без шитья, хотя в походе, в бою и на торжественных построениях генералы, под командой которых было более одного полка, надевали общегенеральскую форму. В 1812 г. покрой воротника общеармейского мундира изменился; на общегенеральском же мундире воротник остался скошенным, лишь высота его несколько уменьшилась. Генералы, кроме того, носили шинели, сюртуки и фуражные шапки такого же покроя, что и у офицеров.

По табелю 1802 г. егерское обмундирование — мундир и зимние панталоны — отличалось от облачения линейной пехоты прежде всего цветом: вместо темно-зеленого сукна использовалось светло-зеленое.

На фалдах мундира зеленая обкладка не пришивалась, а заворачивалась с краев. Воротник, обшлага и выпушку на клапанах и обкладках фалд кроили из сукна полкового цвета; такого же цвета была выпушка по боковым швам зимних панталон.

Егерская двуугольная шляпа высотой чуть более 4 вершков украшалась медной пуго-вицей и тремя шерстяными кистями. Центр кистей набирался из нити полкового или специально установленного цвета, окружие различалось цветом побатальонно (белое, желтое или красное). На светло-зеленой фуражной шапке выпушки и околыш (если он был) шились из полкового сукна, как и воротник шинели. И мундир, и шинель у всех чинов не имели погон.

Все ремни амуниции кроились из черной глянцевой кожи. Егерская португеза имела пряжки на левом боку и небольшую лопасть для ножен штыка или кортика. Поверх португези надевали длинный патронташ, охватывающий живот, правый бок и спину егеря. Ранцы с манерками на черных ремнях егеря носили через левое плечо.

Система унтер-офицерских и музыкантских отличий, принятая для линейной пехоты, поддерживалась и в егерских полках. Музыканты, единственные строевые в полку, носили тесаки пехотного образца.

В отличие от офицеров гренадерских и мушкетерских полков офицеры-егеря не имели знаков (до 1809 г.) и эспонтонов; султан на шляпе вязался из зеленых перьев.

Почти сразу (в августе 1802 г.) егерям была присвоена цилиндрическая шляпа из черного фетра с небольшими полями, ширина которых была наибольшей в передней части, а наименьшей — по бокам. Кокарда-бант и шерстяной репеек были такими же, как и на шапке линейной пехоты образца 1803/1805 гг., кисть над репейком конструкцией и расцветкой соответствовала введенной прежде для двуугольной шляпы. Верхний край унтер-офицерской шляпы обшивался галуном, кисти на ней набирались из белых, черных и оранжевых нитей.

В 1805 г. егерским полкам было велено носить шапку по образцу линейной пехоты, а в 1807 г. — кивер. Все украшения шляпы 1802 г. были сохранены; гренад на головных уборах егеря не носили. С 1809 г., когда егерским полкам был присвоен новый кивер, все изменения этого предмета обмундирования были подобны тем, которые касались мушкетерских полков (гренады на киверах офицеров и нижних чинов появились лишь в сентябре 1810 г.). На офицерских киверах в 1809 г. чешуя на подбородном ремне была заменена на медную цепочку, пришитую справа и застегивающуюся слева на крючок позолоченной звездочки.

В 1807 г. светло-зеленое сукно егерского обмундирования заменили на общепехотное темно-зеленое. На мундирах и шинелях появились погоны с шифровкой по номеру дивизии: красные в старших егерских полках дивизий и светло-синие — в младших. Годом позже выпушка на мундирах и панталонах стала красной; воротники — белыми с красной выпушкой, обшлага — красными. Только в феврале 1809 г. мундир окончательно приспособили к егерским маневрам: теперь он целиком шился из темно-зеленого сукна с такой же подкладкой, красными остались лишь выпушки. В конце года в старших полках красные погоны были заменены на желтые; в 1814 г. цвета погон вновь изменились — в старшем полку дивизии они стали светло-синими, в младшем — темно-зелеными с красной выпушкой.

Гвардейская пехота, 1808—1811 гг.

Обер-офицеры Лейб-Гвардии Преображенского полка в зимней парадной форме и Лейб-Гвардии Егерского полка в парадной форме (1807-1809 гг.). Рядовой Лейб-Гвардии Семеновского полка, унтер-офицер Лейб-Гвардии Измайловского полка, рядовой Лейб-Гвардии Егерского полка

Гвардейская пехота, 1808—1811 гг.

Рядовой Лейб-Гвардии Гарнизонного батальона, рядовой Лейб-Гвардии Финляндского батальона, гвардейский инвалид. Овер-офицеры Лейб-Гвардии Финляндского батальона и Лейб-Гвардии Преображенского полка вне строя (1809-1811 гг.)

Офицерские рейтузы образца 1814 г. в егерских полках отличались красной выпушкой и черными лампасами; околыш фуражных шапок образца 1811 г. был темно-зеленым. Офицерские чепраки и чушки с 1804 г. кроились из светло-зеленого сукна; опушка между рядами галуна и выпушка — из сукна полкового цвета. При замене в полках светло-зеленого сукна конское убранство стало темно-зеленым, опушка между галунами исчезла, а цвет выпушки изменился на красный.

По штату 1802 г. все унтер-офицеры и по 12 егерей в роте должны были иметь на вооружении штуцера и кортики, что в общей сложности составляло 252 штуцера на полк; кортики носили все музыканты и нестроевые в унтер-офицерских званиях. После уравнивания численности егерских полков с мушкетерскими в 1806 г. в полку полагалось иметь 300 штуцеров и 1752 ружья. С 1809 г. на замену выбывающих из строя штуцеров в егерские полки стали отпускать обычные солдатские ружья. Унтер-офицеры и нестроевые этих полков с этого же времени должны были получать для ношения пехотные тесаки; с 1811 г. тесаки получили и чины гренадерских рот. На тесаках с 1811 г. положено было носить темляки такой же расцветки по ротам, как и в линейной пехоте.

Отличия егерского барабана были описаны в 1804 г.: обручи барабана сплошь красились черной краской, "уши" и перевязь выкраивались из черной кожи. Вместо патронташа с 1806 г. в полки начали поставлять черные подсумки, а с сентября 1807 г. — патронные сумы без украшений на черной перевязи; одновременно и портупей были заменены на плечевые. С 1809 г. на крышки сум стали крепить литые латунные цифры номера полка с точкой на конце. К 1812 г. по требованию Императора во всех полках, кроме недавно переименованных из мушкетерских, все прежние портупей и подсумки были заменены на плечевые портупей и патронные сумы [11, ч.5, л. 139].

Гренадерские егерские полки только через пять месяцев после переименования получили отличие в обмундировании: 22 августа 1814 г. им были присвоены желтые погоны с номерами дивизий, а в ноябре того же года — гренады с тремя огнями на кивера всех чинов [29].

Всем чинам морских полков присвоили амуницию по образцу пехотных, а суконные предметы обмундирования — по образцу егерских, но с белой выпушкой.

Полки, в 1810 г. переименованные в егерские из мушкетерских, не сразу получили комплекты егерского обмундирования. В 1811 г. только 8 из 14 полков поменяли пехотный мундир на егерский, а амуниция была заменена на черную только в трех полках (38, 39 и 43-м). В 1812 г. и все остальные полки получили егерские мундиры, но вплоть до 1814—1815 гг. некоторые из них отличались белыми перевязями [22].

Офицеры вне строя (до 1807 г.), а унтер-офицеры и в строю (до 1811 г.) носили трости с костяным набалдашником и латунным наконечником. Унтер-офицеры подцепляли трость петлей к пуговице на груди мундира и просовывали другой ее конец в кожаную петлю, пристегнутую на лифную пуговицу.

Гвардейская тяжелая пехота в целом предвляла все эволюции мундира, которые затем происходили в армейских гренадерских полках, хотя целый ряд гвардейских отличий присутствовал постоянно.

Уже в 1801 г. Преображенский, Семеновский и Измайловский полки получили для ношения вместо гренадерских шапок каски, сходные по конструкции с "потемкинскими", но отличавшиеся от них материалом (черная юфта) и пропорциями. К круглой тулье с суконным околышем подшивались два козыря (вертикальный — высотой в 6 1/2 вершка, горизонтальный — с фигурно обрезанным краем) и суконный шлык длиной в 12 1/2 вершка с кистью на конце. Край вертикального козыря (налобника) закрывался черным волосяным гребнем и укреплялся подшитой изнутри металлической проволокой. К налобнику с помощью кожаных клинышков крепилась латунная бляха, изначально переделанная из старых гренадерских шапок. Затем цельнолатунные бляхи были заменены на вырезанных двуглавых орлов с вензелем Александра в щите на груди.

Шлык делался из сукна полкового цвета: красного в Преображенском, светло-синего в Семеновском, белого в Измайловском. По краям и в центре он обшивался узким золо-

тым галуном. Кисти на конце шлыков различались цветом в батальонах: у преображенцев в 1-м батальоне они были белые, во 2-м — синие, в 3-м — желтые, в 4-м — красные; у семеновцев и измайловцев для трех батальонов использовались соответственно белый, синий и красный цвета. Позднее, очевидно в 1804—1805 гг., цвета кистей изменились и стали такими же, как и на кистях гренадерских шапок и шляп армейской пехоты. Унтер-офицерские кисти состояли из четырех частей — двух белых и двух черно-оранжевых.

Околыш в 1-м (Лейб) батальоне Преображенского полка полностью закрывался позолоченной латунной бляхой; в других батальонах и полках он обшивался сукном того же цвета, что и шлык (в этом случае оба края околыша обкладывались узким галуном). Нужно отметить, что на сохранившейся каске Измайловского полка желтовато-белый околыш обшит белой тесьмой; кроме того, околыш затягивался сзади с помощью двух кожаных ремешков, на одном из которых прорезана петля, а на другом пришта пуговица. На боках околыша касок крепились две лагунные гренады, сначала на некотором расстоянии от гребня, а позднее — на самом основании гребня.

Каска имела черный кожаный подбородный ремень; нижний край оторачивался черной кожей. У унтер-офицеров на левой стороне крепился султан из белых перьев с черно-оранжевым верхом. Бляха налобника и гренады золотились в первых батальонах всех полков и во втором батальоне Преображенского.

Официально каска оставалась парадным головным убором Гвардейской линейной пехоты до 1810 г., хотя уже с 1805 г. в большинстве случаев заменялась другими видами головных уборов [11].

Воротник и погон (у рядовых на левом плече) мундира образца 1802 г. и шинели в Преображенском полку были красные, в Семеновском — светло-синие с красной выпушкой, в Измайловском — темно-зеленые с красной выпушкой. На воротнике мундира нашивалось два ряда (с обеих сторон), а на темно-зеленых клапанах — три ряда петлиц из особого полкового басона с соответственно красным, светло-синим или темно-зеленым полем и желтым рисунком (полосы

вдоль краев и крест-накрест между ними). Басон Преображенского полка, кроме того, назывался просто гвардейским басоном.

Унтер-офицерские мундиры и каски обшивались особым битевым галуном.

Все металлические детали обмундирования, которые в армии делались из "желтого" металла, в Гвардии изготавливались из "красной меди".

У офицеров воротник и клапаны вместо басона украшались золотым шитьем особового каждого полку рисунка; вместо погон на правом плече офицеры носили золотой аксельбант.

С офицерских знаков в 1801 г. убрали изображение мальтийского креста, но "нарвская" наградная надпись ("1700 No. 19") была восстановлена только в 1805 г.

Ротным барабанщикам и флейтщикам были присвоены каски с красным гребнем; однобортный мундир с красными наплечниками застегивался на крючки и расшивался во всех полках гвардейским (Преображенским) басоном. Петлицы на воротнике делались из такого же басона, а на клапанах шесть рядов басона нашивались вплотную друг к другу. Полковые и батальонные барабанщики и все музыканты имели унтер-офицерские отличия; кроме того, на мундирах басоном обшивались все швы и клапаны по краю. Гвардейский басон использовался в Преображенском полку для обшивки краев барабанных перевязей и перевязей флейтных фуляров.

С 1803 г. нижние чины стали носить погоны на обоих плечах, а с 1809 г. всем полкам были присвоены красные погоны без шифровок. Введенные в этом же году чепраки и чушки были красными с лампасами полкового цвета (темно-зеленый, светло-синий или белый) и с серебряными звездами.

В 1804 г. для маневров Гвардии изготовили шапки (такие же, как введенные для всей пехоты в 1805 г.); в следующем году на эти шапки стали регулярно отпускать деньги. Отличием шапки гвардейских рядовых являлась кожаная обшивка по верхнему краю, раскрашенная во всех полках под гвардейский басон (в ряде случаев поверх кожи просто нашивался басон). Во всех батальонах шапки имели султаны и гренады под кокардой. Для четырех батальонов устанавливались цвета репейков: белые с зеленой се-

рединой, зеленые с желтой, красные с желтой, голубые с белой.

С 1808 г. полки перешли на ношение "гвардейских" киверов. Кивер высотой в 4 вершка с пришивным козырьком и кожаной обшивкой украшался спереди изображением двуглавого орла с венком и перунами; на груди орла в щите помещался московский герб. К киверу по бокам подшивались суконные наушники, а сзади — кожаная лопасть. Репеек остался таким же, как и на шапке, а вид султана существенно изменился: вместо густого цилиндрического был введен новый пирамидальный (черный у рядовых, красный у музыкантов, с бело-оранжевым верхом у унтер-офицеров). Этишкет у рядовых и ротных музыкантов плелся из желтого и красного шнура; у чинов в унтер-офицерском звании — из черного, оранжевого и белого. На офицерских киверах крепились серебряный с коронованным вензелем репеек, серебряный с примесью черного и оранжевого шелка этишкет и три позолоченные шестиконечные звездочки с крючками: на две из них, по бокам, прицеплялась вызолоченная цепочка подбородного ремня; на третью, сверху на тыльной стороне, во время похода закидывался правый конец этишкета. Все офицеры носили черные пирамидальные султаны, в ряде случаев набираемые из перьев.

В 1807 г. на левое плечо офицеры и генералы стали пристегивать эполет с золотым полем и красным подбоем; в 1809 г. и аксельбант на правом плече заменили на эполет. Гвардейский знак 1808 г. отличался от армейского накладкой в виде орла на воинской арматуре и почетными надписями (у обер-офицеров двух старейших полков).

В 1809 г. высота султанов на офицерских киверах и шляпах была уменьшена. С 1810 г. все кивера гвардейских полков украсились чешуей на подбородных ремнях, а этишкеты стали белыми (у унтер-офицеров — с черно-оранжево-белыми кистями) у нижних чинов и серебряными (с черно-оранжевой серединой кистей) у офицеров. В Гвардии на год ранее (в феврале 1810 г.) были введены и султаны нового образца. Система расцветки репейков, принятая в армии в 1809 г., на три полка гвардейской пехоты распространилась только в 1811 г.

Околыши фуражных шапок 1811 г. в полках отличались цветом: в Преображенском они были красные, в Семеновском — светло-синие, в Измайловском — белые. Красные выпушки на тулье и околыше свидетельствовали о принадлежности к гренадерскому взводу первого батальона, желтые были присвоены стрелкам, а белые — фузилерам. Во втором батальоне выпушки на тульях "строились" из зеленого сукна, на околыше — из красного (гренадеры), желтого (стрелки) или зеленого (фузилеры); в третьем батальоне вместо зеленого использовался голубой цвет.

В 1808 г. бляхи на сумах и подсумках гвардейских полков получили новый рисунок в виде восьмиконечной орденской звезды; при этом гренады по краям крышки сохранились.

Древки эспонтонов, алебард, шанцевого инструмента и барабанные палки в первом батальоне преображенцев красили в кофейный цвет, в трех других — в желтый; в Семеновском полку они были черные, в Измайловском — белые.

При формировании нового гвардейского полка линейной пехоты — Литовского — ему присвоили обмундирование по образцу гвардейской пехоты, но с некоторыми отличиями: мундир (по образцу Лейб — Гвардии Драгунского полка) был лацканного покроя (лацканы шились из красного сукна) и застегивался на крючки (а при "закрытых" лацканах — на пуговицы), у офицеров вместо шитья на воротнике и клапанах вышивались золотые петлицы (такие, как в полках с шефами — "принцами крови"), чепрак и чушки были темно-зелеными с красным лампасом и серебряными звездами, палки и древки шанцевого инструмента — желтыми. Для унтер-офицеров полка выдавался не битевой, а так называемый "полуштабский" галун. Крышки патронных сум в полку украшались одной только бляхой со звездой.

Новые образцы кивера и мундира гвардейцы получили уже в 1812 г. На кивере был сохранен гвардейский орел. Пропорции шитья и петлиц на уменьшившихся воротниках офицерских мундиров изменились. Были разработаны новые образцы полковых басонов: на желтом поле по краям проходили красные полосы, а в центре — просвет полкового цвета (красный в Преображенском и Литовском полках, светло-синий в Семеновском, темно-зеленый в Измайловском).

По-прежнему Преображенский басон назывался гвардейским. На воротниках унтер-офицеров под золотым галуном нашивался только один ряд басона.

Переведенным в Гвардию полкам — Гренадерскому и Павловскому — в апреле 1813 г. присвоили обмундирование по образцу Литовского полка с рядом изменений. В Гренадерском полку воротник и околыш фуражки шились из светло-синего сукна (воротник с красной выпушкой), в Павловском — из темно-зеленого (выпушка красная). И в том, и в другом полках погоны (без шифровки) и лацканы были красные, петлицы нижних чинов — белые, офицерские эполеты и петлицы — полностью золотые; офицерские знаки, шитье музыкантских мундиров, чепрак и чушки — армейского образца. Нижним чином Павловского полка сохранили гренадерские и фузилерные шапки.

Новые гвардейские полки изготовили подобное обмундирование не раньше чем в конце 1814 г., после завершения кампании.

В 1815 г. тамбурмажоры Гвардии получили великолепные мундиры; петлицы на мундире заканчивались кисточками, золотой репеек с блестками имел серебряную середину. В Старой Гвардии этикет, нашивки, кисточки, темляк и украшение жезла были золотыми; в Молодой (Гренадерский и Павловский полки) — серебряными. Гвардейский галун, употреблявшийся для нашивок мундира и для обшивки жезла, отличался красной полоской в центре.

Полкам Молодой Гвардии в 1815 г. присвоили знак гвардейского образца; на чепраке и чушках красный лампас был заменен на светло-синий (в Гренадерском) и белый (в Павловском); кроме того, на них появились серебряные звезды.

Лейб-Гвардии Егерский батальон по табелю 1802 г. имел егерское обмундирование. Уже в середине 1802 г. вместо двуугольной шляпы гвардейские стрелки получили цилиндрическую фетровую шляпу с полями, украшенную по верхнему краю гвардейским басоном (позднее басон стали нашивать и по нижнему краю), кокардой с пуговицей и петлицей, оранжевым с зеленой серединой репейком и такой же кистью. Обшивка золотого галуна по верхнему краю, репеек и кисть из четырех секторов (белые и черно-оранжевые) отличали шапку унтер-офицера.

Офицеры носили шляпы с зеленым султаном. На фуражных шапках и околыш, и выпушки "строились" из полкового оранжевого сукна.

Главным отличием мундира были оранжевые воротник, выпушки и разрезные обшлага без клапанов, на которых нашивалось по две пуговицы. На запястьях обшлаг застегивался на маленькую обтяжную пуговицу. Две пары петлиц на воротнике и по две вертикальные петлицы на каждом обшлаге нарезались из гвардейского басона. Егерские офицеры носили мундиры с золотыми петлицами. Зимние суконные панталоны шились из светло-зеленого сукна и с оранжевыми выпушками; светло-зелеными были и чепраки с чушками (с 1803 г. — с оранжевым лампасом и серебряными звездами). Офицерам батальона не полагались знаки, но аксельбант они носили, как и в других полках Гвардии. Вооружение и снаряжение были такими же, как и в прочих егерских полках. Ранец носился через левое плечо. Мундиры музыкантов отличались расшивкой и оранжевыми наплечниками.

В 1804—1805 гг. егеря получили такую же шляпу, как и в тяжелой гвардейской пехоте, но без гренады и султана; репеек и кисть остались прежними. В 1806 г. вместо патронташей полку (развернутому из батальона) присвоили подсумок, а годом позже — патронную суму без украшений. Одновременно с остальными офицерами Гвардии офицеры Егерского полка стали носить золотой с оранжевым подбоем эполет на левом плече (с 1809 г. — два эполета без аксельбанта).

Вместо оранжевого сукна на воротнике, обшлагах и в выпушках гвардейские егеря постоянно использовали красное.

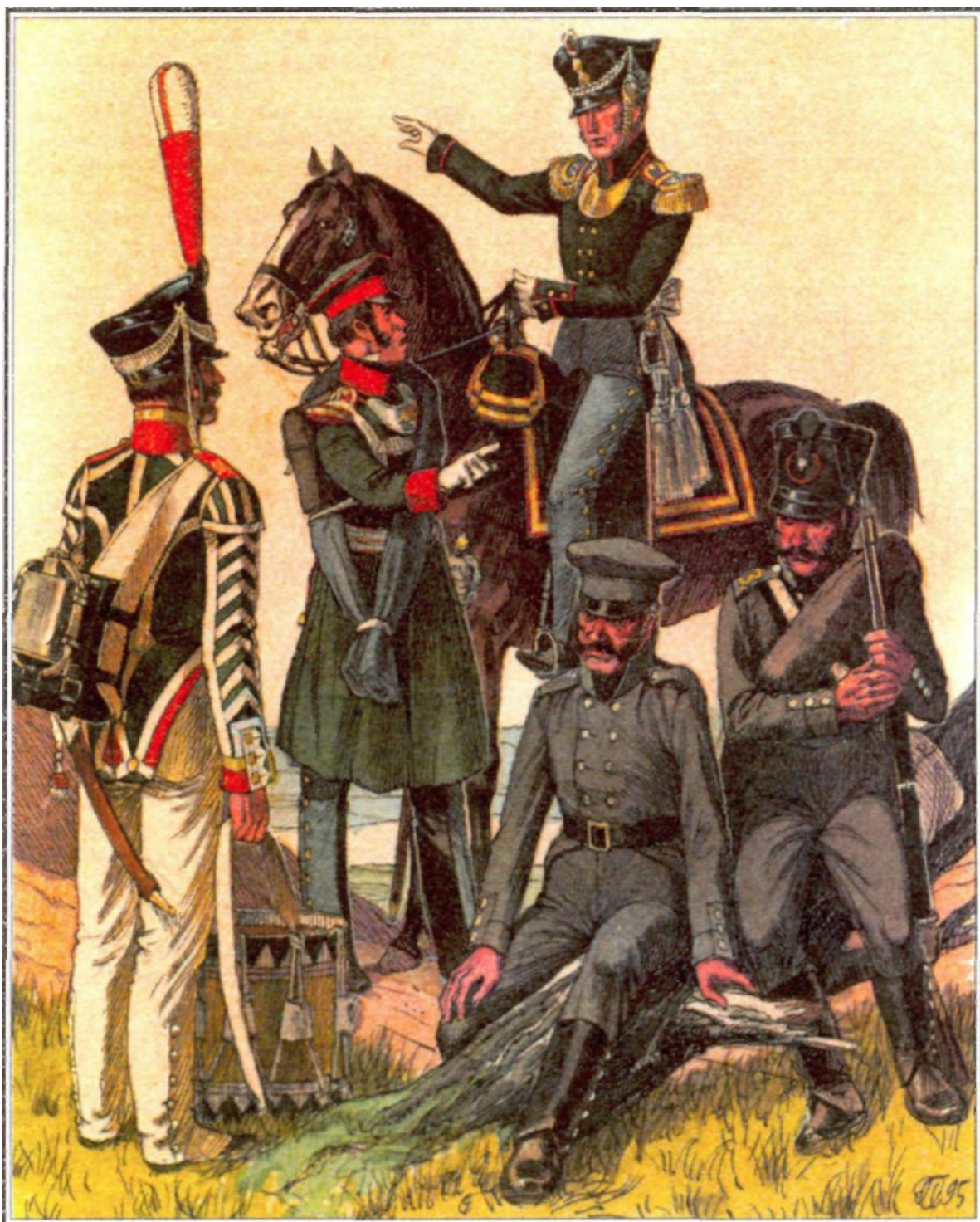
Светло-зеленое сукно заменили на темно-зеленое в 1807 г.; на панталонах теперь не полагалось вшивать выпушки. В этом же году на мундире и шинели появилось два оранжевых погона. С 1808 г. покрой мундира стал полностью соответствовать мундиру линейной пехоты (разрезные обшлага заменили на прямые с клапанами). На гвардейских киверах егеря не носили султанов; на офицерских шляпах вместо зеленого султана ввели черный.

В этом же году батальон Императорской милиции переименовали в Лейб-Гвардии Финляндский батальон (с 1811 г. — полк). Обмундирование батальона существенно от-

Армейская пехота, 1812—1813 гг.

Унтер-офицер и обер-офицер Внутренней Стражи, рядовой Лейб-Гренадерского полка на походе, рядовой Павловского гренадерского полка, нестроевой тяжелой пехоты, рядовой егерских полков в шинели, рядовой пехотных полков на походе

Пехота, 1812-1813 гг.

Батальонный барабанщик гренадерских полков, обер-офицер линейной пехоты в сюртуке, штаб-офицер егерских полков, инвалиды губернских инвалидных команд и подвижных инвалидных рот

личалось от принятого на тот момент в армии. Темно-зеленый мундир с такими же лацканами (по семь пуговиц на каждом) имел красные выпушку и погоны; на офицерских мундирах отсутствовали карманные клапаны на фалдах. Красная выпушка выставлялась и на боковых швах темно-зеленых панталон. Офицерские эполеты при золотом поле имели красный подбой. На гвардейском кивере чины гренадерской роты батальона носили султаны. Гренадеры и унтер-офицеры, кроме огнестрельного оружия, были вооружены тесакми с латунными эфесами без чашек, с грифом, покрытым черной кожей и обмотанным проволокой; тесачные ножны шились из черной кожи. Все чины имели четырехугольные ранцы с двумя плечевыми ремнями (подобные ранцы в 1808 г. стали вводиться во всей Гвардии и армии). Офицеры батальона носили полусабли на черной (изначально украшенной галуном) плечевой портупее поверх мундира. Особая схема расшивки лацканов была разработана для музыкантов. Кивера образца 1808 г. для батальона обшивали темно-зеленым сукном [20], в темно-зеленый цвет красили и обручи барабанов.

Полку и батальону легкой пехоты Гвардии в 1809 г. были присвоены знаки гвардейского образца.

В 1810 г. наконец и в Лейб-Гвардии Егерском полку ввели организацию и обмундирование, совершенно сходные с армейскими полками. На киверах чины гренадерских взводов носили султаны; расцветка репейков, темляков и выпушек на фуражных шапках подчинялась общей схеме; околыши фуражек в Егерском полку кроили из оранжевого, а в Финляндском — из темно-зеленого сукна. При замене образцов басонов егеря получили Преображенский басон, а финляндцы — Измайловский.

Нестроевые с 1802 г. носили темно-зеленые однобортные сюртуки с двумя погонами и с темно-зелеными же воротником и обшлагами (в легкой пехоте — светло-зеленые сюртуки без погон); шляпы по образцу офицерских, украшенные одной лишь пуговицей; серые суконные зимние или белые полотняные летние панталоны и такие же сапоги, как и у нижних чинов. Обмундиро-

вание нестроевых унтер-офицерского чина (вагенмейстер, надзиратель для больных, писари) отличалось галунной обшивкой по краям воротника и обшлагов и перчатками с крагами; кроме того, они носили трость и тесак на портупее. Цирюльники также имели на вооружении тесак; бритвенные принадлежности помещались в черной кожаной сумке, носящейся на ремне через левое плечо. Всем нижним чинам полагалась фуражная шапка.

Уже с 1803 г. нестроевые получили вместо шляп цилиндрические шапки с круглой кокардой и двумя кистями; шапки унтер-офицеров по верхнему краю обшивались галуном. В конце 1807 г. нестроевым присвоили панталоны и сапоги по образцу введенных для строевых чинов, но уже с ноября 1808 г. вновь были возвращены прежние образцы этих вещей. С 1809 г. в обращение стала вводиться новая шапка с темно-зеленым круглым верхом и широким цветным околышем: в тяжелой пехоте околыш был красным, в легкой — темно-зеленым с красной выпушкой.

Внешний вид нестроевых стал существенно изменяться с конца 1811 г., когда вместо темно-зеленого сюртука им был присвоен серый однобортный мундир с девятью пуговицами на груди, вместо прежних панталон — серые панталоны с кожаной обшивкой в шагу и с пятью цветными выпушками по бокам, вместо шапки — серая фуражка с козырьком и с тремя выпушками; для защиты от холода нестроевым присвоили и шинель с серым воротником. В тяжелой пехоте выпушки на воротниках мундира и шинели, на обшлагах, клапанах обшлагов, обкладках фалд, на панталонах и на фуражке были красными, в легкой — темно-зелеными. В феврале 1812 г. на новых мундирах и шинелях нестроевым приказали пришивать такие же погоны, как и у строевых нижних чинов. Лишь в Гвардии погоны нестроевых существенно отличались расцветкой: в Преображенском полку они были красными, в Семеновском — светло-синими, в Измайловском — белыми, в Литовском и Финляндском — темно-зелеными с красной выпушкой, в Егерском — оранжевыми.

В походах внешний облик армии существенно менялся. По приказам полковых

командиров солдаты нередко зашивали холстом все цветное сукно на мундирах, зачехляли кивера, патронные сумы, ножны тесаков и султаны. На чехлы шла вошенка — плотная ткань, пропитанная воском и чаще всего выкрашенная в черный цвет (хотя встречались и желтовато-белые чехлы). Во время кампаний из-за недостатка сукон полки пестрели всевозможными цветами мундиров и шинелей. Сшитая из различных кусков одежда иногда походила на лоскутное одеяло, и тогда наиболее хитроумные командиры просто красили мундир целиком в черный цвет (так же поступали с мундирами из французского синего сукна). Очевидец вспоминает, что перед вступлением в Париж в 1814 г. гвардейские солдаты с помощью тут же приготовленного зеленого красителя "обновляли" выцветшие до рыжего цвета мундиры: один гвардеец надевал мундир, а другой щеткой красил товарища. Огромное количество нижних чинов щеголяло в трофейных киверах и в деревянных башмаках (снабжение обувью являлось просто неразрешимой проблемой). Трудно было восстановить ряд утраченных деталей обмундирования: так, на смотре в Вильно в декабре 1812 г. в гренадерской роте Лейб-Гвардии Финляндского полка только один солдат имел султан. Зимой в ход шли любые теплые вещи. На Кавказе с середины 1810-х гг. проблем с соблюдением установленной формы одежды просто не возникало — каждый носил все, что считал наиболее удобным: и солдаты, и офицеры одинаково могли надевать папахи или "черкесские шапки", архалуки или чекмени, любые панталоны и обувь.

Начало царствования Александра ознаменовалось и рядом изменений в прическе военных. Уже в апреле 1801 г. всем чинам приказали обрезать букли и укоротить косу (широкую косу длиной в 4 вершка теперь связывали лентой на уровне половины воротника). С 1806 г. нижние чины обязательно, а офицеры по желанию обрезали косы. Пудру нижним чинам с 1801 г. разрешили использовать только для парадов и праздничных построений (на офицеров это разрешение распространили только в 1807 г.); наконец, в 1809 г. пудра была совершенно выведена из употребления.

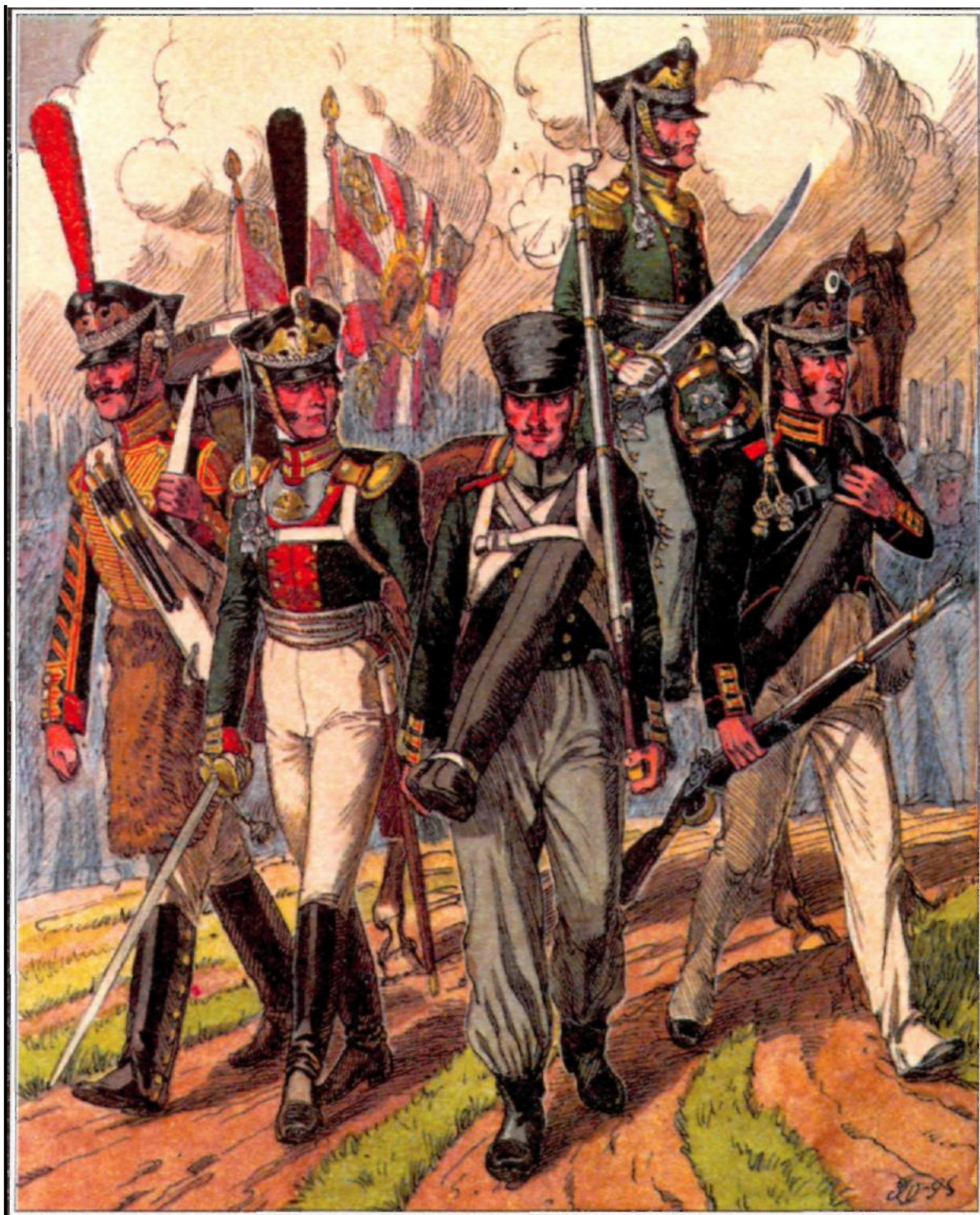
В Гвардии и в гренадерских подразделениях солдаты по-прежнему отпускали усы и густые бакенбарды до линии рта. Мушкетеры и егеря, как правило, не носили усов. Уход за усами существенно не изменился: их фабрили и маленькой гребенкой зачесывали вверх. В первое десятилетие века широко практиковалась и иная мода: усы расчесывали в стороны, а острые утолчки закручивали вверх. Но к началу 20-х гг. за подобную "прическу" могли и наказывать.

Офицеры старались зачесывать волосы вперед; до 1809 г., кроме того, модно было взбивать кок. По возможности офицеры отпускали бакенбарды, доходящие в ряде случаев до уголков рта; носить усы не разрешалось.

Военнослужащие нередко отступали от установленных видов причесок. Так, в 1802 — 1804 гг. некоторое распространение среди офицеров получила мода на прическу "а-ля Дюрок": волосы коротко стриглись и завивались в мелкие завитки, становясь похожими на баранью шерсть. Во время кампаний 1812—1814 гг. многие офицеры, а особенно гвардейцы, стали щеголять кудрями до плеч, а иногда и усами. От офицеров не отставали и нижние чины, нередко отпуская бороды и длинные волосы (что, правда, чаще всего объяснялось трудностями походной жизни).

На вооружение нижних чинов пехоты с 1803 г. было принято 8-линейное гладкоствольное ружье, а с 1805 г. на заводах начали производить пехотное огнестрельное оружие трех видов: гладкоствольное и винтовальное унтер-офицерское (с 6 нарезами) ружья и егерский штуцер (с 8 нарезами внутри граненого ствола). Для егерских полков на заводах изготавливали ружья по образцу пехотных, но меньшей длины.

Наряду с новыми в полках состояли и старые системы. Все это, а также различный срок службы стволов, приводило к тому, что разноразмерной калибров огнестрельного оружия был весьма существен: так, при проверке двадцати пяти дивизий в 1808—1809 гг. оказалось, что в полках одновременно использовались пехотные ружья калибром от 5 до 8,5 линии, винтовальные ружья от 5,4 до 7,7 линии, егерские ружья от 5,5 до 8,5 линии,

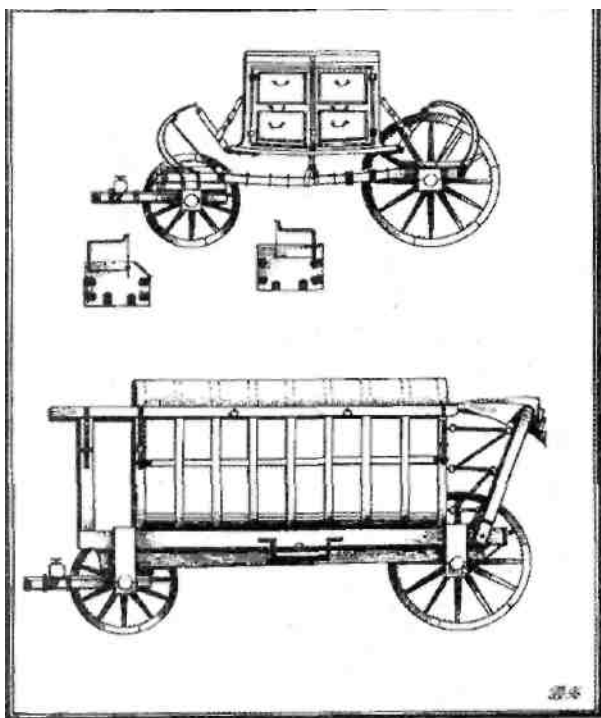

Гвардейская пехота, 1812—1813 гг.

Ротный барабанщик, обер-офицер и рядовой на походе Лейб-Гвардии
Литовского полка, штаб-офицер Лейб-Гвардии Финляндского полка, рядовой
Лейб-Гвардии Егерского полка

Гвардейская пехота, 1812—1813 гг.
Обер-офицер Лейб-Гвардии Измайловского полка, ротный барабанщик,
унтер-офицер, обер-офицер и рядовые Лейб-Гвардии
Семеновского полка

Обоз.

Вверху — фура с аптекарскими ящиками (имелась в каждом полку, запрягалась двумя лошадьми. На переднем ящике сидел кучер, на заднем оставалось место для слабого больного). Внизу — общеармейская фура. Запрягалась в зависимости от тяжести двумя или четырьмя лошадьми

штуцера от 5,5 до 7 линии [141]. Разнообразие калибров приводило к сложности в обеспечении боевыми припасами и к ослаблению огневой мощи полка. Приходилось в частном порядке изготавливать формы для литья пуль нужного диаметра. Единая мера пороха в стволах большего и меньшего калибров сообщала пуле различную начальную скорость; пуля меньшего диаметра из-за большого зазора в канале ствола имела меньшую начальную скорость.

В 1808 г. был создан единый образец солдатского гладкоствольного ружья, который должен был заменить все до тех пор состоявшие в армии системы, за исключением английских. Этот образец с незначительными изменениями просуществовал до 40-х гг. века. Пехотное ружье 1808 г. при калибре 7 линий (17,8 мм) имело длину со штыком 1888 мм и вес 4,74 кг. Ствол крепился к ложу с помощью трех латунных ложевых колец (гаек).

Свинцовая пуля весила 25,5 г, пороховой заряд — около 10 г. Прообразом этой системы стало французское пехотное ружье. В егерские полки посылали драгунские ружья образца 1808 г., отличавшиеся от пехотных только меньшей длиной.

В 1812—1816 гг. на заводах также изготавливались укороченные на 75 — 80 мм ружья, получившие названия "ружей нового образца с укороченными стволами". Поступали они и в егерские, и в пехотные полки, поэтому основной причиной их изготовления стали, очевидно, пониженные требования к набираемым рекрутам: низкорослые и слабосильные люди, которых столь много поступило в армию во время Отечественной войны, физически не могли эффективно использовать длинноствольные ружья.

В 1804 г. для скорейшего вооружения увеличившегося числа войск правительство закупило около 60 тысяч ружей в Англии; их старались распределять таким образом, чтобы в ряде полков были только английские ружья (унтер-офицерам в таких полках давали винтовые ружья). К 1811 г. принцип раздачи изменился: английские ружья сконцентрировали в полках 3-й и 14-й дивизий таким образом, чтобы в полку был полный комплект однотипных ружей (до тех пор в этих полках содержалось и немалое количество шведских и русских ружей) [24]. Кроме английских, в ряде полков использовались австрийские ("цесарские"), а с 1812 г. и французские трофейные ружья.

В 1811 г. для отличившихся в искусстве стрельбы нижних чинов Преображенского полка на Сестрорецком оружейном заводе изготовили 25 ружей образца 1808 г., отличавшихся лучшей выделкой и надписью на стволе "За старание и искусство" [16].

Холодным оружием офицеров по-прежнему оставалась пехотная шпага образца 1798 г., носимая в ножнах нечерненной кожи с позолоченным устьем и наконечником. На вооружение нижних чинов с 1807 г. стали поступать тесаки нового образца с медным эфесом (одна защитная дужка, сердцевидная или двойная овальная чашка) и однолезвийным клинком незначительной кривизны. Тесак носили в деревянных (обтянутых кожей) или в кожаных некрашеных ножнах с устьем и наконечником. Общая длина тесака составляла 780 мм, масса -1,2 кг [128, стр.95].

Места расположения войск на стоянках обозначались квартирмейстерскими значками. Значки армейских полков, очевидно, имели довольно простые изображения в виде начальных букв названия полка и номера роты (по павловскому образцу). На гвардейских значках помещались черные двуглавые орлы. На значках образца 1813 г. орлы сидели на ленте, несущей полковую и ротную шифровку. Квадратное полотно значка со стороной 4/5 аршина в полку линейной пехоты было желтым (лента зеленая, надпись белая), в полку легкой пехоты — зеленым (лента желтая, надпись черная). Древко значка длиной около 3 аршин имело деревянное павершие (в виде шара или копья) и медный подток; цвет древка соответствовал цвету знаменного древка.

В гвардейских полках по штатам 1802 г. полагалось иметь следующие музыкантские хоры: в Преображенском — 22 человека, в Семеновском и Измайловском — по 11 человек. В хорах использовались трубы, вал-горны, фаготы, кларнеты, флейтраверсы (в Преображенском полку), большой и малый барабаны и флейты. В Егерском батальоне музыкальная часть была представлена 5 валторнистами (при развертывании в полк егеря получили такой же оркестр, как в Семеновском полку). В 1809 г. гвардейские музыкантские хоры были увеличены до 40 человек в Преображенском полку и до 25 во всех остальных (в том числе и в Финляндском батальоне). Из инструментов были добавлены контрбасины, "флейты оптимы", бубны, треугольники и медные тарелки [11, ч. 1, л.59].

Армейские полки линейной пехоты довольствовались гораздо более скромным оркестром из 9 музыкантов. В полках, имевших наградные трубы, сверх штата состояли трубачи.

В 1809 г. состав и количество музыкантов и барабанщиков в егерских полках уравнили с мушкетерскими; излишние валторны были сданы.

После переустройства пехотных полков в каждой гренадерской роте положено было содержать по два флейтщика; в Лейб-Гренадерском полку флейтщики были в каждой роте [31].

По приказу Военного министра Барклая-де-Толли в 1812 г. запрещено было иметь "музыку" в полках, выставляющих в строй менее 44 рядов солдат в роте; в этом случае музыканты, взяв ружья, вставали в общий строй [38, ч.2].

В 1815 г. при всех пехотных полках приказали организовать хоры певчих для исполнения церковных напевов; в хоры выбирали строевых солдат.

По штатам 1802 г. при каждом пехотном полку полагалось иметь следующий обоз: 5 полковых повозок (для аптеки, для церкви, для денежной казны и письменных дел, для слесарного и прочего инструмента, для казначейства), повозки для больных (по количеству рот), патронные и палаточные (в полках линейной пехоты) ящики (и тех, и других по одному на роту) и 169 упряжных лошадей (в егерских полках — 133, в Преображенском — 226). Во время кампаний для облегчения подвижной части армии, как правило, старались избавиться от палаточных ящиков, оставляя их на квартирах. При этом артельные котлы, по штату перевозимые вместе с палатками, подвешивали на патронные ящики, к которым припрягали третью лошадь. Так поступали уже в 1806—1807 гг., а в марте 1812 г. был разослан официальный приказ, запрещающий брать в поход палаточные ящики. Кроме того, во вновь сформированных в 1811 г. полках обоз был еще более сокращен: на полк полагалось 12 патронных ящиков, 12 провиантских фур, 3 лазаретных повозки и 3 полковых (для казны и письменных дел, для казначейства, для инструментов). Егерские полки, несущие службу на Кавказе и в Молдавии, использовали палатки, а следовательно, имели в обозе палаточные ящики.

Офицерский обоз состоял из повозок и вьючных лошадей. В 1806 г. Император повелел всем обер-офицерам обходиться в походе только вьючными лошадьми, не обременяя армию множеством дополнительных повозок. Приказ был встречен офицерами далеко не однозначно: многие никак не могли представить военный быт без множества необходимых вещей. Но для большинства младших офицеров польза облегчения обозов

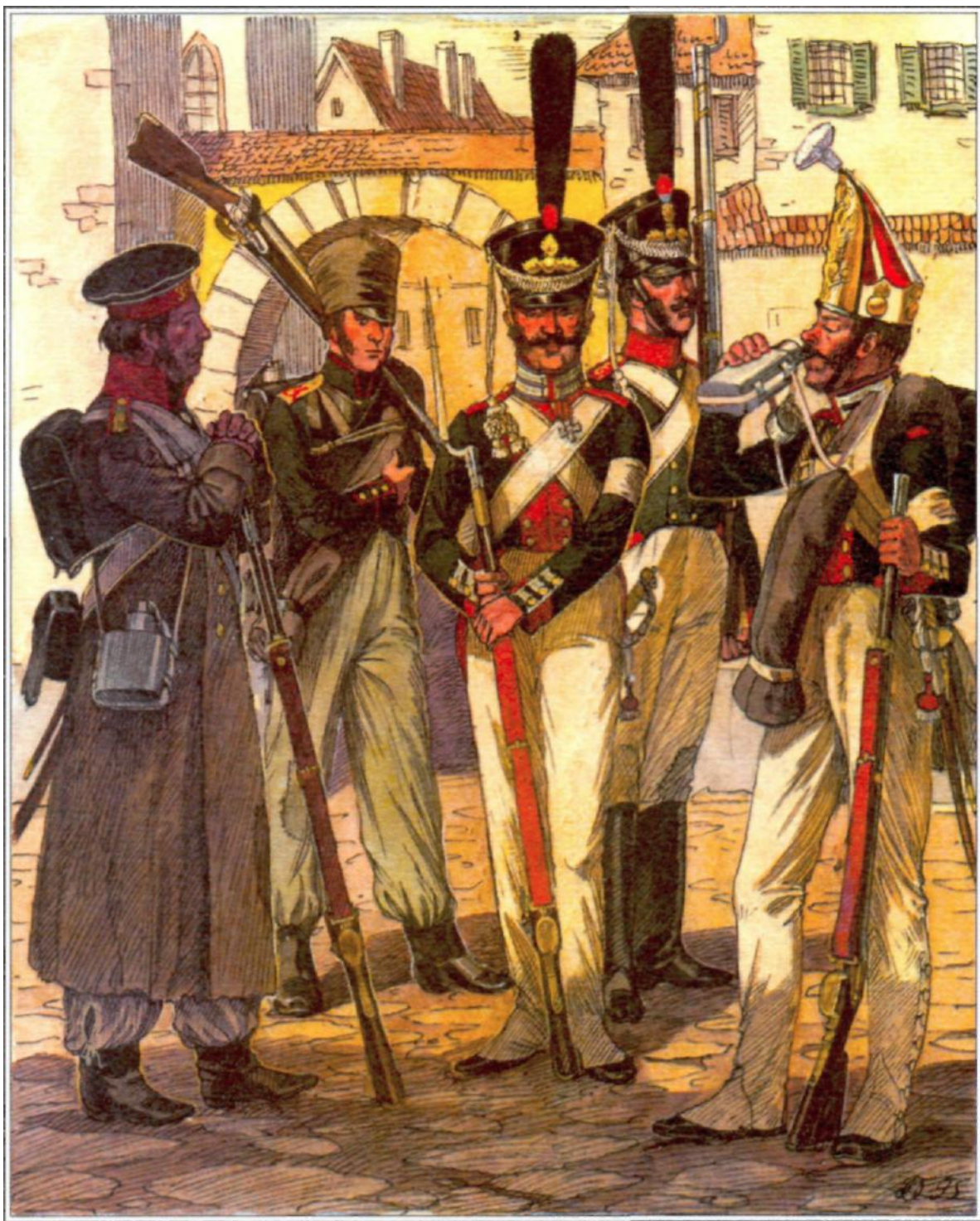

1812 г. Рядовой армейской пехоты в тулупе (караульная форма), штаб-офицер верхом в сюртуке и бурке, обер-офицеры в шинели и сюртуке

1812 г.

Рядовой егерских полков в шинели с пододетым полушубком, рядовой армейской пехоты в шинели и фуражной шапке, рядовой егерского полка верхом, рядовой Лейб-Гвардии Семеновского полка в шинели

1813-1816 гг.

Рядовой пехотных полков в шинели и фуражной шапке, рядовой егерских полков на походе, рядовой Лейб-Гвардии Гренадерского полка, рядовой гренадерских полков (с 22.08.1814 г.), рядовой Лейб-Гвардии Павловского полка

1813-1816 гг.

Рядовой морских полков (1815 г.), обер-офицеры: егерских полков (с 1814 г.), Лейб-Гвардии Литовского полка (с 1814 г.), армейской тяжелой пехоты в сюртуке и в шляпе

была очевидна. Находились и такие, как штабс-капитан Елецкого мушкетерского полка М.М. Петров, отказавшийся даже и от вьючных лошадей: "[Я] тотчас кассировал все свои пожитки, оставя только две рубашки, один — в запас — мундир с панталонами, два полотенца и одну пару теплых полчулочек, а прочее: лошадей, повозку, погребец, чемодан и все, что было у меня, — распродал... на толкучем рынке за что попало, так что через пять часов после услышанного мною желания государя казенный мой денщик Ефим, уклад-ши весь мой и свой багаж в обыкновенный солдатский ранец и привеся к поясу медный чайник, стоял предо мною на смотру в походной форме..." [102, стр.141].

С 1812 г. экипажи было разрешено иметь только полковнику и батальонным командирам. Багаж ротных офицеров перевозился двумя вьючными лошадьми (с июля), но уже в октябре этих лошадей стали впрягать в повозки, приобретенные офицерами.

Крупа и хлеб, как и прежде, составляли основную пишу солдата. Норма продовольствия в день составляла 2 1/2 фунта (чуть более 1 кг) ржаной муки и 1/3 фунта крупы. Муку могли заменять печеным хлебом весом в 3 фунта или сухарями (1 3/4 фунта). Вместо крупы иногда выдавали то же количество риса, картофеля или иных овощей. При нахождении войск за границей начиналось порционное снабжение мясом и вином "от казны": два или три раза в неделю солдаты получали 1/2 фунта мяса, солонины или рыбы и чарку вина (чуть более 100 г). Для выпечки хлеба во время марша вперед вместе с квартирными нередко высылали 60 — 70 хлебопексов под командой унтер-офицеров.

Обеспечением офицеров (а иногда и солдат) в походе занимались и специально причисленные к полкам торговцы — маркитанты. Во многих случаях маркитантские (передвижные торговые пункты) становились местом "собраний", где офицеры могли заказать различные блюда и напитки, купить нужные мелочи походного быта и просто провести свободное время: так, в 7-м Егерском полку в 1810 г. маркитантскую содержала некая Гла-

фира Петрова, возившая в повозке среди прочего сундучок с книгами для чтения офицерам [122, стр.303].

Снабжение армии провиантом, как правило, встречало серьезные затруднения. Вообще в начале века неурожайные годы следовали один за другим, и в ряде районов Империи люди просто голодали: это отражалось и на квартирующих в провинции войсках.

Кампания 1805 г. привнесла в армейский быт новое французское слово — "мародеры", обозначавшее отставших от полков и занимающихся "грабежом и распутством" солдат. Такое "зло" свидетельствовало прежде всего о нездоровой обстановке в армии. И действительно, солдаты "роптали" после того, как перед походом им велели распродать артельные повозки. Централизованное снабжение продовольствием и теплыми вещами было организовано плохо, "защитники Отечества" голодали и мерзли, воюя на чужой земле за непонятные им цели. Похожая ситуация сложилась и в 1807 г., когда при отступлении русской армии мародерство достигло невиданного размаха: прусские поселения подвергались настоящему нашествию тысяч голодных солдат. Командование вынуждено было объявить о денежном награждении за поимку мародеров (вновь такой же приказ издали в 1813 г.). Эти примеры покажутся особенно удивительными, если вспомнить, что мародерство как таковое никогда ранее не являлось особенной проблемой для русских войск и достаточно эффективно пресекалось уже в начальной стадии.

Неудовлетворительное обеспечение сказывалось и на боеспособности частей, что иногда приводило к плачевным результатам. А.П. Ермолов так описывал ход арьергардного сражения при отступлении к Прейсиш-Эйлау в январе 1807 г.: "До одиннадцати часов утра дрались мы с умеренною потерей, но по дороге нашедши разбросанные бочки с вином, которые идущие при армии маркитанты оставляли для облегчения своих повозок, невозможно было удержать людей, которых усталость и довольно сильный холод наиболее располагали к вину, и в самое короткое время четыре из егерских полков (очевидно, батальонов. — И.У.) до того сделались пьяны, что не было средств соблюсти ни малейшего порядка. Они останавливались толпами там,

где не надобно было, шли вперед, когда нужно отступать поспешнее... В защиту пьяных надлежало употреблять артиллерию" [84, стр.82].

Во время Отечественной войны 1812 г. с мародерством боролись довольно эффективно. В июле 1812 г. за подобное злодеяние расстреляли нескольких солдат, и в дальнейшем некоторое ослабление дисциплины наблюдалось только при оставлении Москвы, хотя в завершающей стадии кампании (осенью и зимой) солдатам пришлось вынести серьезные лишения. Офицер Лейб-Гвардии Финляндского полка Ртищев вспоминал о тяготах победоносного похода: "Находясь в резерве, простояли мы двое суток в лесу, по колено в снегу и без куска хлеба. Наконец вспомнили об нас, прислали к нам бочку ячменных круп и бочку горелки. Горелку мы разделили по ротам манерками, и с ней расправа была скорая; но что делать с крупой? Котлов нет, варить не в чем, есть ее сухую нельзя, — давай подниматься на хитрости, — стали сдирать с елей кору и в этих лубках варить крупу — как же варить? А вот как: лубок согнув в виде кузова, положим в него крупу, снегу и давай на огне жечь; и лубок горит, и крупа горит — и выйдет что-то вроде горелого комка, который мы и ели с жадностью. Тут мы дошли от голода до величайшего бедствия... Но ни мы, ни солдаты не унывали и по получении провианта распевали песенки" [123, т. 1, стр.255]. Ему вторил и Ф.Н. Глинка: "...Трофеев у нас много, лавров девать негде, а хлеба — ни куска... По причине крайне дурных дорог и скорого хода войск обозы наши с сухарями отстали, все окрестности сожжены неприятелем, и достать нигде ничего нельзя. У нас теперь дивятся, как можно есть! и не верят тому, кто скажет, что он ел" [78, стр.95].

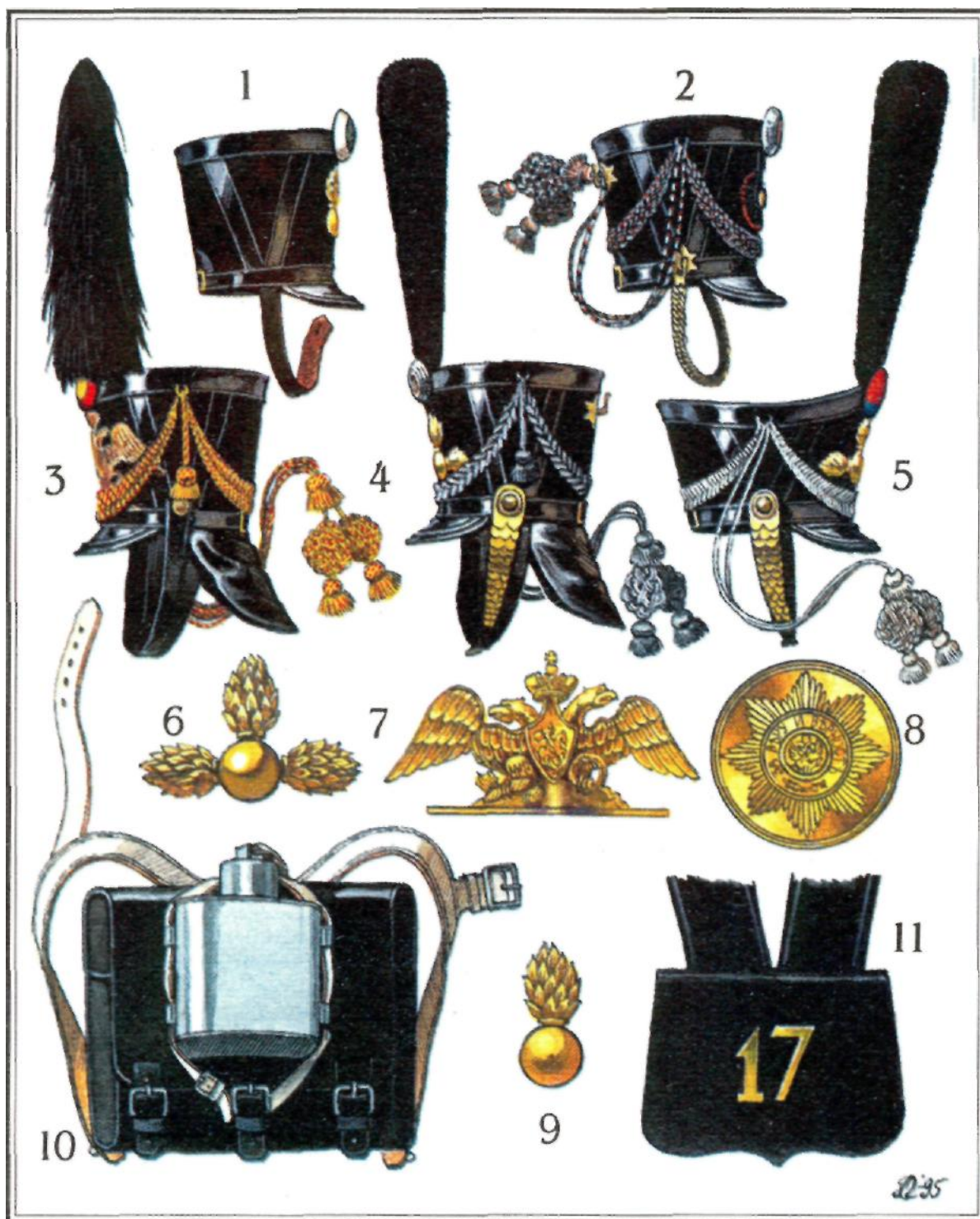
Снабжение войск стало довольно сносным только к середине 1814 г., когда прекращение боевых действий позволило полковым командирам всерьез заняться вещевым и пище-вым довольствием солдат.

* * *

Медицинское обеспечение армии, остававшееся по-прежнему на очень низком уровне, при Александре, однако, стало по-

степенно упорядочиваться. Расширилась сеть стационарных госпиталей, стараниями Лейб-хирурга (с 1806 г. — Главного инспектора по медицинской части армии) Якова Васильевича Виллие была налажена сеть подвижных госпиталей, разворачиваемых во время боевых действий, огромное внимание уделялось санитарному состоянию войск и профилактике заболеваний.

Согласно вышедшему в 1808 г. "Наставлению о сохранении здоровья солдат в Финляндии", например, профилактическими мерами признавались: ежедневные занятия на улице (кроме холодной и сырой погоды), порционное довольствие (не менее 4 порций мяса в неделю), употребление укрепляющих напитков (квас, "хренное" пиво, клюквенный сок), ежедневные умывания холодной водой (голова, лицо, рот, руки, грудь), мытье ног два раза в неделю, еженедельная баня с переменной белья, ношение в большие морозы лаптей поверх сапог, общее утепление при долговременном нахождении на улице [12]. Изданная в 1813 г. "Карманная книга военной гигиены" чрезвычайно подробно описывала меры по сохранению здоровья солдат на квартирах, в лагерях и во время походов. Во многом книга эта и сейчас не потеряла своего значения. Мы изложим лишь некоторые советы автора ("медицинского доктора и хирурга" И. Энегольма), помещенные в разделе "Главные предосторожности в походе" и проверенные на опыте целого ряда кампаний. "Прежде ружейного выстрела, — писал Энегольм, — солдат сражается с тремя главными врагами: труды, суровость времени и голод". Во время летнего похода нужно было избегать жары, зимой — "утреннего и вечернего воздуха". Летом марш осуществлялся от восхода солнца и до 10 часов утра и от 5 часов вечера до полуночи. На остановках запрещалось сразу пить воду, для чего перед колодцами и реками даже выставляли патрули. Для утоления жажды автор советовал солдатам жевать "внутреннюю корку дерева, коренья, травы и кислые растения". На привалах солдат должен был не ложиться на землю (от чего нередко возникала простуда), а отдыхать стоя, опершись на ружье. Перед ночевками в крестьянских избах квартирыеры предварительно чистили, проветривали и окуривали можжевельником помещения своей роты. Зимой очень опасной

1807-1812 гг.

Кивера образца 1807 г.: мушкетерский (1), офицерский егерский (2), гвардейский (3), офицерский гренадерский (4); кивер гренадерский образца 1812 г. (5). Знак гренадерский на кивер и патронную суму (6), знак гвардейский на кивер (7), знак гвардейский на патронную суму (8), знак мушкетерский на кивер и патронную суму (с 1810 г. - на кивер егерей) (9).

Ранец образца 1808 г. (10). Егерская патронная сумка (11)

Детали обмундирования и снаряжения офицеров.

Эполет обер-офицерский армейский (1), эполет штаб-офицерский гвардейский (2). Репейки: обер-офицерский (3) и штаб-офицерский (с 1812 г. - овальной формы) (4). Офицерские нагрудные знаки: армейский образца 1808 г. (5), гвардейский образца 1809 г. (6). Офицерские чепраки и чушки: Лейб-Гвардии Литовского полка (7), Лейб-Гвардии Гарнизонного батальона (8), Лейб-Гвардии Егерского полка (9), Лейб-Гвардии Финляндского батальона (полка) (10), егерских полков (11), морских полков (12)

считалась резкая смена температур (вхождение с мороза в натопленную избу и выход из избы), поэтому по возможности выгоднее было ночевать в сараях и амбарах. Распухшие ноги погружали в холодную воду или делали примочки с водкой.

Перед началом марша солдат должен был причесаться, прополоскать рот, вымыть холодной водой лицо, руки и шею; в "худых" (нездоровых) местах полезным считалось выпить рюмку вина и закусить хлебом. На походе солдаты пили водку, разбавленную водой, и закусывали сухарями; чай с ромом в таких случаях рекомендовался для офицеров. Зимой перед выходом пили вино или сбитень.

В холодное время года самым важным считалось предохранение ног от влаги: вместо шерстяных чулок или онучей, в которых нога быстро потела, нужно было надевать полотняные онучи, предварительно смазанные жиром (салом натирали и ноги). Соответственно довольно часто солдаты должны были мыть ноги и стирать онучи (летом онучи стирали каждый день). На марше зимой нужно было чаще останавливаться и раскладывать костры для обогрева. Обмороженные части тела автор советовал натирать снегом или погружать в холодную воду; только после этого можно было входить в теплое помещение. В тепле на обмороженные места накладывали примочки из масла с водкой или снега с салом и солью.

И все-таки тяжести марша оказывали разрушительное воздействие на здоровье военнослужащих. Особенно это стало заметно после завершения кампании 1812 г.: например, Лейб-Гвардии Семеновский полк при вступлении в Вильно насчитывал не более 300 человек в своих 12 ротах; вообще вся армия уменьшилась по численности в 4 — 5 раз, хотя боевые потери были минимальны.

В 1802 г. на 450 тысяч человек, состоящих в вооруженных силах, приходилось в общей сложности не более 500 врачей. В дальнейшем с ростом численности армии недостаток медицинских кадров ощущался все острее.

В 1801 — 1825 гг. так и не удалось устранить основные причины болезненности в войсках — голод и недостаток обмундирования и теплой одежды. Регулярно вспыхивали эпидемии различных болезней, основными из которых были различные виды "горячек" (в

том числе и "нервическая горячка" — сыпной тиф). Так, в 1813 г. из 26-тысячного гарнизона крепости Торгау от тифа умерло около 14 тысяч человек. Начавшаяся вакцинация от оспы также проходила довольно медленно и с большими затруднениями, вызываемыми предрассудками населения; поэтому оспа оставалась широко распространенным заболеванием. Ежегодно в тех или иных полках людей валила цинга, особенно усиливающаяся во время боевых действий; наиболее "цинготными" районами считались Кавказ и Финляндия. "Верным спутником" солдат оставался "кровавый понос", провоцируемый перепадами температур, трудностями марша и плохим питанием. Венерические заболевания присутствовали в списке солдатских болезней постоянно, но настоящая вспышка "любоэрастной болезни" последовала во время пребывания русских войск во Франции в 1814—1815 гг. Применяемые эффективные ружейные приемы вызывали "повторные ушибы груди" и как следствие — "опасные костяные наросты на ребрах и грудной клетке".

Медицинские кадры по-прежнему набирались различными путями: в лекари зачисляли выпускников Императорской Медико-Хирургической академии, приезжающих иностранных врачей и прошедших "аттестацию" практиков из фельдшеро-в. К 1811 г. насчитывалось 52 стационарных госпиталя, рассчитанных на 36 320 мест. В вышедшем в 1812 г. "Учреждении об управлении большой действующей армией" предусматривались должности главного доктора, главного медика и главного хирурга, координирующих работу полковых лекарей и фельдшеро-в, подвижных госпиталей и медицинских складов.

Наконец в 1806 г. Я.В. Виллие составил "Наставление, служащее руководством вра-

Репейки, фуражные шапки, темляки и погоны, (к стр.85)

Репейки батальонов: в полевых (1) и гарнизонных (2) полках с 1809 г.; в бригадах Внутр. Стражи (с 1811 г.)(3). Фуражные шапки, репейки и темляки (с 1811 г.) в багп. полевых полков: гренад. (4) и стр. взводов (5), фуз. рот (6). Фуражные шапки полков Лейб-Гвардии: Семеновского и Гренадерского (7), Измайловского и Павловского (8), Егерского (9), Финляндского и арм.егерских полков (10). Погон выпускника Учебного Грен.бат.(И). Погоны гренад. полков с 1810 г. (12) и с 1814 г. (13); Учебного Грен.бат.(14). Погоны полков: мушк. 1807 г. (15), с 1814 г. (16); егерск. с 1807 г. (17), с 1810 г. (18) и с 1814 г. (19); гренад. егерских (20). Погоны бригад в округе Внутр. Стражи (1811 г.)(21). Погоны гарнизонных полков (с 1806 г.)

Репейки, фуражные шапки, темляки и погоны.
(пояснения - на стр.84)

чам, при наборе рекрут находящихся". В "Наставлении..." была приведена классификация болезней, препятствующих приему в армию. Болезни разделялись на "душевные заболевания", "телесные заболевания" и "телесные недостатки и уродливость". К душевным заболеваниям относили "глупость, безумие и задумчивость". Телесные заболевания могли быть "внутренними" ("падучая, паралич, повсеместная водная болезнь, сухотки разного рода, кровохарканье, чахотка разных внутренностей, приметное расположение к грудной чахотке, повсеместная — любострастная болезнь, цинготная болезнь, золотуха"), "наружными болезнями вообще" (хронические воспаления и опухоли) и "наружными болезнями в особенности" (то есть болезнями головы, глаз, лица, шеи и других частей тела).

С болезненностью в войсках боролись и административными методами, что приводило зачастую к совершенно противоположным результатам. Так, угроза взыскания за чрезмерную убыль в частях нередко заставляла полковых командиров скрывать истинное число больных и задерживать часть из них при полках, не отправляя в лазарет.

В феврале 1815 г., находясь в Варшаве, Барклай-де-Толли издал специальную инструкцию [64], обязывающую командиров всех рангов обратить особое внимание на состояние подчиненных им частей и подразделений, ибо "неизбежные последствия жестокой... войны со делались причиною ослабления в некоторых частях того примерного устройства и дисциплины, коим наиболее обязаны мы успехами нашего оружия". В инструкции выделялся ряд "главнейших попечений" начальников.

Первой задачей командиров объявлялось "сбережение людей". Отечественная война и зарубежные походы наглядно продемонстрировали все несовершенства рекрутской системы; жизнь каждого солдата теперь оценивалась несравненно дороже. Командующий предупреждал, что начальники частей, в которых убыль людей будет "несравненно" превосходить прочие части, подвергнутся "наистрожайшему взысканию".

При этом не стоило забывать и о "строгой дисциплине", так как "предмет сей, будучи главнейшим основанием порядка службы, без коего никакое благоустроенное войско существовать не может, требует особого внимания г.г. начальников".

Указывался один из способов поощрения солдат: "Перевод в гренадерские роты есть первый шаг к поощрению солдата, заслуживающего верностию и хорошим поведением своим некоторое отличие; а потому, дабы сие действительно оставалось в том точно виде, должно строго наблюдать, чтобы гренадерские роты составлялись не иначе, как из отличнейших и наилучшего поведения людей, дабы звание гренадера и стрелка оставалось в полной цене своей. Весьма желательно также было, чтобы все унтер-офицеры в полках выбираемы были из гренадерских рот".

Важной задачей являлось также поддержание исправности оружия и амуниции. По мнению Барклая-де-Толли, исправность оружия рождала "некоторое в солдате доверие к самому себе". Поэтому начальники должны были всячески внушать нижним чинам, что оружие является их собственностью, которую не следует передавать из рук в руки. Каждый рядовой должен был хорошо знать номер своего ружья (ружья нумеровались поротно, например, "1 роты №30"), иметь у себя "арматурный список" своего оружия и амуниции.

Несколько слов было уделено обучению рекрутов. "Первоначальное образование" солдата заключалось в выработке "натуральной и непринужденной осанки" и "проворства и верности ружейных приемов", "вольного и натурального шага", "твердости в поворотах" и "верной прикладки"; кроме того, солдат должен был хорошо усвоить все барабанные бои. Строевые учения проводились в первой половине дня, только нерадивые и наказанные солдаты занимались и после обеда.

В инструкции немалое внимание обращалось на обучение солдат точной стрельбе. Особой меткости требовали от стрелков гренадерских рот. Для стрельбы в мишень офицеры должны были выводить не более 15 человек одновременно, чтобы иметь возможность контролировать каждого. Для каждого учения отпускалось не более трех патронов. Списки, в которых учитывались количество и

точность выстрелов солдата, хранились у ротного командира; при инспектировании они служили одним из отчетных документов.

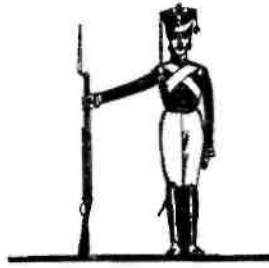
Ротные командиры осуществляли основной контроль за нижними чинами роты. Инструкция предписывала им знать на память всех чинов роты поименно, помнить о повелении и способностях каждого, о наличной численности роты и о количестве больных и "отлучных", о сроках амуниции. Командиры рот также должны были заботиться о гигиене солдат, о чистоте в квартирах и казармах. Специально напоминалось, что "обувь пехотного солдата есть предмет довольно важности, ибо из опыта известно, что от... небрежения ротных и других начальников пехотный солдат, особенно рекрут, по неопытности или лености, не переобувшись, обтирает ноги и отстаёт от полка".

Для образования солдат начальники должны были читать и толковать им артикулы, рассказывать "о наказаниях за преступления и награде за усердную и беспорочную службу". В воспитании немалая роль отводилась церкви, поэтому присутствие всех офицеров и нижних чинов на богослужениях в воскресные и праздничные дни считалось обязательным; за выполнением этого правила следил обер-священник армии.

Пункт инструкции, посвященный отношению начальников к подчиненным, был великолепно изложен; его положения и сейчас не потеряли своей правильности:

"Кроткое и благородное обхождение начальников с подчиненными не вредит порядку, не расстраивает чинопочитания, но напротив, рождает то истинное и полезное честолюбие, каковым войски должны одушевляться; уничтожение сих благородных чувствований чести унижает дух, отнимает охоту и вместо привязанности и доверия к начальству рождает ненависть и недоверчивость; а как всякой почти из нас испытал, сколь важно приобрести таковое расположение подчиненных своих, то и предоставляю каждому судить о пользе, от того происходящей. Начальник, послабляющий преступление, не употребляя данной ему законом власти во всей силе, сам делается преступником. Но никакие случаи не дают права посягнуть на честь подчиненного обидным и неприличным взысканием. Таковой поступок унижал бы звание начальника и служил бы верным доказательством его неспособности управлять людьми, знающими свое достоинство.

Корпус офицеров, чувствующих цену своего звания, никогда не потерпит в обществе своем товарища, оскорбляющего честь почтенного сего сословия. Таковое обхождение начальников с подчиненными не относится исключительно к одним только офицерам, но желательно, чтобы и в нижних чинах возбуждено было чувство чести. А для сего... необходимо дать им почувствовать цену п о ч т е н н о г о з в а н и я солдата (выделено мною. — И.У.), коего поведение соответствует достоинству... " [64].

ТОРЖЕСТВОРАНИЖИРА

Империя, завершив череду победоносных кампаний, к 1816 г. располагала сильнейшей в Европе армией. Солдаты привыкли к войне, но теперь Императору нужно было от них совсем иное: начиналась новая "игра в солдатики". Победителям Наполеона полагалось вновь уподобиться марширующим куклам. В действиях Александра все явственнее проявлялись жестокость и крайняя мнительность. Все более строгими становились мелочные требования к строевым навыкам и внешнему виду военных. Командирами полков все чаще назначались ярые сторонники палочной дисциплины, поощряемые высшим начальством. В 1821 г. Император не остановился перед тем, чтобы расформировать один из лучших в армии и особо опекаемый им прежде полк — Лейб-Гвардии Семеновский — за довольно невинное проявление солдатами недовольства изуверскими порядками, установленными полковым командиром. Только после этого официальное отношение к наказаниям за строевые проступки несколько изменилось.

В непрерывно продолжавшихся на Кавказе боевых действиях участвовал Отдельный корпус армии, на долгое время ставший своеобразным "оазисом" развития и совершенствования боевой тактики и воспитания опытных офицеров и солдат. К середине 20-х годов была окончательно отработана тактика нелегкой борьбы с горцами, в которой ведущую роль играла пехота.

Содержание огромной армии в относительно мирной обстановке было слишком обременительным для ослабленной экономики.

С поселением в Новгородской губернии батальона гренадерского графа Аракчеева полка начался поголовный перевод пехотных частей на "поселенную систему" организации. По замыслу сторонников этой системы, военные поселения в скором времени могли принести весьма ощутимые результаты, среди которых были понижение стоимости содержания армии, постепенная отмена рекрутских наборов и замена их призывом в армию детей поселенцев, лучшее обеспечение проживания отставных солдат и семей военно-ужащих. Кроме того, территориальное комплектование позволяло солдатам в мирное время не покидать родных мест.

Все это было очень заманчиво для Императора, но в реальной жизни поселения чрезвычайно медленно приближались к процветанию, хотя поселенные батальоны трудились не покладая рук. По расписанию 1820 г. работы продолжались по 12,5 часа в сутки с мая по август; только в сентябре и октябре их длительность несколько сокращалась. Правда, доходы от поселений постоянно росли, но это было и неудивительно: на всевозможные государственные работы привлекалась практически бесплатная рабочая сила. Зато от идеи отмены рекрутских наборов пришлось отказаться почти сразу: годовая убыль чинов в полках на порядок превосходила рождаемость.

Если в южных поселениях урожайность земли, а вместе с тем и благосостояние поселенцев, были довольно сносны, то на севере, в Новгородской губернии, и ранее живущие

там крестьяне с трудом прокармливали себя. Тем более поселенцы-хозяева на этих злополучных землях никак не могли вырастить достаточно хлеба и овощей для обеспечения всего полка. В выровненных по линейке домах, на осушенных полях и обсаженных березками дорогах крестьяне-военные едва ли чувствовали себя уютно и едва ли у них рождалось "теплое" отношение к такой "парадной родине", высасывающей все физические и моральные силы своих граждан.

Меры для временного сокращения армии были приняты и в других областях военного устройства: изменилась организационная структура ряда полков, снизилась частота рекрутских наборов.

В 1816 г. именным указом Императора объявлялось, что полки 6-го пехотного корпуса (8-я и 10-я дивизии) переводятся на кадровый состав: в каждом из них оставалось по 717 нижних чинов с полным количеством офицеров. Остальные чины полков обращались на пополнение некомплекта в других корпусах взамен рекрутов. Перевод на кадровый состав вторых батальонов 1-й армии и Финляндского корпуса позволил отказаться от набора и в 1817 г.

Всего с 1818 по 1825 г. последовало 4 набора (в 1818, 1819, 1820 и 1824 гг.). В список земель, назначенных для наборов, перестали включать уезды, отведенные под военные поселения.

Кроме рекрутов, на службу нижними чинами принимались дворяне (ежегодно свыше 1000 человек), вольноопределяющиеся (600 — 700 человек), однодворцы (около сотни человек) и студенты (до 20). На 25-летний срок в солдаты "забравали" бродяг и преступников, ежегодно таких набиралось несколько тысяч человек.

В 1816 г. было упорядочено вещевое обеспечение рекрутов. Две трети принимаемых людей обмундировывались в гарнизонах по образцу пехотных полков, треть — по образцу егерских. На фуражной шапке с цветным околышем не делали ротные выпушки и шифровки. На мундирах и шинелях рекруты не имели погон, но зато все прежние обтяжные пуговицы были заменены на латунные. К зимним панталонам стали пришивать краги.

В 1816 г., кроме того, установили более строгие правила приема военных кантонистов. Годом позже в военно-сиротские отделения разрешили принимать детей, рожденных "от людей, не принадлежащих к военному ведомству" (но обязательно лично свободных). В 1824 г. отделения были переданы в подчинение Главного начальника военных поселений (А.А. Аракчеева). В том же году прием детей малоимущих дворян в отделения прекратили. Возраст детей, направляемых в отделения, увеличили с 7 до 10 лет, так как велика была болезненность среди младших воспитанников.

В 1816 г. в отделениях состояло свыше 39 тысяч воспитанников, вне отделений — свыше 20 тысяч; к концу 1825 г. насчитывалось уже свыше 150 тысяч кантонистов.

В состав военно-учебных заведений в декабре 1817 г. было причислено Тульское Александровское Дворянское училище, названное военным. Гапаньемский Топографический корпус в 1819 г. переименовали в Финляндский кадетский; Смоленский кадетский корпус после перевода в Москву в 1824 г. назвали Московским. В 1823 г. при Гвардейском корпусе учредили Школу гвардейских подпрапорщиков (с 1826 г. — и юнкеров) для подготовки к получению офицерского чина португепйпрапорщиков, португепй-юнкеров, подпрапорщиков и юнкеров. Подобные школы существовали и при штабах армий.

С 1816 г. ужесточили правила производства в офицерский чин недворян: не имеющие достаточного образования нижние чины после присвоения чина увольнялись в отставку.

* « *

Более политическим, нежели военным, мероприятием правительства стало учреждение во второй половине 1817 г. Отдельного Литовского корпуса.

Изначально в него вошли полки 27-й и 28-й (бывшей 4-й) дивизий (при этом прежняя 28-я дивизия была переименована в 4-ю). В дополнение к этим полкам (Брестский, Бе-лостокский, Литовский, Виленский пехотные, 47-й и 48-й Егерские в 27-й дивизии; Волынский, Минский, Подольский, Житомирский пехотные, 49-й и 50-й Егерские — в 28-й) были образованы еще два гвардейских, два гре-

надерских номерных и карабинерный полки. Литовская Гвардия формировалась на основе батальонов гвардейских полков, находившихся в Варшаве с 1815 г.: из батальона Лейб-Гвардии Литовского полка был развернут двух-батальонный Лейб-Гвардии Литовский полк (прежний Литовский одновременно стал называться Лейб-Гвардии Московским), из батальона Лейб-Гвардии Финляндского полка — двухбатальонный Лейб-Гвардии Волынский полк легкой пехоты. Позже из гвардейской бригады, двух гренадерских (с 1825 г. — Луцкий и Самогитский), Карабинерного (с 1825 г. — Несвижский) и Польского гренадерского полков была образована Сводная гвардейская гренадерская дивизия при Литовском корпусе.

Характерной особенностью периода стал быстрый рост числа поселенных войск и организация Отдельного корпуса военных поселений. В 1816 г. на поселение в Новгородскую губернию был направлен второй (поселенный) батальон гренадерского графа Аракчеева полка, а к 1825 г. в корпусе числились следующие части: в Новгородском поселении — по три батальона шести полков 1-й гренадерской дивизии и по одному батальону 72 полков 2-й и 3-й гренадерских, 1-й — 9-й и 12-й пехотных дивизий; в Могилевском поселении — по одному батальону 12 полков 10-й и 11-й пехотных дивизий; в Слободско-Украинском поселении — по батальону 18 полков 13, 14 и 15-й дивизий; в Херсонском поселении — по батальону 18 полков 16, 18 и 19-й дивизий.

Во всех полках 1-й гренадерской дивизии поселены были все три батальона; в прочих полках на поселение изначально направлялись вторые батальоны, а с 1824 г. вторые батальоны полков были переименованы в третьи (поселенные), а третьи — во вторые действующие (соответственно нумерацию поменяли и роты). Селения, предназначенные для поселения полка, получили название Округа военного поселения данного полка. Все поселенные батальоны административно объединялись в корпус, называвшийся корпусом поселенных войск, а с 1821 г. — Отдельным корпусом военных поселений.

В 1820 г. Отдельный Грузинский корпус получил название Отдельного Кавказского корпуса.

В 1818 г. Калужский пехотный и Перновский гренадерский полки, а в 1822 г. Ли-бавский пехотный получили почетные шеф-

ства Пруссских Принцев: первый из них стал именоваться пехотным Принца Вильгельма Пруссского полком, второй — гренадерским Наследного Принца Пруссского полком, третий — пехотным Принца Карла Пруссского полком.

В июле 1819 г. названиями поменялись 44-й и 45-й Егерские полки, а в декабре — 26-й и 35-й Егерские.

Ряд преобразований произошел в дивизионной и корпусной организации пехоты. В феврале 1817 г. было объявлено новое расписание дивизий по корпусам и армиям. 1-я армия состояла из 1-го (5, 14 и 25-я дивизии), 2-го (6, 17 и 28-я дивизии), 3-го (15-я и 26-я), 4-го (7, 11 и 24-я) и 5-го (8, 10 и 23-я) пехотных корпусов; 2-я армия — из 6-го (13-я и 16-я дивизии) и 7-го (18-я и 22-я) пехотных корпусов. Уже в июле 28-я дивизия была переименована в 4-ю. 9-я и 12-я дивизии числились в "Корпусе войск во Франции", 19-я и 20-я — в Отдельном Грузинском корпусе, 27-я и 28-я — в Отдельном Литовском корпусе, 21-я — в Отдельном Финляндском корпусе. 1-я гренадерская дивизия состояла при Гвардии, 2-я и 3-я образовывали Гренадерский корпус при 1-й армии. В январе 1819 г. возвратившиеся из Франции дивизии были причислены: 9-я пехотная — к 7-му корпусу, 12-я — к 3-му корпусу.

В 1819 г. практически полностью был обновлен состав 19-й и 20-й дивизий, полки которых вели непрерывные боевые действия на Кавказе. Из 12 пехотных и егерских полков 10 (кроме Кабардинского и Тифлисского) должны были перейти в другие дивизии; соответственно 10 новых полков заняли бы их места. Но по приказу А.П. Ермолова, не желавшего отпускать обученных действиям на Кавказе солдат, полки 19-й и 20-й дивизий просто поменялись названиями с вновь прибывшими, взяли их знамена, некоторое число офицеров, всех нижних чинов (за исключением фельдфебелей и каптенармусов), половину музыкантов и нестроевых. "Отдав" свои названия, знамена и по 108 нижних чинов, испытанные полки под новыми именами остались в районе боевых действий: так, например, Троицкий полк стал называться Ап-шеронским, 9-й Егерский — 42-м. Тогда же Херсонский и Грузинский гренадерские и 7-й Карабинерный полки образовали Резервную гренадерскую бригаду при Отдельном Грузинском корпусе.

Отдельный Литовский корпус, 1818—1825 гг.

Рядовой гренадерских полков, унтер-офицер егерских полков, рядовой пехотных полков, обер-офицер пехотных полков (с 1823 г.), рядовой Карабинерного полка (с 1823 г.)

Стройную картину армейского и корпусного разделения портила пестрота номеров дивизий. Не желая мириться с этим, Военное министерство поступило довольно просто: все дивизии в мае 1820 г. получили новые номера, соответствующие их расписанию по корпусам. Теперь, например, 1-й пехотный корпус состоял из 1, 2 и 3-й (ранее — 25, 5 и 14-й) дивизий. Таким образом, в 1-й армии, помимо Гренадерского корпуса, числилось 5 пехотных корпусов (№№ 1—5) и 15 дивизий (№№ 1 — 15); во 2-й армии — 2 корпуса (6-й и 7-й) и 5 дивизий (№№ 16 — 20). В Отдельные корпуса входили дивизии: в Грузинский — 21-я и 22-я, в Финляндский — 23-я, в Литовский — 24-я и 25-я.

Перемены в организационной структуре Гвардии были незначительны. В 1817 г. отчисливший один батальон для Литовской Гвардии Лейб-Гвардии Литовский полк был вновь дополнен до трехбатальонного состава, но назван уже Лейб-Гвардии Московским полком. Перенесший подобную процедуру Лейб-Гвардии Финляндский полк сохранил прежнее название.

Волнения в Лейб-Гвардии Семеновском полку, названные "семеновской историей", спровоцировали Императора на чрезвычайно жесткие действия: в ноябре 1820 г. все офицеры и нижние чины полка были распределены по различным армейским полкам, а из рот трех гренадерских полков образовали новый Семеновский полк (изначально причисленный к Молодой Гвардии, а с декабря 1823 г. - к Старой).

Наконец, 3 марта 1825 г. было введено новое расписание полков по двум гвардейским дивизиям. Если раньше в состав 1-й дивизии входили полки, образованные еще до восшествия на престол Александра I, то теперь каждая бригада состояла из "старого" и "нового" полков. В 1-й дивизии 1-я бригада включала в себя Преображенский и Московский полки, 2-я — Семеновский и Гренадерский полки и Гвардейский экипаж; во 2-й дивизии в 3-й бригаде числились Измайловский и Павловский полки и Саперный батальон, в 4-й — Егерский и Финляндский полки.

Из трех учебных гренадерских батальонов в 1816 г. был образован Учебный Карабинерный полк из 14 рот; в 1817 г. при этом полку учредили "депо" из неранжированной и нестроевой рот. В состав этих рот вошли Му-

зыкантская и Барабанщицья роты, после чего полк получил обычную 12-ротную организацию.

К 1815 г. гарнизонная пехота состояла из Отдельного корпуса Внутренней Стражи (до марта 1816 г. — Внутренняя Стража), из полков и батальонов при Отдельном Кавказском корпусе (один трехбатальонный полк, один двухбатальонный полк, 3 батальона), из 26-й (до 1820 г. — 29-й) пехотной дивизии в Отдельном Оренбургском корпусе (3 бригады из двухбатальонного полка и 10 батальонов) и из 27-й (до 1820 г. — 30-й) пехотной дивизии в Отдельном Сибирском корпусе (3 бригады из трехбатальонного и двухбатальонного полков и 8 батальонов). Отдельный корпус Внутренней Стражи делился на И округов (№№ 1 — 10 и 12). В них входили разделенные на бригады 47 батальонов, два трехбатальонных и два двухбатальонных полка.

С 1817 г. все батальоны состояли из 4-х рот.

В 1816 г. был издан окончательно доработанный вариант пехотного устава.

Построение полка практически не изменилось: вместо двух знаменосцев в знаменной группе присутствовал только один; полковые музыканты теперь вставляли с левой стороны от ротных.

Каждая из четырех рот батальона делилась на два взвода. Первый взвод (гренадерский) располагался на правом фланге; к нему пристраивались шесть мушкетерских взводов; левый фланг занимал восьмой (стрелковый) взвод. Если хозяйственным подразделением батальона была рота, то тактическим, как правило, — дивизион, в который входили два соседних в строю взвода разных рот: в первый дивизион — гренадерский взвод и 1-й взвод первой мушкетерской роты, во второй — 2-й взвод первой и 1-й взвод второй мушкетерских рот, в третий — 2-й взвод второй и 1-й взвод третьей мушкетерских рот, в четвертый — 2-й взвод третьей мушкетерской роты и стрелковый взвод. Первые два дивизиона составляли первый полубатальон, остальные — второй. Взвод делился на два полувзвода, а полувзводы — на отделения (по 4 — 6 рядов)¹.

При построении батальона все взводы вставляли в одну линию, причем допускалось

перемещать людей из одной роты в другую, дабы количество рядов во всех взводах было одинаково (это, впрочем, не касалось гренадерской роты). Лучшие солдаты ставились на флангах подразделений и в первой шеренге. Первый полубатальон ранжировался справа налево, второй — слева направо; кроме того, самые высокие солдаты выставлялись в первую шеренгу, самые низкие — во вторую, остальные — в третью. В шеренгах люди стояли локоть к локтю; между шеренгами оставлялось расстояние в половину аршина. В центре батальона ставились знаменные группы (подпрапорщик со знаменем и пять унтер-офицеров) и ряды (по два ряда солдат по краям знаменной группы). Основной их функцией было четкое выдерживание направления движения или равнения и задание темпа шага. Поэтому эти группы и ряды выделялись даже и в егерских батальонах, где знамен не полагалось.

Восемь ротных офицеров (в том числе все капитаны) занимали места в первой шеренге на правых флангах взводов, а поручик гренадерской роты — на левом фланге стрелкового взвода (а следовательно, и всего батальона). Остальные офицеры становились "в замок", то есть позади строя, создавая офицерскую линию. Командир батальона следовал впереди батальона перед его центром, второй штаб-офицер с батальонным адъютантом (также верхом) — на крайнем правом фланге.

Девять унтер-офицеров вставали за офицерами в третьей шеренге; один — на левом фланге четвертого взвода в первой шеренге (отделяя знаменные ряды). Остальные унтер-офицеры выстраивались в линию позади своих рот: один из них располагался за вторым рядом взвода справа, другой — за вторым рядом слева, остальные — между ними. Предписывалось, чтобы за взводом находилось не менее шести унтер-офицеров; при недостатке их место занимали вице-унтер-офицеры из лучших ефрейторов.

Линия замыкающих унтер-офицеров строилась в двух шагах от третьей шеренги, линия замыкающих офицеров — в двух шагах от унтер-офицерской.

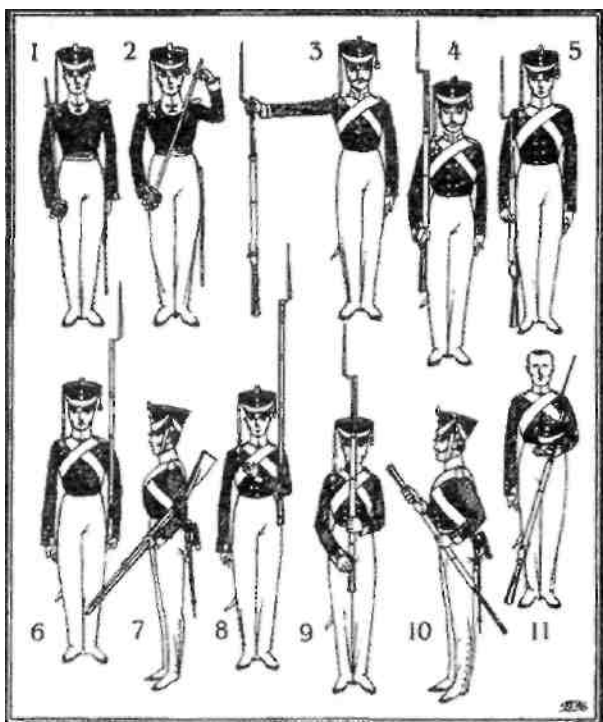
На правом фланге батальона вставали музыканты (если это был первый батальон) в три шеренги, еще правее — барабанщики в три шеренги, затем батальонный (полковой) барабанщик и, наконец, два флейтщика в одну шеренгу.

Все строевое обучение делилось на три части: "Школа рекрут", "Ротное учение" и "Батальонное учение". Офицеры обязаны были знать все эти части; помимо знания всех команд и умения объяснять эволюции, от них требовались хорошая строевая выправка, "ровный и одинаковый" шаг и "вид, приличный офицеру". Унтер-офицеры изучали "рекрутскую школу" и "ротное учение". Подготовкой новых унтер-офицеров занимались фельдфебели под наблюдением ротных командиров. Особое внимание уделялось выучке знаменных унтер-офицеров, знаменных рядов и фланговых унтер-офицеров.

В "Школе рекрут или солдат" разъяснялись правила одиночного обучения новичков строевым приемам без ружья, строевым приемам с ружьем и пальбе, а также правила обучения элементарным эволюциям в составе ряда и шеренги.

Офицерам предписывалось следить за тем, чтобы обучение велось не с помощью строгих наказаний, а с величайшим терпением и доходчивым толкованием ("строгость при учении употреблять только для нерадивых, но и тут поступать с умеренностью и осторожностью. Попечительный и искусный начальник может поселить в подчиненных своих охоту к службе и повиновению; стараться также доводить солдата, чтобы почитал за стыд и самое малейшее наказание" [71, стр.9]). Для преподавания основ солдатской науки ротные командиры выбирали "опытных, исправных и совершенно свое дело знающих унтер-офицеров и ефрейторов".

В первом уроке "Школы..." замечательно подробно была описана строевая стойка: "Солдат должен стоять прямо, но непринужденно; каблуки вместе и на одной линии, столь плотно, сколько можно; носки равно врознь выворочены менее прямого угла так, чтобы большие пальцы ног были против выемки плеч; колени вытянуты, но не напирая оных; имея грудь и тело вперед и не выставляя брюха; плечи назад равно опущены, не подымая вверх и не переменяя их положения, от чего наиболее зависит равенство всего фронта; руки лежали бы прямо и вольно, локти назад ближе к телу, не сгибая оных; ладонь немного выворочена, пальцы не согнуты и чтоб мизинец лежал на боковом шву штанов; голову держать прямо и непринужденно, подбородок прижат книзу, не закрывая, однако же, шеи; смотреть прямо

Строевые приемы по уставу 1811/1816 гг.

Стойка офицера со шпагой: в шеренге (1), по команде "вольно" (2). Прием "на караул по-ефрейторски" (3). Унтер-офицер с ружьем по команде "на плечо" (4). Приемы для рядовых: "к ноге" (5), "на плечо" (6), "от дождя" (7), "под курок" (8), "на караул" (9), "на погребение" (промежуточное положение) (10), "на молитву" (11), перед собою в землю на 15 или 16 шагов" [71, стр.12-13].

Не ограничиваясь простым изложением правил, составители устава много внимания уделили объяснению отдельных тезисов, например: "Каблуки столь плотно, сколько можно. — Для того, что люди, у коих ноги кривые или икра ноги очень толста, не могут стоять каблуками вместе".

Команды разделялись на предварительные и исполнительные. Процесс исполнения команд делился на ряд приемов, а приемы — на "темпы".

Для строя предусматривалось два вида шага: "тихий" (75 шагов в минуту) и "скорый" (110 шагов); мерой шага считался аршин.

В движении строй мог "принимать" направо или налево; в этом случае один шаг делался прямо, а другой — в нужную сторону. Кроме того, практиковался марш "влоборота", когда солдаты перед движением

разворачивались влоборота направо или налево.

Исходным положением для большинства ружейных приемов была стойка с ружьем на левом плече "почти во всю руку, так чтобы локоть левой руки немного был согнут и был бы в равном положении от тела с локтем правой руки; приклад охватить кистью, двумя пальцами снизу, средним и указательным на конце, а большим сверх оного, который прижать столько к телу, соображаясь со стройностью человека, дабы ружье всегда было, если смотришь спереди, прямо по отвесу (или перпендикулярно к земле) и чтоб, маршируя, движением ляжки ружье не шевелить; ложу лежать на самом сгибе плеча, плотно и прямо; курок не выворачивая нисколько в стороны держать в иоле; левую руку с ружьем держать перед тесаком" [71, стр.23—24].

Все ружейные приемы исполнялись по флигельману; движения должны были быть "отрывистые" и "без размаху". Для лучшего привыкания рекрута к тяжести ружья рекомендовалось начинать с относительно коротких занятий, постепенно наращивая их продолжительность.

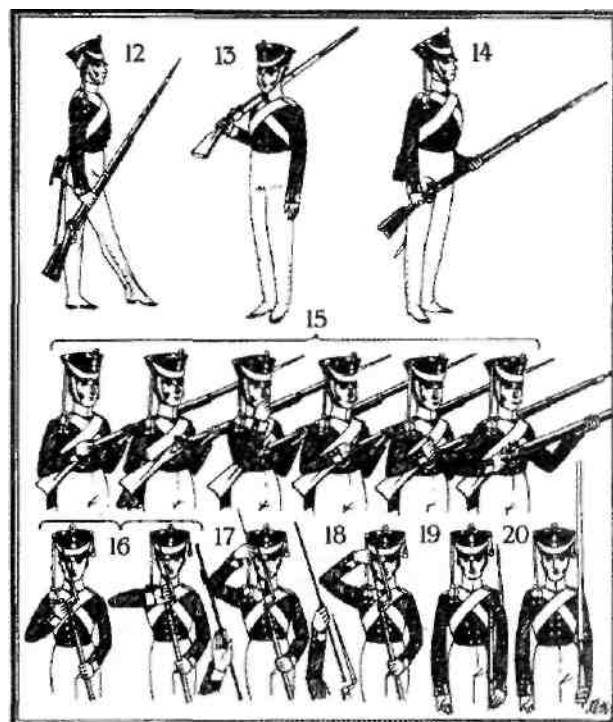
При стрельбе рекрутов приучали к неторопливому и "свободному" заряданию ружья; при этом от обучающихся требовалось доходчиво истолковывать все фазы многосложного процесса зарядания. Вставив в курок деревянный кремнь, а в дуло — деревянный патрон, рекрут проходил все стадии зарядания и прикладывания, вплоть до нажатия на спусковой крючок. Привыкнув к работе с ружьем, солдат получал патрон с порохом. Здесь следовало еще одно испытание — нужно было научиться не отворачивать лицо в тот момент, когда порох вспыхивал на полке. От солдат требовали меткой стрельбы; как указывал устав, необходимо было помнить, "что не шумом бьют неприятеля, но цельным выстрелом, и для того лучше один раз выстрелить цельно, нежели много раз по-пустому". Стрельбой шеренгами и рядами достигалась привычка не бояться выстрелов соседей.

Сам процесс зарядания существенно не изменился. По команде "к заряду" солдат поворачивался влоборота направо и брал ружье в левую руку так, чтобы приклад находился под локтем правой руки, а конец ствола — на уровне глаз. Далее следовала команда "По команде с патроном, чехлы долой,

заряжай", разделявшаяся на шесть приемов и на ряд темпов (обученные солдаты, как правило, заряжали ружья по команде "жай!", без разделения на приемы и темпы). Солдат большим пальцем правой руки открывал полку, снимал чехол с огнива и подворачивал его под ружейный ремень; затем он правой рукой открывал суму и вытаскивал патрон, стараясь не выронить при этом другие патроны; поднеся патрон ко рту, скусывал верхнюю часть патрона до самого пороха, сыпал порох на полку и тремя пальцами правой руки закрывал полку. После этого он брал ружье правой рукой (в которой держал также и патрон) за шейку приклада и перехватывал левой рукой под верхней скобкой ремня; "оборачивал" ружье (ставил приклад на землю с наружной стороны левой ноги, стволом от себя), высыпал оставшийся порох в дуло, бросал туда же бумажный патрон с пулей, вынимал шомпол, переворачивал его широкой стороной вниз (если шомпол не имел утолщения, то его могли не переворачивать) и одним ударом "прибивал" заряд. Вынув шомпол и вложив его в ложу, солдат брал ружье на плечо, что означало завершение процесса заряжания. Следовали команды "товсь!" (солдат брал ружье правой рукой за шейку приклада, а левой — выше курка, разворачивал его ремнем от себя и взводил курок на боевой взвод), "кладсь!" (солдаты первой шеренги несколько разворачивались вправо, солдаты второй шеренги отставляли правую ногу в сторону и переносили на нее вес тела, третья шеренга все время держала ружья на изготовку) и "пли!".

Кроме "прямой", использовались также "облическая" стрельба (вполоборота направо или налево) и стрельба вверх. Как ни странно, стрельба вверх практиковалась довольно широко, особенно для разряжания невы-стреливших ружей.

После обучения стрельбе следовали эволюции в составе шеренги и ряда (тихий и скорый шаг, облический шаг, шаг вполоборота, захождения). Ротное учение начиналось с правил рас-чета взводов и отделений. Неполный, или "глухой", ряд ставился на левом фланге роты. При нечетном количестве рядов в роте лишний ряд приписывался к первому взводу; при нечетном количестве рядов во взводе — к первому полувзводу; при невозможности расчета

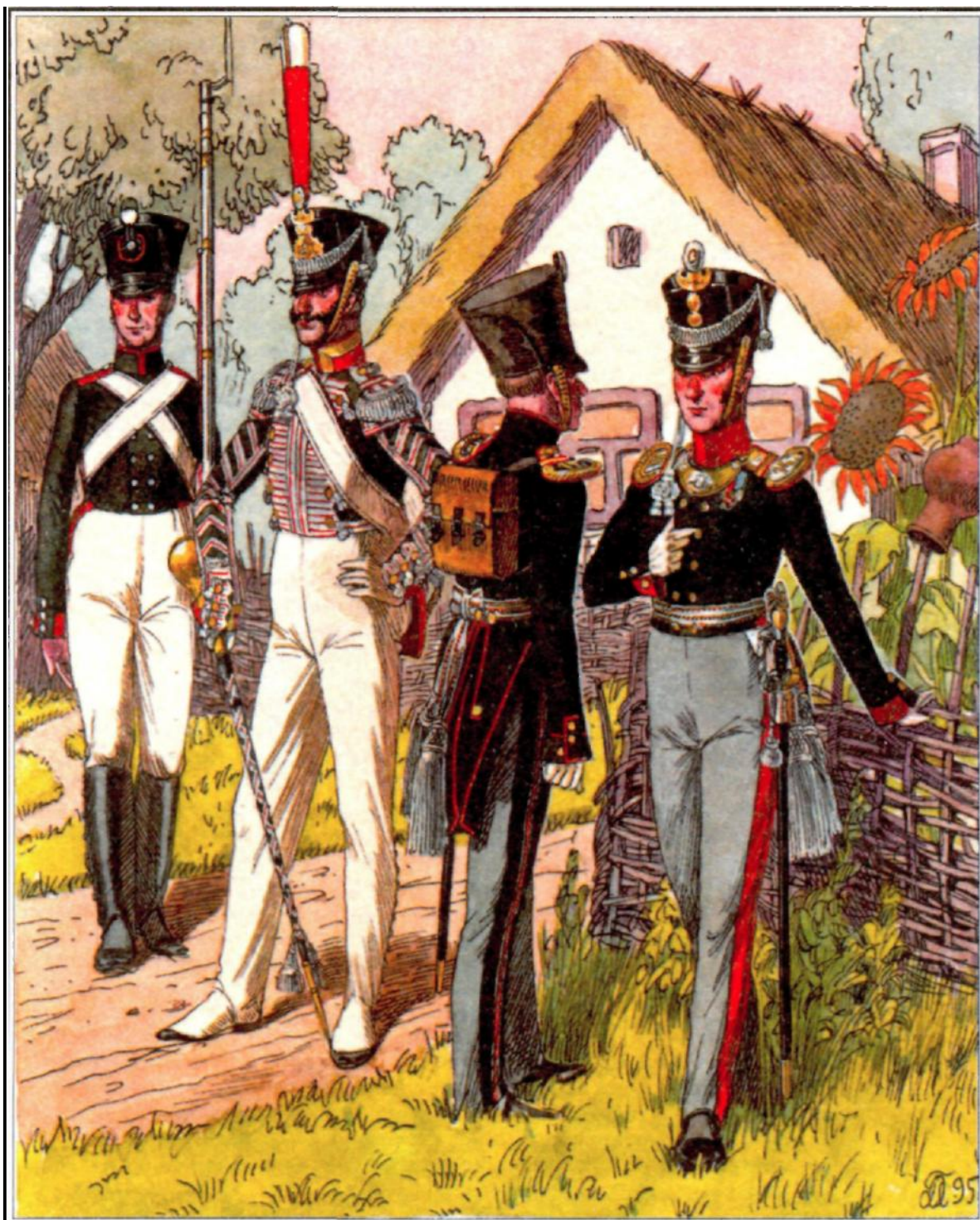
Строевые приемы по уставу 1811/1816 гг. (продолжение) "Наперевес" (12), на плече плашмя (13), "на руку" (14), приемы заряжания (15-20)

на равные отделения, отделения с большим количеством рядов отсчитывались с флангов.

Оговаривался строгий порядок осмотра ружей, амуниции и внешнего вида солдат перед учением: "Осматривающему ружья наблюдать следующее: чтоб ружье снаружи вычищено было; чтоб кремь хорошо был ввернут и замок смазан; чтоб затравка прочищена была; чтоб пружины у замка не слабы были, для сего взвесть курок и, спустив оный, смотреть, довольно ли кремь дает огня; потом, поставя курок на первый взвод и надев на-полошник, закрыть полку; взять шомпол, опустив раза два в дуло и вынув, смотреть, чист ли конец, если оный чист, то заключить можно, что дуло внутри чисто; опустив шомпол в дуло, отдать ружье. — Осмотрев ружья, смотреть, как одет солдат и все ли на нем так, как должно; пройдя всю шеренгу, осматривающий с левого фланга идет за фронт и смотрит, чтоб сума, тесак и штыковые ножны были чисты и на своем месте. При осмотре не пропускать ни одной вещи и в случае надобности немедленно поправлять" [71, стр.97].

Армейская пехота, 1817—1826 гг. Рядовой карабинерных полков, рядовой гренадерских полков, горнист (сигнальщик) пехотных полков (1819-1826 гг.), заслуженный инвалид поселенных полков, гренадер пехотного полка

Армейская пехота, 1817—1826 гг.

Рядовой гарнизонных полков, тамбурмажор гренадерских полков (1816-1820 гг.), обер-офицеры егерских и пехотных полков

При зарядании ружей третья шеренга, за исключением унтер-офицеров, отступала на шаг, а зарядив, вставала на свое место.

После осмотра разъяснялись правила строевых приемов. Был установлен стандартный порядок выполнения приемов при обучении: "на караул", "на плечо" (по флигельману), "под курок", "под приклад", "на руку", "на плечо", "с плеча", "от ноги"; "направо", "во фронт", "налево", "во фронт", "вполоборота направо", "во фронт", "вполоборота налево", "во фронт", "направо кругом", "налево кругом".

Солдат обучали захождению рядами, отделениями и взводами и вздваиванию рядов (вплоть до трехрядной походной колонны).

На походе мог применяться "вольный шаг": шеренги размыкались на полтора аршина, солдаты шли не в ногу и несли ружья на правом или на левом плече, одной или двумя руками; ствол всегда был направлен вверх.

Далее ротное учение объясняло правила построения взводной походной колонны и построение из этой колонны фронта и дивизионной колонны.

Особый раздел ротного учения отводился обучению цельной стрельбе. Для этого в батальоне изготавливалось несколько черных деревянных щитов (высотой в 2 3/4 аршина, шириной в 1 аршин), в центре и по верхнему краю которых проводились белые поперечные линии шириной в 4 вершка. С расстояния 40 и 80 сажень солдаты целились в центральную полосу, а со 120 сажень — в верхнюю. Изначально ставя щиты на ровном месте, обучающие затем усложняли задачу, выставляя их на возвышенностях или в низинах. Свинец при учениях не пропадал, так как позади щитов насыпался земляной вал, в котором застревали пули.

Задача батальонного учения разъяснялась в уставе так: "Предмет батальонного учения состоит в том, чтобы каждый батальон в особенности приготовить и обучить совершенно всему, что нужно знать в линейном учении. Согласно действие в движениях многих батальонов непосредственно зависит от обучения каждого батальона в особенности, единообразных команд и средств исполнительных; и для того батальонные командиры обязаны во всем следовать предписанию..." [71, стр.213]

Повторив все ружейные приемы и выровняв батальон, обучающий разъяснял порядки

стрельбы батальоном, полубатальонами, шеренгами, дивизионами, plutонгами и рядами. При стрельбе все стоящие в шеренгах офицеры и унтер-офицеры уходили за строй.

Стрельба полубатальонами начиналась с правого фланга; второй полубатальон стрелял только тогда, когда часть солдат первого полубатальона успевала зарядить ружья. Окончание любой стрельбы проводилось по барабанному сигналу "дробь".

Шеренги стреляли, начиная со второй. Выстрелив, солдаты второй шеренги передавали ружья в третью шеренгу и, взяв взамен уже заряженные ружья, стреляли вновь. Затем они сами заряжали, а в это время стреляла первая шеренга. Таким образом, два залпа второй шеренги чередовались с одним залпом первой.

Дивизионы, начиная с правого, стреляли в шахматном порядке: первый, третий, второй, четвертый. При этом второй дивизион стрелял лишь тогда, когда в первом ружья были уже заряжены. Плутонги вели огонь таким же образом: первый, третий, пятый, седьмой, второй, четвертый, шестой, восьмой.

Пальба рядами начиналась с правого фланга отделения, полувзвода или взвода.

Одним из самых сложных элементов строевого учения было поддержание правильной дирекции и монолитности батальона в движении. Во время учения предпринимался ряд мер для достижения нужного результата: перед строем в 40 шагах становился командир батальона, за строем — адъютант и два унтер-офицера (один за другим): все четверо задавали линию движения, на которую перед началом марша перемещался первый знаменный унтер-офицер, имея слева подпрапорщика со знаменем и третьего знаменного, а справа — командира пятого взвода. Вся эта группа вставала в 8 шагах впереди линии фронта и в дальнейшем задавала направление и темп движения.

Солдаты первого полубатальона постоянно должны были "чувствовать" соседа левым локтем и сдерживать правого соседа, если тот чрезмерно нажимал влево. Солдаты второго полубатальона "чувствовали" правым локтем, а сдерживали — левым.

Если перед фронтом встречались препятствия, то батальон вздваивал взвод таким образом: взвод первого полубатальона поворачивался налево и заходил рядами (левое плечо вперед) за соседний взвод. Соответ-

ственно взвод второго полубатальона поворачивался направо и заходил "правым плечом вперед".

Батальон мог отступать (двигаться в обратную фронту сторону) целиком или полубатальонами. В последнем случае отступление начинал первый полубатальон, который поворачивался крутом и шел заданное число шагов, равняясь на подпрапорщика и на знаменных унтер-офицеров, возглавляющих движение. Придя в заданное место, полубатальон поворачивался во фронт, и тогда движение после поворота кругом начинал второй полубатальон. Во время его прохождения мимо первого полубатальона к нему присоединялись подпрапорщик и знаменные.

Из линейного построения несколькими способами могли строить колонны.

Прежде всего колонна могла строиться захождениями взводов или дивизионов; при этом новая линия фронта была перпендикулярна изначальной. Гораздо чаще использовались построения обычной или "густой" колонн по заданному дивизиону или взводу. Построение, например, колонны справа по первому дивизиону достигалось следующим образом: первый дивизион оставался на месте, остальные делали поворот направо и поочередно заходили за первый. Таким же образом строилась и взводная колонна справа.

Колонна из середины по четвертому и пятому взводам (наиболее часто употребляемый вид колонны) строилась так: четвертый и пятый взводы стояли на месте, первые три взвода поворачивались налево и выстраивались за четвертым взводом, последние три взвода поворачивались направо и строились за пятым взводом.

Колонны могли строиться фронтом как вперед, так и назад: при этом использовался "контрмарш", то есть такое перемещение подразделения, когда фронт менялся на противоположный, а положение флангов сохранялось. Для объяснения этого маневра приведем пример: при простом повороте взвода кругом на правом фланге оказывался бывший левофланговый ряд, а на левом — бывший правофланговый; при контрмарше же взвод заходил рядами так, что ряды правого фланга вставали на месте прежнего положения левого фланга и наоборот.

Батальон мог строить колонну на месте или в движении. Например, "построение из

движущегося фронта в колонну справа, восьмой взвод направо" делалось так: по команде восьмой взвод поворачивался направо и начинал движение (остальные маршировали вперед); пройдя четыре шага, направо поворачивался седьмой взвод и так далее; все они постепенно заходили за первый взвод и разворачивались во фронт. Для марша колонны стоящему в головном взводе унтер-офицеру двумя ориентирами задавалось направление движения.

Немало внимания уделялось порядку движения походной колонны; на ровных местах колонна должна была поддерживать темп 85 — 90 шагов в минуту; на плохой дороге темп сокращался до 76 шагов; в благоприятных условиях небольшая колонна делала 90 — 100 шагов в минуту.

Колонна могла быстро переменять дирекцию, для чего взводы или дивизионы поворачивали все вдруг направо или налево и шли по кратчайшему расстоянию до нового положения колонны, где останавливались и выравнивались по головному подразделению.

Из колонны разными способами строилась линия фронта. Прежде всего предусматривалось три способа обозначения будущей линии: выставлением двух унтер-офицеров; обо-значением одной точки командиром, а второй — ориентиром; назначением двух отдаленных точек.

Линия строилась захождением или с помощью поворотов подразделений без смены фронта. Второй способ имел целый ряд правил для различных видов колонн, но принцип был один: на месте оставался обозначенный командиром взвод, остальные высылали унтер-офицеров на линию фронта, поворачивались в нужную сторону, шли до своих унтер-офицеров, разворачивались и вступали на линию.

Для смены в первой линии одного батальона другим применялось прохождение линии сквозь линию. При этом батальон первой линии, идя назад, поворачивался налево и шел повзводно левым плечом вперед; таким образом, батальон образовывал восемь колонн "по три". Во втором батальоне, освобождая место, вторые полувзводы уходили за первые. Вперед сквозь первую линию батальон мог проходить, вздваивая дивизионы, взводы и ряды.

Особо выделялось прохождение переправы, или узкого дефиле. В наступлении эта

процедура проводилась с фланга или из середины, по рядам, по отделениям, по полувзводам или по взводам. При переправе по рядам знаменные ряды шли прямо; первый полубатальон поворачивался налево и делал захождение рядами (левое плечо вперед), второй полубатальон поворачивался направо и заходил рядами правым плечом вперед. Пройдя переправу, знаменные ряды останавливались, а полубатальоны выстраивались по обе стороны от них рядами. При отступлении через переправу сначала проходили дальние от нее подразделения. Например, если переправа находилась за восьмым взводом, то первым переходил через нее первый взвод, затем второй и так далее; восьмой взвод прикрывал остальных и переходил последним.

Несколько глав батальонного учения было посвящено построению и различным эволюциям каре.

Каре состояло из четырех "фасов" (сторон), передним из них считался тот, по которому строилось каре. Каждым фасом командовал старший из офицеров, в нем находящихся. Внутри каре знаменная группа, музыканты, барабанщики, флейтчики, штаб-офицеры и адъютант вставали лицом к переднему фасу.

Наиболее употребительным было построение каре из фронта на месте по четвертому и пятому взводам. Четвертый и пятый взводы смыкались к центру, в то время как знаменная группа уходила за строй. Второй, третий, шестой и седьмой взводы поворачивались кругом; третий и шестой заходили взводами, примыкая флангами к четвертому и пятому; второй и седьмой заходили и примыкали к третьему и шестому. Первый взвод поворачивался налево и заходил рядами правым плечом вперед, пристраиваясь ко второму параллельно четвертому; восьмой взвод поворачивался направо и пристраивался к седьмому параллельно пятому. Построение фронта из каре проводилось обратным порядком; первый и восьмой взводы выстраивались последними.

Такое же каре могло строиться на марше. При этом четвертый и пятый взводы шли вперед, смыкаясь к центру; знаменная группа осаживала назад; первый, второй и третий взводы делали поворот налево; шестой, седьмой и восьмой — налево; второй и третий заходили рядами левым плечом вперед за

правым флангом четвертого взвода; шестой и седьмой заходили рядами правым плечом вперед за левым флангом пятого взвода; первый и восьмой, идя прямо, составляли задний фланг.

В "угловом" каре все фасы располагались под углом к первоначальной линии фронта; для этого третий — шестой взводы поворачивались кругом и заходили взводами, а первый и второй (седьмой и восьмой) взводы поворачивались налево (направо) и, заходя рядами, шли на свои места.

Нередко колонна к атаке (по четвертому и пятому взводам с половинными дистанциями) была вынуждена строить каре против кавалерии. Для этого четвертый и пятый взводы смыкались; второй, третий, шестой и седьмой заходили по полувзводам; первый и восьмой смыкались и примыкали к флангам седьмого и второго. Таким образом, получалось каре с боковыми фасадами, состоящими из шести рядов солдат; длина боковых фасов была вдвое меньше, чем у переднего и заднего.

Каре могло передвигаться в сторону любого фаса или угла; из каре при необходимости можно было выстроить колонну.

Последняя глава учения была посвящена церемониальному маршу. Батальон повзводно заходил направо; впереди батальона шли младший штаб-офицер и адъютант, за ними барабанный староста, барабанщики с флейтчиками на правом фланге, музыканты, батальонный командир, затем взводы по очереди на полных дистанциях. При прохождении мимо старшего начальника возле него оставались музыканты, адъютант и командир батальона, которые после прохождения восьмого взвода присоединялись к колонне.

Вслед за батальонным учением Военное министерство в 1820 г. опубликовало "Воинский устав о линейном учении", заключавший в себе "правила движений и действий нескольких батальонов совокупно, как в линии, так и в колоннах" [72, стр.3].

Согласно уставу, находящиеся в линии батальоны нескольких полков получали сквозную нумерацию. Крайний с правого фланга батальон считался первым, стоявший слева от него — вторым и так далее. Между соседними батальонами устанавливался интервал в 20 шагов. При построении в линию командир дивизии размещался в 70 шагах перед центром дивизии, командир бригады — в 50 шагах перед центром бригады, командир

полка — в 32 шагах перед центром полка, батальонный командир — в 16 шагах перед батальоном. При стрельбе все командиры вставали позади своих батальонов на таком же расстоянии. Марш дивизии, построенной в колонну, возглавлял дивизионный командир; бригадный командир двигался в 15 шагах от центра бригады, полковой — в 12 шагах (оба на том фланге, по которому строился фронт); батальонный командир действовал по правилам батальонного учения. Командовал действиями линии старший командир, называемый линейным начальником, или командующим линией. Все остальные командиры дублировали его команды; впрочем, батальонные командиры могли отдавать исполнительные команды сразу, как только слышали распоряжение линейного начальника.

Батальоны выстраивались на линии, предварительно обозначенной несколькими унтер-офицерами. Выстроив линию, линейный начальник посылал гренадерские взводы за знаменами на квартиру полкового командира, где их уже ждали адъютант и подпрапорщики. Линия встречала принесенные знамена взяв "на караул"; музыканты играли, барабанщики били "поход". Подпрапорщики занимали свои места, гренадерские взводы расходились к батальонам, двигаясь за фронтом. Церемония "относа знамен" обставлялась еще более торжественно. Шествие возглавлял полковой адъютант верхом; за ним следовала сводная команда из всех музыкантов, барабанщиков, горнистов и флейтчиков полка, игравших попеременно; взводный командир шел перед шеренгой из подпрапорщиков, за подпрапорщиками двигался гренадерский взвод. Вынос знамен проводился нечасто, лишь перед смотрами и значительными парадными и маневрами; в иных случаях подпрапорщики выходили в строй с ружьями.

Правила взаимодействия рассматривались на примере восьми батальонов.

Стрельба производилась таким же образом, как и внутри батальона. При пальбе батальонами на изготовку сначала брали нечетные батальоны; стрелял первый батальон, потом третий, пятый и седьмой. После того как третий батальон начинал заряжать ружья, "товсь" командовали четным батальонам; увидев, что самые проворные солдаты первого батальона уже зарядили, командир второго батальона командовал

"кладсь", "пли" и "жай" (заряжай). Для стрельбы половинами батальонов иолубатальоны рассчитывались подобно батальонам; стрельба велась таким же образом. Пальба дивизионами, плутонгами и рядами производилась по правилам батальонного учения. Для стрельбы "на заднюю шеренгу" линия делала поворот "налево крутом", названия флангов при этом не менялись. Сигналом к прекращению стрельбы служила барабанная "дробь".

Перед маршем вперед всей линией линейный начальник назначал дирекционный (задающий направление движения) батальон и батальон для равнения (слева или справа от дирекционного). Согласно батальонному учению, подпрапорщики выходили перед фронтом. Батальон для равнения старался строго выдерживать линию с дирекционным; их знамена задавали линию для равнения всех прочих знамен. Остановив батальоны, командир мог задать новую линию равнения. Для этого он становился справа от знаменных унтер-офицеров дирекционного батальона и разворачивал их в нужном направлении (новая линия не должна была пересекать старую). После этого по команде ("знамена и унтер-офицеры на линию") знаменные и замыкающие унтер-офицеры выходили на продолжение новой линии, разворачивались лицом к дирекционному знамени и выравнивались. Линейный начальник командовал "батальоны вперед на линию — скорым шагом — марш-марш"; батальоны строились в 8 шагах от линии унтер-офицеров, и начальник приказывал знаменным и прочим унтер-офицерам занять свои места.

Для марша уступами (одним или несколькими батальонами или полубатальонами) линейный начальник назначал фланг, с которого начинался марш, количество подразделений в уступе, дистанцию между уступами и скорость шага, например: "уступами вперед с правого фланга линии — побатальонно — на сто шагов дистанции — тихим шагом". Первое подразделение по команде "марш" своего командира начинало движение, оставляя для ориентира прочим унтер-офицеров на дирекционной линии. Во втором подразделении один из унтер-офицеров вставал на место крайнего флангового ряда уходящего подразделения; при начале движения он шел вместе со своим подразделением, равняясь по

Гвардейская пехота, 1817—1826 гг.

Унтер-офицер Лейб-Гвардии Измайловского полка, штаб-офицер Лейб-Гвардии Егерского полка (с 1818 г.), рядовой Лейб-Гвардии Семеновского полка (лацканы застегнуты по-зимнему), горнист (сигнальщик) Лейб-Гвардии Финляндского полка (1819-1820 гг.)

Гвардейская пехота, 1817—1826 гг.

Ротный барабанщик Молодой Гвардии (Лейб-Гвардии Гренадерского полка с 1820 г.), рядовой Лейб-Гвардии Гарнизонного батальона, тамбурмажор Лейб-Гвардии Преображенского полка (1817-1820 гг.), обер-офицер Лейб-Гвардии Павловского полка, обер-офицер Лейб-Гвардии Волынского и штаб-офицер Лейб-Гвардии Литовского полков вне строя

флангу впереди идущего и задавая, таким образом, дирекцию и нужный интервал. Линия после остановки могла выстраиваться по любому батальону. Таким же образом осуществлялся марш уступами назад. Батальоны можно было выстроить уступами и на месте: начальник разворачивал под нужным углом первые взводы, затем к ним пристраивались и выравнивались батальоны. Образовавшиеся таким образом уступы также могли передвигаться; при этом унтер-офицер на фланге батальона выходил на 8 шагов вперед, замечал находящийся перед ним ряд впереди идущего батальона и двигался за ним, задавая дирекцию своему батальону.

Заботясь о безопасности отступления, линейный начальник мог командовать отступление через батальон или полубатальон. Ретирату начинали нечетные подразделения, проходили заданное количество шагов (не менее 100) и, развернувшись, строили линию с интервалами. Увидев это, начальник приказывал отступить четным подразделениям. В линиях четных и нечетных подразделений, как правило, назначались свои временные начальники.

Во время боя нередко возникала необходимость смены одной линии батальонов на другую. При этом стоящая на месте линия вздваивала взводы, а движущаяся линия разворачивалась направо или налево и, заходя взводами левыми или правыми плечами вперед, проходила в интервалы. Вторая линия могла проходить сквозь первую в колоннах к атаке, чем достигались быстрота и неожиданность наступления. Опрокинув противника, колонны выстраивали линию. В ряде случаев построение линии сопровождалось пальбой рядами: каждый занимающий место в линии взвод самостоятельно открывал огонь.

Для построения колонн из нескольких батальонов в колонну изначально строился каждый батальон; затем эти колонны объединялись в одну. Между батальонами в общей колонне устанавливалось расстояние в 8 шагов. Правила движения общей колонны, как и способы построения из колонны фронта, немногим отличались от положений батальонного учения. Наиболее удобной при построении фронта признавалась следующая последовательность: на первом этапе колонны батальонов выходили из общей колонны на

заданную унтер-офицерами линию, а затем строили на этой линии фронт.

В уставе, как и в батальонном учении, рассматривалось несколько особых эволюции.

Так, переправа линии через узкий проход осуществлялась следующим образом: подразделение батальона (дивизион, взвод, полувзвод, отделение), перед которым находилась переправа, двигалось прямо; прочие подразделения всех батальонов заходили взводами, полувзводами или отделениями налево (стоящие справа от переправы) или направо и шли к переправе. Миновав узкое место, колонна, получившаяся в результате переправы батальонов, строила фронт.

Чаще всего пехота на иоле боя строилась в две линии. При необходимости быстрой перемены фронта в первой линии разворачивали выбранный для ориентира взвод какого-либо батальона, а затем остальные подразделения строились на обозначенной линии. Батальоны второй линии при этом строились в колонны, быстро переходили на новые позиции позади первой линии и при необходимости разворачивались в линию.

Допускалось построение крупных каре из двух и более батальонов. Например, трехбатальонный полк мог строить каре со стороны из шести взводов. Линия строила двух-батальонные каре, например, двигаясь уступами по два батальона: но команде "по вторым полубатальонам нечетных батальонов строй каре" указанные полубатальоны оставались на месте, первые полубатальоны нечетных батальонов образовывали правые фасы, полубатальоны четных батальонов — левые и задние фасы. Из общей густой колонны на марше строилось общее же (из любого количества батальонов) каре против кавалерии. Передний фас при этом образовывал полубатальон или дивизион первого батальона, задний фас — подразделение последнего батальона; остальные батальоны строили боковые фасы.

Подробнейшим образом устав описывал церемонию "отдачи чести начальнику войском, в линии стоящим". Завидев приближающегося начальника, батальонные командиры вставали на правых флангах своих батальонов; командиры полков, бригад или дивизий со штабами выезжали на правые фланги своих частей или соединений и, встретив начальника, сопровождали его вдоль фронта подчиненных им войск. Если на-

чальник подъезжал слева, то соответственно все командиры перемещались для встречи на левый фланг. Батальонный командир командовал "слушай, на караул" и задавал направление равнения: "глаза налево" или "глаза направо". Батальон держал ружья "на караул", пока начальник проезжал перед его фронтом. Кроме того, барабанщики били "честь" для начальников с генеральскими чинами. Для Императора, Императриц и особ с титулами Императорских Высочеств били "поход", для прочих лиц в отсутствие упомянутых особ полагались "поход" (Главнокомандующему, Начальнику Главного штаба и командирам отдельных корпусов), "четыре дроби" (генералам от родов войск), "три дроби" (генерал-лейтенантам) или "две дроби" (генерал-майорам). Музыканты полка играли "тихий марш" все время, пока начальник находился перед фронтом полка. Императору и Императрицам полагалась и наивысшая форма отдания чести — салютовка знаменами. Гвардейские полки барабанным боем чествовали лишь Императора и "Их Императорских Величеств". Полк, стоящий в батальонных колоннах, брал "на караул" весь разом, а не побатальонно.

Правила церемониального марша батальона были описаны в батальонном учении; в линейном же учении определялся порядок марша корпуса, дивизии, бригады и полка. Корпусную колонну возглавляли корпусной обер-квартирмейстер с офицерами квартир-мейстерской части, жандармская команда при корпусном командире, начальник артиллерии корпуса с адъютантом, начальник корпусного штаба с адъютантом, командир корпуса, дежурный штаб-офицер, старшие корпусные адъютанты и адъютанты корпусного командира; дивизионную — дивизионный квартирмейстер, жандармы при командире дивизии, дивизионный командир, старший дивизионный адъютант и адъютанты командира дивизии; бригадную — бригадный командир с адъютантом; полковую — полковой командир, младший штаб-офицер полка, полковой адъютант, тамбурмажор, барабанщики с горнистами и флейтщиками на правом фланге и музыканты. Батальонный командир ехал перед взводами; дивизионные гевальдигер и вагенмейстер — позади дивизии, корпусные обер-гевальдигер и обер-вагенмейстер — позади корпуса.

Во время прохождения полка возле стоящего начальника из строя выходили музыканты и барабанщики первого батальона: музыканты играли, меняя марши для каждого батальона; барабанщики "походом" задавали темп, который перенимали барабанщики приближающегося батальона.

При марше сомкнутыми колоннами перед первым батальоном полка собирались барабанщики, горнисты и флейтчики всех трех батальонов.

Проезжая мимо начальника, шпагами салютовали только командиры корпуса, дивизии, бригады, полка и батальона; прочие офицеры поднимали руку к шляпе. Все упомянутые командиры и начальник штаба корпуса вставали около начальника и находились вместе с ним до тех пор, пока не проходили подчиненные им войска.

Для обозначения заданных направления движения и линий равнения с 1820 г. при 1-й армии для всех полков были обучены унтер-офицеры и рядовые, называемые "гидами", а позднее "жалонерами", и носившие "жало-нерные флажки", древки которых вставлялись в дула ружей. Вместе с ними обучались и вице-жалонеры, готовые заменить выбывших из строя жалонеров. В каждой роте полагалось иметь по два жалонера — унтер-офицера и "рядового".

С целью обеспечения притока в полки обученных унтер-офицерских кадров в 1818 — 1820 гг. при штабах армий были созданы собственные учебные батальоны, в которых командированные из полков унтер-офицеры совершенствовались в знаниях строевых дисциплин и в навыках стрельбы и фехтования на штыках и тесаках [42]. В 1820 г. учебные команды организовали и при штабах корпусов, дивизий, полков и батальонов. Вместе с этими командами в 1820 — 1825 гг. действовали и так называемые ланкастерские школы для взаимного обучения нижних чинов грамоте.

В 1818 г. были опубликованы подробнейшие "Правила рассыпного строя" для обучения егерских полков и застрельщиков. В "Правилах..." признавалось, что "рассыпной строй вообще весьма соответствует свойству вооружения пехоты; ибо сила ее преимущественно заключается в ее огне, однако же не во множестве, но цельности выстрелов. Рассеянное положение пехоты дает более удобства стрелять целно; ибо в сомкнутом

строю дым, происходящий от пальбы, препятствует цельной стрельбе, при том люди стесняют друг друга и мешают стрелять с ловкостью. В рассыпном строю не только исчезают все сии препятствия, но открывается еще то преимущество, что неровности поверхности земной и множество возвышенных на земле предметов почти везде представляют защиту раздробленным частям или одиночным людям" [105, стр.3].

Для рассыпного строя прежде всего предназначались егерские полки и стрелковые взводы остальной пехоты; но так как егеря не всегда могли прикрывать линейную пехоту, а стрелки, отличавшиеся прежде всего отличным поведением и храбростью, не всегда имели способности к стрельбе, то считалось совершенно необходимым в каждой пехотной роте иметь особо выделенных и обученных застрельщиков.

В каждом взводе выделялось 12 человек самых "расторопных и отличающихся в цельной стрельбе" рядовых и один унтер-офицер; от каждой роты к застрельщикам назначали офицера и барабанщика. Для пополнения выбывших из строя застрельщиков во взводе имелось еще 12 человек, обученных действию в цепи, но высылать в цепь более 12 человек от взвода одновременно строго запрещалось.

Боевой порядок рассыпного строя состоял из цепи с резервами; резервы для егерской роты, полностью рассыпанной в цепь, составлялись из егерей третьей шеренги; резервы для застрельщиков — из части застрельщиков, не действующих в цепи, или из взводов гренадерской роты.

Так как на относительно большом протяжении цепи отдавать команды голосом было затруднительно, то предусматривался ряд барабанных сигналов, разделенных на "назывательные" и "исполнительные" (командные).

Назывательные сигналы давали понять, какой части боевого порядка адресовался сигнал: "придробок" означал цепь, "аппель" — резервы, "протяжная дробь" — первую (правую) половину цепи, "две протяжные дроби" — вторую. Исполнительные сигналы, собственно, и означали вид действия, который требовался от застрельщиков. Перечень названий сигналов практически не изменился: "раж", "тревога", "первое и второе колено егерского похода", "отмарш", "первое колено скорого похода", "резвый поход", "отбой", "одна палка", "две палки", "перекат",

"дробь", "переправа", "английская зоря", "ми-нихов сбор", "сбор". Все сигналы сначала бились барабанщиком, находящимся при главном начальнике цепи, а потом дублировались барабанщиками при частных командирах.

Обучение застрельщиков искусству точной пальбы было длительным и нелегким. Прежде всего, получив ружье, стрелок дотошно изучал его характеристики. Очень важно было точно заметить расстояние, на котором пуля попадала в место прицеливания (другими словами, дистанцию прямого выстрела). Стрелка учили верно оценивать расстояние до предмета: на учениях он называл количество шагов до выбранной цели, а потом сам отсчитывал шаги. Такое упражнение начинали с 50 шагов и постепенно доводили до 500. Мишень для стрельбы выставляли на разных расстояниях, на возвышенностях и в углублениях; обучив попадать в цель с места, офицер заставлял стрелка стрелять, останавливаясь после тихого, скорого или "резвого" шага. После привития навыков попадания в неподвижный щит задачу усложняли: щит подвешивали на двух веревках так, чтобы он постоянно находился в движении. Застрельщика также заставляли прицеливаться в положениях сидя и лежа. Теорию, касающуюся устройства ружья и ухода за ним, изучали по "Краткому наставлению о солдатском ружье" 1809 г.

Цепь могли рассыпать "вперед" или "на месте"; "направо", "налево" или "направо и налево из середины".

Егерский батальон рассыпался в цепь вперед направо следующим образом: по команде егеря третьей шеренги вздвигали ряды, а знаменные ряды поворачивались кругом и шли в указе. Шое командиром место; после этого по сигналу "раж" рядовой первой шеренги крайнего левого фланга беглым шагом выдвигался вперед, а рядовой из второй шеренги становился от него на шаг влево; остальные ряды поворачивались на поворот направо и бежали вперед, равняясь по левой паре и выдерживая интервал между парами в 4 — 5 шагов. Офицеры выгали вперед за серединами своих взводов и дивизионов, причем старшие замыкающие в дивизионе командиры оставались при резервных взводах, составленных из третьей шеренги дивизиона. Унтер-офицеры вставали за своими взводами. При батальонном командире оставались два

барабанщика, при дивизионных командирах — по одному; остальные примыкали к резервным взводам.

Цепь останавливала движение вперед и выравнивалась по сигналу "отбой". Резервные взводы размещались за серединами своих дивизионов в 100—180 шагах.

Егерский батальон мог высылать в цепь половинное число взводов, то есть первые (нечетные) или вторые (четные). Взводы сначала выдвигались на 50 — 60 шагов вперед, а затем по "ражу" рассыпались в указанную сторону. Из третьих шеренг образовывались резервные полувзводы за серединой своих взводов. Цепь строилась в 200 — 250 шагах от линии фронта, ею командовал младший в батальоне штаб-офицер или старший капитан.

Для рассыпания застрельщиков их сначала вызывали из батальона вперед; перед серединой каждого полубатальона строился взвод из застрельщиков четырех взводов. В первом полубатальоне первая шеренга взвода состояла из застрельщиков первого и четвертого взводов, вторая — второго и третьего; во втором соответственно пятого и восьмого, шестого и седьмого. Застрельщики каждого взвода объединялись в особый взвод из двенадцати рядов в одну шеренгу, разделенный на шесть пар. Построившись, взводы шли вперед на 150 шагов; потом по "ражу" первые шеренги рассыпались в цепь, а вторые, вздвоив ряды, оставались в резерве.

Из четырех застрельщичьих офицеров начальник цепи вставал за серединой цепи между линиями цепи и резервов, следующий по старшинству командовал резервами, двое младших руководили действиями половин цепи. Офицеров в цепи сопровождали двое рядовых, умеющих, в случае необходимости, бить сигналы на барабане. Для пополнения запасов патронов при каждой роте находилось 2 — 3 невооруженных солдата, несущих на себе по 3 — 4 патронные сумы.

Начальник мог построить из одной цепи две. По сигналу первые в парах люди бежали на 50 — 60 шагов вперед и составляли, таким образом, первую цепь, застрельщики которой не объединялись в пары, а действовали поодиночке; оставшиеся на месте вторые люди пар образовывали вторую цепь. Две цепи наступали одна сквозь другую: задняя пробегала в интервалы передней. Отступление проводилось в обратном порядке. Взводные

командиры в любом случае оставались при ближайшей к неприятелю цепи. По сигналам цепь можно было "распространить" вправо, влево или из центра: пары бежали в указанную сторону, останавливаясь на расстоянии 8—10 шагов друг от друга. Растянутая цепь по "переправе" "стеснялась" до прежнего состояния.

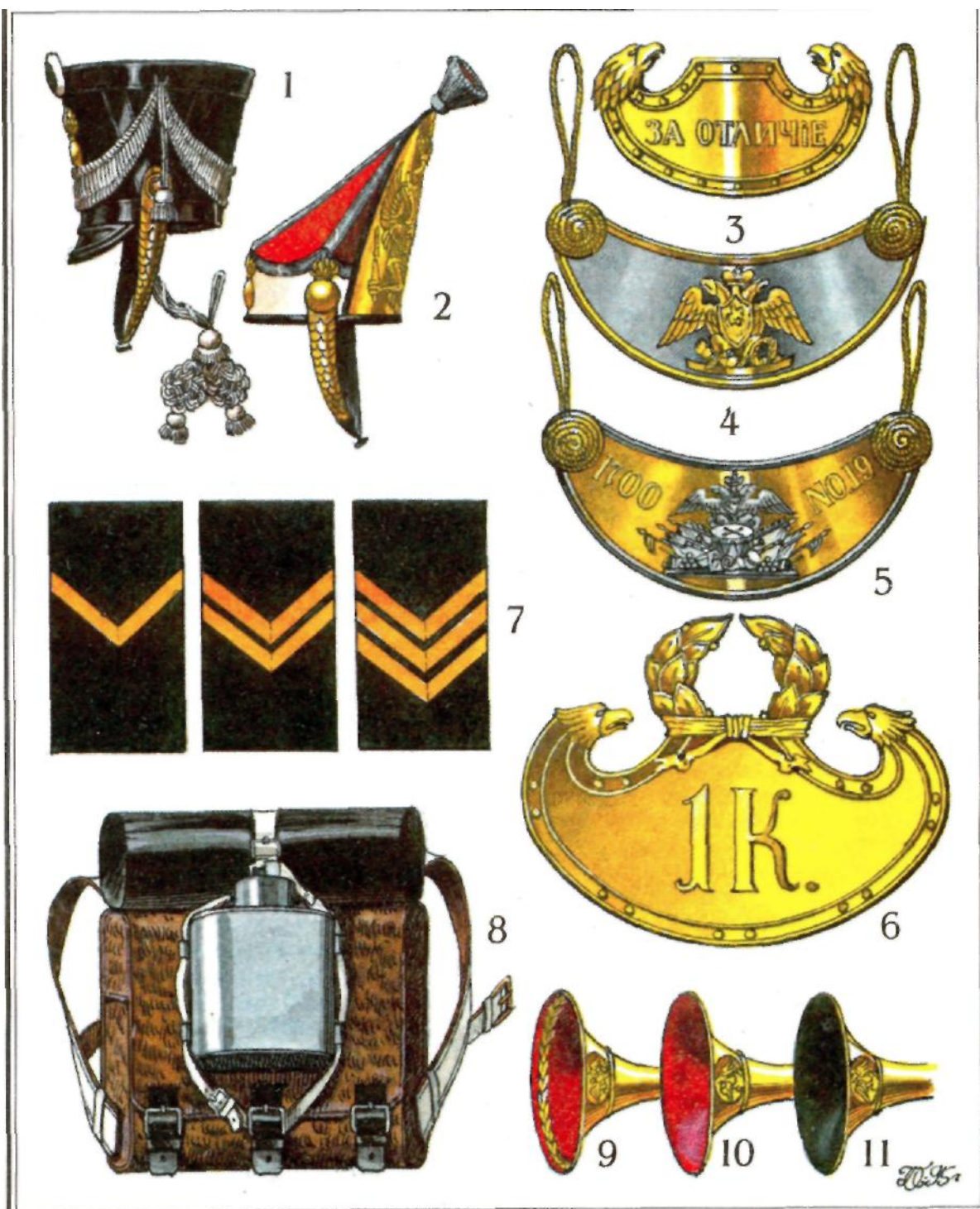
При атаке неприятельской кавалерии застрельщики по-прежнему строили взводные каре или кучки. Приблизившихся вплотную всадников первые две шеренги кучки встречали штыками (встав на правое колено и уперев приклады в землю), остальные — прицельными выстрелами.

Цепь могла менять фронт или "заходить" одним или обоими флангами. По "английской зоре" оба фланга заходили вперед, а средние пары оставались на месте. Образовывалось полукружие, а если "отбоя" не били, то и полный круг (например, для окружения небольшой группы противника).

При сборе застрельщиков к батальону цепь должна была с максимальной поспешностью освободить место для стрельбы сомкнутого фронта. Поэтому застрельщики первого полубатальона бегом смыкались к правому флангу, а второго — к левому, после чего они уходили за фронт на свои места. К батальону, построенному в густую колонну, застрельщики, собравшись, примыкали сзади и строили собственную густую колонну. Для усиления цепи начальник рассыпал на нужном фланге сначала резервы, а потом при необходимости стрелковый взвод (в резерв тогда выдвигался гренадерский взвод). Если протяженность цепи при этом не изменялась, то пары располагались плотнее друг к другу.

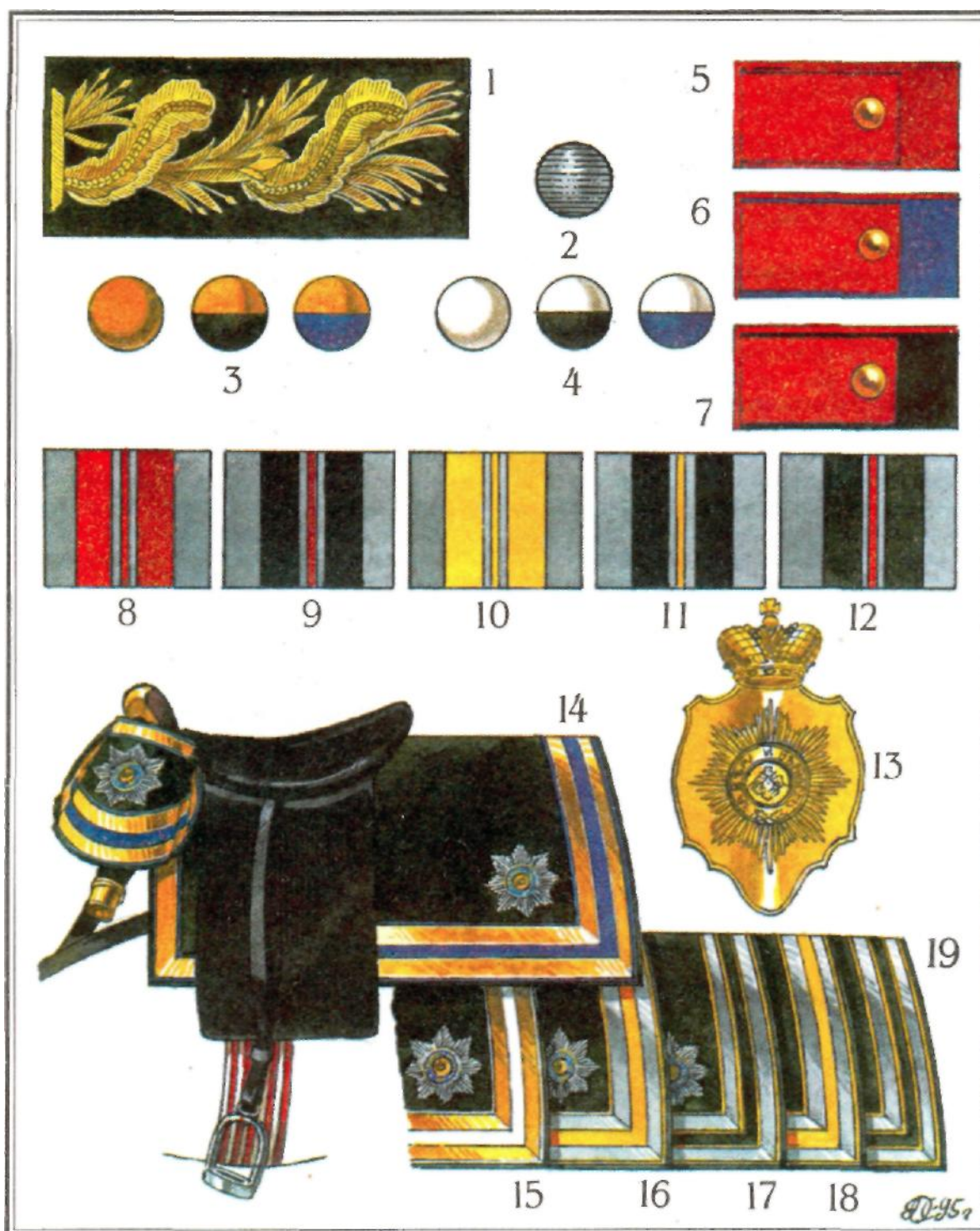
В "Правилах..." большое внимание уделялось взаимодействию застрельщиков и сомкнутого фронта. В частности, при движении батальона в походной колонне вблизи неприятеля застрельщики рассыпались вокруг него. Идущие на флангах взводы застрельщиков периодически высылали патрули в стороны. Метким огнем цепь прикрывала строящиеся в боевой порядок батальоны, задерживала противника при отступлении фронта и предваряла наступление.

Изложенные выше правила были отражены и в уставе "Об употреблении стрелков в линейных учениях", опубликованном в 1820 г. Более популярно теория действия застрельщиков рассматривалась в изданных в

1817-1826 гг.

Кивер образца 1817 г. (1). Офицерская шапка Лейб-Гвардии Павловскот полка образца 1825 г. (2). Знак на кивер "За отличие" образца 1813 г. (3). Офицерские знаки образца 1820 г.: армейский (4), гвардейский (5). Бляха на патронную суму карабинерных полков и карабинерных рот образца 1817 г. (6). Нашивки на левом рукаве мундира нижних чинов (с 1825 г.) за 10, 15, 20 лет беспорочной службы (7). Ранец образца 1817 г. (8). Раструбы горнов (с 1819 г.): гренадерских (9), пехотных (10) и егерских (карабинерных) полков (11)

Детали обмундирования
(пояснения - на стр. 110)

1821 г. "Правилах первоначального обучения застрельщиков и приготовления их для рассыпного строя". В этих "Правилах..." были отражены и некоторые изменения и нововведения.

По определению, данному в "Правилах...", застрельщиками назывались "пехотные солдаты, употребляемые в рассыпном строю для прикрытия нашего фронта от нападения и выстрелов неприятельских стрелков; также для открытия неприятеля и преследования его" [105, стр.3]. Основными их обязанностями быликрытие фронта батальона от нападения неприятельских стрелков и обстрел неприятельского фронта (но возможности из защищенных мест).

Звание застрельщика признавалось почетным. Застрельщиком, "совершенно знающим свое дело", мог считаться солдат, обладающий целым рядом качеств, таких, как присутствие духа, личная храбрость, умение хорошо стрелять, "ловкость и развязность в теле", "хорошие понятия", "доброе и беспорочное" поведение'. Поэтому солдату внушалось, что "усердие и старание его к службе всегда достойно вознаградится начальством и вместе с тем приобретет ему почтение и уважение его товарищей". В обучении застрельщика на первом месте стояла цельная стрельба. Основным приемом здесь признавалось "прикладывание в глаз": застрельщик с незаряженным ружьем становился в четырех шагах от обучающего и целился в его правый глаз, а обучающий следил за правильностью "прикладывания". В положении лежа стрелок ставил оба локтя на землю; если имелся удобный присошек для стрельбы, то на него клался самый конец дула ружья. "Прикладывание в глаз" осуществлялось и с насыпанным на

Детали обмундирования (к стр. 109)

Офицерское шитье Лейб-Гвардии Егерского полка (с 1817 г.) (1). **Помпоны** на кивера в Отдельном Литовском корпусе (с 1823 г.): офицерский (2), стрелковых взводов (3), мушкетерских рот (4). Воротники шинелей полков Лейб-Гвардии (с 1817 г.): Московского (5), Гренадерского (6), Павловского и Финляндского (7). Лампасы на офицерских рейтузах: тяжелой (8) и легкой (9) пехоты; тяжелой пехоты Отдельного Литовского корпуса и корпуса Внутренней Стражи (10), легкой пехоты Отдельного Литовского корпуса (11); Лейб-Гвардии Егерского полка (с 1818 г.) (12). Бляха на кивер гренадерских и карабинерных полков обр. 1816 г. (13). Офицерские чепраки: полков Лейб-Гвардии - Гренадерского (14), Павловского (15), Литовского (16), Вольнского (17); полков Отдельного Литовского корпуса (18-19)

полку порохом; солдат не должен был пугаться вспышки.

Правила прицеливания были следующие: в 400 шагах целились в штык ружья неприятеля (ружье на плече) или в голову всадника, в 350 шагах — в верхушку кивера пешего и в голову лошади конного, в 300 шагах — в грудь пешего и в шею лошади, в 150 шагах и менее — в "полчеловека" пешего и в грудь лошади; в идущего обычным шагом человека целились с упреждением в три вершка, в скачущего всадника — в голову лошади.

Помимо стрельбы, застрельщика учили пользоваться удобствами местоположения. Немалая роль отводилась и физическим упражнениям: "быстрым движениям", прыжкам через канавы, плаванию, преодолению всевозможных оград и "лазанию через строения".

Цель застрельщиков состояла из нескольких пар солдат, действующих под общим командованием. В каждой паре хотя бы один стрелок должен был обладать опытом действия в рассыпном строю. Стоящий в паре с правой стороны назывался первым, с левой стороны — вторым. Между ними предписывалось поддерживать интервал от полушага до пяти шагов; в "чистом поле" устанавливался интервал в один шаг. Такие расстояния не были случайны: при интервале менее полушага стрелкам было неудобно прицеливаться и стрелять, находящиеся же более чем в пяти шагах друг от друга люди не всегда успевали оказывать друг другу помощь в случае внезапного нападения.

Выгоднейшим расстоянием между парами цепи также признавалось пять шагов: для усиления обороны или для активного наступления цепь могла уплотняться, для прикрытия большего пространства — расширяться. В расположенной на ровном месте цепи между парами поддерживалось одинаковое расстояние. На пересеченной местности все пары по возможности прятались за укрытиями; только в том случае, если расстояние между соседними парами превышало пятьдесят шагов, несколько стрелков располагались и на открытом месте.

Офицер, командующий цепью, назначал места расположения средней и фланговых пар; линии, соединяющие среднюю пару с фланговыми, назывались общими застрельщиками линиями. Пары стрелков обязаны были придерживаться этих линий, отходя от

них не далее чем на 20 шагов вперед или на 10 шагов назад.

Позади цепи вставал резерв, разделенный на две части и построенный в две шеренги. На ровном месте резервы размещались за серединами обеих половин цепи в 50 — 80 шагах от них. На пересеченных местах специальных правил расположения резервов не было: как правило, они выставлялись скрытно, причем иногда обе части резерва поддерживали один фланг цепи.

Во время стрельбы в цепи поддерживался такой порядок: в паре солдат стрелял лишь тогда, когда ружье у второго было уже заряжено. Различались два вида пальбы: обыкновенная и частая. И в том, и в другом случае от застрельщиков требовали высокой точности стрельбы; разница заключалась в скорости заряжания. При обыкновенной пальбе допускалось произвольно выбирать цель и стрелять только наверняка; при частой пальбе, применяемой "только при нападении на нашу цепь многочисленного неприятеля", не было необходимости выискивать цель.

Предпочтительными целями застрельщиков определялись офицеры, унтер-офицеры и большие группы неприятеля. Соответственно стрелки должны были всячески оберегать своих офицеров ("храбрые и решительные стрелки никогда не выдадут своих офицеров"). Старший в цепи унтер-офицер всегда был готов заменить выбывшего из строя офицера до тех пор, пока командование не принимал офицер из резерва. Раненых стрелков отводили к резерву напарники, известив об этом унтер-офицера. Легко раненные шли сами, также известив унтер-офицера и получив разрешение офицера. Офицер резерва выделял людей для сопровождения тяжело раненных к батальону. Все сопровождающие тотчас возвращались на свои места, причем стрелок, оставшийся в цепи без напарника, примыкал к соседней, ближайшей к центру цепи, паре.

Гибкая тактика застрельщицкой цепи включала в себя ряд простых, но проверенных опытом приемов, основанных на быстроте действий и хорошей обученности стрелков и на опытности офицеров.

При "упорной обороне позиции" активное наступление неприятельской цепи останавливалось контратакой резервов на флангах. Подпустив врага на 40 шагов, скрытые до тех пор резервы с криком "ура!" бегом бросались

в штыки, а цепь поддерживала атаку частой пальбой. Отогнав неприятеля, резервы сами образовывали цепь, а люди, находившиеся прежде в цепи, собирались в резерв (если позиция оставалась прежней, то резерв, отогнав неприятеля, возвращался на свое место). При неудавшейся атаке резервы быстро отступали и образовывали цепь позади основной; отступив за вновь образованную цепь, основная собиралась в резерв. Пленных под конвоем отсылали к резерву; из резерва до батальона выделялся новый конвой.

Немногочисленного наступающего неприятеля цепь могла контратаковать в штыки самостоятельно; резервы следовали за ней, создавая угрозу флангам вражеской цепи. Преследование ограничивалось прежней позицией неприятеля. В случае контратаки сомкнутого фронта врага резервы цепи бежали назад и рассыпались на первоначальной позиции; цепь отступала "через человека", а в 80 шагах от резервов по сигналу бежала за вновь образованную цепь и собиралась в резерв. После этого атака могла быть повторена. В 200 шагах и менее от наступающего вражеского фронта подобные "упражнения" признавались опасными, ибо сомкнутый строй, несомненно, превосходил цепь в штыковом бою и на подобном расстоянии всегда мог успеть на помощь к своей цепи.

Различалось несколько видов наступления цепи. Наступление "прямо на занимаемое неприятелем место" называлось "прямым". На равномерно пересеченной местности чаще всего использовалось "простое прямое" наступление: первый застрельщик в паре выбегал вперед на 10 шагов (к удобному прикрытию) и стрелял; второй шел до него и затем сам выбегал на 10 шагов; таким образом, цепь передвигалась вперед, резервы следовали за ней, стараясь "сколь возможно более быть скрытными".

Гораздо чаще применялось "постепенное" наступление: цепь без стрельбы переходила с одной "выгодной" позиции на другую, предварительно указанную офицером. Новая позиция не должна была располагаться ближе 100 шагов к неприятелю. С этой позиции после "отдыха с пальбой" цепь атаковала в штыки и занимала неприятельскую позицию. Дождавшись своих резервов, цепь продолжала наступление.

Самым решительным было "быстрое" наступление, используемое в ряде случаев: для

преследования неприятеля с пальбой, для занятия вражеской позиции штыковой атакой, для активного наступления войск с произведением огня.

Причиной отступления цепи признавалась атака неприятеля в подавляющем превосходстве; второй причиной было наведение неприятеля на засаду.

Простое отступление, как и наступление, производилось на пересеченной местности. Подпустив неприятеля на 150 шагов, первый человек в паре по сигналу офицера стрелял и бежал на 20 — 30 шагов назад, где поспешно заряжал ружье. Второй после этого стрелял и бежал до первого. Резервы отступали в 80 шагах от цепи, стараясь укрываться от неприятельских выстрелов.

При постепенном отступлении цепь отступала с пальбой, а резервы занимали заранее указанную позицию позади и рассыпались. Приблизившись к этой позиции на 50 шагов, цепь по сигналу пробегала за нее и собиралась в резерв.

Прямое наступление, как видно из выше-описанного, было возможно лишь на слабую неприятельскую позицию. Напротив, подобное наступление на хорошо укрепившегося врага считалось гибельным, ибо приводило к большим потерям. Поэтому предусматривалась возможность атаки с "занятием выгодного пункта на линии неприятеля" или с "обходом флангов". В первом случае цепь резвым шагом шла на позицию, а в 80 шагах от "выгодного пункта" по сигналу офицера ближайшие пары с криком "ура!" атаковали в штыки, прочие пары следовали за ними. Резервы следовали за атакующими, а в случае, если возможно было скрыть их приближение, атаку могли производить и резервы. Овладев пунктом, цепь рассыпалась перпендикулярно вражеской позиции (если пункт находился в центре позиции — в обе стороны) и открывала огонь во фланг противника. Резерв был готов в случае необходимости отразить контратаку врага.

Обход фланга осуществлялся силами резерва. Выйдя во фланг, резерв рассыпался в цепь перпендикулярно противнику, открывал интенсивный огонь вдоль линии и вел наступление. Цепь тем временем собиралась в резерв на ближайшем фланге новой цепи. Место перед фронтом врага, освобождавшееся при этом, занималось высланным от батальона стрелковым взводом. При невоз-

можности использования этого взвода обход проводился половиной резерва; другая половина занимала прежнее место цепи.

Обход фланга был довольно рискованным движением: неприятель имел возможность в нужный момент всеми силами атаковать либо цепь, лишенную резерва, либо совершающий маневр резерв. Поэтому основную роль здесь играли быстрота и решительность действий.

Во избежание обхода флангов неприятелем командир цепи должен был выполнять ряд условий. Прежде всего все выгодные пункты, находящиеся на расстоянии до 500 шагов от флангов, занимались стрелками из цепи или резерва; далеко за фланги высылались патрули из трех человек. За флангами цепи на высоких местах выставлялись тройные патрули для наблюдения ("один замечает, другой посылается с известием, а третий остается для резерва"). Получив известие об обходном движении неприятеля, командир выбирал способ противодействия из четырех возможных. Обходимый фланг цепи можно было осадить назад или загнуть под углом к остальной цепи. И в том, и в другом случае цепь отдавала противнику участок своей позиции и открывала оставшуюся на месте свою часть для обстрела во фланг. Кроме того, при загибании фланга образовывался исходящий угол, крайне неудобный для обороны. Поэтому предпочтительно использовались два других способа: продолжение обходимого фланга и быстрая атака. Предваряя атаку, на продолжении обходимого фланга рассыпалась часть резерва. Если враг при этом продолжал обход, отдаляясь от своей линии, рассыпанный резерв развивал пальбу максимальной силы, а затем, соединившись с другой частью резерва, атаковал во фланг. Заняв выгодное место и отрезав обходящего неприятеля, резерв выставлял заслон против сильнейшей части врага; все остальные силы атаковали более слабую часть, будь то обходящая группа или оставшаяся на месте цепь. Такие атаки на внутренний фланг врага признавались самыми эффективными, но в том случае, если обходящий неприятель не отдалялся от своей линии, допускались и атаки его наружного фланга.

Цепь могла осуществлять фланговые движения, передвигаясь по рядам (повернув налево или направо) или вполоборота по продолжению занимаемой линии или в сторону от нее.

Простое движение цепи по рядам или вполоборота было довольно опасным предприятием, ибо, нарушая порядок стрельбы, давало возможность неприятелю беспрепятственно обстреливать передвигающихся людей или даже быстро атаковать цепь. Поэтому цепь передвигалась как можно более скрытно, а в случае перестрелки с врагом пары постепенно сменяли друг друга, укрываясь для стрельбы в выгодных местах. Но наиболее удобным способом флангового движения считалось постепенное продолжение фланга. При этом резервы переходили на нужный фланг и рассыпали цепь в продолжение основной цепи, а та, в свою очередь, собиралась на фланге новой цепи в резерв и переходила далее на фланг.

При захождении цепи резервы подкрепляли фланг, наиболее подверженный нападению неприятеля.

Во время атаки батальона застрельщики из густой цепи вели сосредоточенный огонь по неприятельскому фронту или колоннам. Приблизившись на 80 шагов к фронту врага, цепь останавливалась и раздавалась к флангам, освобождая место для прохода колонны. Интенсивная пальба по линиям или колоннам врага имела целью максимально расстроить его боевые порядки. В случае удачного обстрела можно было рассчитывать, что противник, созвав своих стрелков, откроет огонь фронтом. Дым от такого огня закрыл бы обзор и облегчил наступление своей колонны. Фул уменьшения потерь от батального огня застрельщики укрывались в выгодных местах, а при наступлении нагибались, ибо "выстрелы, производимые из фронта, большею частию идут несколько выше полчело-вска".

Когда колонна вступала в интервал цепи, то последняя продолжала двигаться вместе с колонной, постоянно ведя огонь по фронту врага. На застрельщиков возлагалась основная функция при преследовании врага; они штыками гнали остатки неприятеля, забирая в плен преимущественно начальников; обстреливали собирающихся в группы; заходили во фланги и в тыл. Отмечалось, что "малое число отважных застрельщиков, предводимых решительным офицером, зайдя в тыл разбитого неприятеля и заняв какой-либо узкий проход, могут заставить его положить оружие; ибо тогда преследующая неприятеля пехота наша, конечно, не дает

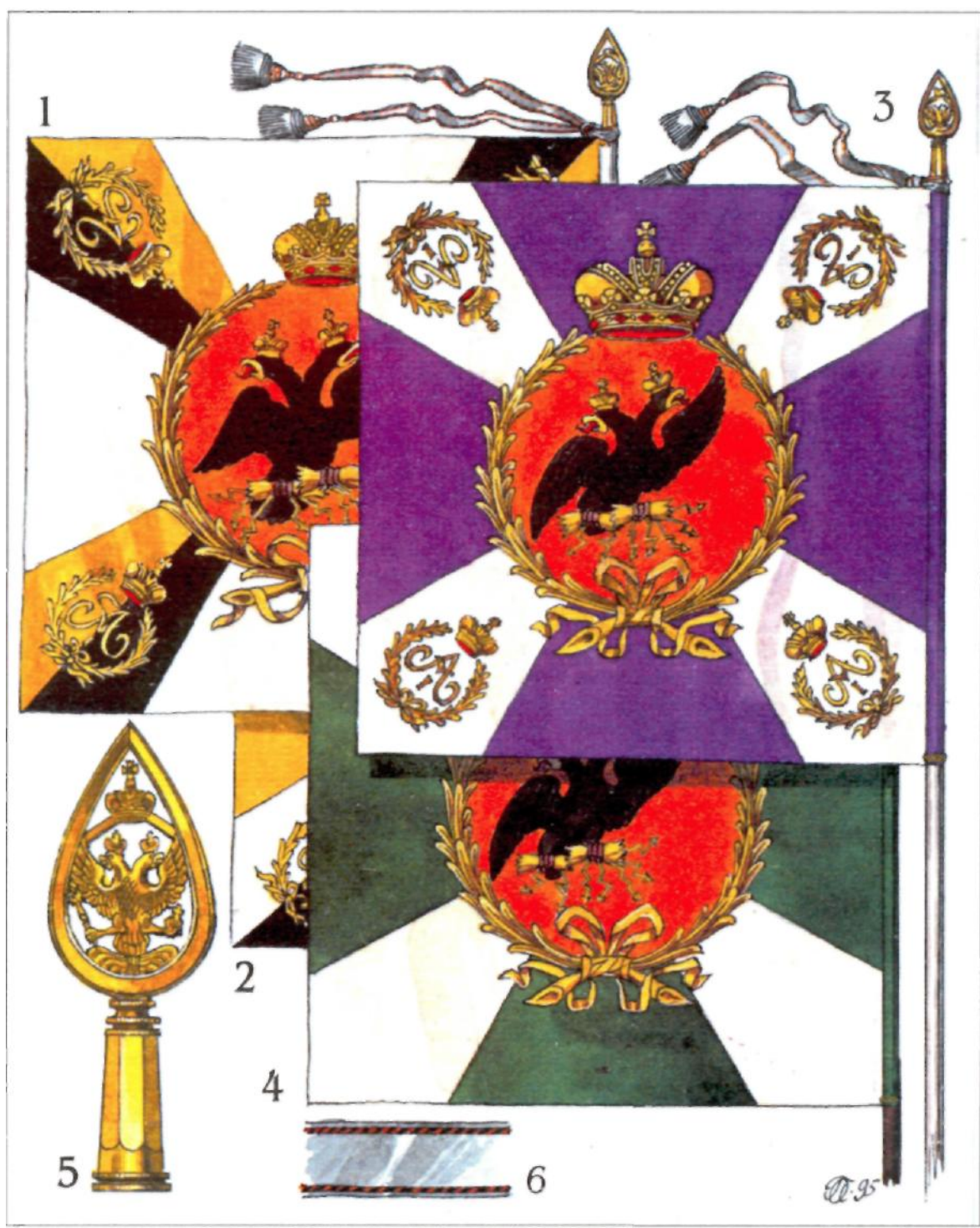
ему время обдуматься и отважиться на какое-либо решительное предприятие".

Соответственно при отступлении батальона основной целью застрельщиков было прикрытие его от выстрелов неприятельских стрелков с фронта и флангов. Активность обороны достигалась атаками резервов из скрытых мест, которые позволяли на некоторое время остановить противника.

Немалую опасность для цепи представляла решительная атака вражеской кавалерии.

На сильно пересеченной местности застрельщики собирались во взводы и огнем прогоняли врага. На относительно ровном месте офицер, завидя многочисленную кавалерию, собирал цепь, отводил ее к резервам, а потом к батальону. Догнав застрельщиков, кавалеристы встречали сосредоточенный огонь и выставленные штыки, так как по команде офицера застрельщики строили общую круглую кучку фронтом во все стороны. Прицельную стрельбу они открывали по команде офицера на минимальной дистанции, когда ни одна пуля не пропадала даром. Психологическое давление на кавалеристов оказывала сама последовательность действия кучки. Солдаты брали ружья к ноге и спокойно ждали приближения врага ("самое сие равнодушие показывает уже отличную храбрость и невольным образом возродит в неприятеле страх, как, напротив того, всякая суетливость сейчас объявляет людей робких и вместе с тем увеличивает в неприятеле смелость"). В 150 шагах от всадников стоявшие впереди люди по команде офицера брали "на руку против кавалерии": обе руки с ружьем максимально вытягивались вперед, приклад упирался в бедро. Блеск штыковой стали отпугивал лошадей, и лишь немногие, самые выученные из них, повиновались всадникам и шли на штыки. В это время из середины кучки застрельщики вели огонь. Против немногочисленной кавалерии строились взводные кучки на месте расположения цепи; взводные кучки могли, отступая, объединяться в общую. Если всадники нападали на пару, не успевшую добежать до кучки, напарники вставали спиной друг к другу, стреляли и, выставив штыки, пытались продвигаться к кучке, люди которой поддерживали попавших в беду товарищей огнем.

Такие методы применялись против кавалерии, если перед цепью не было цепи неприятеля. В противном случае командующий

Знамена пехоты, образца 1803 г.

Белое знамя Лейб-Гвардии Литовского полка (1811 г.) (1). Цветные знамена Лейб-Гвардии Литовского полка, Днепровского и Одесского пехотных полков (2). Цветное знамя полков Днестровской Шпекции (3). Знамя гарнизонное (4). Навершие знамен образца 1803 г. (5). Фрагмент тесьмы под кисть (6)

Знамена армейской пехоты. Белое георгиевское знамя образца 1806 г. Киевского гренадерского полка (1). Цветное георгиевское знамя Шлиссельбургского пехотного полка (2). Георгиевское знамя образца 1813 г. Черниговского пехотного полка (3). Навершие георгиевских знамен образца 1806 г. (4). Квартырьерский значок Лейб-Гвардии Литовского полка 1817 г. (5)

цепью офицер, видя кавалерию, придвигал резервы как можно ближе к цепи, в 200 шагах от конных строил взводные кучки и открывал огонь.

Застрельщики могли действовать совместно со своей кавалерией. При этом по условиям местности либо застрельщики строились на флангах кавалерии, либо кавалерия вставала на флангах цепи, "дабы одно оружие не мешало движениям и действиям другого". Достаточно эффективным было комбинированное действие цепей застрельщиков и фланкеров (конных стрелков кавалерийских частей и подразделений). На пересеченной местности, где пешие стрелки находились в более выгодном положении, фланкеры, отступая, заманивали неприятеля на скрытую цепь застрельщиков. "В чистом поле" фланкеры, оставаясь позади цепи, ждали удобного случая для нападения на отдельные группы стрелков или фланкеров противника.

Ряд правил касался взаимодействия застрельщиков с артиллерией. Заметив позади себя разворачивающуюся батарею, застрельщики быстро расчищали место для ее действия. Перед батареей, находящейся на возвышенности, цепь для прикрытия могла располагаться в оврагах, так как в этом случае не мешала стрельбе орудий. Основным приемом обороны батареи была атака двух половин цепи вместе с резервами с флангов, в то время как батарея с фронта стреляла картечью.

Замыслив обход батареи с фланга, противник и здесь встречал достойный отпор. При наступлении справа правая часть цепи, поддержанная всем резервом, обстреливала фронт и левый фланг неприятельского отряда, а его правый фланг подвергался жестокому огню со стороны батареи и стесненной к батарее левой половины цепи. Сомкнутый строй подразделения, выделенного в прикрытие батареи, завершал разгром врага быстрой атакой в штыки. В случае обхода обоих флангов каждая половина цепи со своей частью резерва действовала подобным же образом, а "сомкнутый строй" выбирал для атаки наивыгоднейшее направление.

Батарея с застрельщиками могла вести наступление и отступление как целиком, так и полубатареями в шахматном порядке. В первом случае застрельщики наступали и отступали обыкновенным образом, прикрывая

батарею сплошной цепью. Наступление в шахматном порядке осуществлялось так: правая половина цепи бежала на **200** шагов вперед и раздавалась влево, прикрывая интервал первой полубатареи; в это время первая полубатарея брала орудия на передки и перемещалась на линию застрельщиков, которые стеснялись вправо; вместе с первой полубатареей начинала двигаться левая часть цепи, которая в 200 шагах перед правой раздавалась вправо и ждала прибытия второй полубатареи. Отступление велось таким же образом: сначала отступала первая полубатарея (правая часть цепи при этом занимала ее интервал), потом вторая полубатарея и правая часть цепи. По окончании маневра застрельщики рассыпались за флангами батареи в 200 шагах впереди нее. При нападении кавалерии обе половины цепи строили кучки в 50 шагах от батареи, а непосредственная оборона орудий возлагалась на сомкнутый батальон. В критическом случае, когда батальона при батарее не было, половины цепи строили две кучки в 20 шагах впереди батареи, а резервы — две кучки в 20 шагах позади; в таком боевом порядке застрельщики старались отогнать всадников огнем, ожидая подкрепления.

Неприятельская батарея, расположенная на сильно пересеченной местности, представляла желанную цель для застрельщиков, которые, не опасаясь внезапного нападения кавалерии, могли удобно разместиться на скрытых позициях и вести прицельный огонь.

Предваряя атаку своей пехоты на батарею, застрельщики шли прямо на орудия, на расстоянии картечного выстрела (360 шагов) быстро пробегали опасное место и в 150 шагах (картечь на таком расстоянии перелетала) залегали и начинали пальбу. В это время резервы быстро наступали на фланги батареи. Увидев, что батарея собирается отступить, застрельщики весь огонь обращали на упряжки, стараясь уничтожить лошадей и ездовых.

Обороня деревню, цепь занимала ближайшие к неприятелю дома, расположенные не далее **150** — **200** шагов от околицы отдельные строения, крепкие заборы и иные прикрытия. На флангах деревни также размещались стрелки (не далее **100** шагов от деревни). Резервы вставали у входов в деревню и за флангами; часть резерва могла занимать выгодно расположенные строения в

самой деревне, главные улицы и "площадки". На улицах, ближайших к неприятелю, устраивались завалы. На отдалившиеся от основных сил группы неприятеля силами резервов совершались вылазки; цепь при этом оставалась на своих позициях, а атаку резервов могли поддерживать находящиеся поблизости войска. Для упорной ("до последней крайности") защиты деревни застрельщики занимали отдельно расположенные строения, заколачивали в них окна и большую часть дверей (оставлялись лишь узкие амбразуры для стрельбы), разбирали или засыпали землей деревянные и соломенные кровли каменных зданий.

Действия застрельщиков в лесу влекли за собой одновременно множество выгодных и опасных сторон. Цепь, как правило, занимала опушку леса; застрельщики обязаны были постоянно держать в поле зрения соседние пары. Резервы по возможности размещались за флангами цепи на дорогах или полянах. Для поддержки в лесу цепи, далеко удаленной от фронта, выделялись особые промежуточные резервы из "запасных застрельщиков" или чинов стрелкового взвода. Цепь встречала наступление неприятельской цепи прицельным огнем; на близком расстоянии резервы на флангах бросались в штыки. Опрокинув противника, солдаты резерва бегом возвращались на прежние позиции, а цепь прикрывала их огнем.

Врага, засевшего в лесу, цепь атаковала с максимальной быстротой без выстрелов; в 40 шагах от неприятельских позиций стрелки концентрировались в выгодном месте и старались захватить часть опушки леса. Захватив ее, они развивали наступление вдоль опушки и таким образом выбивали неприятеля с позиций. Продолжая преследование, застрельщики обходили фланги неприятеля, отрезали отступление отдельным его группам и занимали противоположную опушку. Резервы, рассыпавшись в цепь, продолжали преследование, в то время как цепь оставалась на опушке.

Отступление в лесу цепь вела через человека, с пальбой. Резервы, прикрывая фланги, искали возможности для контратаки флангов неприятеля; в ряде случаев и сама цепь оборачивалась и контратаковала чересчур зарвавшегося противника.

С флангов цепи в лесу высылались патрули из 3—6 человек для обозрения не-

приятеля и для своевременного предупреждения об опасности.

Если войска занимали вершины гор, то цепь выставлялась у подошвы. Наоборот, застрельщики занимали вершины, если войска по условиям местности размещались позади гор. Наступающего по узким местам (плотинам, оврагам) противника цепь встречала огнем, а резервы контратаковали в штыки, невзирая на превосходство врага в силах, ибо в стесненном проходе терялись все преимущества многочисленности.

Одним из наиболее сложных маневров была переправа цепи через реку, противоположный берег которой занимал противник. Если его позиции были не слишком "выгодны", а мост или плотина не были разрушены, то цепь сосредоточенным огнем обстреливала ближайших к мосту неприятельских стрелков, а резервы быстро атаковали по мосту (две части резерва следовали на некотором расстоянии друг от друга, чтобы неудача первой части не могла повлиять на решимость второй). Переправившись, резерв частью людей занимал выгодные для обороны места, а основной массой продолжал преследовать отступающего врага на 100—150 шагов от берега, где старался занять удобную позицию, рассыпавшись в цепь. В это время основная цепь переходила через реку по мосту и располагалась на самом берегу; увидев, что резервы рассыпались на выгодной позиции, цепь подходила к ним и сама, в свою очередь, составляла резерв. При "крепкой" обороне моста часть резерва обходила позицию врага и, переправившись через реку вброд или на лодках, нападала на фланг, заставляя неприятеля отступить от моста. Если противник в этом случае имел возможность, не ослабляя обороны моста, обратить на переправившихся большие силы, то оставшая цепь и резервы переправлялись через реку и подкрепляли занявших позиции стрелков резерва. Для переправы использовались все подручные средства; заведя лодки у неприятельского берега, застрельщики отправлялись за ними вплавь.

При атаке на узкие проходы наиболее важным признавалось выявление расположения и силы неприятеля. Для этого вперед высылались небольшая цепь из отборных застрельщиков, которые меткими выстрелами старались вызвать ответный огонь. По возможности часть резерва посылалась в обход

позиций и, появившись на фланге и в тылу противника, вносила в его ряды смятение.

Выполняя свои функции по защите укреплений, застрельщики располагались во рву или перед ним в удобных местах. Когда наступающий неприятель преодолевал огонь застрельщиков и продолжал атаку, цепь расходилась к флангам и присоединялась к батальону. Цепь, атакующая укрепление, в 100 шагах залегала и своим огнем предваряла атаку сомкнутого фронта.

Активная работа по обучению застрельщиков приносила неплохие результаты, особенно на Кавказе, где учения постоянно подкреплялись боевым опытом. В 20-х гг. это позволило А.П. Ермолову говорить, что русские стрелки в лесах действовали не хуже искусных в стрельбе горцев.

В июле 1819 г. были высочайше утверждены боевые порядки 1-й армии и отдельных корпусов. Разработанные построения отличались чрезвычайной плотностью: при фронте шириной в 5200 шагов глубина боевых порядков пехоты достигала 3800 шагов. Основную (первую) линию образовывали три корпуса (справа налево) — 2, 4 и 3-й. В каждом из этих корпусов две дивизии сразу разворачивались в боевой порядок: 3-я (егерская) бригада стояла впереди (в каждом полку ближний к центру батальон строил развернутый фронт, крайний батальон — взводную колонну), 2-я бригада следовала за 3-й в колоннах к атаке, 1-я бригада во взводных колоннах замыкала дивизионное построение. Между центральными и фланговыми батальонами егерской бригады на обоих флангах разворачивалось по половине легкой артиллерийской роты. Остальная артиллерия корпуса (3 артиллерийские бригады) располагалась за центром двух передовых дивизий; вслед за ней вставала третья (старшая по номеру) дивизия корпуса, построенная в три линии взводных колонн (по бригаде в линии). В армии впереди, таким образом, выстраивались (справа налево) 5, 6, II, 12, 8 и 9-я дивизии; за ними — 4, 10 и 7-я.

Первую линию армии поддерживала вторая, состоящая из 5-го пехотного (13, 14 и 15-я дивизии) и Литовского (24-я и 25-я дивизии) корпусов и из Польской армии (1 и 2-я Польские пехотные дивизии); все они строились вплотную друг к другу в три линии взводных колонн. За ними вставала вся их артиллерия.

Таким же образом в третьей линии разворачивались три дивизии Гренадерского корпуса со своей артиллерией и резервной артиллерией армии. Замыкал боевой порядок Гвардейский корпус: 1-я и 2-я гвардейские дивизии, Лейб-Гвардии Пешая бригада (Лейб-Гвардии Литовский, Лейб-Гвардии Волынский, Польский Лейб-Гвардии Гренадерский полки) и Гренадерская бригада Литовского корпуса. Все эти соединения составляли две линии взводных колонн, гвардейская артиллерия располагалась позади линий.

Кавалерийские корпуса прикрывали фланги пехотного построения, часть их поддерживала первую линию, двигаясь вслед за ней.

В июне 1816 г. рисунок гвардейских знамен 1813 г. был распространен и на новые знамена гренадерских и пехотных полков. Для армии был установлен общий цвет креста на полотнище — зеленый, что связывалось прежде всего с цветом русского пехотного мундира со времен Петра I. Знамена пехотных полков имели белые углы; в гренадерских полках верхняя половина углов была красная, а нижняя — белая, черная или желтая (по дивизиям). Изменился рисунок наверхия: орел с опущенными крыльями в левой лапе держал венок, в правой — перуны и опирался на фрагмент венка. На острие нагрудного щита орла помещалась корона.

В 1818 г. были утверждены образцы знамен для гвардейских и гренадерских полков Литовского корпуса; на груди орла в щите св. Георгий был заменен на литовский герб. Лейб-Гвардии Литовский и Волынский полки получили георгиевские знамена с желтыми крестами; углы в знаменах Литовского полка были красно-зеленые, в Волынском — зеленые (зеленая верхняя половина, как в четвертом полку дивизии, зеленая нижняя половина — по цвету дивизии). 1-му и 2-му гренадерским полкам (позднее Самогитскому и Луцкому) выдали знамена с зеленым крестом и красно-белыми углами.

Для Уральского гарнизонного батальона в 1820 г. был установлен особый рисунок знамени с зеленым крестом и белыми углами без вензелей.

В 1819 г. была утверждена новая система окраски древков. В дивизии знамена первого полка имели желтые древки, второго — чер-

ные, третьего — белые, четвертого — коричневые.

В первом по-настоящему мирном 1816 году последовал ряд изменений в обмундировании. В январе всем военным запретили выставлять воротники рубашек или манишек из-под галстука (запрещение это долгое время игнорировалось). С 24 января шпажные, тесачные и штыковые ножны стали изготавливаться из черной кожи.

С 13 апреля офицерам всей тяжелой пехоты белые суконные и полотняные панталоны были оставлены только для смотров и парадов. Во всех прочих случаях им полагалось носить рейтузы с лампасами, а офицерам столичных гарнизонов — темно-зеленые панталоны, заправленные в высокие сапоги. 16 апреля был утвержден новый знак отличия для чинов гренадерских и карабинерных полков — киверная бляха (вместо прежней гренады) желтой меди с изображением восьмиконечной звезды и императорской короны наверху, сделанная "на манер аг-лицкой". 7 мая всем армейским тамбурмажорам назначили единый серебряный галун на мундире.

В 1817 г. был введен новый образец кивера и определены "меры" фуражной шайки. Последняя при диаметре дна тульи в 5 1/2 вершка должна была иметь околыш шириной в 3/4 вершка и тулью шириной в 1 1/2 вершка. Цвета всех элементов шапки остались прежними.

Новый кивер имел кожаную основу, обложенную сукном. Дно кивера (с загибом на край в 3/4 вершка) и полувершковые ремни, которыми обшивались нижний край и бока (в виде буквы "V"), делались из черной лакированной кожи; из такой же кожи выкраивался козырек шириной (в центре) в 1 1/2 вершка. Высота кивера устанавливалась в 4 вершка; верхний диаметр на 2 1/4 вершка превосходил нижний. Ремень, пришитый по нижнему краю кивера, застегивался сзади на четырехугольную медную пряжку.

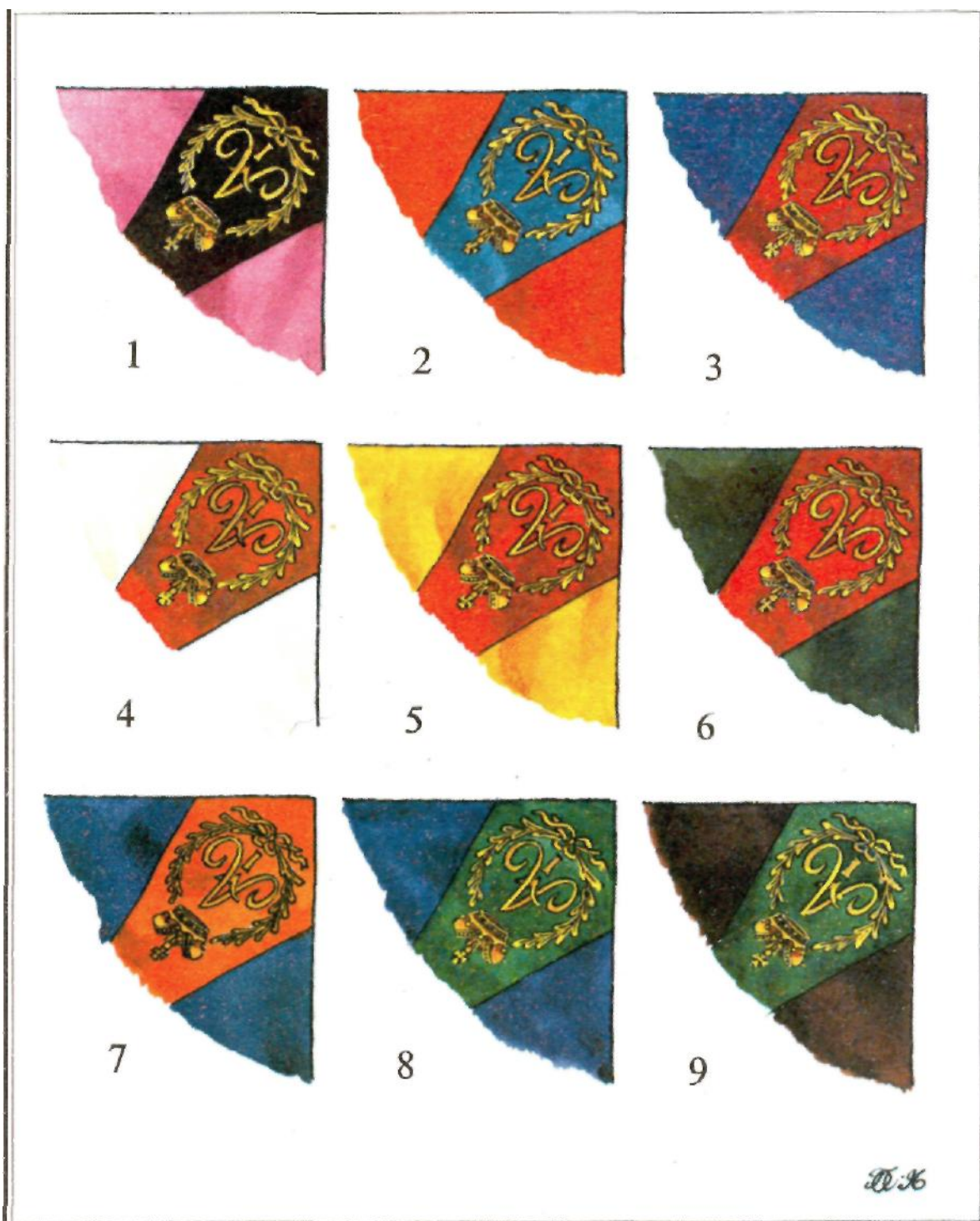
Кивер удерживался на голове с помощью подбородных ремней с медной чешуей (в гренадерских и карабинерных полках и ротах) или одного подбородного ремня (у прочих). В каждой половине чешуи на кожаный ремень крепилось по 18 медных выгнутых чешуек;

медными "кружками со шпеньком" чешуи приделывались к киверу и застегивались под подбородком на кожаную пуговицу. Прошитый по краям ремень застегивался слева на латунную пуговицу.

Определялись размеры нового султана, присвоенного чинам гренадерских полков и гренадерских (карабинерных) взводов прочих полков: длина — 11 вершков, верхний и нижний диаметры соответственно 2 и 1 вершок; у унтер-офицеров длина бело-оранжевой верхушки составляла 3 вершка. Расцветка репейка не изменилась, но и тут были четко установлены размеры: длина овала — 1 3/4 вершка, ширина — 1 вершок, "выпуклость" (толщина в середине) — 1/2 вершка. Нижний край репейка должен был доходить до шва кожаного донца; в полках, коим полагались знаки отличия, — закрывать верхний борт знака. Сами знаки на подкладке из твердой подошвенной кожи выравнивались нижним краем по шву донца; этого же шва достигал и верхний край бляхи гренадерских и карабинерных полков. Кивера прочих частей попрежнему украшались гренадами: трехогневыми в гренадерских и карабинерных ротах и одноогневыми в остальных. Существенно изменился вид этишкета: передний "плетешок" теперь имел ширину в середине 3/4 вершка, задний — 1/2 вершка; кисти справа подвешивались на четырех шнурах, кисть слева — на двух. На изготовление унтер-офицерских кистей, как и прежде, шли черная, оранжевая и белая нити. С 1824 г. для "единообразия" над кистями справа стали нашивать петлю, с помощью которой они пристегивались к погонной пуговице. Теперь даже при движении солдата свободный конец этишкета не болтался, а висел согласно установленной форме. Вообще уход за этишкетом, как за самой подверженной загрязнению деталью кивера, был чрезвычайно сложен и требовал огромных затрат времени. Хорошо еще, если командир полка или батальона разрешал просто белить этишкет сверху: в ряде случаев "ценители парадной красоты", наиболее "прославившимся" из которых стал Ф.Е. Шварц, заставляли предварительно расплести сложную конструкцию, белить шнур и затем вновь плести этишкет. Такая "тщательность" приводила к быстрому износу материала, и солдаты вынуждены были на собственные средства закупать шнурок (потраченные на этот сизифов труд долгие часы в расчет не брались).

Знамена армейской пехоты, образца 1803 г.
(пояснения - на стр.122)

Знамена армейской пехоты образца 1803 г.

Пехотных полков: Азовского (с 1809 г.) (1), Нарвского (с 1809 г.) (2), Белостокского (с 1808 г.) (3), Виленского (с 1812 г.) (4), Тарнопольского (с 1812 г.) (5), Симбирского (с 1812 г.) (6), Грузинского гренадерского (с 1812 г.) (7), Троицкого пехотного (с 1812 г.) (8), Пермского пехотного (с 1813 г.) (9)

С 1823 г. стрелковые, мушкетерские и егерские взводы пехотных и егерских полков Литовского корпуса получили круглые шерстяные помпоны. В первом батальоне стрелки носили желтые, а мушкетеры (егеря) — белые помпоны; во втором батальоне — желто-зеленые (желтый — верх) и бело-зеленые; в третьем — помпоны с желтым (у стрелков) или белым верхом и со светло-синим низом. В Карабинерном полку этого корпуса такие помпоны были введены уже в 1818 г. Офицерам полагались серебряные помпоны. В покрое пехотного кафтана произошло единственное существенное изменение: с января 1824 г. фалды стали кроить таким образом, чтобы внутренние края сходились; фалды теперь сшивались между собой. Таким образом, процесс подгонки кафтана существенно упростился.

В 1818 г. был разработан новый образец погона для кафтана и шинели шириной 1 1/4 вершка из цветного сукна: в гренадерских и карабинерных полках — из желтого; в пехотных — из красного, белого, светло-синего или зеленого; в егерских — из светло-синего или темно-зеленого. В полувершке от нижнего края прорезалась шифровка величиной в вершок: в гренадерских полках и в полках, имеющих почетное шэфство, это были первые буквы названия или инициалы шефа; в прочих пехотных и егерских — цифры номера дивизии, в карабинерных — цифра номера полка. Под прорезанную шифровку подкладывалось красное (под белые или желтые погоны) или желтое сукно.

29 марта 1825 г. последовало давно уже назревшее повеление о введении нашивок за "беспорочную службу", позволявших офицерам выделять старослужащих среди прочих солдат. За 10 лет службы на левом рукаве выше локтя нашивался один "угол" из желтой

Знамена армейской пехоты, образца 1803 г. (к стр. 120)

Пехотных полков: Петровского (1), Копорского, Калужского (2), Волынского, Мопьевского, Костромского, Нейшлотского, Охотского, Перновского, Якутского (3), Галицкого, Эстляндского (до 1810 г.), Троицкого (4), Виленского, Пензенского (до 1810 г.) (5), Вологодского, Крымского, 1- 4-го Морских полков, Каспийского батальона, Одесского (до 1810 г.), Камчатского, Либавского, Мин-Ирельского, 1-го и 2-го Учебных гренадерских батальонов, Учебного Карабинерного полка (6), Куринского (7), Свеа-боргского гарнизонного полка (8), Брестского, Вильман-страндского, Кременчугского, Минского (9)

тесьмы, за 15 лет — два, за 20 — три. Вопрос о создании подобных знаков отличия возник уже давно. Так, в 1809 г. майор 11-го Егерского полка Богдановский в предоставленном проекте новой униформы предложил на мундирах старослужащих солдат нашивать белую тесьму вертикально между 1-ми 2-м рядом пуговиц на груди: за 5 лет полагалась одна нашивка, за 10 — две, за 15 — три; за 20 лет беспорочной службы выдавали знак ордена св. Анны [34].

В августе 1818 г., кроме погон, изменились и крыльца музыкантских мундиров; в гренадерских и карабинерных полках их стали шить из красного сукна, в других — из сукна того же цвета, что и погоны (при темно-зеленых погонах по краю крыльцев шла красная выпушка). Нашивки на мундирах музыкантов в гренадерских дивизиях делались из белой тесьмы с красной полоской в центре; для всех остальных полков оставили прежнюю полностью белую тесьму. Схема нашивки тесьмы изменилась в 1820 г.: тесьму стали нашивать плотно, ряд к ряду; на крыльцах — не вертикально, а с наклоном; на воротнике — по периметру. Мундиры горнистов с 1819 г. были такими же, как и у ротных барабанщиков. В 1823 г. все музыканты (кроме ротных горнистов, барабанщиков и флейтчиков) получили унтер-фицерские отличия.

На зимних суконных крагах с декабря 1817 г. приказано было делать кожаные краги с козырьками, закрывающими сапоги (как это было на летних панталонах). Но очень скоро от подобного покроя отказались.

Основные изменения коснулись амуниции. 26 сентября 1817 г., одновременно с кивером, были установлены новые образцы и правила ношения патронных сум с перевязями, портупей, ранцев, манерок, шанцевого инструмента, барабанных перевязей и скаток.

В черной лакированной патронной суме должно было по-прежнему помещаться 60 патронов; в пришитой к ящику сумы маленькой сумке из тонкой кожи с крышкой, застегивающейся на кожаную пуговицу, солдат носил ружейные принадлежности — пыжев-ник, отвертку с плоской ручкой, затравочную проволоку и запасной кремьень. Крышка сумы также кожаной петлей застегивалась на кожаную пуговицу, пришитую на днище.

Перевязь сумы и портупея (обе шириной в 2 вершка) в месте пересечения на груди

скреплялись между собой (иод портупеей пришивалась кожаная пуговка, а под перевязью — петелька). Кроме того, сзади на портупею пришивалась такая же пуговица, а с левой стороны патронной сумы — кожаная петля в форме пылающей гrenaды. Портупея застегивалась на четырехугольную латунную пряжку, пришивавшуюся вплотную к лопасти. У нижних чинов, имевших тесаки, над лопастью тесака к портупее изнутри пристрачивалось гнездо из мягкой кожи для штыковых ножен.

Ранцы теперь шились из телячьих шкур, выделанных шерстью наружу (как правило, рыжего или коричневого цвета). Если ранее размер ранца во многом определялся размещаемыми в нем вещами и нередко варьировался, то размеры нового ранца устанавливались строго: длина — 9, высота — 7, толщина — 2 1/2 вершка, длина крышки от верхнего края — 6 вершков. Прочие элементы ранца изменились незначительно: средний из трех черных ремней для застегивания пришивался к середине крышки, два других — к краям; над средней пряжкой нашивалась кожаная гайка, в которую продевался ремень. Холщовая перегородка делила все внутреннее пространство ранца на две части. В одной из них, ближней к внешней стороне ранца, помещался трехдневный запас сухарей и пара подошв (обязательно "стоймя"!). Во второй должны были разместиться летние или зимние панталоны, "шерстяные носки", портянки, "чемоданчик с шольником, ножницами, ножиком, нитками, наперстком, шильями, дратвою, мылом, ваксою, кирпичом, головою гребенкою, фаброю и железною фабриною гребенкою; наушники, галстук, рукавицы (в летнее время)"; три щетки (платяная, белильная и сапожная); "накремешник с 12-ю кремнями, две терки для чистки ружей; дощечка для чистки пуговиц; сапожный товар, две рубахи, фуражная шапка и полунагалище" [118, ч. 17, стр.225].

Для ношения ранца к нему крепилась пара плечевых ремней; к левому из них пришивался нагрудный ремень, а к правому — железная пряжка с гайкой. Левый ремень при мундире надевался поверх скатанной шинели, а правый — поверх погона. Нагрудный ремень застегивался на уровне подмышек, а с 16 января 1824 г. — между 4-й и 5-й пуговицами кафтана (считая от воротника). К ранцу крепилась манерка из белой жести;

справа на ремне манерки свободно перемещалась гайка, к которой пришивался ремень, проходящий через ушко крышки манерки и застегивающийся на кожаную пуговку.

Ширина плечевых ремней ранца устанавливалась в 1 1/2 вершка, нагрудного — в 3/4 вершка, ремней для застегивания крышки и манерочных — в 1/2 вершка. Верхние края ранца и манерки достигали линии плеч солдата.

Процесс скатывания шинели теперь также лишился всякой произвольности: ширина скатки на плече должна была равняться 3 вершкам, на груди — 2 1/2, на конце — 2; в 1 вершке от конца скатка стягивалась полувершковым ремнем с железной четырехугольной пряжкой.

При построении взвода у крайних на флангах солдат верхние края тесака и сумы подгонялись так, чтобы между ними и согнутым локтем было 2 вершка (с 1824 г. для сумы это расстояние было определено в 3 вершка). Между этими солдатами протягивался шнур, по которому выравнивали амуницию всех прочих. Таким же образом устанавливали линию для конца скаток: в этом случае у крайних людей длина скатки определялась по вытянутой руке.

Через левое плечо поверх всей амуниции рядовые средней шеренги могли надевать шанцевый инструмент в чехлах из черной глянцевой кожи на ремне шириной 3/4 вершка.

Существенно изменился вид барабанной перевязи. Ширину основной части перевязи установили в 2 1/2 вершка, но на участке длиной в 4 вершка она сужалась до 1 1/2 вершка (этот участок помещался под погоном). В трех вершках от него на передней части перевязи "насаживалась" медная бляха с гнездами для барабанных палок, а между бляхой и погоном — латунные гrenaды "об одном огне".

В походе барабанщики носили ранцы на полуторавершковом ремне через правое плечо; ремень пристегивался на две деревянные пуговицы, пришитые к боковым стенкам ранца.

Все ремни (перевязь, портупея, ранцевые плечевые и нагрудный, манерочные, шинельный, барабанная перевязь и ранцевый ремень барабанщика, ремни чехлов шанцевого инструмента) прострачивались по краям для предотвращения растяжения. В тяжелой пе-

хоте они делались из выбеленной лосины (и в дальнейшем периодически белились), в легкой — из черной глянцевой кожи. На барабанных перевязях в гренадерских и карабинерных полках и в гренадерских ротах прочих полков помещалось три гренады (две ближе к бляхе, одна — над ними) огнями вверх, в мушкетерских и егерских ротах — одна гренада.

Крышки патронных сум в гренадерских полках и в гренадерских ротах пехотных и морских полков украшались трехогневой Гренадой, в мушкетерских ротах — одноогневой гренадой, в егерских полках — цифрами номера полка; в карабинерных — особыми латунными бляхами (схожими по форме с киверными знаками "За отличие"), на которых ставился номер полка и литера "К".

В январе 1824 г., кроме того, было приказано приделывать на ружейных погонных ремнях гайку, в которую при стрельбе вкладывался огнивый чехол.

13 мая 1817 г. были изданы подробнейшие инструкции по изготовлению и ношению чехлов для целого ряда предметов обмундирования и амуниции. С этого момента солдат должен был в походе всегда носить шинель, зачехляя кивер, султан, крышку патронной суммы и мундир с крагами.

Чехол на кивер шился точно по размеру самого кивера, закрывал козырек и застегивался слева на крючки. Сзади к нижнему краю чехла пришивалась лопасть шириной по высоте кивера, которая в обычном положении пристегивалась крючками к чехлу, а при дожде опускалась, закрывая затылок и уши солдата. Перед надеванием чехла с кивера снимали султан, репеек и этишкет; для имитации репейка спереди на чехол нашивалось сукно таких же цветов, под которое вставлялась деревяшка. Но гораздо более заметным был номер роты из желтого сукна, нашивавшийся спереди на чехол. В гренадерских и карабинерных ротах к номеру добавлялись буквы "Г.Р." или "К.Р." (например, "1 Г.Р."), в прочих — просто "Р.". Размер цифр и букв определялся в 1 1/4 вершка.

Правила ношения чехла для султана описывались так: "Султан в чехле носить под нижнюю сторону тесачных ножен, верхним концом вниз. Длина сего чехла 12 вершков, т.е. вершком более султана, а ширина — по султану, и с обоих концов оного имеются отверстия, завязывающиеся продернутыми

шнурками. Чехол с султаном прикрепляется к тесаку посредством кожаных гаек, пришитых на конце и посередине чехла; корень же султана, кроме сего, вкладывается в гнездо под лопастью портупей и привязывается шнуром к шпыню пряжки, у сей лопасти находящейся. Чтобы предохранить чехол от трения об тесачные ножны, к обоим концам оного пристрачивается ремень из черной кожи шириною в полвершка" [118, ч.17, стр.221].

Крышка патронной суммы полностью закрывалась чехлом, закрепленным с помощью четырех завязок. На чехол нашивались такие же шифровки, как и на чехол кивера.

Для мундира и краг от зимних панталон предусматривался особый цилиндрический чехол диаметром в 3 1/2 вершка и длиной 9 вершков. С одной стороны чехол затягивался вставленным по краю шнуром; за две кожаные петли шинельным ремнем он пристегивался сверху ранца (завязка была палевой стороне).

Все чехлы изготавливались из "равендука или фламского полотна, выкрашенного черною масляною краскою, на манер клеенки; так, чтобы они не пропускали через себя во-
ДУ".

В январе 1819 г. была введена новая система покраски барабанных палок и ручек шанцевого инструмента. Для четырех полков тяжелой пехоты каждой дивизии устанавливались следующие цвета: палевый, черный, белый, светло-коричневый.

Появившиеся в ротах в апреле того же года сигнальные рожки из латуни изнутри красились в красный (в тяжелой пехоте) или зеленый (в легкой) цвет; по краю шел золотой венчик. Цвет ремней рожка соответствовал цвету ремней амуниции.

В полках Литовского корпуса все красное сукно на мундирах заменялось на желтое, а желтый металлический прибор — на белый; кроме того, клапаны рукавов также вырезались из желтого сукна, а на мундире были добавлены лацканы: желтые в тяжелой пехоте, темно-зеленые с желтой выпушкой — в легкой. На желтых погонах гренадерских полков корпуса прорезались подложенные красным сукном номера полков (№1 и №2), а затем — литеры начальных букв. В Карабинерном полку на погонах сначала проставлялась литера "Л.", а с 1824 г. — "Н." (Несвижский); на бляхе патронной суммы соответственно выбивались литеры "Л.К.", а потом "Н.К.". Кожаные краги зимних панталон

в полках корпуса были заменены на черные суконные штиблеты.

У офицеров армейской пехоты, помимо кивера и мундира, изменился образец офицерских нагрудных знаков. Последние стали более узкими и плоскими, а лента на них была заменена на две петли золотого шнура. Шпury крепились к золотым пуговицам особой формы, продевались сквозь отверстия по краям знака и петлями надевались на эпо-летные пуговицы. 3 февраля 1816 г. на офицерских мундирах в легкой пехоте отменили карманные клапаны.

На груди орла в центре знаков офицеров Литовского корпуса помещалось изображение литовского всадника.

В 1817 г. для генералов ввели однобортные мундиры, застегивающиеся на 9 пуговиц, — общегенеральский и общearмейский.

Обмундирование Гвардии в целом претерпевало те же изменения, что и армейское, хотя целый ряд отличий, присущих лишь гвардейским полкам, сохранялся.

В 1817 г. для всех "старых" гвардейских полков ввели мундиры с лацканами. В Преображенском, Семеновском и Измайловском полках лацканы были красными, в Егерском — светло-зелеными (одновременно темно-зеленый воротник егерям заменили на светло-зеленый с красной "выпушкой"). На лацканах, обшлагах, красных клапанах обшлагов и обкладке фалд новых мундиров помещалась белая выпушка. Каждый из двух лацканов на музыкантских мундирах украшался двойными петлицами (6 горизонтальных и 2 наклонные в верхнем углу). Лацканы в большинстве случаев носились застегнутыми, "открывали" их только для парадов и в праздничные дни. В том же году для чинов 2-й гвардейской пехотной дивизии были введены новые шинели, на воротниках которых с каждой стороны нашивались красные клапаны (1 1/4 на 1/2 вершка) с пуговицами.

Новый кивер в Гвардии, как и прежде, отличался гвардейским орлом. Стрелки и егеря Егерского и Финляндского полков в 1823 г. получили шерстяные помпоны на кивера, по-добные описанным выше для армии. Офицеры носили серебряные помпоны.

Ранцевые и манерочные ремни в отличие от армии не прострачивались по краям; все медные детали, а кроме того, и пряжка на-

грудного ремня ранца, изготавливались из "красной меди". Украшения крышки патронной сумы в полках тяжелой пехоты не изменились; крышки сум Егерского и Финляндского полков отличались бляхами (как в карабинерных полках) с полковыми литерами: "Л.Г.Е." или "Л.Г.Ф."

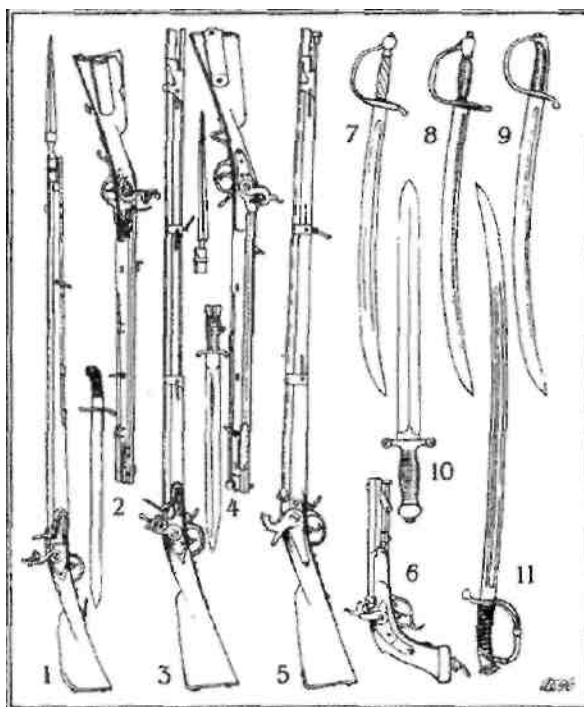
В Павловском полку на шапках появились чешуи, завершением которых служили не круглые розетки (как на киверах), а гренады. На детали шапок по-прежнему шла "желтая медь". Офицеры и генералы, носящие форму Павловского полка, в 1825 г. также стали носить гренадерские шапки, отличающиеся от шапок нижних чинов рядом деталей: все латунные части были вызолочены; швы задника обшивались серебряным галуном, а не тесьмой; кисть изготавливалась из серебряной нити, а на черно-оранжевом центре помещался серебряный вензель Александра I с короной.

Желтое приборное сукно и белый металлический прибор стали отличительными признаками сформированных в 1818 г. полков Лейб-Гвардии Литовского и Волынского. Нагрудные щиты орлов на киверах в этих полках несли изображение литовского всадника; воротники и клапаны офицерских мундиров украшались серебряными петлицами. На суконных панталонах кожаные краги были заменены на суконные штиблеты. На крышке патронной сумы в Волынском полку помещалась карабинерная бляха с литерами "Л.Г.В."

С 1818 г. всем музыкантам Гвардии были присвоены красные наплечники; на нашивки в Старой Гвардии шла желтая с одной красной и четырьмя оранжевыми полосами тесьма, в Молодой — белая с красной полосой. Для барабанных палок и ручек шанцевого инструмента в полках с 1819 г. установили следующие цвета: палевый (в Преображенском, Московском и Литовском), черный (в Семеновском, Гренадерском, Егерском, Финляндском и Волынском) и белый (в Измайловском и Павловском).

В 1820 г. при изменении образца офицерских знаков надписи за отличие ("1700 No. 19") в Преображенском и Семеновском полках сохранились.

Учебному Карабинерному полку при сформировании было присвоено обмундирование армейских карабинерных полков, но с некоторыми отличиями: эполеты офицеров имели золотое поле и красный подбой, на желтых

Стрелковое и холодное оружие. Ружье драгунское со штыком образца 1798 г. (1); штуцер пехотный с кортиком образца 1805 г. (2); пехотное ружье со штыком образца 1808 г. (3); литвихский штуцер со штык-тесаком образца 1843 г. (4); пехотное ударное нарезное ружье со штыком образца 1854 г. (5); пистолет офицерский ударный образца 1849 г. (6); тесаки пехотные солдатские образца 1807 г. (7,8); тесак пехотный солдатский образца 1817 г. (9); тесак пехотный солдатский образца 1848 г. Отдельного Кавказского корпуса (10); сабля пехотная офицерская образца 1826 г. (11)

погонах нижних чинов по свободному краю выкладывался "желтый басон с красным просветом"; шифровок на погонах и эполетах полку не полагалось.

Различные нерегламентированные предметы обмундирования продолжали появляться в войсках на Кавказе. Так, в конце 1810-х гг. солдаты на артельные суммы стали "строить" себе полотняные кителя для ношения в жаркую погоду.

По указу от 2 ноября 1816 г. в пехотных полках разрешалось иметь ружья установленных видов: "российских заводов нового образца с длинными или короткими стволами", "французские в железной оправе или с медной гайкой посередине", английские. В

каждом полку должны были содержаться ружья одного вида (причем в егерских полках зачастую были длинноствольные ружья, а в пехотных — короткоствольные). Калибр английских ружей составлял 7,5 линии, остальных — 7 линий. Испытания показали, что сила отдачи у английских ружей была самая большая, а у русских — наименьшая. Для достижения единообразия калибров с 1822 г. из полков стали изымать английские ружья и заменять их русскими длинноствольными. С 1824 г. приклады на ружьях делали более изогнутыми ("косыми").

В мирное время специально обученные на оружейных заводах команды мастеровых (артиллерийский офицер, унтер-офицер и 20 рядовых) проводили ремонт ружей в полках армии. Они выполняли различную мелкую починку, исключая те виды ремонта, которые были указаны в наставлении 1809 г. и допускались лишь в заводских условиях ("всякие вставки по стволу, осадка и сварка в казенной части, приварка хвоста к казенному шурупу, сварка шомпола, сварка переломленного курка, склеивание приклада из кусков" и ряд других операций). Основным видом проводимого в полках ремонта было высверливание новой затравки взамен старой, расстрелянной (чрезмерно расширившейся).

В издаваемых наставлениях подробно описывались правила ухода за ружьем. Главнейшая задача солдата состояла в том, чтобы сохранять "ружье свое в наилучшей чистоте и исправности, как единственную защиту его во всяком случае от неприятеля" [104, стр.81]. Ружье непременно содержалось в сухом месте, насухо вытиралось после каждого употребления и смазывалось маслом перед длительным хранением. После стрельбы ствол ружья промывался и насухо вытирался снаружи и изнутри; начисто протирались замок, шомпол, штык, медный прибор и ложа; прочищалось затравочное отверстие. Раз в год маслом смазывались отверстия винтов и пружины. Внешнюю поверхность ствола чистили толченым кирпичом и сукном; при этом в ствол вставлялся деревянный стержень, чтобы не погнуть ствол. Все железные предметы чистились маслом с толченым кирпичом или наждаком; медные — кирпичом с уксусом. В арсенале ружья сохранялись с заткнутыми стволами и затравками и со спущенными курками. Периодически служители арсенала осматривали их и протирали масляной тряп-

Гвардейские знамена образца 1813—1817 гг.

Полков . Лейб-Гвардии Преображенского (1), Семеновского (2), Измайловского (3), Егерского (4), Московского (5), Гренадерского (6), Павловского (7), Финляндского (8), Литовского (9), Волынского (10). Знамена образца 1816 г. ; 1-й гренадерской дивизии (11), 3-й гренадерской дивизии (12) и Кавказского корпуса (13). Знамена пехотных полков образца 1813 г. (14)

кой или сукном. В походе замки регулярно чистили и смазывали маслом, чтобы предохранить их от чрезвычайно разрушительного сухого трения деталей. Запрещалось чистить ружье песком, тереть ствол об дерево и полировать поверхности ствола до блеска.

Разборка ружья производилась нечасто, но солдаты должны были досконально знать ее порядок. Нельзя было "ослаблять" шомпол и другие части ружья для звучности, а также при выполнении ружейных приемов стучать ружьем о землю.

Наиболее надежными при стрельбе считались прозрачные кремни без белых пятен. С 1825 г. установили сквозную нумерацию ружей всего полка.

В 1816 г. во всех пехотных полках положено было оставить такое количество тесаков, какое полагалось в егерских полках. Гвардии и гренадерских полков это нововведение не касалось. С 1817 г. в полки стали поступать тесаки нового образца общей длиной около 830 мм, с длиной клинка около 690 мм и массой до 1,25 кг [128, стр.98]. От прежних они существенно отличались монолитным латунным эфесом без чашки. Деревянные, обтянутые кожей, или кожаные ножны имели устье с крючком и довольно крупный наконечник.

Для освобождения полков на походе от излишних тяжестей в 1819 г. при корпусах стали учреждать фурштатские батальоны (позднее бригады), призванные перевозить запасы провианта. В каждой из 17 фур полка должно было помещаться по 58,5 пуда крупы или сухарей.

В 1816—1825 гг. существенных изменений как методов лечения, так и причин заболеваний не произошло. При этом последовал ряд организационных изменений медицинского обеспечения армии. В 1816 г. при всех корпусах и дивизиях были созданы госпитали: при корпусах — III класса (на 500 — 600

мест), при дивизиях — II класса (на 250 — 300 мест). С 1818 г. лазареты стали устраивать при военных поселениях. В 1823 г. корпусные и дивизионные госпитали были упразднены; вместо них развернули сеть госпиталей в 15 городах, при отдельных корпусах и в военных поселениях; с 1825 г. в городах началось учреждение военных больниц.

* + *

С завершением войны благосостояние солдат постепенно стало возрастать. Небольшого жалованья, как правило, вполне хватало для удовлетворения солдатских потребностей. Этому легко можно поверить, если вспомнить, что основная масса полков в течение 7 — 8 месяцев в году "объедала" предназначенные для квартирования уезды, практически бесплатно довольствуясь натуральными продуктами крестьянского труда. В таких условиях артельные кассы постоянно пополнялись сэкономленными суммами и отчислениями из заработков солдат на общественных работах (строительство зданий и дорог, рытье каналов) и доходов от ремесла и торговли. Особенно мастеровитыми были нижние чины гвардейских полков, живущие в казармах и потому лишенные возможности "эксплуатировать" крестьян. В полках процветали всевозможные виды ремесел: в одной и той же роте среди солдат можно было отыскать множество специалистов — сапожников, портных, "султанщиков", "басонщиков" и других, вплоть до ювелиров. Один из солдат Семеновского полка постоянно вязал лично для Императора перьевые султаны, получая за каждый 100 рублей ассигнациями. В этом же полку регулярно выполняли заказы на изготовление образцовых вещей для армии. Одним словом, большинство гвардейцев можно было считать довольно зажиточными людьми. Здесь таилась и одна из основных причин так называемой "семеновской истории", когда солдаты полка выразили коллективный протест против действий полкового командира Ф.Е. Шварца. Стремясь довести полк до совершенства (с точки зрения строевой подготовки и внешнего вида), Шварц буквально измучил людей беспрестанными учениями и бессмысленными придирами. Усиленный уход за обмундированием

приводил к быстрому изнашиванию вещей: солдатам приходилось за собственные деньги покупать новые предметы сложной военной экипировки. Сбережения быстро таяли, а отсутствие свободного времени, занятого учениями и подготовкой к ним, резко сократило доходы от ремесел. За полгода командования (с апреля по октябрь 1820 г.) Шварц ухитрился довести лучший в армии полк до критического состояния: солдаты чувствовали себя и оскорбленными, и обворованными. Это

и привело к вспышке недовольства. Довольно безобидные, на наш взгляд, действия солдат вызвали чрезмерно жесткую реакцию со стороны Александра: полк целиком был расформирован. Но "история" эта не прошла даром: с 1821 г. отношения к гвардейским солдатам несколько "смягчили", в результате чего во время бунта в декабре 1825 г. мятежникам удалось склонить на свою сторону лишь незначительное число гвардейцев, да и то зачастую с помощью обмана.

ЗАЛОЖНИКИ МИНУВШИХ ПОБЕД

Правление нового Императора — Николая I — началось с весьма неприятного инцидента: восстание на Сенатской площади показало, насколько власть была зависима от настроения военных. Происшествие это на первый взгляд не повлекло за собой особого ужесточения армейских порядков. Но в целом к концу правления Николая резко обозначились грани между рядовыми и унтер-офицерами, между офицерами и нижними чинами; активнее стали применяться телесные наказания. В то же время некоторые условия службы солдата были улучшены: больше внимания уделялось питанию, появился институт бессрочных отпусков.

Несомненно, весьма важным достижением правительства стало повышение мобилизационной способности армии за счет увеличения числа и создания четкой структуры резервных и запасных войск. Рекрутская система в последние десятилетия своего существования была доведена до максимально возможного совершенства.

Принципы боевого применения пехоты изменялись довольно медленно, что во многом являлось следствием технического "застоя" в области стрелкового вооружения. Использование нарезного оружия, при всем богатстве его образцов, оставалось привилегией стрелковых батальонов и небольших команд. Основная же масса великолепно вымуштрованных полков, как и прежде, могла рассчитывать лишь на свои надежные, никогда не подводившие штыки.

Первый рекрутский набор в царствование Николая I был назначен в 1827 г.; в манифесте предписывалось собрать по два рекрута с 500 душ; от набора освобождались Грузия и Бессарабия. Возраст рекрутов устанавливался в пределах от 18 до 35 лет; принимались люди ростом не ниже 2 аршин 3 вершков.

1827 г. был, кроме того, "ознаменован" опубликованием устава рекрутской повинности и военной службы евреев. Правительство, распространяя тягости воинской повинности на новую группу населения, надеялось, что "образование и способности, кои приобретут они (евреи. — И.У.) в военной службе, по возвращении их из оной после выслуги узаконенных лет сообщатся их семействам для вящей пользы и лучшего успеха в их оседлости и домашнем хозяйстве" [136, стр.7]. В рекруты брали евреев в возрасте от 12 до 25 лет; достигшие 18-летнего возраста приводились к присяге "рабином". Эти новые солдаты резко выделялись на фоне всех прочих. Полковой адъютант Владимирского пехотного полка Н.А. Горбунов, принимавший участие в Крымской войне, вспоминал, что в мушкетерской роте полка служил в то время рядовой Белинский ("иудейского закона") — "хороший портной и отличный стрелок", давно заслуживший и знак отличия Военного ордена и унтер-офицерский чин, но не получивший их из-за нежелания принять православную веру. Далее офицер отмечал: "Белинский, как еврей, составлял... редкое исключение своей

храбростью, так **как** племя, к которому он принадлежал, отличается именно робостью. В этом я убеждался на опыте, потому что хор музыкантов полка... состоял преимущественно из евреев, и этот народ, несмотря на все строгости, не удавалось привлечь в Севастополь хоть для переноски раненых" [109, т.1, стр.76].

В 1828—1831 гг. в связи с войной против Турции было проведено пять наборов — по два, по четыре, по три, по два и по три рекрута с 500 душ. Усмирение мятежа в Царстве Польском привело к необходимости еще одного усиленного (по четыре рекрута) набора в августе 1831 г. При этом требования к росту были снижены: принимались люди не ниже 2 аршин и 2 вершков.

С 1831 г. повинность была распространена на духовенство: в армию стали набирать детей священнослужителей (от 15 до 40 лет), остающихся без мест в церковном ведомстве или исключенных из духовных учебных заведений. Кроме того, по мнению Синода, в рекруты должны были отдаваться имеющие многократные провинности люди духовного звания.

Наконец, наиболее крупным событием 1831 г. в области комплектования войск стало издание Рекрутского устава. По уставу все податные сословия (каждое отдельно) делились в губерниях или областях на тысячные участки, на которые с этих пор и определялось число рекрутов. Целый ряд особо оговоренных сословий и местностей освобождались от набора "натурой", платя вместо каждого рекрута по 1000 рублей; немало лиц и сословий вообще не подлежали повинности. Среди первых, например, были жители Архангельской губернии и городов и селений в стоверстной полосе на границах с Австрией и Пруссией; среди последних — купцы всех трех гильдий, военные поселяне, колонисты и лица, жалованные медалями для ношения на шее.

Сроки для всех обычных наборов устанавливались с 1 ноября по 31 декабря. Принимали людей в возрасте от 20 до 35 лет ростом не ниже 2 аршин 3 вершков. Болезни, препятствующие приему, определялись особо.

Принятому в рекруты сразу же выбривали лоб, "не удостоенному" принятия — затылок. Старинная и весьма непочитаемая населением традиция "выбывания лба" впервые

была отменена при наборе 1849 г., а затем отменялась практически постоянно.

С 1834 г. в наборы были вовлечены "однودворцы и граждане западных губерний", в том числе и Царства Польского. После первого набора большинство рекрутов из этих областей были направлены в Отдельный Кавказский корпус. В дальнейшем наборы из этих категорий населения проводились периодически.

98-й набор (1833 г.) стал одним из последних наборов со всего государства. В 1834 г. был издан манифест, гласивший, что "для вящего облегчения сословий поставкой рекрутов и для доставления им всей... возможности к увеличению их благосостояния посредством полезного труда" [136, стр.72] правительство нашло возможность отменить "навсегда" общие в Империи наборы и ввести систему ежегодных "частных" наборов попеременно с "двух равных народонаселением частей государства". **Вся** страна разделялась на две "полосы" — Северную и Южную; с полосы раз в два года собирали по 5 рекрутов с 1000 душ.

В 1834 г. был проведен первый частный набор с Южной полосы, в 1835 г. — с Северной; в 1836 г. открывшийся в войсках некомплект заставил провести общий набор 5 рекрутов с 1000 душ.

Разделение на Северную и Южную полосы оказалось довольно неудачным, и в 1839 г. вместо них определены были новые полосы — Западная и Восточная. Считалось, что рекруты Западной полосы без излишних затрат на передвижение будут поступать в состав действующих войск; рекруты Восточной полосы по большей части должны были проходить шестимесячный курс обучения в резерве и лишь затем причислялись к действующим полкам. После первого набора в Западной полосе вновь возникла необходимость объявления общего набора, который и был проведен в 1840 г. В дальнейшем во все время царствования Николая I общих наборов не устраивалось (хотя в 1847 и в 1849 гг. провели по два частных набора, а в 1854 г. — три).

В 1840 г. последовало "особое укомплектование" частей Отдельного Кавказского корпуса старослужащими солдатами. На пополнение этого корпуса, постоянно ведущего боевые действия, направлялись резервные батальоны 3-го пехотного корпуса и 48 мушкетерских и егерских рот из 6-го пехотного

корпуса. Все убывшие подразделения в полках восстанавливались за счет рекрутов. Такое же укомплектование из чинов 6-го пехотного корпуса было проведено в 1843 г.; помимо этого, чинами гарнизонов пополнили черноморские линейные батальоны. В 1846 г. на место уволенных в бессрочный и годовой отпуска чинов Гвардии были выбраны 479 человек из Внутренней Стражи и 512 человек из кавалерии. Тогда же 3-й корпус, значительно ослабленный после увольнения многих нижних чинов, получил поддержку от 6-го корпуса (по 2 роты от полка). После 1846 г. особые укомплектования следовали достаточно регулярно. Например, в 1847 г. Император, "желая украсить Гвардию нижними чинами Отдельного Кавказского корпуса, наиболее отличившимися личною храбростью и примерным поведением", повелел выбрать в гвардейские полки 247 рядовых корпуса, имевших знаки отличия Военного ордена.

Немалую пользу при комплектовании войск приносили уволенные в бессрочный отпуск нижние чины, которых вновь призывали на службу при необходимости. В 1848 г. при подготовке войск к военным действиям и комплектовании их до "военного положения", а также для формирования резервных и запасных войск из отпусков, бессрочных и годовых, было возвращено около 156 тысяч человек. Впервые бессрочный отпуск был установлен в 1834 г.: для экономии средств и облегчения службы нижних чинов разрешили увольнять солдат, прослуживших 20 лет. Позднее разрешение было распространено и на тех, кто выслужил меньший срок (с 1851 г. — 15 лет). В бессрочный отпуск могли уходить и обер-офицеры, прослужившие в офицерских чинах не менее 8 лет; штаб-офицеры для этого должны были иметь 3 года выслуги в штаб-офицерских чинах.

В 1854 г. правительство опубликовало правила, определяющие различия видов наборов. При "обыкновенных" наборах в рекруты зачислялись люди возрастом свыше 22 лет и ростом не менее 2 аршин 3 3/4 вершка. "Усиленным" назывался набор 7—10 рекрутов с 1000 душ; возраст принимаемых не играл роли, а минимально допустимым считался рост в 2 аршина 3 1/2 вершка. При "чрезвычайных" наборах (свыше 10 человек) брали людей не ниже 2 аршин 3 вершков. Во время Крымской войны армейские части комплек-

товались по возможности из гарнизонных и резервных батальонов.

Правила приема рекрутов до 1831 г. существенно не менялись. С точки зрения физических качеств были сняты запреты на прием людей, не имеющих одного переднего зуба или больных "паршой". Интересно, что и тот, и другой недостаток в основе своей нередко имели нежелание поступления на службу, и игнорирование их, по мнению военного руководства, способствовало "улучшению здоровья" населения.

Рекрутский устав 1831 г. подтверждал обычные сроки приема — последние два месяца года. Возраст рекрута мог колебаться в пределах от 20 до 35 лет; 2 аршина 3 вершка определялись как нижняя граница роста.

Ростовые и возрастные параметры рекрутов в 40 — 50-х гг. сохранялись в основном неизменными. Наибольшее число принимаемых людей было не старше 25 и не моложе 20 лет; от трех четвертей до половины всех рекрутов имели рост не выше 2 аршин 6 вершков [136, стр.193 — 206]. В 40-х же годах при наборах минимальная мера роста, как правило, устанавливалась в 2 аршина 4 вершка.

До мельчайших подробностей был разработан сложный процесс превращения крестьянина или мещанина в армейского новобранца. Раздетого догола человека осматривали члены "рекрутского присутствия", проверяя правильность указанных возраста и роста и удостоверяясь в отсутствии болезней и физических недостатков. Удовлетворяющему всем условиям рекруту председатель присутствия говорил: "Лоб!"; слово это повторял затем унтер-офицер, выводящий новобранца из присутствия и передающий его нижним чинам, которые далее вели "счастливец" в комнату для выбривания лба и бороды. Там же чиновники записывали его имя и приметы. С этого момента вся ответственность за человека переходила от отдатчика на военного приемщика; под командой последнего состоял конвой (стража) для надзора за рекрутами.

В губернских городах вплоть до отправки партии рекруты состояли при батальонах Внутренней Стражи, в уездных — при инвалидных или специально назначенных командах.

Пехота, 1818-1826 гг.

Рядовой гарнизонных полков и батальонов, рядовой егерских полков, рядовой гренадерских полков, рядовой корпуса Внутренней Стражи (1826-1829 гг.), рядовой уездных инвалидных команд (1826-1829 гг.)

Сразу после принятия рекруты приводились к присяге и разделялись на артели по 10 и более человек. Внутри артели для предотвращения бегства все связывались круговой порукой. Постепенно вновь набранных будущих солдат начинали приучать к строевой стойке и шагу, показывать повороты на месте, объяснять основные положения военно-уголовного законодательства. Когда количество рекрутов на сборных местах достигало определенно установленной величины (300 — 500 человек для "большого" набора, 150 — 300 для "малого"), из них формировали рекрутскую партию для отправления в место назначения. Командовал партией офицер, на 150 рекрутов выделялось 12 конвоиров, в дальнейшем же на каждые 15 рекрутов — по одному конвою; еще трое солдат охраняли находящийся при офицере "сундук с деньгами и бумагами". Конвойные сменялись в каждом губернском городе. Все рекруты вновь разделялись на артели числом по количеству конвойных солдат; таким образом, старшим в артели всегда был конвоир. На марше одна часть конвойных двигалась перед партией, другая — позади партии; сзади ехала повозка с офицером и прикомандированным к партии чиновником. В лесной местности по бокам партии выставлялись дозоры. На ночлегах и дневках рекрутов кормили обыватели, которым платил офицер. Офицеру же дано было право наказывать рекрутов, совершивших незначительные проступки: максимально допустимым наказанием было 100 ударов розгами. Серьезно провинившихся новобранцев сдавали властям губернских городов. Особо от христиан конвоировались рекруты-евреи; на каждые 5 человек полагалось по одному конвою. Запрещалось размещать евреев на ночлег в еврейских домах по пути следования.

Детальные предписания о порядке препровождения рекрутов, строгая отчетность и поощрение особо отличившихся офицеров привели к тому, что при наборах 40-х годов смертность и болезненность были ничтожно малы. В среднем из принятых 70 тысяч человек в год умирало 50—100 человек, заболело в пути от 1000 до 2500 человек. Сократилось и количество побегов; как правило, их было не более 200 в год. Наиболее впечатляющими были результаты набора 1839 г.: из 11 тысяч рекрутов ни один не умер и не бежал.

С 1847 г. рекруты, направляемые в Гвардию, снабжались подводами. В 1849 г. для сопровождения партий числом свыше 200 человек выделялся фельдшер с набором медикаментов.

Рекрутов положено было одевать в специально оговоренную одежду. С 1827 г. таковой одеждой являлись: серая шинель с серым воротником и погонами, черный галстук, темно-зеленые брюки (как у строевых нижних чинов) без выпушки, фуражная шапка с темно-зеленым околышем, ранец из серого крестьянского сукна, две рубашки, две пары сапог; полушубок и темно-зеленые рукавицы (в зимнее время года). Вся одежда считалась собственностью рекрута и не отнималась в армейских частях. Постройка обмундирования на три обобщенных размера производилась централизованно при батальонах Внутренней Стражи, после чего вещи рассылались в другие губернские и уездные города.

Более квалифицированными новобранцами являлись военные кантонисты. Для усовершенствования их учета и обучения с 1827 г. военно-сиротские отделения в основной массе были преобразованы в роты, полубатальоны и батальоны военных кантонистов (соответственно 250, 500 или 1000 человек). В роту назначалось три обер-офицера, фельдфебель, 10 учителей (унтер-офицеров или рядовых), 4 старых унтер-офицера — "фрун-товика", 3 барабанщика из кантонистов и 20 инвалидов на хозяйственные должности. Полубатальонами командовали штаб-офицеры. Все подразделения объединялись в учебные бригады. В программу обучения кантонистов включались обучение в классах (Закон Божий, грамота, письмо; арифметика, включая дроби; рисование, черчение), фронтовое учение ("стойка, выправка и маршировка во всех основаниях без ружья") и учение "мастер-ствам". К 1855 г. в стране насчитывалось свыше 366 тысяч кантонистов [136, стр.325].

Наиболее прилежные кантонисты избирались для зачисления в учебные карабинерные полки. Чины этих полков выпускались в армию "в фельдфебели, унтер-офицеры, музыканты и барабанщики, а малообученные, тупые и ленивые — в армейские полки рядовыми". 22 октября 1826 г. единственный прежде полк получил название 1-го Учебного Карабинерного; одновременно с этим был сформирован 2-й Учебный Карабинерный полк из двух ранжированных и одного не-

ранжированного батальонов. Второй полк разместили в Москве, на его комплектование обратили Московское военно-сиротское отделение и третий батальон 1-го полка.

Из первого батальона 2-го полка выпускники направлялись к войскам, 2-й батальон пополнял 1-й, а 3-й — 2-й (в первом батальоне возраст людей был свыше 18 лет, во втором — 15—18 лет, в третьем — до 15 лет). В 1-м Учебном Карабинерном полку вместо третьего батальона существовали две неранжированные роты — музыкантская и барабанщицья; во второй батальон выбирались 15-летние кантонисты из 1-й учебной бригады.

3-й Учебный Карабинерный полк того же устройства, что и 2-й, был сформирован в 1834 г. в Нижнем Новгороде; 4-й полк — в 1835 г. в Ярославле. Одновременно 3-й полк был назван 4-м, а 4-й — 3-м.

По установленным в 1835 г. правилам из 1-го полка выпускались унтер-офицеры в Гренадерский и 1-й пехотный корпуса; из 2-го полка — во 2-й и 3-й пехотные корпуса; из 3-го — в 4-й и 5-й пехотные корпуса; из 4-го — в 6-й пехотный корпус и во все резервные дивизии.

С целью обучения кантонистов различным нужным военным специальностям при Санкт-Петербургском батальоне военных кантонистов был создан ряд учебных организаций: военно-учительский институт, аудиторская школа, школа писарей.

Большой приток военных кантонистов, чья подготовка бременем ложилась на казну, заставил с 1835 г. разрешить части солдатских детей до 20-летнего возраста проживать у родственников. В двадцать лет молодые люди, названные "рекрутами из солдатских детей", обязательно призывались в полки.

Нетрудно предположить, сколь угнетающее впечатление на родителей оказывала неотвратимость прощания с сыновьями, поголовно забираемыми в армию. Довольно обычным явлением стало сокрытие семьями военнослужащих самого факта рождения сына; ответственность за это возлагалась на местное начальство, которое штрафовалось за недосмотры. Желая смягчить жестокость установленного закона, правительство предоставило ряд льгот: по одному сыну разрешалось не отдавать в службу нижним чинам, получившим увечья на войне, и вдовам погибших солдат, не вышедшим вторично замуж.

В подразделения военных кантонистов нередко принимали и детей неимущих дворян и обер-офицеров. Помимо детей нижних чинов, дворян обучали и в школах при полках и линейных батальонах Кавказского корпуса; в этих школах в 40 — 50-х гг. ежегодно состояло до 70 сыновей князей и свыше 400 детей прочих дворянских родов Кавказского края.

Сеть военно-учебных заведений при Николае I была значительно расширена, ряд уже существующих заведений подвергся реорганизации.

Императорский Военно-Сиротский дом в 1829 г. переименовали в Павловский кадетский корпус. В том же году в Царском Селе был организован Александровский Малолетний кадетский корпус.

В 1830 г. было учреждено 6 губернских кадетских корпусов, в 1834 г. — Казанский корпус, в 1835 г. — Орловский Бахтина, в 1836 г. — Михайловско-Воронежский, в 1837 г. — 2-й Московский (прежний Московский корпус был назван 1-м Московским), в 1841 г. — Александровский-Брестский, в 1844 г. — Оренбургский Неплюевский, в 1845 г. — Грузинский и Сибирский корпуса, в 1849 г. — Александрийский Сиротский кадетский корпус. В то же время Царскосельский лицей в 1843 г. был отчислен из ведения Главного Начальства военно-учебных заведений.

С 1837 г. изменилась структура Дворянского полка: 7 рот в нем были составлены из гренадерских рот губернских кадетских корпусов, одна рота 2-го батальона пополнялась кадетами Московских и Финляндского корпусов и дворянами, принимаемыми в полк по экзамену. Полк в 1832 г. был отделен от 2-го Кадетского корпуса и образовал самостоятельную учебную часть.

С 1841 г. все военно-учебные заведения распределили по трем округам: Санкт-Петербургскому, Московскому и Западному.

Обучением находящихся в полках унтер-офицеров из дворян занимались и юнкерские школы при штабах корпусов. Для нижних чинов, производимых в офицеры, с 1829 г. установили "испытания" необходимых знаний, производимые ближайшим начальством. В 40-х годах эта система, оставлявшая слишком широкие возможности для субъективной оценки, была заменена на экзаменовку по утвержденным программам.

Армейская пехота, 1828—1833 гг.

Унтер-офицер гренадерских полков, рядовой морских полков, рядовой линейных батальонов (с 1829 г.), ротный барабанщик карабинерных полков, обер-офицер пехотных полков в сюртуке

Армейская пехота, 1828—1833 гг.

Нестроевой унтер-офицер пехотных полков, штаб-офицер пехотных полков, мастеровой пехотных полков, рядовой гарнизонных батальонов, рядовой уездных инвалидных команд

Продолжить обучение офицеры могли в открытой в 1832 г. Военной академии, занимавшейся подготовкой "офицеров высшего звания".

В 1854 г. "по случаю приведения войск в военное положение" Император разрешил принимать молодых дворян и вольноопределяющихся в резервные войска. В каждый резервный и запасной батальон теперь можно было зачислять 8 подпрапорщиков или юнкеров (вместо положенных по штату 2); унтер-офицеров из вольноопределяющихся позволялось иметь сверх установленного штатом количества.

Организационная структура пехоты в 1825—1855 гг. претерпела ряд серьезных изменений. Возрожденная во второй половине 1810-х гг. практика присвоения полкам названий по именам и титулам почетных шефов при Николае получила чрезвычайно широкое распространение.

Желая сократить расходы на содержание армии, Военное ведомство в 1827—1829 гг. оставило в полках 4-го и 5-го корпусов лишь по одному действующему батальону. В 4-м корпусе в этот период числились две сводные бригады пехотных дивизий и одна полная дивизия (10-я); в 5-м — три сводные бригады.

В сентябре 1829 г. было утверждено новое расписание корпусов и дивизий 1-й армии. В каждый из пяти пехотных корпусов входило по 4 дивизии (по порядку номеров). В дивизиях даже егерские полки были подобраны по номерам: так, в 5-й дивизии (2-го корпуса) числились 9-й и 10-й Егерские полки, в 6-й — 11-й и 12-й и так далее. Шесть полков дивизии сводились в три бригады, две из которых были пехотными, а третья — егерской (в первой дивизии две бригады состояли не из пехотных, а из морских полков).

Пять дивизий (4, 8, 12, 16 и 20-я) в 1830 г. были вновь приведены в кадровый состав: каждый полк, состоящий теперь только из одного батальона, получил название "сводного полка", каждая дивизия — название "сводной бригады... дивизии".

В феврале 1831 г. Отдельный Литовский корпус переименовали в 6-й пехотный и усилили еще одной дивизией, 26-й, сформированной из новых шести полков: Модлин-

ского, Прагского, Люблинского и Замосцкого пехотных, 51-го и 52-го Егерских. Гренадерская бригада корпуса в первое время стала именоваться Гренадерской бригадой 6-го пехотного корпуса, но уже в августе 1831 г. полки бригады вошли в состав 1-й гренадерской дивизии, взамен гренадерских Императора Австрийского и Короля Прусского (последним велено было состоять при Гвардии, образуя Гвардейскую пехотную бригаду).

В ноябре того же года упразднили наименование Отдельного Финляндского корпуса. В августе 1832 г. Гренадерский корпус переименовали в Отдельный Гренадерский (в 1844 г. он вновь был назван Гренадерским).

Самое значительное преобразование армейской пехоты (кроме Отдельного Кавказского корпуса) последовало в 1833 г. 28 января были расформированы и присоединены к другим частям полки: Луцкий гренадерский, 5 карабинерных, 4 морских, 16 пехотных и все егерские.

В каждом из 6 пехотных корпусов было оставлено по три дивизии из четырех полков каждая. В первой бригаде дивизии числились пехотные полки, во второй — вновь наименованные егерскими (но уже не номерные, а носящие названия прежних пехотных полков). В трех дивизиях Отдельного Гренадерского корпуса в первую бригаду сводились два гренадерских полка, а во вторую — гренадерский и карабинерный.

Таким образом, 6 корпусов теперь объединяли 18 пехотных дивизий; 19-я дивизия числилась "в ведении генерал-губернатора Финляндии".

Полки Гренадерского корпуса и 19-й дивизии состояли из трех действующих батальонов с нестроевой ротой и одного резервного батальона с нестроевым отделением. В 1 — 5-м корпусах каждый полк делился на четыре действующих батальона с нестроевой ротой и на два резервных с двумя нестроевыми отделениями (в мирное время резервные батальоны объединялись в сводный резервный батальон, а отделения — в сводное нестроевое отделение). Полки 6-го корпуса имели три действующих батальона (с 1840 г. — четыре); кроме того, в первом пехотном и втором егерском полках каждой дивизии числилось по два резервных батальона " (в мирное время сведенных в один сводный резервный батальон), в остальных — по одному. Резервные батальоны полков пехотных

корпусов постоянно были сведены в особые резервные дивизии (№№ 1—6).

В феврале 1834 г. были упразднены вторые резервные (или шестые) батальоны полков пехотных корпусов. Годом позже резервные батальоны стали именовать четвертыми (в четырехбатальонных полках) или пятыми (в пятибатальонных).

В марте 1834 г. изложенные выше изменения коснулись и полков Отдельного Кавказского корпуса. Расформированы были Херсонский гренадерский, Мингрельский пехотный, 41, 42, 43 и 44-й Егерские полки, после чего в корпусе осталась резервная гренадерская бригада из Грузинского гренадерского и Эриванского карабинерного полков и две пехотные дивизии — 20-я и 21-я — обычного состава. Организация полков была такой же, как и во всей армии.

С 1834 г. из увольняемых в бессрочный отпуск чинов стали формировать запасные полубатальоны (а в случае необходимости — батальоны) с номерами от 1 до 72, по числу пехотных полков 1 — 6-го корпусов.

В 1836 г. такие же полубатальоны (батальоны) были образованы для полков Отдельного Гренадерского и Отдельного Кавказского корпусов (гренадерские запасные №№ 1 - 14 и запасные №№ 73-80).

В 1835 г. номерами поменялись три корпуса (4-й корпус стал называться 6-м, 5-й — 4-м, 6-й — 5-м) и соответственно входящие в них дивизии. В этом же году из полков 19-й дивизии были образованы финляндские линейные батальоны, объединенные в новую 21-ю пехотную дивизию; прежняя 21-я дивизия получила при этом 19-й номер.

В 1841 г. десять вновь образованных резервных батальонов Отдельного Кавказского корпуса были сведены в резервную дивизию из двух бригад (19-й и 20-й дивизий) и одной полубригады (гренадерской бригады). Батальоны эти наименовали шестыми резервными; при этом запасные батальоны Отдельного Кавказского корпуса были упразднены. Резервные батальоны полков Отдельного Гренадерского и шести пехотных корпусов в 1842 г. были переведены в состав запасных войск. Таким образом, запасные войска Гренадерского корпуса состояли из четвертых резервных и пятых запасных батальонов; запасные войска пехотных корпусов — из пятых резервных и шестых запасных батальонов.

В феврале 1845 г. название 21-й дивизии перешло к соединению из новых полков: Дагестанского и Имеретинского пехотных, Самурского и Карталинского егерских. К концу года полки пехотных дивизий Кавказского корпуса получили новое расписание, при этом ряд полков был переименован.

В марте 1854 г. для усиления войск в полках Гренадерского корпуса было добавлено по одному батальону (четвертые и пятые батальоны теперь назывались резервными, шестой — запасным), а в полках пехотных корпусов — по два батальона (пятые и шестые стали резервными, седьмые и восьмые — запасными).

С началом масштабных военных действий меры по умножению армии посыпались как из рога изобилия. В сентябре — ноябре 1854 г. для полков Отдельного Кавказского корпуса сформировали запасную дивизию из вновь сформированных 14 запасных батальонов, разделенных на три бригады. В ноябре же при полках Гренадерского корпуса сформировали седьмые и восьмые батальоны, названные запасными; шестые же батальоны стали теперь резервными.

В декабре 1854 г. из 2-й пехотной дивизии с ее резервной бригадой образовали новый особый корпус — Балтийский. Устройство его было довольно простым: от каждого полка отделили 4, 5 и 6-й батальоны; первые три батальона составляли действующий полк, другие три — резервный полк того же названия. Из одной дивизии, таким образом, получилось две — 2-я пехотная и 2-я резервная пехотная.

В январе 1855 г. каждую бригаду резервных дивизий пехотных корпусов разделили на два четырехбатальонных полка, названных резервным пехотным и резервным егерским полками данной пехотной дивизии (например, резервный пехотный полк 1-й пехотной дивизии). 24 батальона резервной дивизии Гренадерского корпуса были разделены на шесть полков, именуемых гренадерскими резервными (№№ 1—6). Наконец, 7-я и 9-я дивизии после присоединения к ним их запасных бригад были развернуты в четыре дивизии из трехбатальонных полков (в действующем полку — 1, 3 и 7-й батальоны, в резервном того же наименования — 2, 4 и 8-й батальоны). Образованные новые дивизии получили названия 7-й и 9-й резервных пехотных.

7 января 1834 г. был сформирован первый армейский стрелковый батальон (Гренадерский Стрелковый) для Гренадерского корпуса. На его комплектование были направлены чины трех карабинерных полков и кантонисты, состоящие при Лейб-Гвардии Финском Стрелковом батальоне. В 1837 — 1845 гг. по одному стрелковому номерному батальону сформировали из чинов каждого пехотного корпуса. Кроме того, в августе 1843 г. 4-й Стрелковый батальон переименовали в Кавказский Стрелковый, а вместо него собрали новый 4-й батальон. В ноябре 1843 г. поменялись названиями 1-й и Кавказский стрелковые батальоны, а в 1845 г. — 5-й и 4-й стрелковые. В 1846 г. был учрежден Финский Стрелковый батальон, в марте 1848 г. переименованный в Гренадерский Стрелковый (прежний Гренадерский называли Резервным Стрелковым, отчислили от Гренадерского корпуса, а в конце 1854 г. разделили на 1-й и 2-й Резервные Стрелковые батальоны). В 1855 г. запасная рота Гренадерского Стрелкового батальона была разделена на две — резервную и запасную. 2-й Резервный Стрелковый батальон в январе 1855 г. был переименован в 3-й Резервный и направлен в состав Балтийского корпуса.

"Прощенным" гвардейским солдатам-участникам декабрьского бунта в 1826 г. была предоставлена возможность реабилитировать себя: из вторых батальонов Московского и Гренадерского полков сформировали Лейб-Гвардии Сводный полк для участия в боевых действиях на Кавказе. Интересно, что боевые потери в нем замещали сосланными ранее на Кавказ чинами мятежных полков, заслужившими прощение. Кроме того, расформированная 2-я гренадерская рота Московского полка была набрана вновь из воевавших на Кавказе участников "семеновской истории".

Гвардия пополнилась и новыми частями и подразделениями.

8 1827 г. "при Высочайшем Дворе" сформировали особую Роту Дворцовых Гренадер, в которую отбирали "отличнейших нижних чинов Гвардии", уволенных со службы. В 1829 г. к корпусу причислили Финский Учебный Стрелковый батальон, назвав его Лейб-Гвардии Финским Стрелковым батальоном; в 1831 г. — полки Лейб-Гвардии Литовский и Лейб-Гвардии Волынский. Гвардейский корпус при этом в период с 1829 по 1844 г. именовался Отдельным Гвардейским.

По расписанию 1831 г. в корпусе состояло 3 дивизии, включающие 6 бригад. В первую дивизию входили Преображенский, Семеновский, Измайловский, Егерский полки и Лейб-Гвардии Саперный батальон; во вторую — Московский, Гренадерский, Павловский, Финляндский полки и Гвардейский экипаж; в третью — Литовский и Волынский полки, Лейб-Гвардии Финский Стрелковый батальон и 2 гренадерских полка (Его Величества Императора Австрийского и Его Величества Короля Прусского).

Литовский и Волынский полки в 1832 г. были приведены в трехбатальонный состав. В 1834 г. при каждом из гвардейских полков повелели иметь по одному запасному полубатальону (батальону). Эти батальоны в марте 1854 г. переименовали в четвертые действующие, а вместо них сформировали пять запасных батальоны. Но и пятым батальонам недолго пришлось оставаться запасными: в августе 1854 г. их называли резервными; запасными при этом стали сформированные вновь шестые батальоны. Пятые и шестые батальоны объединялись в три резервные бригады, а те, в свою очередь, — в гвардейскую резервную дивизию.

При выступлении Гвардии из столицы в сентябре 1854 г. из резервных и запасных частей Гвардии был образован Гвардейский резервный пехотный корпус из трех резервных дивизий (12 резервных полков). В каждый полк входили четвертый действующий, пятый резервный и шестой запасной батальоны полка (в названиях этих полков добавлялось слово "резервный", например, Лейб-Гвардии Преображенский резервный полк).

В январе 1855 г. запасная рота Лейб-Гвардии Финского Стрелкового батальона была разделена на резервную и запасную.

В 1830 г. для введения во всех полках пехоты "единообразных и основательных правил порядка службы, обмундирования и постройки амуниции" в Санкт-Петербурге учредили Образцовый Пехотный полк в составе двух батальонов (по четыре роты в каждом). Половина людей полка считалась постоянным кадром, другая половина из присланных от всех армейских полков команд ежегодно переменялась.

Гарнизонные полки и батальоны Оренбургского края, Сибири и Кавказского корпуса в 1829 г. были переформированы в линейные номерные батальоны (кавказские,

оренбургские и сибирские). В 1835 г. такие же батальоны (финляндские) сформировали из полков 19-й пехотной дивизии. Кроме того, в 30-х гг. были образованы грузинские и черноморские линейные батальоны.

Остальные подразделения и части гарнизонов и Внутренней Стражи претерпели ряд переформирований; с 1845 г. Внутренняя Стража была разделена на 10 округов.

* * *

Стремление к выработке стандартных построений, годных для любых случаев, появившееся в конце царствования Александра I, процветало и при следующем Императоре.

В конце 20-х гг., например, последовательно сменялись два вида боевых порядков пехоты против нерегулярных войск.

Так, в 1826 г. был издан циркуляр для боевых действий против турок. Бригада из четырех батальонов строила четыре каре в две линии. Между первыми двумя каре (или внутри каре, если оно двигалось на значительном расстоянии от других) размещалась артиллерия. Задние каре вставляли таким образом, чтобы создавать перекрестный огонь, то есть за интервалами передних каре. Артиллерия могла свободно перемещаться между пехотными батальонами и концентрировать свой огонь на нужном направлении.

Бригады корпуса располагались по такому же принципу в две линии. По фронту между бригадами одной линии поддерживался интервал в 1200 шагов: при таком расстоянии артиллерия обеих бригад могла, не опасаясь причинить вред своим, стрелять картечью по врагу, проникшему между бригадами.

В 300 — 500 шагах позади пехоты двигалась кавалерия корпуса.

Для отражения атаки турок артиллерия открывала перекрестный огонь, стрелки вели огонь по одиночным людям, фасы каре — по "кучам" неприятеля. Кавалерия вступала в дело только в том случае, если враг прорывался за интервалы между каре или бригадами.

В 1829 г. этот боевой порядок был несколько переработан и дополнен. Батальоны первого полка бригады в каре вставляли на линию. Между ними на промежутке в 170 шагов размещались четыре орудия (по два с каждой стороны), а между парами орудий — два взвода застрельщиков. В 100 шагах позади пер-

вых батальонов вставляли батальоны второго полка в каре, между которыми было более 300 шагов. Возле каждого из задних каре выставляли по два орудия (около внутренних боковых фасов), прикрываемых застрельщиками. Полувзводы застрельщиков также вставляли за внешними углами внутри каре. Батальонный обоз размещался внутри каре, зарядные ящики — за орудиями. Первые две бригады дивизии шли на расстоянии 400 шагов друг от друга, третья бригада — в 300 шагах позади них за интервалом.

Несколько позже было разработано новое построение против нерегулярных войск.

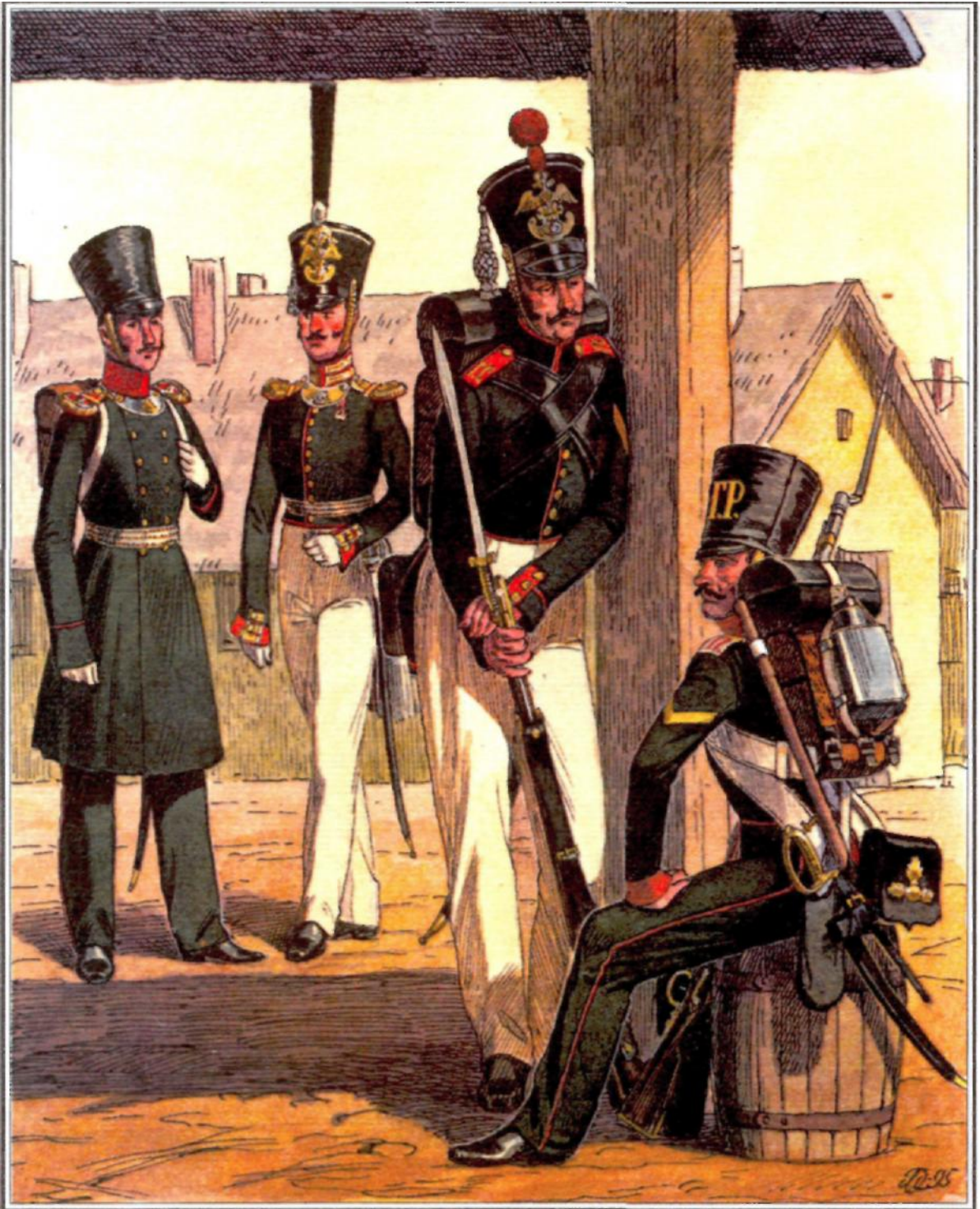
Три бригады дивизии располагались в две линии: первые две — в первой линии на расстоянии 600 — 800 шагов друг от друга, третья — в 500 шагах за серединой интервала между первыми двумя.

В каждой бригаде первый полк образовывал одно каре из двух батальонов: передний и задний фасы каре состояли из семи взводов каждый, боковые — из двух, по одному полувзводу вставало за углами каре. По бокам и несколько позади первого полка размещались два батальона второго полка в дивизионных колоннах. Артиллерия занимала позиции впереди каре и по краям от него на линии колонн.

Изданный в 1831 г. "Воинский устав о пехотной службе" отличался от прежнего лишь некоторыми деталями: в уставе были упомянуты правила рассыпного строя застрельщиков, егерского и стрелкового батальонов; составители совершенно отказались от применения контрмарша; не использовалось более и учение по флигельману.

Устав состоял из 4 частей и вступления; вступление, как и прежде, включало в себя строевой расчет и построение полка. Четыре части назывались соответственно: "Школа рекрут", "Ротное учение", "Батальонное учение", "Линейное учение".

Пехотный полк строился справа налево по порядковым номерам батальонов. На флангах батальона вставали гренадерский (карабинерный) и стрелковый взводы; в центре — фузилерные, мушкетерские или егерские. 8 взводов делились на 4 дивизиона и 2 полубатальона. Взвод делился на два полувзвода, полувзвод — на отделения по 4 — 6 рядов. Гренадерская или карабинерная рота составлялась "из людей, особенно отличающихся

Армейская пехота, 1833—1843 гг.

Обер-офицер пехотных полков в сюртуке по-походному, обер-офицер
Екатеринославского гренадерского полка, рядовой гренадерского стрелкового
батальона, гренадер пехотных полков по-походному

Армейская пехота, 1843—1844 гг.

Рядовой подвижных инвалидных рот (с 1829 г.), унтер-офицер егерских полков, штаб-горнист пехотных полков, обер-офицер пехоты, рядовой гренадерских полков

мужеством в бою, хорошим поведением, усердием к службе и твердым знанием своего дела во фронте". Ранжировка (от флангов к центру и по шеренгам) была сохранена прежней.

В "Школе рекрут" основное внимание уделялось еще более основательному и "толковому" обучению конкретного человека; для этого выделялись самые "опытные, исправные и твердые в деле своем унтер-офицеры и ефрейторы", находящиеся под "бдительным и неослабным" присмотром офицеров. Своим примером и наставлениями они старались пробудить в недавнем крестьянине особую солдатскую осанку и гордость. Подобное воспитание не проходило даром: понятие воинской чести глубоко впитывалось в сознание большинства солдат. Очень показательным в этом плане является эпизод из кампании 1831 г. против поляков. В бою под Остроленкой потерявшие много людей гренадерские полки "засели в канаве; их разделяло одно шоссе от польских войск. Никто не решался начать бой; сначала переругивались, потом стали кидаться камушками; один унтер-офицер Астраханского полка закричал: "Разве мы собаки, что в нас камнями бросают!", вскочил, и все за ним бросились. Польские войска вынуждены были отступить" [87, стр.179].

Обучение строевому шагу проводилось в три этапа: на первом этапе шаг делался в три приема, на втором — в два, на третьем — в один. Несколько снизился темп тихого шага — вместо 75 шагов в минуту теперь делалось 70 — 72 шага. Заряжание делилось на 6 приемов. Набор ружейных приемов остался прежним.

В ротном строю учение проводилось по следующей программе: "к ноге, стоять вольно, смирно, дивизион, на плечо, слушай, на кра-ул, слушай, на плечо, под курок, стоять вольно, стоять смирно, под приклад, на руку, на плечо, ружье наперевес, на руку, ружье наперевес, на плечо, ружье вольно, под приклад, отмыкай штык, на плечо, ружье на правое плечо, под приклад, примыкай штык, на плечо" [73, стр.23]. Сохранились приемы "от дождя", "на молитву", "на погребение".

Обучение заряжанию делилось на три стадии: заряжание на 12 темпов, заряжание на 4 темпа, заряжание без команды. Сначала все проводилось без пороха, потом с порохом.

С середины 30-х гг. методы строевой подготовки солдат становились все жестче. За малейшие просчеты секли и ставили под ружье

даже кадетов младших классов, жестокость же по отношению к солдатам превосходила всякие мыслимые пределы. Бывший кадет Московского корпуса Л.А. Ушаков вспоминал о порядках во 2-м Учебном Карабинерном полку: "Строгости там были невероятные, людей наказывали сразу целыми шеренгами, пропуская только рядовых из дворян; для наказаний каждый унтер-офицер обязан был в дуле ружья носить гибкую трость. Масса людей отмечалась еще меловым крестом на воротнике; этим предстояло наказание в казармах. И вот мы (кадеты. — И.У.) считали своей обязанностью для доброго дела, когда карабинеры возвращались с плаца, стирать как можно более этих крестов, для чего с большой ловкостью и несмотря на угрозы карабинерного начальства шныряли между шеренгами и всегда действовали более или менее успешно" [113, стр.115].

В 1839 г. в Лейб-Гвардии Московском полку чуть было не повторилась "семеновская история": солдаты 1-го батальона вышли из повиновения, не вытерпев издевательств полкового командира — генерал-майора П. Г. Полякова, заставлявшего, в частности, обновлять обмундирование и амуницию на собственные деньги солдат. Батальон проигнорировал подобное распоряжение, после чего Поляков с раннего утра и до вечера "гонял" роты в Михайловском манеже. "Командир полка сам обходил всех и за каждую ошибку и неправильность бил без всякого милосердия. Тогда ведь если били, так били, не то что теперь. Солдату спускали штаны и приказывали бить по голому телу обнаженным тесаком. Если бьющий ударял не сильно, то его, в свою очередь, бил сзади следующий, и так часто образовывались целые шеренги бьющих один другого" [133, т.2, стр.146]. Избив не менее полутора сотен солдат (в том числе и знаменные ряды, состоящие из георгиевских кавалеров), генерал приказал маршировать поодиночке "редким шагом" (самое сложное упражнение). Батальон зашумел, "солдаты стали громко его (генерала. — И.У.) ругать и кричать на него. Весь запас русских ругательств полетел по адресу командира полка, и не выскочи он быстро из манежа, — я не знаю, что было бы далее..." — писал очевидец этого события. Инцидент с трудом удалось затушевать.

Правда, с начала 40-х гг. наказания стали менее строгими. В 1840 г. страшные шпиц-

рутены в ряде наказаний были заменены на розги, что, несомненно, облегчило участь многих солдат.

В "Ротном учении" несколько большее внимание обращалось на передвижения мелкими частями фронта: полувзводами, отделениями и рядами.

Определялись отличия трех видов колонн (по дистанциям): колонна с полными дистанциями, в которой "каждая часть находится от части, впереди находящейся, на расстоянии, равном протяжению своего фронта"; колонна с половинными дистанциями; густая, или сомкнутая, колонна (расстояние между 1-й шеренгой передней части и 1-й шеренгой следующей за ней было 4 шага).

Почти третья часть "Ротного учения" была посвящена рассыпному строю.

В каждой роте пехотного полка полагалось иметь "усовершенствованных в цельной стрельбе и в правилах рассыпного действия 48 человек, называемых застрельщиками; из сего числа 24 человека должны были быть в готовности к действию при первом востребовании застрельщиков и называются действующими; а остальные 24 человека должны служить в случае надобности к замещению убиавших из числа первых и называются запасными" [73, стр.168—169].

Помимо этих 48 человек, особо совершенствоваться в стрельбе должны были стрелковые взводы. По 48 стрелков выделялось и в каждой роте карабинерных и егерских полков, которые также не всегда полностью рассыпались в цепь; застрельщики легкой пехоты считались людьми, доведенными до "высшей степени совершенства в искусстве стрелять в цель и во всех движениях рассыпного строя".

К застрельщикам в роте выделялось 4 унтер-офицера; избранных людей по представлению ротного должны были одобрить батальонный и полковой командиры.

Основные правила подготовки солдат к действию в рассыпном строю не изменились: самым сложным здесь было привить приученному к сомкнутому строю солдату физическую ловкость и определенную психологическую раскованность. В цепи застрельщик должен был быстро передвигаться в укрытые от неприятеля места, при этом ни в коем случае не теряя "приличной солдату

осанки и выправки"; в цепи совершенно запрещалось разговаривать и шуметь.

Застрельщиков более тщательно учили действовать и штыком, в том числе и против одиночного всадника.

Боевым порядком рассыпного строя называлась цепь с находящимся позади нее резервом. При нападении кавалерии рассыпной строй составлял "крути" или "кучки". Команды в цепи отдавались при помощи сигнального рожка. Было разработано 26 сигналов, из которых 6 первых служили для определения названия подразделения: "первая рота (или первый застрельщичий взвод)", "вторая рота (или взвод)", "третья рота (или взвод)", "гренадерская или карабинерная рота (или взвод)", "резерв", "название егерского батальона". Два следующих сигнала обозначали фланг подразделения: "правый" или "левый". Сигналами с 9-го по 26-й обозначались собственно команды: "застрельщикам рассыпаться", "вполоборота направо", "вполоборота налево", "во фронт", "захождение", "ложиться", "движение вперед" (темп сигнала определял и скорость движения — тихо, скоро или бегом), "отступление", "сомкнуть теснее цепь", "переменить цепь" (то есть составить новую цепь из резервов, а старую отвести в резерв), "вся цепь (или весь батальон) строить фронт", "строить колонну", "строить кучки или каре", "переправа", "сбор к сомкнутому фронту", "стрелять", "перестать стрелять" (два сигнала — "стой", три сигнала — "вставать"), "общий исполнительный сигнал".

Таким образом, например, сочетание сигналов №1, №14 и №26 означало, что первый застрельщичий взвод должен был залечь. Сигнал первым подавал горнист, находящийся при командире цепи; он никогда не подавал исполнительного сигнала (№26). Заслышав его, команду дублировали горнисты тех подразделений, которых касалась команда; в конце они исполняли 26-й сигнал. 26-й сигнал не исполнялся после №13 ("захождение") и №22 ("переправа").

Знание сигналов очень помогало солдатам в боевой обстановке. Очевидец описывает случай, когда во время обороны Севастополя один из пехотинцев вызвался разведать расположение неприятельских траншей и среди бела дня пополз к вражеским позициям. С батареи с помощью сигналов успешно кор-

Рота Дворцовых Гренадер, 1827—1855 гг.
Обер-офицер, унтер-офицер в летней форме, рядовой, барабанщик

Гвардейская пехота, 1826—1833 гг.

Обер-офицер Лейб-Гвардии Преображенского полка, унтер-офицер Лейб-Гвардии Измайловского полка, рядовой Лейб-Гвардии Семеновского полка, рядовой Лейб-Гвардии Егерского полка, унтер-офицер Лейб-Гвардии Гарнизонного батальона

ректировали направление его движения, что позволило выполнить задание [109, т.1].

Подробно описывались построения и эволюции ротной колонны егерской роты и роты других пехотных полков.

Егерская рота по команде строилась в колонну следующим образом: егеря брали ружья к ноге, второй взвод поворачивался направо и скорым шагом заходил за первый; третья шеренга второго взвода вздвигала ряды и, укорачивая шаг, смыкалась к левому флангу взвода; одновременно третья шеренга первого взвода отступала на шесть шагов, вздвигала ряды и смыкалась к правому флангу. Таким образом, в первой линии колонны оказывались две шеренги первого взвода, во второй линии — две шеренги второго взвода, в третьей — вздвоенная третья шеренга; каждая из линий получала название взвода и рассчитывалась по правилам за-стрельщичьего взвода. Во взводе пары разделялись на группы по количеству унтер-офицеров; унтер-офицеры обязаны были наблюдать за действиями "своих" пар. В роте, имеющей знамя, первые шесть пар первого взвода колонны назначались в прикрытие; они не рассыпались в цепь, а строили четыре ряда в три шеренги по обе стороны от знаменных унтер-офицеров. Ротный командир занимал место в восьми шагах перед колонной, младшие офицеры (поручик, подпоручик, прапорщик) — на правых флангах взводов; третьим взводом командовал офицер, причисленный к застрельщикам. Два унтер-офицера, называемые старшими и командующие полувзводами, вставали на флангах взвода (один во второй шеренге за офицером, другой в первой шеренге слева), остальные унтер-офицеры размещались в замке взвода. При ротном командире оставались один барабанщик и один горнист (в карабинерных ротах штаб-горнист, батальонный барабанщик и оба флейтчика). Остальные горнисты вставали правее взводных командиров (в карабинерных ротах — во всех трех взводах, в егерских — во втором и третьем); все барабанщики размещались позади колонны в четырех шагах. Знаменные унтер-офицеры примыкали к правому флангу первого взвода; музыканты (в первой карабинерной роте) выстраивались в двух шагах за барабанщиками. В каждом выделенном из колонны взводе или полувзводе старший командир занимал место перед подразделением;

на обоих флангах всегда должны были вставать унтер-офицеры, старшие или вызванные из замка.

В цепь первым высылали третий взвод; повернув полувзводно направо и налево, он выходил вперед и рассыпал второй полувзвод, оставляя первый в резерве. Для усиления цепи рассыпался первый полувзвод третьего взвода, а в резерв выдвигался второй взвод. Таким же образом рассыпались полувзводы второго взвода; когда оба взвода растягивались в цепь, первый взвод подходил к ним и становился, таким образом, резервом. Рассыпать первый взвод не рекомендовалось, ибо цепь без резерва подвергалась слишком большой опасности. Вновь заступающие в цепь подразделения примыкали к правому флангу цепи; при этом цепь несколько принимала влево, так что центр цепи оставался на месте.

По команде "Вся рота в стрелки — марш" все три взвода, взяв ружья наперевес, рассыпались в цепь: на правом фланге был первый взвод, на левом — третий. Расстояние между парами в цепи зависело от численности стрелков: в полувзводной цепи устанавливалась дистанция 15—18 шагов, во взводной — 12—15, в двухвзводной — 6 — 9, в ротной — 3 шага.

При нападении кавалерии цепь строилась в полувзводные кучки, резервы — в полувзводные или взводные, оставшаяся часть ротной колонны — в одну кучку. Кучки не должны были вставать на одной линии, но обязательно располагались так чтобы фланкировать друг друга (прикрывать огнем фланги). Кучки резерва вставали за интервалами кучек первой линии. При наступлении все кучки одновременно двигались вперед, а при отступлении кучки первой линии, отступая, объединялись во взводные кучки и примыкали к кучкам резервов и роты.

Все эволюции егерской роты проводились по музыкальным сигналам.

Рота стрелкового батальона для рассыпного строя рассчитывалась на 4 взвода, то есть каждый полувзвод роты образовывал за-стрельщичий взвод. Тремя взводами командовали взводные офицеры, четвертым — фельдфебель. Взводам были присвоены сигналы горнистов №1, №2, №3 и №4.

Стрелковая рота строилась в две шеренги, поэтому не нужно было предварительно выделять застрельщиков из фронта. 1-я и 2-я

роты батальона начинали высылать в цепь взводы, начиная с правого фланга, 3-я и 4-я роты — с левого. Первый полувзвод застрельщичьего взвода рассыпался в цепь, второй составлял резерв (в 3-й и 4-й ротах — наоборот).

Стрелковая рота строилась в колонну в четыре линии. При рассыпании первого в колонне взвода второй составлял его резерв; цепь из двух взводов подкреплялась двумя другими взводами, стоящими в резерве за флангами; за цепью из трех взводов резервом становился четвертый взвод. Остальные эволюции были такими же, как и в егерской роте.

В употребление вводился строй батальона в ротных колоннах. Колонны "центральных рот" вставляли в линию, гренадерская (карабинерная) рота в колонне выстраивалась позади них в 150 шагах.

В новом линейном учении более жестко были оговорены все виды взаимного расположения нескольких батальонов. Для учений батальоны чаще всего строились в две линии на дистанции 200 шагов одна от другой. Вторую линию образовывали колонны; первую — колонны или развернутые строи, в зависимости от необходимости. В каждой из линий назначался Линейный Начальник.

Предусматривалось три основных вида построения батальонов: развернутым фронтом (развернутые батальоны с интервалом в 20 шагов), колоннами в линию (с полными или тесными интервалами) и общей колонной (разомкнутой или сомкнутой). Движение и перемены линии, прохождение одной линии через другую, наступление и отступление через батальон (полубатальон), движение уступами принципиально не отличались от правил учения александровской эпохи. Предусматривалось два основных вида каре — батальонные и двухбатальонные. Линия из трех и менее батальонов могла строиться только в батальонные каре. Каре второй линии занимали позиции за интервалами первой.

Перед церемониальным маршем выставлялась линия жалонеров (на расстоянии 25 шагов друг от друга). По этим жалонерам командиры отсчитывали нужные дистанции. Марш осуществляли взводные, батальонные или полковые колонны; для прохождения батальона, полка, дивизии или корпуса были определены строгие порядки следования чинов штаба и состоящих при штабе команд.

В учении описывалось и взаимодействие застрельщиков нескольких батальонов.

Егерские полки для действия рассыпным строем располагались в две линии — действующую и резервную. Четырехбатальонные полки высылали в действующую линию два батальона, трехбатальонные — один батальон; батальоны этой линии строились в ротные колонны, батальоны резервной линии — в полувзводные колонны из середины в 200 шагах позади резервов (карабинерных рот) действующей линии.

Второе отделение учения называлось "Применение линейного учения к боевым порядкам и к общим колоннам". Боевые порядки были разработаны для трехбатальонных и четырехбатальонных полков ("по различному составу полков гвардейской и армейской пехоты"). Перед построением в боевой порядок ружья и орудия предварительно заряжались. "Пехотные полки, бригады и дивизии, в совокупности с артиллериею" могли строиться в четыре боевых (обыкновенный, разомкнутый, растянутый, усиленный) и один резервный порядок. Каждый порядок состоял, как правило, из двух боевых линий (первые две линии) и резерва.

Для передвижения полков, бригад или дивизий строили общие колонны, из которых быстро можно было развернуться в боевой порядок.

Перед образованием боевых порядков вперед для прикрытия построения высылали застрельщиков, вслед за ними места для линий и колонн обозначали жалонеры под руководством старшего жалонерного офицера или дивизионного квартирмейстера; в ряде случаев (под неприятельским огнем, например) жалонеры не высылались. Резервный порядок всегда строился по жалонерам.

В первых трех боевых порядках между двумя боевыми линиями поддерживали дистанцию в 200 шагов, в четвертом — 100 шагов; резервы в одну или две линии (линия от линии в 60 шагах) вставляли за серединой боевых линий в 400 (для первых трех порядков) или 300 шагах.

Дистанция между всеми линиями резервного порядка устанавливалась в 60 шагов. В передних линиях боевых порядков ставились, как правило, младшие бригады и полки. Артиллерийские батареи первой линии разворачивались в 100 — 200 шагах впереди пехоты под прикрытием застрельщиков.

Четырехбатальонные полки в боевом или резервном порядке выставляли в первую линию два батальона, во вторую — остальные два.

Для составления резервного порядка полк строился в две линии полувзводных колонн с тесными интервалами (45 шагов), "имея младшие батальоны в 1-й линии". Батарея в колонне вставала в 35 шагах за серединой второй линии.

В первом боевом (обыкновенном) порядке первую линию составляли развернутые фронты 3-го и 4-го батальонов с интервалом в 100 шагов; перед интервалом разворачивалась 2-я полубатарея. Во второй линии вставляли 1-й и 2-й батальоны в колоннах к атаке за серединами батальонов первой линии; 1-я полубатарея в колонне строилась в 35 шагах за серединой линии.

Во втором (разомкнутом) порядке все батальоны строились в колонны к атаке: младшие в первой линии с интервалом в 350 — 400 шагов, старшие — сзади "на продолжении внутренних флангов" младших батальонов (то есть с меньшим интервалом). Вся батарея размещалась перед интервалом первой линии.

В четвертом боевом (усиленном) порядке такие же колонны строились по-другому: в первой линии — с интервалом 180 шагов (батарея перед ними), в 100 шагах за ними — батальоны второй линии "на продолжении наружных флангов".

Таким же образом строились бригады из двух полков. Первую линию первого порядка образовывали два развернутых во фронт батальона в центре и два батальона в колоннах к атаке на флангах. Из двух батарей бригады перед первой линией выставляли батарейную (из крупнокалиберных орудий), а во втором порядке и легкую батарею (в других случаях легкая батарея располагалась в колонне за центром второй линии).

Дивизия с двумя легкими и батарейной батареями могла строиться в любой из четырех боевых и в резервный порядки. Резервный порядок состоял из четырех линий полувзводных колонн, по четыре колонны в линии (две первые линии строила вторая бригада дивизии, последние линии — первая бригада). В боевые порядки дивизии, помимо двух линий, обязательно входил и резерв. Первый боевой порядок был подобен такому же построению бригады; старшая бригада в полувзводных колоннах составляла две линии

резерва. Во втором порядке первую линию составляли колонны к атаке 2-й бригады: каждый полк по отдельности вставал так же, как и в полковом втором порядке; между полками оставляли интервал в 180 шагов. Вторая бригада образовывала резерв. В боевые линии третьего боевого порядка входило три полка: на флангах первой линии два батальона строились в колонны к атаке, в центре четыре батальона — в развернутых строях. За центрами батальонов первой линии вставляли 6 колонн к атаке. Один полк помещался в резерве. Боевые линии четвертого порядка состояли из четырех "троек" колонн к атаке: один из трех батальонов вставал в первой линии, два — во второй. В первом боевом порядке вперед выставляли две батареи, во всех остальных — все три.

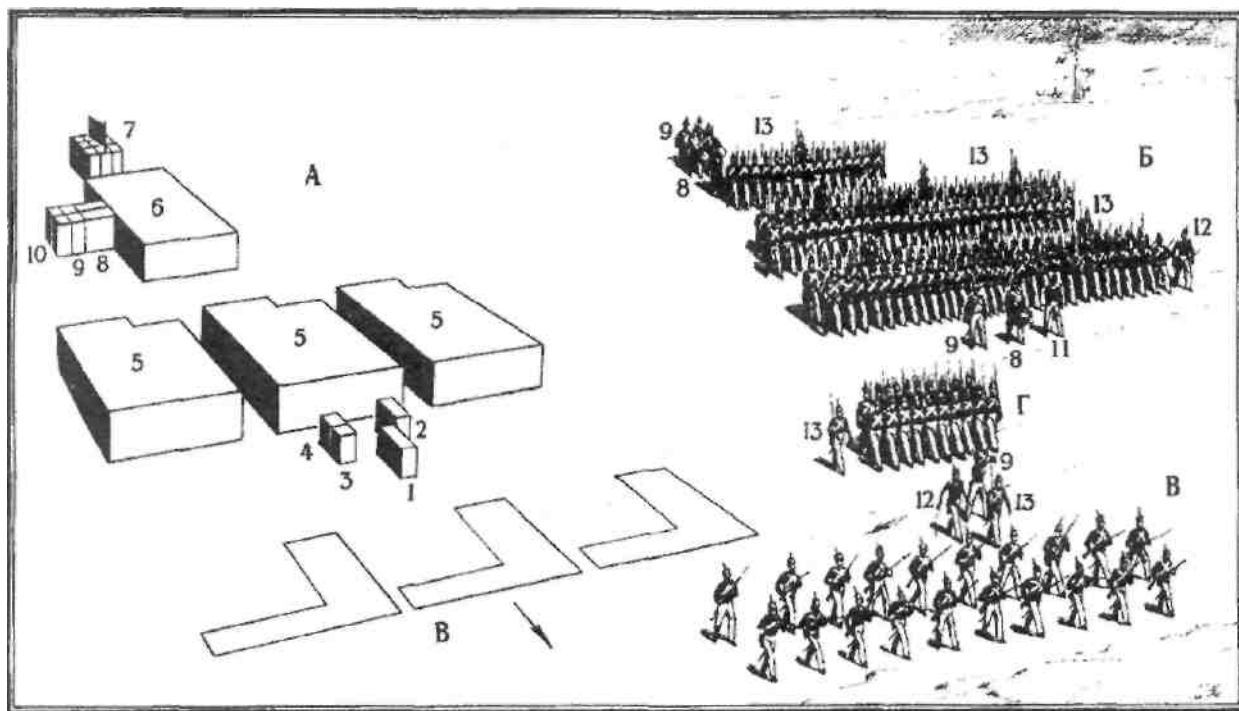
Подобные правила разрабатывались и для трехбатальонных полков.

Из боевых порядков могли вести огонь только развернутые во фронт батальоны и только рядами. Головные подразделения колонн стреляли только по "особому приказанию", а обыкновенно, при стрельбе линией, высылали на 50 шагов вперед застрельщиков. Батареи во время пальбы линией въезжали в свои интервалы (так, что "хоботы орудий были в 6 шагах впереди 1-й шеренги батальонов"), снимали орудия с передков и открывали редкую пальбу (по одному орудию).

В отдельной главе разъяснялись правила "применения боевых порядков к местности". Первый боевой порядок применялся для обороны или наступления на открытой местности. Вторым порядком позволял действовать на "всякой местности" и поэтому считался самым употребительным в условиях боевых действий. Третий боевой порядок предназначался только для обороны из-за чрезмерной растянутости боевой линии и незначительности резерва. Четвертый же наиболее был предпочтителен для "упорной обороны" и для "сильной и решительной атаки противника обеими боевыми линиями".

Описанные боевые порядки представляли собой всего лишь идеальные схемы построений: в реальных условиях взаиморасположение отдельных подразделений и артиллерии могло меняться.

Устав был переиздан в 1845—1848 гг., когда все пехотные батальоны должны были быть обучены рассыпному строю по примеру егерских. Особые правила разрабатывались

Построение батальона при атаке (А), построение роты при атаке (Б), рассыпной строй стрелков (В), резерв стрелков (Г) (дистанция между первой шеренгой резерва и второй шеренгой рассыпного строя - 150 шагов). Командир батальона (1), адъютант (2), батальонный барабанщик (3) батальонный горнист (4), фузилерные (мушкетерские) роты (5), гренадерская рота (6), знаменный расчет (7), барабанщики (8), горнисты (9), флейтчики (10), командир роты (11), обер-офицеры (12), унтер-офицеры (13)

для 24 штуцерников, введенных в каждом батальоне. Штуцерники вставали за фронтом или колонной и могли высылаться в цепь независимо от других застрельщиков. При действии в одной цепи с застрельщиками они не руководствовались общими командами. Если из них выстраивалась цепь, то в резерв высылались первый и второй взводы застрельщиков батальона. Штуцерники никогда не предвещали наступление войск, двигаясь во время атаки позади колонны. В случае необходимости из штуцерников нескольких батальонов могли составляться роты и батальоны, действующие всегда в рассыпном строю.

И все-таки рассыпной строй оставался привилегией небольших подразделений стрелков, застрельщиков и штуцерников. Штыковые атаки были излюбленным приемом большей части командиров. Между тем в зарубежных армиях все чаще применяли другую тактику: солдаты вели интенсивный огонь, а при при-

ближении противника отступали на новые позиции, не ввязываясь в рукопашный бой. Офицер Владимирского пехотного полка так описывал эпизод сражения при реке Альме 8 сентября 1854 г., где полк столкнулся с английской пехотой: "Войска бывшего 6-го корпуса были настоящими войсками парадными, отличались выправкой, выбором людей, молодцеватостью и тонким знанием всех эволюции и мелочей устава. Грозная атака наших батальонов, эта стальная движущаяся масса храбрецов, чрез несколько шагов воображавшая исполнить свое назначение — всадить штык по самое дуло ружья, — каждый раз была неожиданно встречаема убийственным батальным огнем... Схватиться с неприятелем нашим солдатам не удавалось. Неудача повторявшихся несколько раз наступлений привела нас в состояние остервенения: солдаты массами, без команды, бросались вперед и без толку... гибли " [109, т. 1, стр.57 — 58].

Гвардейская пехота, 1834—1843 гг.

Обер-офицер и ротный барабанщик Лейб-Гвардии Гренадерского полка, обер-офицер Лейб-Гвардии Московского полка, рядовой Лейб-Гвардии Финляндского полка, рядовой гвардейских инвалидных рот, рядовой (вне строя) и унтер-офицер Лейб-Гвардии Павловского полка

Гвардейская пехота, 1832—1844 гг.

Унтер-офицер Лейб-Гвардии Литовского полка, рядовой Кексгольнского гренадерского полка (1832-1834 гг.), рядовой Лейб-Гвардии Санкт-Петербургского полка (с 1834 г.), рядовой Лейб-Гвардии Финского Стрелкового батальона (1829-1843 гг.), обер-офицер (с 1843 г.) и штаб-офицер (с 1832 г.) Лейб-Гвардии Волынского полка

Но плохо приходилось противнику, если пехотинцы все-таки пускали в ход штыки. В одной из ночных схваток в Севастополе "батальоны Подольского и Житомирского егерских полков несколько раз отбрасывали неприятеля штыками, батальон Углицкого егерского полка отразил атаку батальонов французской гвардии и, вынеся неприятеля на штыках (разрядка моя. — И.У.) из нашей траншеи, преследовал [его] до неприятельских окопов" [86, стр.143].

Даже отлично подготовленные застрельщики не могли эффективно бороться против нарезного оружия союзников. В том же сражении при Альме застрельщики Московского пехотного полка, "появив великое искусство врага и не желая более сместить его своими выстрелами (из гладкоствольных ружей. — И.У.), пошли вперед с намерением достигнуть такого расстояния, с какого огонь их ружей был бы действителен. Но это немногим удалось: враг перебрал цепь нашу так, что в паре оставалось или по одному, или совсем не оставалось людей" [109, т.3, стр.315].

Опыт сражений при Альме и Инкермане осенью 1854 г. не прошел даром. В изданных в ноябре "Правилах для руководства во время боя" [54] командование признало, что "введение в армиях большого числа штуцеров и других ружей дальнего полета" требует несколько изменить "малую тактику пехоты". В частности, был переработан первый (основной) боевой порядок дивизии, состоящей из 16 батальонов и 3 артиллерийских батарей. Первую боевую линию образовывал 4-й батальон 4-го полка дивизии, построенный в линию ротных колонн с интервалами между колоннами 150 — 200 шагов; в каждом интервале размещалось 4 орудия. В 200 — 300 шагах позади разворачивалась вторая линия, состоящая из остальных трех батальонов 4-го полка в колоннах к атаке (за интервалами первой линии). Третья линия (3-й полк в полувзводных колоннах) строилась в 600 шагах за центром первой. Первая бригада дивизии и две батареи в резервном порядке располагались в 200 шагах позади 3-го полка. Ротные колонны высылали вперед густую цепь, а при необходимости рассыпались в цепь целиком. Вторая и третья линии по возможности скрывались в неровностях местности. Колонны второй линии атаковали противника в штыки, третья линия служила резервом;

задняя бригада использовалась для продолжения боевой линии или для решительной атаки. В таком боевом порядке, например, Волынский полк в ночь с 11 на 12 февраля 1855 г. прикрывал возведение Селенгинского редута перед Малаховым курганом в Севастополе: 4-й батальон стоял впереди в ротных колоннах (рассыпав в цепь по взводу от роты), три остальных батальона в колоннах к атаке составляли вторую линию.

Оригинальная и чрезвычайно гибкая тактика опытным путем была разработана в Кавказском корпусе: пехота сочетала построения в колонны с активными действиями стрелковых цепей, весьма эффективно боролась с противником в лесной и гористой местности, легко переходила к жесткой обороне. Очевидец так описывал позицию русского отряда в сражении у аула Гоцатль 22 сентября 1843 г., где 1200 русских солдат Апшеронского, Ширванского и Мингрельского полков противостояли 7000 горцев: "В сумерках передовая цепь, по словесному приказанию, сошла с курганов; четыре роты были расположены на протяжении левого фланга и центра, по завалу, лежа; причем за исключением промежутков, где стояли орудия, весь бруствер был занят сплошной линией солдат. При каждом орудии лежал взвод пехоты. Остальные две с половиной роты, составляя главный резерв, поместились в разомкнутых рядах у подошвы кургана". На самом кургане в резерве расположились горские милиционеры (ополченцы) и взвод крепостных ружей. "Вдруг град выстрелов с окружающих высот осветил окрестность; дикое "ги" раздалось в промежутках курганов. Толпы заметно выдвинулись из чащи садов. Залп картечью из пяти орудий и батальный огонь на протяжении всей позиции озадачил горцев. Послышались визг, стоны, и опять все смолкло на минуту. Подобные штурмы с тем же результатом повторялись пять или шесть раз" [117, т.2, стр.77]. Понеся значительный урон, противник отступил; в русском отряде оказалось только 6 раненых.

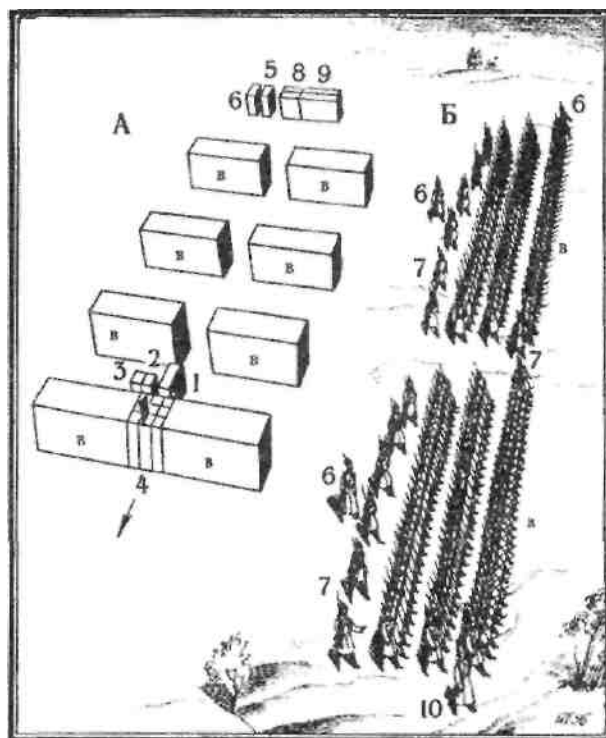
Своеобразную диспозицию для действия своего отряда (4 роты апшеронцев, батальон Житомирского полка, 400 казаков) разработал в июле 1844 г. генерал Пассек: "Товарищи! Пора собираться в поход. Осмотрите замки, отточите штыки, — поучитесь колоть наповал. Наблюдайте всегда и везде тишину; наблюдайте порядок и строй. В дело дружно

итти, в деле меньше стрелять, — пусть стреляют стрелки, а колонны идут и молчат. По стрельбе отличу, кто сбобел и кто нет; робким стыд, храбрым слава и честь. Без стрельбы грозен строй. Пусть стреляют враги; подойдите в упор, а тогда уж "ура!", а с "ура" — на штыки: и колите, рубите врагов. Что возьмете штыком, то вам Царь на разживу даст. Грозны будете вы, страшны будете вы татарве, нечестивым врагам. Осенитесь крестом, помолитесь Христу и готовьтесь на славу, на бой" [117, т.2, стр.108].

С середины 30-х годов в армии, а особенно в Гвардии, началось систематическое обучение солдат искусству стрельбы.

В 1833 г. в Санкт-Петербурге был построен "сарай для стрельбы" (то есть крытый тир), в котором ежедневно упражнялось около 100 человек. Метких стрелков всячески поощряли. В Финском стрелковом батальоне, например, солдаты участвовали в стрельбах на призы в присутствии своих родных и близких; получивший главный приз удостоивался приглашения к праздничному офицерскому столу. На стрелковых смотрах нередко присутствовал сам Император. Мастерство стрелков непрерывно повышалось: в сражении при Альме в 1854 г., например, штуцерный Московского пехотного полка Баранов с 1400 шагов "на заказ" застрелил сидящего на белом коне французского офицера.

В начале 30-х годов была образована "фехтовальная школа мистера Вальвиля", куда для изучения искусства фехтования направлялись по двое рядовых от каждого полка столичного гарнизона. С 1836 г. русских солдат стал обучать иностранец Ренау, разработавший весьма хитроумные приемы со штыком. Например, при отражении нападения кавалериста пехотинец действовал по команде "вбок скак": по слову "вбок" следовало перенести "левую ногу на 1/4 аршина к носку правой ноги, имея колени согнутыми и касаясь носком левой ноги земли"; по слову "скак" "сделать левой ногой с размахом большой шаг в правую сторону (вполоборота направо), став только на носок, и вместе с тем приподняться на носке правой ноги, оставляя оба колена согнутыми; сделать скачок на три полных шага в правую сторону, поворачиваясь в то же самое время всем телом налево, причем стать в прежнее положение на одни только носки; тихо опуститься на обе

Батальон в колонне для атаки.

Минский пехотный полк в сражении при р.Альме (А), построение роты для атаки (Б), взводы (В). Командир батальона (1), батальонный барабанщик (2), штаб-горнист (3), знаменный расчет (4), адъютант (5), обер-офицеры (6), унтер-офицеры (У), горнисты (8), ротные барабанщики (9), командир роты (10)

ступни" [133, т.2, стр.170—171]. К счастью, эта головоломная система не прижилась в войсках: обучение фехтованию в полках проходило под руководством опытных офицеров и унтер-офицеров, поэтому русский солдат, как и прежде, в мастерстве штыкового боя превосходил любого противника. Под Балаклавой в октябре 1854 г. рядовой Владимирского пехотного полка Дудоров подвергся нападению трех африканских конных егерей: "свалив" одного из них выстрелом, мушкетер заколол штыком двух других.

Активная строевая и тактическая подготовка войск велась в летних лагерях (по 1,5 — 2 месяца). Зимой проводились "практические походы" протяженностью 150 — 200 верст.

В царствование Николая I продолжали выдаваться знамена образца 1813—1816 гг. с

незначительными изменениями. Основным новшеством этого времени стало пожалование знамен частям армейской легкой пехоты.

В Гвардии сохранялись знамена с золотисто-желтыми крестами и двухцветными углами (верхняя часть — цвета полка, нижняя — дивизии), в армии — с зелеными крестами. Углы знамен в гренадерских полках были двухцветными: верхние части у всех полков — красные, нижние — по дивизиям. У всех знамен пехотных полков углы были белые. С 1827 г. полки легкой пехоты получили подобные же знамена: в карабинерных с двухцветными, в егерских — с белыми углами. Единственным отличием от знамен тяжелой пехоты были вершковыи полосы между крестом и углами; в карабинерных полках полосы были желтыми, в первых егерских полках дивизий — светло-синими, во вторых — красными (во всех трех случаях — по цвету погон).

Венки в углах знамен несли в себе изображения вензеля Николая I.

Углы знамен егерских полков Литовского корпуса были бело-малиновыми; на груди орла помещалось изображение литовского всадника. В 1827 г. Несвижскому карабинерному полку (Литовского корпуса) были пожалованы знамена с малиновыми углами, желтыми полосками и зеленым крестом, а в 1828 г. впервые при новом Императоре были выданы знамена "с надписью отличия": ими были награждены 1-й и 3-й батальоны 42-го Егерского полка. Надпись гласила: За оборону крепости Шуши против персидской армии в 1826 г." Подобные знамена (с другими надписями) в дальнейшем выдавались и другим полкам.

В 1829 г. знамя было пожаловано Лейб-Гвардии Финскому стрелковому батальону. От общего гвардейского образца оно отличалось традиционным финским светло-синим цветом углов и изображением финляндского герба на груди орла (золотой лев и серебряные розы).

В этом же году знамя впервые было пожаловано линейному батальону (11-му Сибирскому) за успешный инспекторский смотр. Образец знамен, выдававшихся и далее линейным батальонам, отличался белым крестом, зелеными углами без вензелей и белыми древками. С 1851 г. на углах стали изображаться вензеля, а с 1854 г. линейным батальонам положено было выдавать знамена пехотного

образца (с зеленым крестом, белыми углами и вензелями), но, очевидно, подобных знамен ни один из линейных батальонов получить не успел. В 1836 г. Образцовому Пехотному полку выдали гарнизонные знамена, но с вензелями в углах.

В апреле 1830 г. знамя получила Рота Дворцовых Гренадер; образец его существенно отличался от всех прежних. По краю полотнища с крестом и крутом из золотой ткани и с красными углами шел орнамент в виде золотых лавровых ветвей; к свободным краям подшивалась золотая бахрома. Надпись на полотнище гласила: "В воспоминание подвигов Российской армии". Древко красилось желтой краской и венчалось не обычным копьевидным навершием, а двуглавым орлом.

Четыре месяца спустя такое же навершие в виде двуглавого орла с опущенными крыльями, сидящего на шаре, получила вся Гвардия. На георгиевских знаменах на трубке на-вершия подвязывалась георгиевская лента, к которой крепился крест.

С 1831 г. на новых знаменах полков бывшего Литовского корпуса стали изображать обычный московский герб. Годом позже некоторое "возвышение" получил финляндский герб: на георгиевском знамени, пожалованном Лейб-Гвардии Финскому стрелковому батальону, этот герб помещался уже не на груди орла, а на местах вензелей в правом верхнем и левом нижнем углах (расцветка знамени соответствовала прежнему знамени батальона).

В 30-е гг. знамена получили и учебные карабинерные полки. Крест на них был характерного для учебных частей светло-синего цвета. Углы на знаменах 2-го полка (с 1832 г.) были желто-белыми, причем цвета чередовались: на левых углах желтыми были верхние половины, на правых — нижние. В 1836 г. всем четырем полкам были пожалованы новые знамена: у углов одна половина была белая, другая — полкового цвета (красный, белый, желтый, зеленый). Схема расположения цветов оставалась прежней: в левых углах белый цвет располагался снизу, в правых — сверху.

Реорганизация пехоты отразилась и на знаменах: в 1833—1834 гг. появилась новая система покраски древков. В 1-м гренадерском полку дивизии древки стали желтыми, во 2-м — белыми, в 3-м — кофейными, в карабинерном — черными. В пехотных ди-

виях первый пехотный полк получил желтые, второй — белые, а оба егерских — черные древки.

Новое отличие для знамен было установлено в 1838 г. По словам Высочайшего указа, "желая сохранить в победоносной нашей армии память незабвенного ее основателя и в каждом полку передать позднейшему потомству достохвальные их подвиги и тем возбудить и в новых поколениях храбрых российских войск соревнование к столь же славным на поле брани заслугам, устанавливаем при знаменах и штандартах еще особые знаки отличия" [119, стр.28 —29]. Для полков, непрерывно существовавших 100 лет и более, таким отличием становились особые "юбилейные орденские ленты", голубые (андреевские) для Гвардии и красные (александровские) для армии и гарнизона.

Двухаршинная лента сгибалась вдвое под углом 10 градусов; в месте перегиба крепился бант из такой же ленты. Края ленты обшивались кантом по цвету металлического прибора (золотым или серебряным). На первой стороне верхней части вышивалось первоначальное название части, на второй стороне — современное название. Вторая сторона несла на себе год и надпись отличия части, если подобные надписи имелись на полотнище. К свободным краям ленты пришивалась бахрома. У нижнего края первой стороны крепились кованые вензеля Государей — основателей части, у края второй стороны — кованое изображение Государственного герба. Перед надписью отличия (если таковая имелась), у места перегиба, помещался кованый же вензель Государя, пожаловавшего отличие. На банте вышивался год пожалования юбилейной ленты. В особо торжественных случаях лента привязывалась к трубке наверху серебряным шнуром.

Если ленты полагались лишь полкам, чей возраст перевалил за столетие, то другое отличие — медные золоченые скобы, крепившиеся под полотнищем, — полагалось всем вообще частям и подразделениям. Скоба несла на себе широкую информацию: гравированные вензель Государя-основателя и год основания, первое название части, надписи отличия (как на полотнище) с годами пожалования, год пожалования скобы и современные названия полка и батальона. Информация на скобах и лентах в батальонах одного и того же полка могла различаться,

так как полки после 1833—1834 гг. включали в себя, как правило, батальоны нескольких прежних полков.

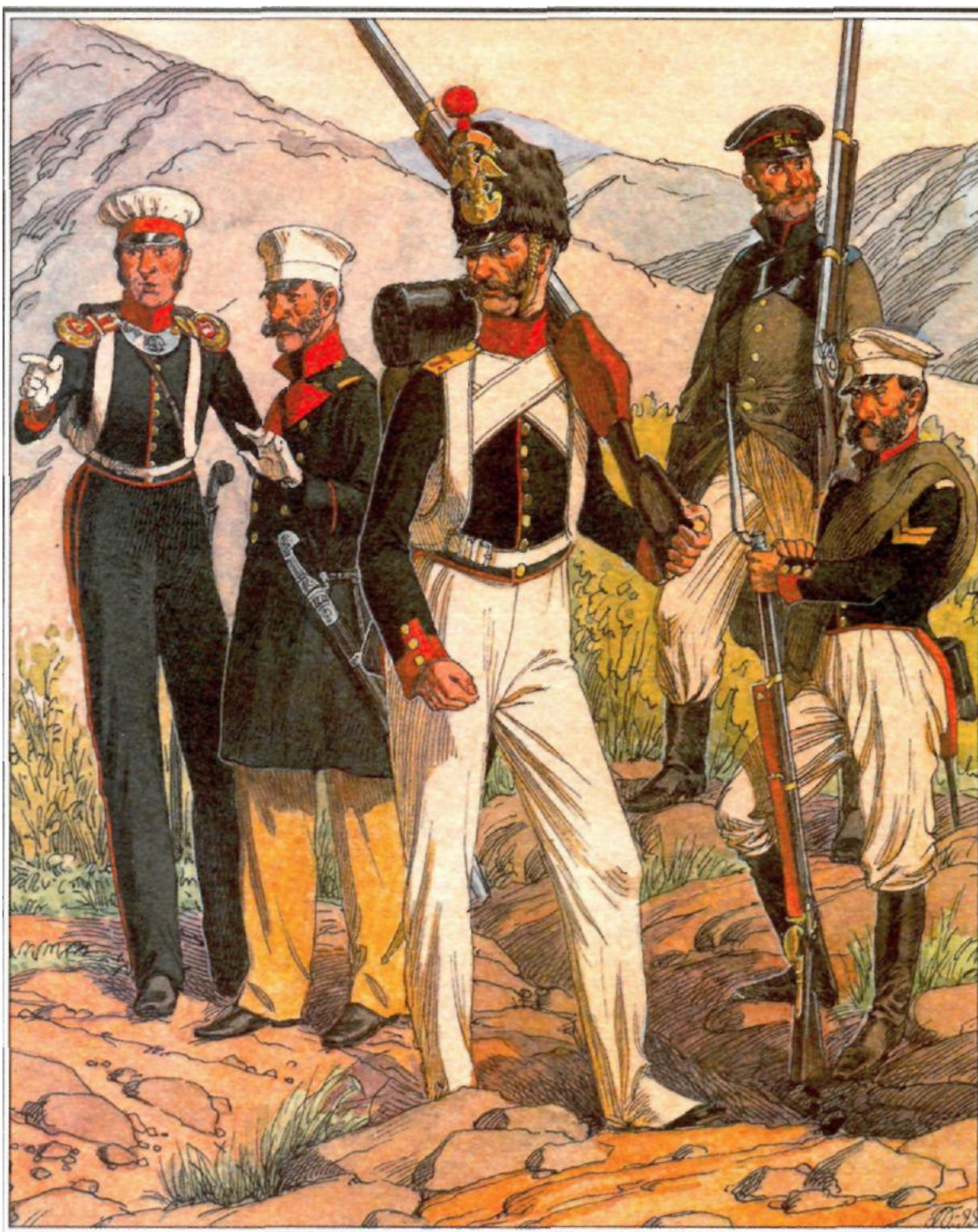
25 июня 1842 г. состоялось пожалование первых юбилейных знамен Эриванскому карабинерному и Кременчугскому пехотному (3-му, 4-му и запасному батальонам) полкам, старейшим в армии. Полотнище знамени отличалось от общеармейских андреевской лентой с датами существования полка под орлом в центральном круге (в данном случае — надпись "1642-1842").

В 1846 г. были утверждены рисунки знамен стрелковых батальонов. При зеленом кресте они отличались светло-синими углами (как у Финского батальона). Подобные знамена полагались шести номерным и Кавказскому батальонам (у последнего — с надписью отличия), знамена Гренадерского батальона должны были отличаться желтыми полосками между углами и крестом.

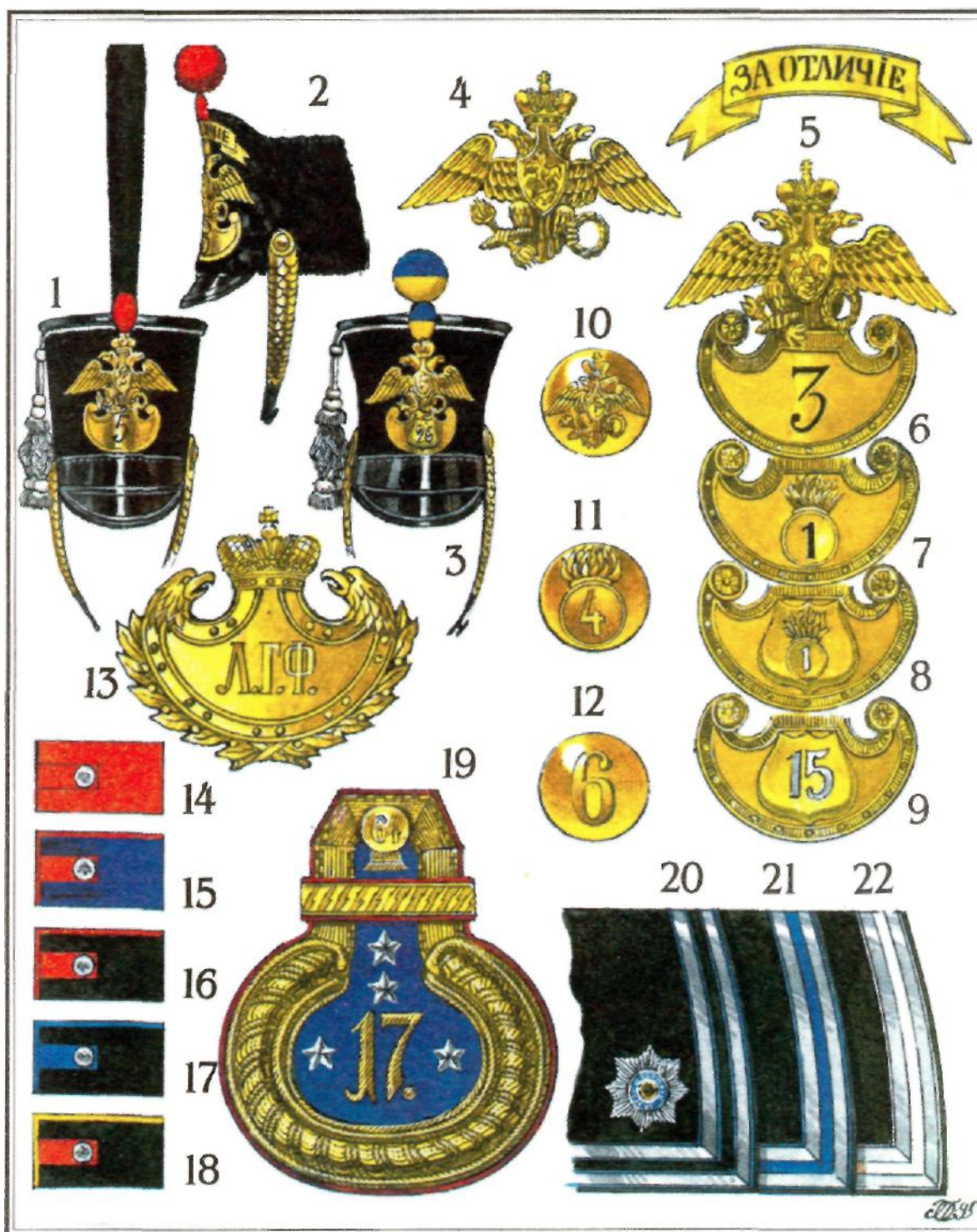
Наконец, в 1854 г., в отступление от правил, 4-му батальону Грузинского гренадерского Великого Князя Константина Николаевича полка было пожаловано знамя с зеленым крестом и желтыми углами (знамена других батальонов имели красно-желтые углы). Это было связано с тем, что и Гвардейский экипаж, шефом которого также был Константин Николаевич, имел знамя с желтыми углами.

Во время кампаний, особенно в 1854 — 1855 гг., знамена выносили в бой зачехленными, а иногда и вообще оставляли в полковом лагере, дабы не подвергать опасности. Латунное навершие чехла несло на себе отчеканенное изображение, по рисунку схожее со знаменным навершием; на чехлах георгиевских знамен чеканился георгиевский крест.

Со знаменами было связано несколько комичных ситуаций. Очевидец вспоминает, например, что в 1854 г. он, как и многие другие молодые дворяне, мечтал совершить эффектный подвиг, представляя себя, подобно Наполеону на Аркольском мосту, со знаменем в руках ведущим солдат в атаку. Судьбе было угодно, чтобы во время сражения при Инкермане он, будучи колонновожатым, двигался рядом со знаменем переднего батальона (очевидно, Охотского полка); колонна несколько замешкалась перед вражеским укреплением, выбирая направление атаки. "Я, — рассказывал потом наш герой, —

Отдельный Кавказский корпус, 1829—1844 гг.
Офицеры пехотных полков, рядовой гренадерских полков, рядовые егерских полков и линейных батальонов

Детали обмундирования
(пояснения - на стр. 160)

как ястреб, давно уже увивался около этого знамени. Вот, думаю себе, и для меня настала наконец минута Аркольского моста, и, нисколько не медля, заметив замешательство знаменщика, схватил его знамя. Но тут я мгновенно почувствовал удар такого могучего кулака, который чуть было не свалил меня с ног. Это угощение преподнес мне сам командир знаменной роты" [68, №5, стр.74].

Другая история связана со знаменами кадетских корпусов. Восторженное отношение кадетов к пробитым в боях армейским знаменам заставляло их при любом удобном случае рвать штыками полотнища корпусных знамен, придавая им солидный боевой вид.

Чины пехотных полков при Николае I могли носить на головных уборах знаки отличия одного из двух различающихся надписями типов. Во-первых, в частях сохранялись прежние знаки с надписями "За отличие". Такими же знаками в период с 1828 по 1852 г. были награждены 28 полков. Кроме того, в 1831 г. новые знаки с надписью "За Варшаву 25 и 26 Августа 1831 года" присвоили еще 14-ти пехотным, карабинерным и егерским полкам. Часть знаков расформированных полков после преобразования пехоты была сохранена (говорили, что знаки "перешли"): например, 1, 2 и 5-й батальоны Архангелогородского полка имели собственные знаки, а 3, 4 и 6-й — знаки, "перешедшие" с батальонами бывшего Тамбовского пехотного полка. Всего же к концу царствования в армии числился 51 полк, имеющий знаки от-

Детали обмундирования (к стр.159)

Кивер обр. 1828 г. (1) и 1843 г. (3), шапка обр. 1829 г. (2), гвардейский герб обр. 1828 г. (4), знак "За отличие" обр. 1828 г. (5), армейский герб обр. 1828 г. (6). Щитки на киверные гербы: гренадерских и карабинерных полков обр. 1828 г. (7) и 1833 г. (8); прочих полков обр. 1833 г. (9). Пуговицы обр. 1828 г. полков Лейб-Гвардии (10), гренадерских и карабинерных полков (11), прочих армейских полков (12). Бляха на суму армейской легкой пехоты (13). Воротники шинелей и офицерских сюртуков полков Лейб-Гвардии: Литовского (14), Кекс-гольмского (15), Санкт-Петербургского (16), Финского Стрелкового батальона (17), Волынского полка (18). Эполет обр. 1837 г. (19). Офицерские чепраки Лейб-Гвардии: Финского батальона (20), Кекс-гольмского (21) и Санкт-Петербургского (22) полков

личия на головных уборах (еще два таких полка были причислены к Гвардии).

За оказанные подвиги полкам продолжали выдавать георгиевские и серебряные трубы, на многих из которых гравировались надписи, объясняющие причину награждения. Встречались следующие тексты: "За усмирении Венгрии в 1849 г.", "За усмирении Тран-сильвании в 1849 г.", "За отличие, оказанное при осаде крепости Ченстохова", "За войну с Турциею в 1828 и 1829 г. и за усмирении Венгрии в 1849 г.", "За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 г. и за усмирении Венгрии в 1849 г.", "За Варшаву 25 и 26 Августа 1831 года", "За Варшаву 25 и 26 Августа 1831 г. и за усмирении Венгрии в 1849 г."

При расформировании полков и распределении их батальонов по другим частям трубы передавались вместе с ними. Так, Эри-ванский карабинерный полк в 1830 г. получил две георгиевские трубы за Турецкую войну 1828-1829 гг., а в 1834 г. вместе со 2-м батальоном расформированного Херсонского гренадерского полка во вновь образованный 3-й батальон поступила одна серебряная труба. Некоторым полкам взамен утраченных труб изготавливали новые комплекты с прежними надписями. Для Апшеронского полка, например, в 1838 г. сделали две серебряные трубы с надписями: "Поспешностию и храб-ростию взятие г. Берлина 28 Сентября 1760 г."

Единственной в своем роде стала регалия, присвоенная Лейб-Гвардии Литовскому полку: в 1830 г. в нем была оставлена для ношения трофейная турецкая тамбурмажорская трость.

Элементы одежды и амуниции военнослужащих претерпели ряд внешних изменений. Принципиально новыми стали лишь головные уборы, пришедшие на смену киверу, — овчинная шапка и меховая шапка с суконным верхом в Кавказском корпусе и кожаная каска во всей остальной пехоте. Вместе с тем, как и в прежние времена, различные распоряжения, касающиеся внешнего вида солдата, появлялись довольно часто. 24 апреля 1828 г. был введен кивер нового образца высотой 5 1/2 вершка с верхним диаметром от 5 5/8 до 6 вершков. Донце кивера, нижняя обшивка и козырек лаки-

ровались. К киверу крепился белый этикет нового вида: шнур обвязывался вокруг верхнего края; три кисточки с двумя кор-дончиками подвешивались на уровне нижнего края кивера. Унтер-офицерские кисточки плелись из белых, оранжевых и черных нитей. Кивер украшался гербом в виде двуглавого орла под короной с щитом на груди, сидящим на щитке характерной формы. Щит на груди орла нес изображение московского герба в номерных пехотных корпусах и литовского герба в полках Литовского корпуса. На щитке в гренадерских и карабинерных полках выбивалось изображение пылающей гренады с прорезным номером полка; в остальных полках гренады не было и номер прорезался на чистом поле щитка. Знаки отличия в виде ленты с прорезными словами "За отличие" крепились у самого верха кивера и в центральной части закрывались репейком. Система расцветки репейков сохранилась. Султаны носились всеми строевыми чинами гренадерских и карабинерных полков и чинами гренадерских и карабинерных взводов других полков. Все остальные взводы и роты пехотных, егерских и морских полков получили круглые помпоны. Стрелки первого батальона имели желтые помпоны, второго — помпоны с желтым верхом и светло-синим низом, третьего — с желтым верхом и зеленым низом. У мушкетеров и егерей в подобных помпонах желтый цвет заменялся белым.

Кивера использовались солдатами для ношения всевозможных вещей. Участник похода 1831 г. вспоминал: "Ни в брюках, ни в шинелях не позволялось иметь карманов; поэтому все необходимые мелочи, как то фуражку, щетку, трубку и прочее солдатик ухитрялся помещать в кивер. На одном привале я полюбопытствовал свесить несколько киверов, и оказалось в ином 9, в ином 11 фунтов (около 4,5 кг. - И.У.)" [87, стр.176].

3 августа в войсках Отдельного Кавказского корпуса и состоящей при нем 20-й пехотной дивизии совершенно не приспособленные к условиям горной войны кивера были наконец заменены на более практичные черные овчинные шапки с кожаным козырьком. Впрочем, и эти шапки были довольно высокими. К ним крепился почти весь прибор армейского кивера: герб, чешуя, знак отличия, репеек и помпон. Помпон вместо

султана был присвоен и чинам гренадерских и карабинерных полков и взводов; в гренадерских и карабинерных взводах 1-х батальонов он был красный, во 2-х батальонах — с красным верхом и светло-синим низом, в 3-х батальонах — с красным верхом и зеленым низом. Стрелковые взводы, а также фузилерные, мушкетерские и егерские роты носили помпоны упомянутых выше цветов.

В 1831 г. литовский всадник на гербах Литовского корпуса уступил место святому Георгию, а весь металлический прибор кивера стал золотым.

После переформирования полков пехоты в 1833 г. пришлось пересматривать систему расцветок помпонов и репейков на киверах и овчинных шапках (на последних новая система была введена через год). Помпоны были либо одного цвета, либо двух, причем в последнем случае помпон делился на две половины горизонтально. Репейки также могли быть одноцветными или двухцветными: в гренадерских, карабинерных и стрелковых взводах двухцветные репейки делились горизонтально на две части, причем верхняя занимала две трети высоты репейка; в других ротах двухцветные репейки состояли из окру-жения и овальной середины. В 1-м батальоне гренадеры или карабинеры носили красные помпоны и репейки, стрелки — желтые; фузилеры, мушкетеры или егеря — белые. Во втором батальоне соответственно цвета распределялись так: черный и красный, черный и желтый, черный и белый (белая середина); в третьем — красный и светло-синий, желтый и светло-синий, белый и светло-синий; в четвертом — светло-синий и красный, светло-синий и желтый, светло-синий и белый; в пятом — красный и зеленый, желтый и зеленый, белый и зеленый; в шестом — зеленый и красный, зеленый и желтый, зеленый и белый. Репейки унтер-офицеров по-прежнему делились диагональным крестом на 4 части, верхняя и нижняя из которых были серыми, а боковые — белыми.

В этом же году на гербах прорезной номер полка был заменен на накладной, изготавливающийся из металла, обратного приборному. Таким образом, на гербах пехотных полков номер стал делаться из олова.

Несколько позже, в 1836 г., репейки с оборотной стороны стали подшивать черной кожей; также изменилась форма султана: при высоте 11 вершков он должен был иметь

верхний диаметр в 5 2/3 вершка, а нижний — в 4 вершка.

К 1842 г. стало очевидно, что и овчинные шапки в условиях кавказской войны — довольно неуклюжий и обременительный головной убор. Поэтому с этого года в войсках Кавказского корпуса и 20-й пехотной дивизии овчинная шапка была отменена; пехоте были оставлены лишь фуражки.

В апреле 1843 г. появился новый образец пехотного кивера, просуществовавший всего лишь чуть более года и поэтому не успевший распространиться на всю армию. Новый кивер имел высоту 4 3/4 вершка. Весь старый прибор сохранился, лишь вид султана был не сколько изменен: высота его уменьшилась до 9 3/4 вершка, верхний диаметр установили в 5 1/4 вершка, нижний — в 3 1/2 вершка.

Наконец, 9 мая 1844 г. вместо кивера войскам была присвоена каска из черной лакированной кожи с двумя кожаными козырьками (спереди и сзади) и с металлической оправой желтого металла сверху и сзади тульи. К верхней оправе крепилась трубка с припаянным украшением в виде пылающей гренaды; повернув трубку, солдат открывал два отверстия для проветривания внутреннего пространства каски. Герб, знаки отличия и чешуя были сохранены прежними. В гренaду в ряде частей можно было вставить султан из конского волоса в виде пучка, спадающего вниз и прикрывающего большую часть каски. Султаны были присвоены лишь гренaдерским и карабинерным полкам; у музыкантов они были красными, у прочих чинов — черными.

Помимо этих полков, султанов в 1846 г. удостоились пехотные Короля Неаполитанского (Невский) и Короля Сардинского (Архангелогородский) полки; в 1848 г. Архангелогородский полк утратил шefство иноземного короля, а вместе с ним и султан на каске.

Каски оказались крайне непрактичными: от перемен погоды кожа стягивалась, и каска быстро теряла первоначальный размер. После нескольких дождей солдаты едва могли натянуть на макушку высохшие каски. Кроме того, многочисленные латунные детали касок приходилось постоянно начищать до блеска, что также не способствовало популярности этого головного убора. Уже в 1854 г. многие полки, отправляясь на театр военных действий, оставляли каски в придорожных городах.

В 1846—1848 гг. последовало принципиальное изменение обмундирования Отдельного Кавказского корпуса (кроме Крымского, Севастопольского, Козловского и Нашебургского полков). В частности, солдаты самой "боевой" окраины Империи получили шапки из длинного меха с темно-зеленым суконным верхом, состоящим из четырех частей, разделенных выпушкой по цвету погон. Такая же выпушка шла и по краю суконного верха. Из всех металлических украшений на шапке остались лишь знаки отличия.

Несколько изменилась фуражная шапка (фуражка), носимая солдатами вне строя, а в кавказских полках официально разрешенная для ношения и в строю в период с 1842 по 1848 г. В июле 1833 г. были утверждены размеры фуражки: диаметр тульи — 6 вершков, высота тульи — 1 1/2 вершка, ширина околыша — 3/4 вершка. Тулья во всех пехотных полках была темно-зеленой, а околыш — красным в гренaдерских и пехотных полках и темно-зеленым с красной (в карабинерных и егерских полках) или белой (в морских) выпушкой по нижнему краю. Сочетание цветов выпушек на тулье и по верху околыша позволяло узнать номер роты или батальона. Выпушка на тулье отличалась по батальонам: красная, желтая, светло-зеленая, светло-синяя, белая или черная. Кроме того, чины гренaдерских и карабинерных взводов имели красную выпушку по верху околыша, а чины стрелковых взводов — желтую. На околыше по-прежнему проставлялся желтый номер роты с буквами: Т.Р., "К.Р." или "Р."

Цвет выпушек изменился в 1844 г., когда каждый батальон получил единообразные фуражки, отличавшиеся лишь ротной шифровкой спереди. Для обозначения батальонов использовались следующие цвета: красный,

Детали обмундирования 1826—1844 гг. (к стр.163) Репейки и помпоны в гренaдерских, стрелковых взводах и мушкетерских ротах в 1-3 батальонах полков Отдельного Кавказского корпуса (с 1829 г.) (1-3). Репейки, помпоны и фуражные шапки в гренaдерских, стрелковых взводах и мушкетерских ротах в 1-6 батальонах (с 1833 г., в полках, не входивших в Кавказский корпус, в гренaдерских взводах вместо помпонов были султаны) (4-9). Погоны выпускников: учебных карабинерных полков (10), Образцового Пехотного полка (11). Обер-офицерский репеек (12). Погоны с различиями нижних чинов (с 1843 г.): ефрейтор (13), младший унтер-офицер (14), старший унтер-офицер (15), фельдфебель (16), подпрапорщик и пор-тупей-прапорщик (17)

Детали обмундирования 1826—1844 гг.
(пояснения - на стр. 162)

белый, светло-синий, желтый, темно-зеленый, светло-зеленый, коричневый, бирюзовый (последние два были назначены для сформированных в 1854 г. 7-го и 8-го батальонов); выпушка батальонного цвета осталась лишь на тулье. Околыш в грендерских и пехотных полках остался красным, в карабинерных и егерских — темно-зеленым с красными выпушками по верхнему и нижнему краям, в морских — темно-зеленым с белыми выпушками.

Частные командиры по-прежнему нередко по своей воле приспособляли этот самый неприхотливый головной убор к конкретным климатическим условиям. В 1829 г. во время боевых действий против турок у крепости Журжа (в Валахии) нижним чинам приказали пришивать к фуражкам чехлы-назатыльники, предохраняющие голову солдата от лучей жаркого южного солнца [93, стр.442].

В Кавказском корпусе одновременно с введением новой шапки в 1848 г. разрешено было в теплое время года носить фуражку с длинным козырьком. Для шитья подобных фуражек использовались, как и ранее, отслужившие свой срок мундиры. Как правило, летом на тулью фуражки надевали белый чехол.

Уже в феврале 1826 г. появился указ об изменении покроя мундира армейской пехоты, который теперь становился однобортным (вместо двубортного) с застежкой из 9 пуговиц. Вся армейская пехота (в которую входили грендерские, пехотные, карабинерные, егерские и морские полки) сохранила темно-зеленый цвет мундира; клапаны обшлагов у всех стали красными. Воротник, обшлага и подкладка остались, как и прежде: красными в грендерских и пехотных полках, темно-зелеными с красной выпушкой в карабинерных и егерских полках, темно-зелеными с белой выпушкой в морских. Покрой мундиров в Отдельном Литовском корпусе не изменился: на двубортном мундире с лацканами, с серебряным металлическим и желтым суконным приборами лишь темно-зеленые клапаны обшлагов были заменены на желтые во всех полках.

В октябре 1826 г. для отличия нижних чинов, добровольно оставшихся на службе по выслуге лет, был введен шеврон из золотого галуна на левом рукаве мундира, нашивавшийся ниже нашивок за беспорочную службу. 7 марта 1827 г. отличие в форме по-

лучили солдаты, переведенные из Образцового Пехотного или Учебного Карабинерного полков в другие части. У первых из них свободные края погона, а у вторых — весь погон по периметру обшивался желтым басоном с красной каймой.

26 декабря 1829 г. вместо прежних гладких пуговиц грендерские, карабинерные и учебные карабинерные полки получили пуговицы с одноогневыми греанадами, в центре которых стоял номер полка или начальная буква ("С." — Самогитский грендерский, "Л." — Луцкий грендерский, "Н." — Несвижский карабинерный) названия. На пуговицах пехотных, егерских и морских полков стоял лишь номер полка, соответствующий номеру на гербе кивера.

В связи с польскими событиями 1831 г. Литовский корпус получил наименование 6-го пехотного и потерял все свои отличия от прочей армейской пехоты: двубортный лац-канный мундир был заменен на однобортный, серебряный металлический прибор — на золотой, желтый суконный прибор — на красный.

С 16 октября 1840 г. нижним чинам, добровольно оставшимся на службе, и унтер-офицерам, отказавшимся от офицерского чина, вместо одного шеврона на левом рукаве стали нашивать по одному шеврону за каждые 5 лет службы.

В апреле 1843 г. погоны всех унтер-офицеров украсились различными нашивками, позволяющими определить чин, а часто и сословную принадлежность владельца. Фельдфебель теперь отличался нашивкой из широкого золотого галуна под пуговицей поперек погона; портупей-прапорщик, подпрапорщик, портупей-юнкер и юнкер — обшивкой узким золотым галуном по свободному краю погона; отделенный унтер-офицер — тремя басонными нашивками поперек погона, остальные унтер-офицеры — двумя басонными нашивками, ефрейтор — одной нашивкой. В грендерских и карабинерных полках для нашивок использовался белый шерстяной басон с красным просветом (на погонах этих полков полковая шифровка теперь наносилась не печатными буквами, а курсивом); в пехотных, егерских и морских полках — белый басон без просвета; унтер-офицеры из дворян носили нашивки из узкого золотого галуна.

В 1846 г. Эриванский карабинерный и Куринский егерский (генерал-адъютанта князя Воронцова), а в 1848 г. и все остальные полки Отдельного Кавказского корпуса (за исключением Крымского, Севастопольского, Козловского и Нашебургского полков) вместо общепехотных однобортных мундиров получили темно-зеленый полукафтан с короткими полами, темно-зеленой подкладкой и с красной выпушкой по борту, на обшлагах и на карманных клапанах. Воротник в гренадерских и пехотных полках остался красным, в карабинерном и егерских — темно-зеленым с красной выпушкой. Полукафтан по-прежнему застегивался на девять пуговиц, цвет и вид которых не изменились.

Наконец, в 1851 г. гренадерские и карабинерные полки, шефами которых были члены Императорской Фамилии, получили отличие в виде вензеля шефа на погонах.

В 1826 г. одновременно с новым мундиром пехотинцы получили темно-зеленые панталоны с красной (в морских полках — с белой) выпушкой, носившиеся поверх сапог и заменившие прежние суконные панталоны с крагами. С 1833 г. были выведены из употребления суконные полуштиблеты, с 1827 г. надевавшиеся под панталоны; в том же году продержавшиеся в армии почти три десятилетия летние панталоны были заменены на белые широкие брюки без козырьков и пуговиц внизу, которые по-прежнему шились из фламского полотна. Вместе с полукафтаном в 1848 г. чины Кавказского корпуса получили темно-зеленые широкие шаровары с красной выпушкой.

В 1836 г. количество пуговиц на груди шинели уменьшилось на одну.

Музыканты, как и прежде, отличались расшивкой мундира и красными султанами (в тех частях и подразделениях, где они были положены). Басонная расшивка была сохранена и на полукафтанах Кавказского корпуса, а красный цвет султана — и на кожаных касках. Полковые штаб-горнисты верхом в полковом строю с 1838 г. летом носили зимние брюки, седло без чепрака и кавалерийский чемодан вместо ранца. В 1844 г. им были присвоены шпоры. Еще более великолепными стали эполеты тамбурмажоров, к серебряной канители которых на полях и в бахроме с 1843 г. стали добавлять красный шелк.

В 1848 г. состоящие в полках громоздкие рожки были заменены на компактные "английские сигнальные" рожки, а в 1851 г. появилось утвержденное описание барабана: к латунному кадлу диаметром 8 и высотой $5 \frac{5}{8}$ вершка крепилась овальная бляха с изображением Государственного герба, обручи шириной $1 \frac{1}{8}$ вершка красились сплошь черной краской (в полках, имеющих черную кожаную амуницию) или черной и белой краской в виде треугольников. Тогда же был разработан и флейтный футляр для полков Кавказского корпуса: овальный в разрезе цилиндр длиной $4 \frac{1}{2}$ вершка (с надетой крышкой) украшался круглой бляхой с гербом и носился на черном ремне.

В 1828 г. ширина перевязи португези была установлена в 2 вершка, а в 1839 г. — в $1 \frac{1}{2}$ (с прострочкой по краям). С 1846 г. к перевязи на уровне третьей пуговицы мундира стали крепить черную сумочку для капсюлей (из лакированной, а позже из глянцевой кожи).

Вид патронной сумы несколько изменился в 1843 г.: при длине 5 вершков ширина верхнего ее края составляла $5 \frac{1}{2}$, а нижнего — 6 вершков. В 1828 г. был разработан новый образец гренеды для сумы.

Ранец в этом же году стали обшивать по краям черной кожей; несколько изменились его размеры, сузились плечевые и поперечный ремни. С 1834 г. нижним чинам, а годом позже и офицерам положено было носить ранцы только на двух, перекрещивающихся на груди, ремнях. Барабанщики надевали ранец на одном ремне через левое плечо.

С 1833 г. после изменения структуры пехоты установили новую систему расцветки жалонерных флажков. Все флажки целиком в 1-й дивизии и верхние половины во 2-й и 3-й дивизиях различались цветами для каждого из четырех полков дивизии (красный, белый, синий и зеленый цвета). Нижняя половина флажков во 2-й дивизии была желтая, в 3-й — черная. Цвета древков зависели от номера батальона: желтый, белый, коричневый, черный, светло-синий, темно-синий. Медное копьё на древке в 1846 г. было заменено на медный же шар.

Если полковые знамена в боевых условиях нередко выносили в строй в чехлах, то жалонерные флажки всегда были развернуты. В сражении при Альме в 1854 г. английские солдаты приняли красные флажки Владимир-

ского пехотного полка за батальонные знамена, и около жалонеров завязались упорные штыковые схватки (интересно, что на зачехленные настоящие знамена англичане не обратили внимания).

Изменение обмундирования в 1826 г. коснулось и офицеров, которые также получили однобортные мундиры с красными клапанами обшлагов и темно-зеленые с красной (в морских полках — с белой) выпушкой панталоны, носящиеся поверх сапог. Вместе с этим из употребления были выведены суконные панталоны, заправлявшиеся в высокие сапоги в тяжелой пехоте, и серые рейтузы. В полках с почетным шефством особ отечественного или зарубежных царственных семейств офицеры продолжали носить петлицы на воротнике и обшлагах.

Генералам, штаб-офицерам и адъютантам, которым полагалось быть в строю верхом, были присвоены низкие сапоги с прибивными шпорами, а несколько позже — летние панталоны из белого полотна или замши, по покрою подобные темно-зеленым.

1827 год был ознаменован введением новых знаков различия офицерских чинов. С 1 января офицерам было положено носить на эполетах кованные из металла, обратного приборному, звездочки. Эполеты без звездочек продолжали носить капитаны, полковники и генералы от инфантерии; прапорщики отличались одной звездочкой; подпоручики, майоры и генерал-майоры — двумя; поручики, подполковники и генерал-лейтенанты — тремя. Отличием фельдмаршальского чина стали скрещенные жезлы на эполетах.

На киверах образца 1828 г. и шапках Кавказского корпуса образца 1829 г. помпоны у офицеров были серебряными.

В 1829 г. красные обшлага офицерских сюртуков были повсеместно заменены на темно-зеленые с красной (в Литовском корпусе — с желтой) выпушкой. Рисунок на пуговицах офицеров с 1829 г. был подобен рисунку пуговиц нижних чинов. В 1833 г. были отменены суконные полуштиблеты, а полотно летние панталоны получили все офицеры.

Накладная шифровка на киверном гербе у офицеров с 1833 г. изготовлялась из серебра; тогда же шляпы было разрешено носить лишь офицерам столичных гарнизонов. В 1837 г. изменились образцы офицерского

шарфа и эполета. Тесьма шарфа стала узкой, плотного плетения, с тремя черно-оранжевыми шелковыми полосами. Шарф во всю ширину помещался между двумя нижними пуговицами мундира. К трем валикам эполета был добавлен четвертый.

В 1841 г. большой воротник офицерской шинели был удлинен до 1 аршина; этот вид шинели с длинным висячим воротником получил в дальнейшем название "николаевская шинель".

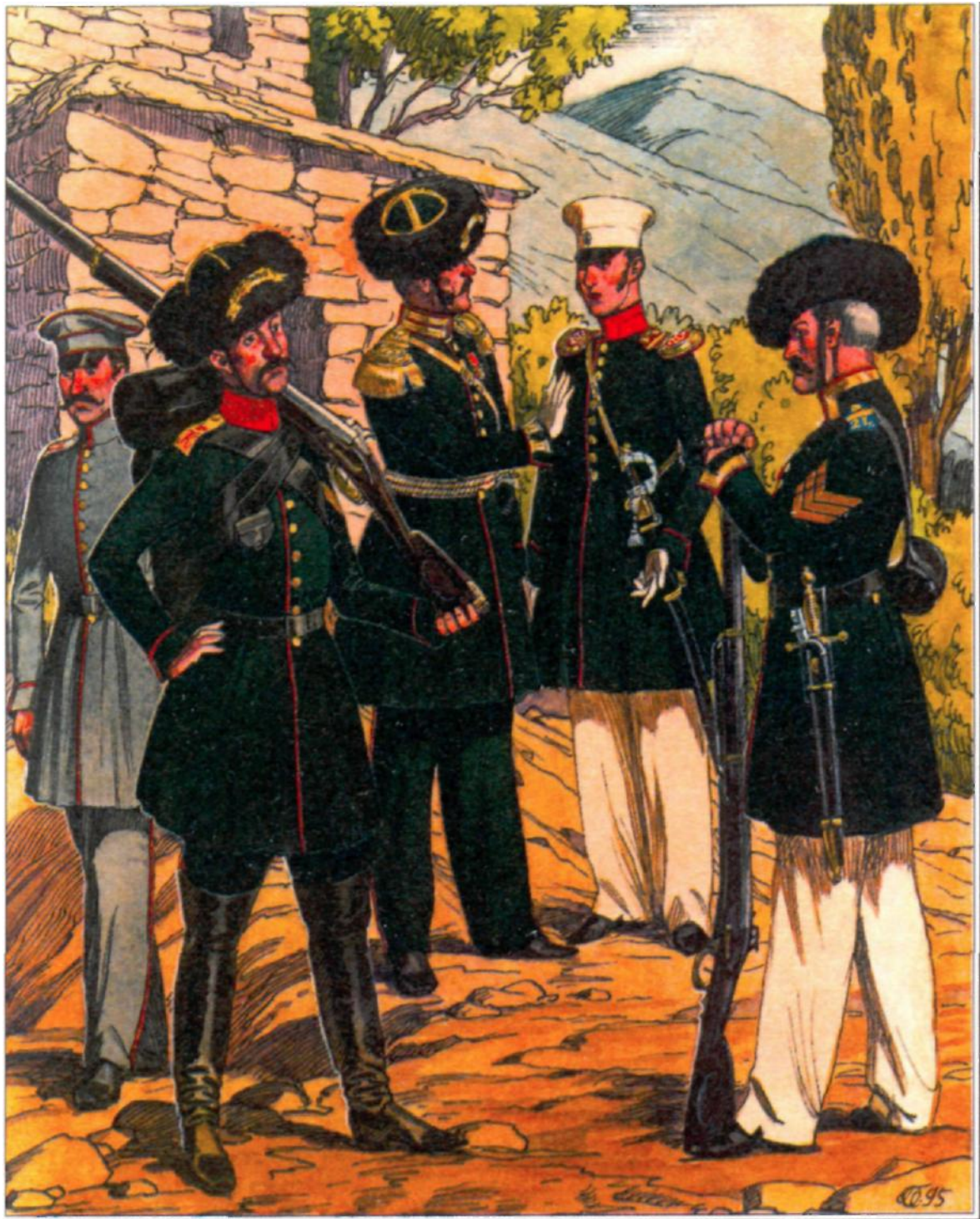
Все офицерские отличия старого кивера сохранились и на кивере образца 1843 г.; одновременно были отменены узлы на свободных концах аксельбантов. В следующем году на офицерских фуражках появились овальные кокарды с серебряным окаймлением и черно-оранжевой серединой.

На введенной в 1844 г. каске металлические части у офицеров были вызолочены; в следующем году под место закрепления правой чешуи стала подкладываться черно-оранжевая круглая металлическая кокарда.

Новые комплекты мундиров офицеров Кавказского корпуса с 1846—1848 гг. отличались от мундиров нижних чинов золотой обшивкой по швам на шапке и офицерским шарфом. В полках, которым были присвоены петлицы, они нашивались в два ряда на воротнике и обшлагах. Помимо строевого полукафтана, эти офицеры имели и вице-полукафтан без петлиц.

С 1851 г. офицеры гренадерских и карабинерных полков, шефами которых были члены Императорской Фамилии, получили отличия в виде вензелей на эполетах и петлиц на воротнике и обшлагах; в подобных пехотных и егерских полках вензелей на эполетах не полагалось.

В 1854 г. в дополнение к тяжелой и неудобной в боевых условиях парадной шинели генералы и офицеры получили походную шинель, цвет и покрой которой были в основном подобны шинелям нижних чинов. На боках офицерской шинели прорезались карманы, прикрытые клапанами; если хозяин шинели по службе мог выезжать верхом, то полы сзади разрезались и застегивались на пуговицы. Эполеты на шинели были заменены на погоны, покрытые галуном так, что оставалось видно сукно на краях и между суконными полосами; цвет сукна соответствовал цвету погон нижних чинов. У генералов весь погон закрывался широким "ге-

Отдельный Кавказский корпус, 1846—1855 гг.

Нестроевой, рядовой гренадерских полков в форме для экспедиций, штаб-офицер Грузинского гренадерского полка, обер-офицер пехотных полков, унтер-офицер егерских полков

неральским" (с зигзагом) галуном; у штаб-офицеров между тремя рядами узкого галуна оставалось два "просвета"; у обер-офицеров между двумя рядами широкого галуна — один "просвет".

При походной шинели не носились ни шарф, ни офицерский знак; из орденов позволялось носить лишь георгиевские. В строю на шинель, мундир или сюртук обер-офицеры надевали вновь введенную походную португую. Верховые офицеры продолжали носить обычную португую под шинелью; эфес полусабли высывался из продольного разреза на левой поле шинели.

Во многих случаях военнослужащие отходили от установленных образцов обмундирования; особенно это стало необходимо во время позиционных боев в Севастополе в 1854—1855 гг. В жаркое время солдаты ходили в рубахах и в фуражных шапках (днем — в белых чехлах), подвешивая тесак через плечо на веревке; белые перевязи (в пехотных полках) переворачивали оборотной стороной наружу и мазали ваксой, чтобы они не были столь заметны ночью. В холодное время и ночью надевали шинели, на которые от плеч до пояса нашивали суконные патронташи (с торчащими из них патронами;) из кусков рогожи солдаты "импровизировали" себе подобия башлыков. Офицеры днем также зачастую носили рубахи, а во все остальное время пользовались, за редким исключением, походными шинелями.

Но и в мирное время среди армейской, а особенно гвардейской, молодежи, несмотря на строгий надзор за соблюдением установленной формы одежды, находилось немало шутников, выше всего ценивших возможность тем или иным способом отступить от регламента. Самым знаменитым из них стал офицер Лейб-Гвардии Московского полка К.Я. Булгаков, прославившийся множеством весьма остроумных проделок. Так, например, в конце 30-х гг. в Гвардии распространилась мода на ношение мундиров с очень короткими фалдами, сшитых, кроме того, из сукна очень темного, практически черного, цвета. Император, заметив это, приказал увеличить длину фалд и использовать более светлое сукно. На следующий же день Булгаков фланировал по Невскому проспекту в мундире салатного цвета, фалды которого едва не подметали улицу.

Нестроевые нижние чины и денщики вместе с однобортным серым мундиром получили серые рейтузы с красной (в морских полках — с белой) выпушкой. Пуговицы у нестроевых и после 1829 г. оставались гладкими. В Отдельном Кавказском корпусе с 1848 г. верх шапки, полукафтан и шаровары шились из серого сукна. С 1852 г. околыш серых фуражных шапок нестроевых стал шиться из сукна того же цвета, что и воротник мундиров строевых чинов.

Учрежденный в январе 1834 г. Гренадерский Стрелковый батальон получил обмундирование по образцу армейской пешей артиллерии: однобортный мундир с черными воротником и обшлагами (с красной выпушкой, причем на воротнике — по всем краям), с черной подкладкой, желтыми пуговицами и красными погонами (шифровка "Г.С." печатными буквами); темно-зеленые панталоны с красной выпушкой. На пуговицах и на ки-верном гербе армейского образца изображались гренады без номера. Красный этикет на кивере через несколько месяцев (в сентябре) был заменен на белый; помпон остался красным. Офицеры на золотых с красным подбоем эполетах носили батальонную шифровку. Амуниция в батальоне изготавливалась из черной кожи; на патронной суме крепилось изображение гренады. Офицеры были вооружены полусаблями, строевые нижние чины (кроме музыкантов) — штуцерами и тесакми, которые могли закрепляться на штуцере на манер кортиков.

Номерным стрелковым батальонам, сформированным в период с 1837 по 1845 г., присваивались егерские обмундирование и амуниция; при этом с 1840 г. воротники и обшлага стали такими же, как и в Гренадерском Стрелковом батальоне. На киверных гербах, пуговицах, красных погонах и эполетах проставлялась шифровка в виде номера батальона и буквы "С"; на патронных суммах — только номер. Унтер-офицерские нашивки на погонах с 1843 г. делались из белого с красной полоской басона в Гренадерском Стрелковом батальоне и из белого басона в прочих. Тогда же в Гренадерском батальоне шифровка на погонах и эполетах стала проставляться не печатными, а прописными буквами.

В 1843 г. 4-й Стрелковый батальон был переименован в Кавказский Стрелковый (одновременно вновь сформировали новый 4-й

батальон). Шифровкой батальона стала буква "К."; на суме помещалась бляха в виде Гренады. Вместо кивера чины Кавказского батальона постоянно носили фуражные шапки.

Для поощрения нижних чинов, постоянно отличающихся меткой стрельбой, в 1843 г. были установлены нашивки из унтер-офицерского галуна: для унтер-офицеров — на погонах, для стрелков — вокруг обшлагов мундира.

В 1844 г. Гренадерский Стрелковый батальон получил каски с султанами, номерные батальоны — каски без султанов. На фуражных шапках батальонов околыш был черным, тулья — темно-зеленой; выпушка на тулье, по верху и по низу околыша — красной. У нижних чинов на околыше просекались номер роты и литера "Р", подложенные желтым сукном.

Финский Стрелковый батальон, сформированный в 1846 г., получил обмундирование по образцу Гренадерского Стрелкового батальона со светло-синей выпушкой и без шифровок на погонах и эполетах. За недостатком штуцеров батальон изначально был вооружен драгунскими ружьями.

В 1848 г. Гренадерский батальон был переименован в Резервный Стрелковый; обмундирование его стало во всем подобно номерным батальонам, но с шифровкой "Р.С." (на суме, вероятно, осталась гренада). Гренадерским Стрелковым стал называться бывший Финский; ему были положены серебряный металлический прибор, светло-синие выпушки, султан на каске, белая с синим просветом тесьма для музыкантских нашивок и шифровка "Г.С."

В том же году Кавказскому батальону было присвоено обмундирование егерских полков Отдельного Кавказского корпуса; воротник (с выпушкой по всем краям) и обшлага остались черными с красными выпушками. Три года спустя батальону были присвоены патронташи с гнездами на 40 патронов.

В 1854 г. из прежнего Резервного батальона было организовано два новых — 1-й и 2-й Резервные Стрелковые; при одинаковой с бывшим Резервным батальоном форме они отличались шифровками на гербе, пуговицах, погонах, эполетах и на гренадах сум; шифровки представляли собой номер батальона и буквы "Р.С."

Значительные отличия в обмундировании сохранила за собой Гвардия.

Уже в декабре 1825 г. чинам Преображенского и Семеновского полков, служившим в ротах, шефом которых был Александр I (по состоянию на 19 ноября 1825 г.), присвоили памятные знаки — вензеля покойного Императора под короной: медные — на погоны нижних чинов и серебряные — на офицерские эполеты. Спустя два года и для увольняемых со службы нижних чинов и офицеров этих рот (а также и для получивших офицерское звание) установили особый знак — вензель Александра в лавровом венке — для ношения на левой стороне груди. У офицеров этот знак золотился, у нижних чинов был бронзовым.

Гвардейцы сохранили свои мундиры с лацканами, но в феврале 1826 г., подобно всей остальной пехоте, получили темно-зеленые панталоны с красной (в Литовском и Волынском полках — с желтой) выпушкой. Под панталоны нижние чины всегда, а обер-офицеры (кроме адъютантов) в пешем строю носили черные суконные полустиблеты с 5 — 6 пуговицами приборного металла. Верховые офицеры вместо темно-зеленых панталон летом надевали белые полотняные (без козырька) или замшевые.

С 1827 г. звездочки на эполетах золотились в Литовском и Волынском полках; в остальных полках звездочки были серебряными. Тогда же на мундирах чинов "новых" полков — Московского, Гренадерского, Павловского и Финляндского — появились красные клапаны обшлагов.

На кивере 1827 г. гвардейцы носили несколько изменившийся герб; на груди орла в щите помещалось изображение св. Георгия Победоносца или литовского всадника (в Литовском и Волынском полках). Двуглавый орел с 1829 г. изображался и на пуговицах чинов Гвардии.

Изменение мундиров польских и литовских войск сказалось и на Лейб-Гвардии Литовском и Волынском полках, в мундирах которых желтое сукно повсеместно было заменено на красное, а изображение литовского всадника — на московский герб. С 1832 г. оба полка получили и новые шинели по образцу Лейб-Гвардии Московского и Финляндского полков с красными петлицами на воротниках.

Гвардейская пехота, 1844—1855 гг.

Обер-офицеры Лейб-Гвардии Преображенского полка (в летней парадной и выходной формах), рядовой Лейб-Гвардии Семеновского полка в летней парадной форме, унтер-офицер Лейб-Гвардии Измайловского полка в зимней обыкновенной форме

Гвардейская пехота, 1844—1855 гг.

Штаб-сигнальщик и штаб-офицер Лейб-Гвардии Гренадерского полка, обер-офицер Лейб-Гвардии Павловского полка в зимней походной форме, унтер-офицер Лейб-Гвардии Московского полка в летней парадной форме

С 1831 г. права Старой Гвардии были распространены на Гренадерский и Павловский полки; в соответствии с этим изменением статуса нашивки на мундирах нижних чинов стали желтыми с красной полоской, серебряные галуны и этишкеты тамбурмажоров — золотыми, темно-зеленые чепраки — красными с цветной обшивкой (светло-синия в Гренадерском полку, белая — в Павловском).

В 1832 г. Гвардия пополнилась двумя новыми пехотными полками — гренадерскими Императора Австрийского и Короля Прусского. Оба полка получили мундиры гвардейского образца с красными лацканами, обшлагами, клапанами обшлагов, обкладкой и подкладкой фалд. Металлический прибор в полках стал серебряным; на пуговицах и на киверных гербах армейского образца помещалось изображение гренады без номера. Погоны были оставлены прежние — желтые с красными вензелями, но эполеты стали серебряными с серебряными вензелями на желтом поле; петлицы также вышивались серебряной проволокой. Различием двух полков стал цвет воротника: светло-синий с красной выпушкой в полку Императора Австрийского и темно-зеленый с красной выпушкой в полку Короля Прусского. Вскоре в полках были установлены новые шинели и фуражки: в первом полку — по образцу Лейб-Гвардии Гренадерского, во втором — по образцу Лейб-Гвардии Павловского. Шинели новых полков отличались белыми пуговицами с гре-надами без номера. Офицерские чепраки и чушки темно-зеленого сукна с серебряными галунами и без звезд обкладывались светло-синим (в первом полку) или белым (во втором) сукном. Гвардейские петлицы на воротниках и клапанах обшлагов мундиров нижних чинов были введены двумя годами позже и делались из белого басона.

В легкой гвардейской пехоте 1833 г. ознаменовался присвоением тамбурмажорам красных султанов с белым верхом и оранжевой полосой.

Введенные в 1843 г. унтер-офицерские нашивки на погонах в Гвардии делались из золотого галуна или из желтого с красными полосками шерстяного басона.

На касках образца 1844 г. сохранились прежние гербы; всем полкам Гвардии были присвоены черные султаны. Лишь чины Павловского полка продолжали носить гренадерские шапки, но и в этом полку с 1846 г.

офицерам вне строя разрешили носить каски с султанами. Для вновь сформированных батальонов полка в 1854 г. были установлены цвета центра кисти гренадерской шапки: в 5-м батальоне — светло-зеленый, в 6-м — светло-синий (сами кисти в гренадерских взводах были красными, в стрелковых — желтыми, в фузилерных ротах — белыми).

В 1844 г. установили новую систему расцветок фуражных шапок. В 1-м батальоне выпушка на тулье фуражек нижних чинов была красная, во 2-м — белая, в 3-м — светло-синия, в 4-м — желтая, в 5-м — темно-зеленая, в 6-м — светло-зеленая (в последних двух — с 1854 г.). На тульях офицерских фуражек выпушка была красной, в Волынском полку — желтой.

Околыши фуражек различались по полкам: в Преображенском, Московском и Литовском они были красные; в Семеновском, Гренадерском и гренадерском Императора Франца I (бывшем Императора Австрийского) — светло-синие с двумя красными выпушками; в Измайловском, Павловском и гренадерском Короля Фридриха-Вильгельма III (бывшем Короля Прусского) — белые с красными выпушками; в Егерском и Финляндском — темно-зеленые с красными выпушками; в Волынском — темно-зеленые с желтой выпушкой.

В 1852 г. офицерам для конного строя при парадной форме оставили прежние чепраки, а для походной формы ввели вице-чепраки темно-зеленого сукна с широкой суконной полосой (по цвету околыша фуражки), окруженной двумя красными (в Волынском полку — желтыми) кантами. Между полосой и кантами оставлялись просветы темно-зеленого сукна; по краям чепрака и чушек шла красная выпушка.

Лейб-Гвардии Финский Стрелковый батальон при форме по образцу гвардейской легкой пехоты имел ряд отличий. В 1829 г. при переводе в Гвардию он получил егерский гвардейский мундир со светло-синими выпушками, клапанами обшлагов, погонами и подбоем эполет; с серебряным металлическим прибором и пуговицами нижних чинов с Гренадой без номера. На груди орлов киверного герба, офицерских пуговиц и знаков изображался финляндский герб. На бляхах патронных сум помещались литеры "Л.Г.Ф.С.". В 1834 г. нижние чины получили пуговицы с

орлами. Полностью темно-зеленые фуражные шапки батальона отличались тремя светло-синими выпушками. Канты на вице-чепраках также были светло-синими.

Всем офицерам с 1832 г. разрешили носить усы. Прически продолжали следовать за веяниями моды, но начальство боролось с чрезмерными парикмахерскими изысками. В приказе по Военному ведомству от 15 ноября 1837 г. говорилось: "Государь Император, находя неприличным подражать странным, нередко достигающим к нам из-за границы обычаям носить волосы с разными неприличными прическами, повелеть соизволил: вменить в обязанность всем начальникам строго смотреть, дабы ни у кого из подчиненных не было прихотливости в прическе волос; чтобы волосы стрижены были единообразно и непременно так, чтобы спереди, на лбу и висках, были не длиннее вершка, а вокруг ушей и на затылке гладко выстрижены, не закрывая ни ушей, ни воротника, и приглажены справа налево. Вместе с тем не допускать никаких странностей в усах и бакенбардах, наблюдая, чтобы первые были не ниже рта, а последние, ежели не сведены с усами, то также не ниже рта".

В 30-х годах довольно активно стала распространяться мода на подбор в ротах и батальонах схожих людей. Так, в октябре 1837 г. приказ по 6-му корпусу обязал выбирать в 1-й гренадерский взвод рослых немолодых и видных собой солдат с усами и бакенбардами, во 2-й гренадерский взвод — широкоплечих людей не выше 2 аршин 8 вершков с густыми усами и бакенбардами, в 3-й — таких же, но белокурых, в 4-й — молодых солдат с небольшими усами. В стрелки подбирали молодых и расторопных, причем в 1-м и 3-м взводах цвет волос у них был темно-русым, а стрелки 2-го и 4-го взводов были белокурые. Белокурых мушкетеров собирали в 1, 4, 7 и 10-ю мушкетерские роты; смуглых — в 3, 6, 9 и 12-ю; темно-русых — во 2, 5, 8 и 11-ю. Офицеров также старались подбирать "в мать".

* * *

Кремневые гладкоствольные ружья вплоть до середины 40-х гг. века являлись основным оружием русских пехотинцев. Пехотные ружья образцов 1826, 1828 и 1839 гг. лишь

незначительно отличались от системы 1808 г. С 1826 г. длина ружей несколько уменьшилась; на ружье образца 1828 г. целик стали припаивать к стволу (прежде он напаивался на верхнюю латунную гайку), на казенной части сделали возвышение (холку) с прорезью для прицеливания (как раньше делали на винтовальных ружьях), приклад стал более "косым", а выемка на нем была заменена на выступ ("щеку"); ружье 1839 г. отличалось лишь формой мушки. Все это семейство ружей имело калибр 7 линий, длину ствола 3 фута 5 дюймов и 4 линии и вес со штыком 11 фунтов и 60 — 40 золотников (поздние образцы были легче). Производство новых ружей шло довольно медленно, поэтому одновременно с начала 30-х гг. началась переделка старых длинноствольных образцов: стволы и ложа укорачивались, а штыки, напротив, удлинялись; общая длина ружья со штыком оставалась прежней. Вновь обратились к идее закупки иностранного, в частности английского, вооружения. В 1831 г. из Англии было доставлено около 85 тысяч ружей. Покупка оказалась не слишком удачной: 7,5 тысячи стволов приемщики признали совершенно негодными, еще 11 тысяч были названы "сомнительными"; даже годные различались между собой по длине.

Между тем в России все большее внимание уделяли взаимозаменяемости деталей ружей. На Тульском заводе этого добились уже в 1826 г., а в 1839 г. на все заводы стали поступать единые чертежи с указанием допусков.

К началу 40-х гг. даже консервативному военному руководству стало понятно, что замки кремневой системы, просуществовавшей полтора века, безнадежно устарели. Все возможные усовершенствования этой системы были проведены, но избавиться от ряда серьезных конструктивных недостатков так и не удалось. Замок, изобилующий множеством взаимосвязанных деталей, был довольно сложным и нередко портился при разборке и сборке; нелегко было добиться оптимального сочетания упругости трех пружин на замке, что приводило к нестабильной работе. Часто приходил в негодность кремнь (солдату приходилось носить с собой несколько запасных кремней); порох на полке отсыревал при дожде и сдувался ветром; время от времени пороховым нагаром или грязью забивало затравочное отверстие; оби-

Гвардейская пехота, 1844—1855 гг.

Унтер-офицер Лейб-Гвардии Егерского полка, рядовой Лейб-Гвардии
Волынского полка, тамбурмажор Лейб-Гвардии Финляндского полка, обер-
офицер Лейб-Гвардии Финского Стрелкового батальона, гвардейский инвалид

Гвардейская пехота, 1844—1855 гг.

Рядовой Лейб-Гвардии Литовского полка в летней походной форме, штаб-офицер Лейб-Гвардии Санкт-Петербургского полка, рядовой Лейб-Гвардии Кексгольмского полка в шинели вне строя, рядовой Лейб-Гвардии Гарнизонного батальона

валось огниво. Все это приводило к тому, что даже хорошо отлаженный замок давал до **15** осечек на 100 выстрелов, а в большинстве случаев осечек было гораздо больше. Перед каждым выстрелом солдат "на глаз" отсыпал порох на полку; в основной заряд попадало разное количество пороха, и рассчитать "силу" конкретного выстрела не представлялось возможным. Немалое беспокойство стрелку причиняла вспышка пороха на полке.

С 1839 г. начала свою работу "комиссия по улучшению штуцеров и ружей", обратившая основное внимание на исследование уже получивших широкое распространение в Европе ударных (капсюльных) замков. В замках данного типа пороховой заряд в стволе воспламенялся от взрыва пороха в медном капсюле (взрыв происходил от резкого удара по капсюлю); большинство упомянутых выше недостатков кремневого замка были преодолены, осечки практически исключались.

Первым капсюльным оружием, принятым в русской армии, было крепостное ружье французского оружейника Фалиса, поставляемое в войска с 1839 г. Ружье это имело 8 нарезов в стволе калибра 8,33 линии (21,16 мм); общую длину 1811 мм и вес 10,9 кг. Кроме всего прочего, оно было казнозарядным: заряд пороха и пуля вкладывались в откидной затвор, в верхней части которого помещалась "брандтрубка" (на нее надевали капсюль). Ружье обеспечивало прицельную дальность стрельбы свыше 700 м (около 1000 шагов); при заряде пороха в 3,5 золотника (около 15 г) вес пули достигал 57,5 г (круглая пуля) или 73,2 г (коническая). Крепостные ружья были отправлены в Кавказский корпус и применялись также и в полевых сражениях: в описаниях схваток с мятежными горцами в 40-х гг. нередко упоминаются взводы или команды крепостных ружей.

Немаловажным для правительства являлось и то, что кремневые замки сравнительно легко и дешево переделывались в ударные. Поэтому уже в 1844 г. на вооружение стали поступать "переделочные" ружья, а годом позже был разработан образец нового ружья с ударным замком.

Кремневые ружья переделывались в ударные следующим образом: с замка снимали огниво и подогнвную пружину, срезали полку, завинчивали винтом с широкой головкой расширенную затравку, вваривали под-стержник со стержнем, курок заменяли прос-

тым ударником, все отверстия от прежних винтов завинчивали и заравнивали.

Ружье 1845 г. при калибре 7,1 линии имело длину со штыком 1829 мм и вес 4,7 кг. В боевой патрон насыпали 3 золотника (12,75 г) пороха и закладывали пулю весом 28 г.

С принятием ударных ружей несколько изменился процесс заряжания. Солдат теперь, скусив верхнюю часть патрона, высыпал в дуло весь порох и, вложив патрон пулей вниз, прибивал несильными ударами шомпола. После этого он насаживал на затравочный стержень капеюль и плотно обжимал его пальцами. За счет меньшего прорыва газов в ударном замке характеристики ружья несколько улучшились: дистанция прямого выстрела возросла до 200 шагов, дальность прицельного выстрела — до 350 шагов. На испытаниях "отличные" стрелки попадали в мишень шириной 1 аршин 14 вершков и высотой 2 аршина 12 вершков в 60 случаях из 100 с расстояния в 150 шагов, в 50 случаях — с 200 шагов, в 20 случаях — с 300 шагов.

Для ударных гладкоствольных ружей были несколько изменены правила прицеливания: на 200 шагов целили в грудь человека, на 250 шагов — в голову, на 300 — выше головного убора.

В 1849 г. на вооружение поступил ударный офицерский пистолет, а в 1852 г. — последний образец гладкоствольного пехотного ружья, отличавшийся от образца 1845 г. железной мушкой, рядом мелких деталей, более изогнутой ложей (что облегчало прицеливание) и широким затылком приклада.

Ружья образцов 1844, 1845 и 1852 гг. были основным оружием пехоты в конце 40 — 50-х гг. XIX века; в войсках, участвовавших в боевых действиях в Крыму, к **1856** г. до 80 процентов ружей относились именно к этим образцам; кремневые ружья по большей части сохранились лишь в гарнизонной пехоте и в войсках Кавказского корпуса.

Достаточно активно в царствование Николая I шла работа по совершенствованию нарезного оружия, хотя количество его в войсках по-прежнему было невелико.

В 1827 г. на вооружение Лейб-Гвардии Финского Стрелкового батальона был принят 6-линейный штуцер с 24 нарезами внутри синеного ствола.

В 1840 г. для перевооружения гвардейских стрелков и для штуцерных команд 1, 2, 3, 4-го пехотных и Отдельного Кавказского корпу-

сов, а также для стрелковых батальонов были закуплены бельгийские штуцера, называемые "литтихскими" (Литтих — современный город Льеж). Вороненый ствол штуцера калибром 7 линий имел два нарезка; весь штуцер при длине 1242 мм весил 4,34 кг, замок был ударным. Круглая пуля весом 33 г вставлялась в нарезки выступом (пояском). Штуцер начал поступать в войска в 1843 г.; к 1849 г. насчитывалось около 21000 единиц этого оружия. Во второй половине 40-х гг. шла постоянная работа по усовершенствованию штуцера: в стволе начали делать 4 нарезка, а на пуле — два пояса; обычный штуцерный прицел в 1848 г. заменили на "гессенский", имеющий деления от 200 до 1200 шагов (прицельная дальность стрельбы); на дульном срезе делались выемки, обозначавшие нарезки, что давало возможность вставлять пулю на ощупь.

Кроме того, в 1848 г. круглая пуля штуцера была заменена на остроконечную с двумя выступами, что сразу улучшило характеристики оружия. Так, на испытаниях в мишень на расстоянии от 300 до 600 шагов попадало свыше 7000 остроконечных пуль из 9000 выпущенных и только 6000 круглых из того же количества. Введение остроконечной пули позволило существенно увеличить и дальность стрельбы обычных гладкоствольных ружей: если круглая пуля летела на 300 — 350 шагов, то остроконечная — на 600.

В 1845 г. учитель "цельной" стрельбы при Гвардейском корпусе Гартунг предложил новый штуцер, получаемый путем переделки драгунского гладкоствольного кремневого ружья образца 1839 г. В стволе делалось 2 нарезка, сам ствол и шомпол воронили, а медным частям придавали цвет бронзы; замок переделывали в ударный; прицел был рассчитан на 200, 300, 400 и 500 шагов. Цилиндроконическая пуля с "ушками" весила около 50 г. Штуцер был вдвое дешевле литтихского, но и характеристики его были значительно хуже. В 1848 г. он был принят на вооружение плтуцерных Гвардейского и Гренадерского корпусов (по 24 на батальон).

Еще один штуцер, переделанный из ударного пехотного ружья образца 1845 г., сконструировал штабс-капитан Лейб-Гвардии Финского батальона Эрнрот. Самым интересным в этом штуцере было то, что он принадлежал к так называемой "стержневой системе": к казеннику крепился конусообразный сталь-

ной стержень, порох засыпался вокруг стержня, пуля ударами шомпола расплющивалась о стержень и вжималась в нарезки ствола. На шомпол наваривали медный наконечник с углублением по форме верхушки цилиндроконической пули. В стволе делалось 5 нарезов; врезался "гессенский" прицел. К 1852 г. штуцерами Эрнрота были вооружены штуцерные первых трех полков 1-й гвардейской дивизии, но дороговизна переделки, невысокая меткость и ряд технических недостатков заставили отказаться от широкого внедрения этого штуцера.

К 1854 г. на вооружении стрелковых батальонов и штуцерных команд (по 26 на батальон) состояли в основном литтихские штуцера и в небольшом количестве — штуцера Гартунга и Эрнрота (застрельщики 5-го и 6-го корпусов получили литтихские штуцера только в 1851 г.). Все стрелки, вооруженные штуцерами, имели и обычные гладкоствольные ружья — для учений, парадов и других подобных случаев. Литтихские штуцера, используемые в боевых условиях, оказались довольно капризным оружием. В Севастополе штуцерные каждую ночь уходили с бастионов для промывки стволов; перед штурмом в августе 1855 г., когда солдат запретили отпускать с укреплений, штуцера за два дня засорились до такой степени, что заряжать их стало невозможно.

С 1854 г. в армию стали поступать новые образцы пехотных ружей: переделочное нарезное и нарезное. В штуцерных командах они постепенно заменяли штуцера; одновременно и количество их увеличивалось. В начале 1854 г. положено было вооружать нарезными ружьями 26 человек в батальоне, в сентябре 1854 г. — 24 человека в роте, в январе 1855 г. — 26 человек в роте.

В переделочном ружье образца 1854 г. калибром 7,1 линии делалось 4 нарезка, на стволе устанавливался "гессенский" прицел; одна мушка приваривалась на стволе, другая — на штыковой трубке; шомпол имел медную головку. Для стрельбы была принята так называемая "бельгийская" пуля, расширяющаяся при взрыве пороха и вдавливающаяся в нарезки ствола.

Ружье образца 1854 г. отличалось несколько меньшим, 7-линейным калибром.

На замену прежнего крепостного ружья в 1851 г. было принято ружье полковника

Армейская пехота, 1844—1855 гг. Флейтщик и рядовой гренадерских полков, нестроевой егерских полков (с 1852 г.), рядовой карабинерных полков, унтер-офицер пехотных полков

Армейская пехота, 1844—1855 гг.

Инвалид уездных инвалидных команд, унтер-офицер внутренних гарнизонных батальонов, рядовой Гренадерского Стрелкового батальона, рядовой финских стрелковых батальонов (с 1846 г.), рядовой линейных батальонов

Музыкальные сигнальные инструменты.

Барабан образца 1851 г. (1); флейтный футляр образца 1851 г. флейтчиков Отдельного Кавказского корпуса (2); английский сигнальный рожок образца 1849 г. (3); горн образца 1817 г. (4)

Куликовского — нарезное, ударное, дульно-зарядное, стержневой системы, калибром 8,5 линии с 8 нарезками в стволе, с "гессенским" прицелом и шомполом с медной головкой. Прицельная дальность стрельбы 76-граммовой пулей составляла около 1000 шагов. Под цевьем к ружью крепилась рукоятка для левой руки; дульную часть перед выстрелом клали на бруствер; на приклад надевали кожаный чехол с войлочной подушкой. Точность стрельбы ружья была значительно выше, чем у прежней системы.

Нарезное оружие из-за своей дороговизны медленно внедрялось в войска. Даже после Севастопольской эпопеи в полках насчитывалось не более 13-14 % нарезных ружей, причем многие из них были трофейными. Так, количеством нарезного оружия в начале 1855 г. резко отличался Охотский пехотный полк, которому было официально разрешено не сдавать трофейное оружие: в полку, таким образом, набралось до 400 нарезных ружей. Переделка отечественных гладкоствольных систем, как правило, не приносила значи-

тельных результатов. Командир 1-й карабинерной роты Алексопольского егерского полка В. Зарубаев позднее писал: "Ружья у нас были гладкоствольные; французские пули Минье (остроконечные. - И.У.), введенные у нас во время осады, после двух или трех выстрелов не входили в дуло. Солдаты загоняли пулю, ударяя камнем по шомполу; шомпол гнется в дугу, а пуля не подается. Колотили как в кузнице. Солдаты приносили сальные огарки, смазывали пулю, но все не помогало. Ружья, переделанные на нарезные, раздирались по нарезам. Немудрено, что в таком положении офицеры приходили в отчаяние, а солдаты бредили изменой" [109, т.2, стр.447].

С 1826 г. на вооружение офицеров пехоты стала поступать сабля, заменявшая прежние строевые шпаги. Офицерская пехотная сабля (полусабля) образца 1826 г. имела незначительно искривленный однолезвийный клинок с одним долом; деревянная рукоять покрывалась черной лакированной кожей и обматывалась витой проволокой, гарда с одной дужкой украшалась растительным орнаментом. Сабля носилась в черных лакированных кожаных ножнах. Гарда, головка рукояти, устье и наконечник ножен золотились. Общая длина сабли составляла 930 мм, длина клинка — около 798 мм, масса -1,35 кг [128, стр.49].

Нижним чином Отдельного Кавказского корпуса в 1848 г. был. присвоен новый пехотный солдатский тесак с двулезвийным прямым клинком без долов. Медный эфес состоял из рукояти (с поперечными желобками) с головкой и крестовины с закругленными краями. Деревянные ножны покрывались кожей, устье со шпеньком и наконечник делались из латуни. Общая длина тесака составляла 640 мм (из них клинок — 490 мм), масса - 1,4 кг [128, стр.103].

Значительно умножилась численность и возросло качество полковых музыкантских хоров. Так, по штатам 1833 г. в армейском полку полагалось иметь 16 музыкантов унтер-офицерского чина и 24 рядовых. В хорах использовались кларнеты четырех строев, гобои, бассетгорны, "большие флейты", "флейт-октавы", обычные флейты двух строев, боль-

шие кварт-флейты, флейты "кварт-октавы", валторны, трубы, почтовые и сигнальные рожки, фаготы, контрафаготы, бас-горны, бас-тромбоны, треугольники, тарелки, большие и малые барабаны. К концу царствования в число употребляемых в войсках музыкальных инструментов вошли английские рожки, пикколо-кларнеты и трубы "с машинами".

* * *

"Устав о службе в гарнизоне", изданный при Николае I, по подробности разработки церемоний превосходил павловский.

Караулы делились на городовые и почетные; последние выставлялись при проезде или остановке в населенном пункте Императора, особ Императорской Фамилии и имеющих право на почетные караулы лиц.

Городовые караулы могли быть постоянными или временными; постоянные и почетные караулы сменялись через сутки, в случае крайней необходимости караул мог находиться на посту не более двух суток. При большом количестве караулов из них составлялось несколько отделений, в каждом из которых назначался старший караул (офицерский караул с наибольшим числом людей). Главным начальником караулов считался военный губернатор, а непосредственным — комендант.

По числу людей караулы разделялись на офицерские, унтер-офицерские и ефрейторские. В офицерских караулах было не менее 8 рядовых, в унтер-офицерских — от 7 до 23, в ефрейторских — от 3 до 7. В караул со знаменем назначалось не менее 60 человек.

Численность почетных караулов зависела от значимости охраняемой особы: к Императору, Императрице и "иностранным Государям, имеющим титул Величества", выделялась рота со знаменем, хором музыкантов и полковым адъютантом; к Великим Князьям, Княгиням, Князьям, к иностранным Государям и Принцам, имеющим титул Высочества, к генерал-фельдмаршалу, Военному министру и главнокомандующим армиями в отсутствие Императора выставлялся такой же караул, а в присутствии — поручик, 2 унтер-офицера, барабанщик и 40 рядовых. К "прочим генералам и к иностранным Принцам" в отсутствие Императора назначались караулы

по чинам (причем только к старшему по чину): к полному генералу — подпоручик, два унтер-офицера, барабанщик и 18 рядовых; к генерал-лейтенанту — прапорщик, 2 унтер-офицера, барабанщик и 15 рядовых; к генерал-майору — унтер-офицер и 12 рядовых.

Почетные караулы выделялись от старших в гарнизоне полков.

Дежурным по караулу батальона назначался батальонный командир или младший штаб-офицер; если в караул заступало менее батальона, то дежурил капитан.

В офицерские караулы назначались барабанщики (один — при одном офицере, два — при двух и более), горнисты (если караул выделялся от стрелкового взвода) и по одному флейтщику в тех ротах, где они числились; к унтер-офицерским караулам барабанщик наряжался лишь в случае необходимости. У застав города выставлялись офицерские караулы, к каждому из которых причислялись грамотные унтер-офицер (для записывания проезжающих) и трое рядовых (для опроса). К унтер-офицерскому караулу у заставы наряжался лишь грамотный рядовой.

Караул со знаменем всегда делился на два взвода со знаменными рядами между ними; в два взвода строились также караулы из двух офицеров и более чем из 28 рядов солдат. Трое рядовых вставляли в одну шеренгу, от 4 до 8 — в две, более 8 — в три шеренги.

У Императора, Императрицы, Великих Князей, Княгинь и Княжон и у иностранных Государей, имеющих титул Величества, у входа ставились двое часовых лицом к лицу; один из них держал ружье у ноги (по-ефрейторски), другой — на плече. У генерал-фельдмаршала, главнокомандующего армией и у Военного министра часовые стояли спиной к дому, оба держали ружья у ноги. У полного генерала один из часовых держал ружье на плече. У генерал-лейтенанта спиной к дому стоял один часовой с ружьем у ноги, у генерал-майора — с ружьем на плече. Часовые у крепостных ворот и мостов стояли боком к стене или реке; у дверей казенных зданий и магазинов — спиной к стене. Внутренние и "уборные" часовые становились боком к дверям, имея ружье у ноги. Каждому наружному часовому полагалась будка, развернутая фасадом в ту же сторону, что и часовой лицом.

К высокопоставленным особам наряжались почетные ординарцы и посыльные —

Армейская пехота, 1853—1855 гг.

Штаб-офицер пехотных полков в сюртуке, штаб-офицер стрелковых батальонов в походной шинели верхом, обер-офицер егерских полков в походной шинели, ротный барабанщик пехотных полков в шинели

Армейская пехота, 1853—1855 гг.

Сигнальщик егерских полков в шинели, унтер-офицер и рядовой стрелковых батальонов, рядовой пехотных полков

офицеры, унтер-офицеры или рядовые, в зависимости от чина. Являясь к начальнику, ординарцы рапортовали о прибытии с титулованием: к Императорам и Королям — "Ваше Императорское или Королевское Величество"; к Великим Князьям и иностранным Принцам — "Ваше Императорское или Королевское Высочество"; к Светлейшим князьям — "Ваша Светлость", к прочим князьям и графам — "Ваше Сиятельство", к генерал-фельдмаршалу и полному генералу (если они не имели княжеских и графских титулов) — "Ваше Высокопревосходительство", к прочим генералам — "Ваше Превосходительство". От вступающей в караул части или подразделения назначались и ежедневные ординарцы и посыльные.

Разводы караулов бывали с церемонией и без церемонии; развод нескольких караульных отделений назывался "общим".

Разводы без церемонии производились на открытом воздухе при морозе свыше 5 градусов, а в экзерциргаузах — свыше 10 градусов. С 1 сентября по 1 июня развод начинался в 10 часов, с 1 июня по 1 сентября — в 8 часов утра; воскресные и праздничные разводы начинались в 12 часов.

По виду формы одежды различались разводы: "в парадной форме", "в праздничной форме", "в обыкновенной форме", "в шинелях". Парадная форма надевалась в Новый год, в Богоявление Господне, в первые три дня Пасхи, в день святого Георгия (26 ноября), в первые три дня праздника Рождества Христова, в дни рождения и тезоименитства Императора, Императрицы, Великих Князей, Княгинь и Княжон, в дни восшествия на престол Императора и коронования Их Императорских Величеств.

В праздничную форму караулы одевались 19 марта, в Благовещение Богородицы, в Вербное и Фомино воскресенья и в день св. Андрея Первозванного (30 ноября). При морозе свыше 10 градусов или при плохой, по мнению начальства, погоде назначался развод в шинелях.

При разводах обязаны были присутствовать все свободные от службы офицеры, которые выстраивали особую линию лицом к разводу. В Гвардии офицеры полков вставали по старшинству формирования, в армии — по номерам корпусов, дивизий и бригад; пехотные офицеры стояли между кавалерийскими и артиллерийскими. Офицеры одной

части также строились по старшинству: впереди стояли генералы, в двух шагах за ними — штаб-офицеры в одну шеренгу, позади всех — обер-офицеры в одну, две или три шеренги, причем впереди — капитаны и штаб-капитаны. За офицерской линией в две шеренги выстраивались присылаемые от частей гарнизона за паролем фельдфебели и унтер-офицеры.

На разводе с церемонией в обязательном порядке присутствовал хор музыки. Если в разводе участвовали два батальона с разной музыкой (например, гренадерский и карабинерный или пехотный и егерский), то выводились оба хора.

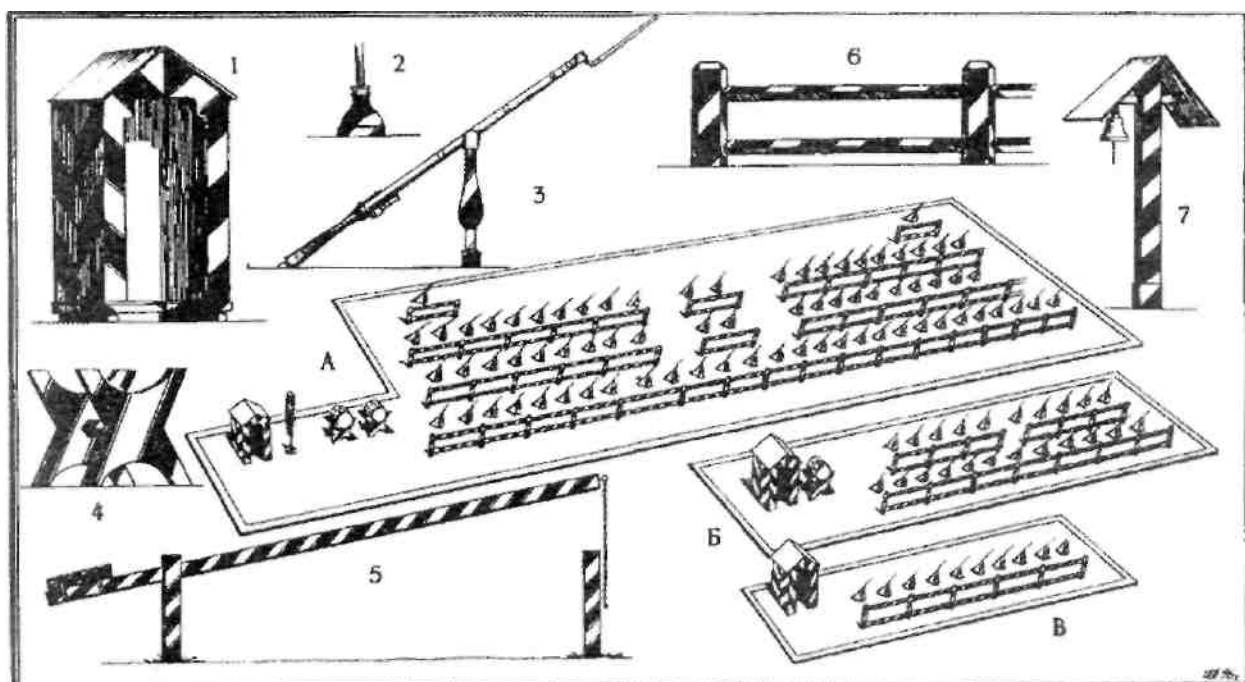
Заступающие в караул нижние чины имели в сумках по 10 боевых патронов, в капсюльных сумочках — 10 капсюлей; солдаты, имеющие кремневые ружья, в будни вставляли в курок деревянный кремнь, а в праздничные — каменный (боевой).

Караулы с музыкой расходились по своим местам, причем в распутицу и ненастье все караулы рядами маршировали по тротуарам, "но, вообще, не мешая посторонним людям ходить". Тогда же солдаты, которые были при разводе в мундирах, накидывали поверх амуниции шинели, а при дожде брали ружья "от дождя".

При приближении сменного караула на 60 шагов старый караул становился в ружье; в 30 шагах он брал "на караул", а барабанщики били "одно колено похода". Идущий караул в 50 шагах брал "под приклад". Караульные офицеры обменивались установленными фразами: "Зачем пришел?" — "Сменить караул Его Императорского Величества". — "Честь и место".

В караульном доме заступающие на посты часовые имели возможность надеть кенги, раскатать шинели и вернуть боевые кремни.

При заступлении караула со знаменем на "плац-форму" выполнялась сложная церемония сворачивания знамени: "...Оное свертывается старшим при смене Начальником, и для того, когда Начальник подойдет к знамени, унтер-офицер наклоняет оное на левый локоть; Начальник, став с правой стороны знамени, берет висящий под копьём конец полотна и кладет оное краем вдоль древка; Дежурный по караулам, находящийся с левой стороны знамени, против Начальника, принимает и придерживает сей конец; потом Начальник берет другой угол полотна и кладет

Плац-формы.

Главной гауптвахты (А), офицерского караула (В), унтер-офицерского караула (В).

Оборудование плац-форм: будка часового (1), знаменная тумба (2), ружейная сошка (3), барабанная подставка (4), шлагбаум (5), надолбы (6), колокольный столб с колоколом (7)

онный к копыю; затем загибает до древка составившийся в середине угол; унтер-офицер в это время начинает вертеть древко правой рукой направо, и когда полотно навернется, то Дежурный по караулам, сняв с тесака знаменного унтер-офицера темляк, кладет его тесьмою сверху и, обхватив оную знамя, продевает кисть темляка и затягивает; потом, натянув тесьму вдоль знамени, остающеюся частью тесьмы с кистью обводит кругом знамени, продевает кисть под тесьму и затягивает ее; после чего унтер-офицер вставляет знамя в тумбу и караул уходит в караульный дом по приказанию старшего Начальника" [75, стр.132—133].

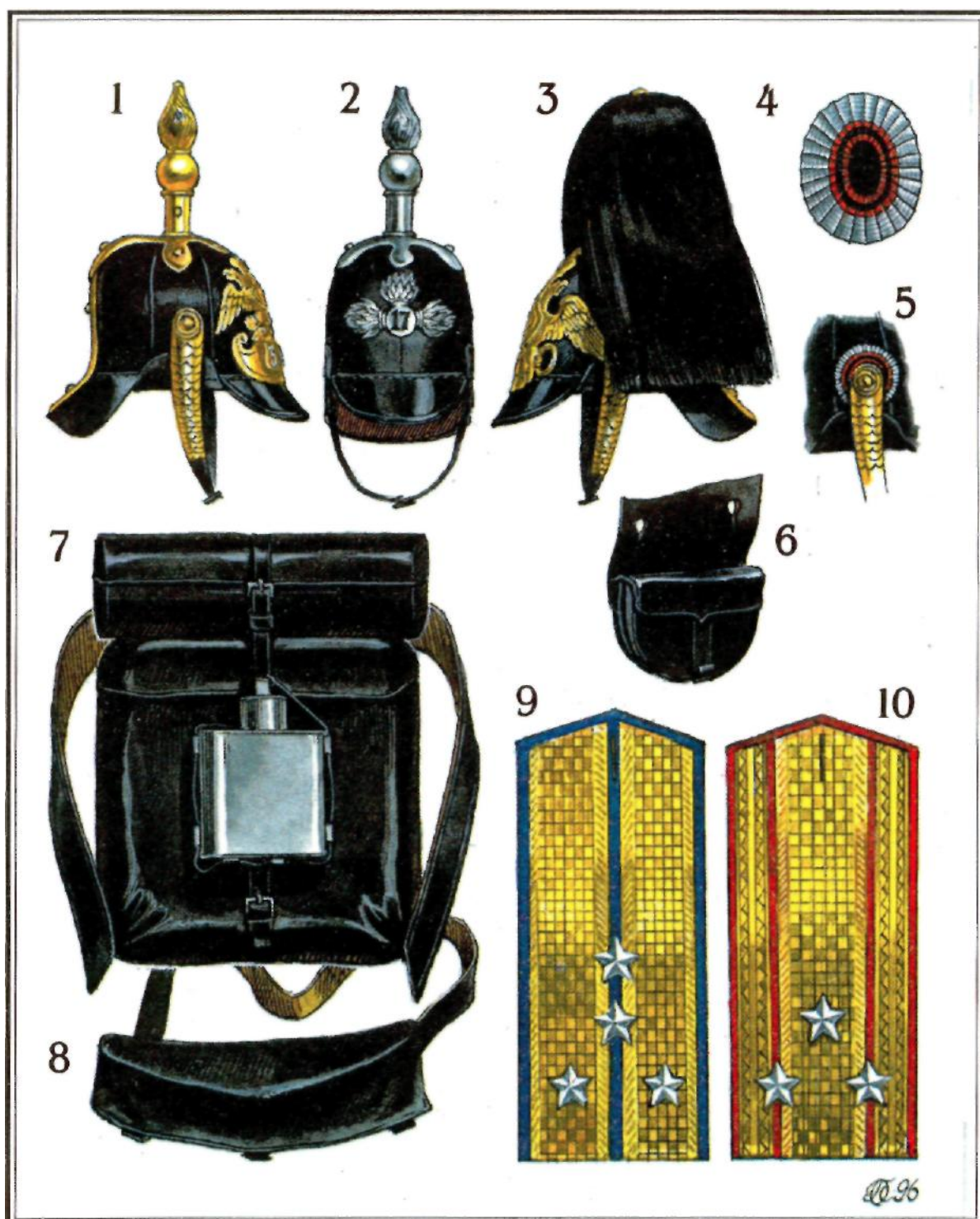
В караульных будках в холодное время имелась особая постовая шинель или тулуп, которые часовой надевал в рукава поверх амуниции.

Если часовые приходили на караул в ранцах, то разводящий унтер-офицер или ефрейтор сначала отдавал свое ружье сменившемуся часовому и надевал на него ранец; потом он снимал ранец с застывшего часового.

Стоящий на платформе ("плац-форме") часовой в случае необходимости вызывал весь караул в ружье. Для этого он сначала снимал постовую шинель или тулуп, потом два раза звонил в колокол или кричал "вон!" (если колокола не было). Караульные выбегали на платформу, становились слева от своих сошек и брали с них ружья (к ноге). Барабанщики забирали барабаны со станков, знаменный унтер-офицер вынимал знамя из тумбы. По команде караульного начальника караул выходил вперед и смыкался к правому флангу.

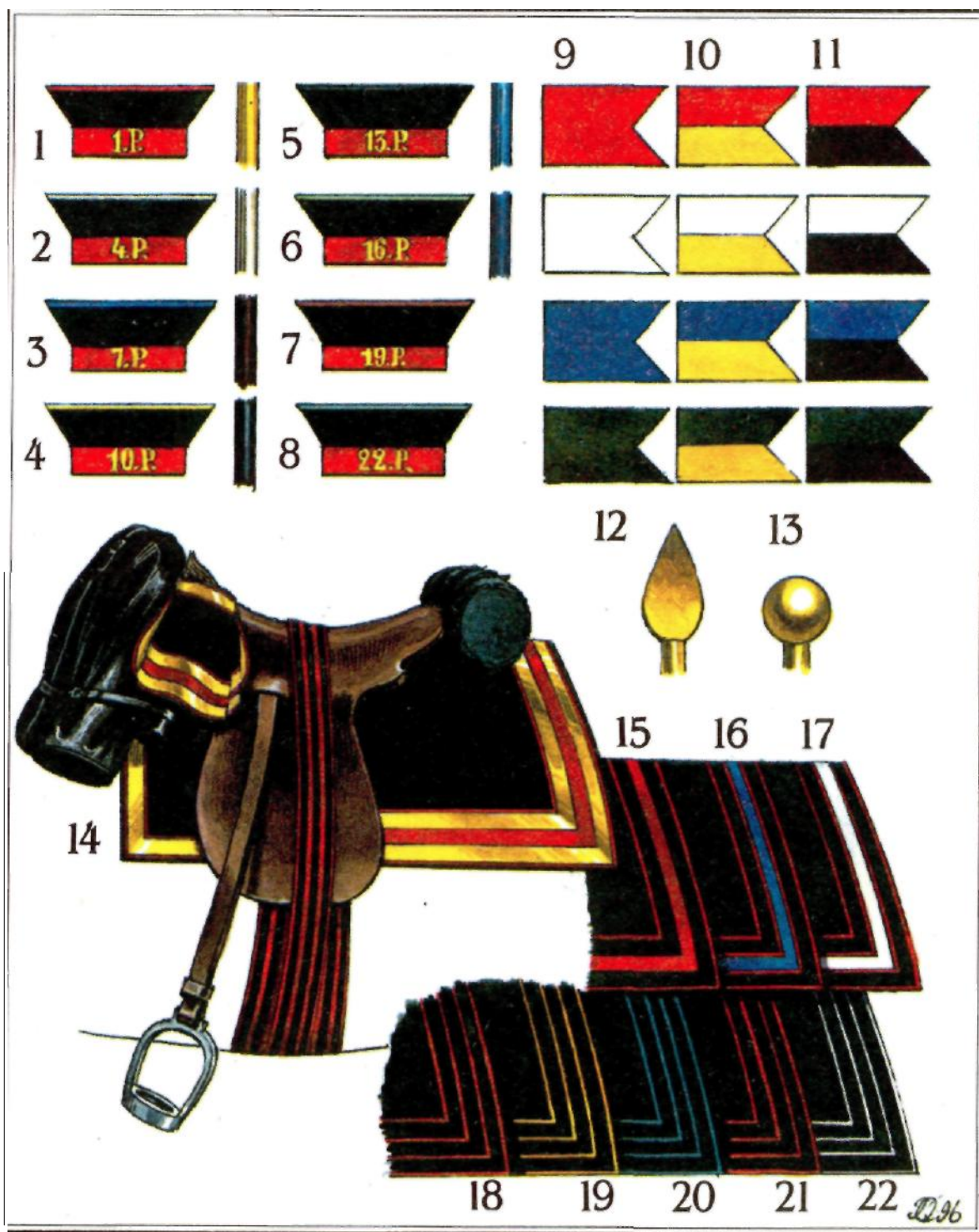
Караул вызывался в ружье при "приближении значительной вооруженной команды, в случае необыкновенного шума, беспорядка или пожара вблизи караульного дома и в случае столпления пред оным народа"; причиной вызова караула могло быть и приближение арестантской партии.

Помимо этих причин, караульные вызывались для отдания чести. Честь отдавалась Императору, Императрице, всем особам императорского дома, "иностранным Государям, Принцам и Принцессам, имеющим титул

1844-1854 гг.

Каски образца 1844 г.: полевой пехоты без султана (1), гарнизонных батальонов (2), гвардейской пехоты с султаном (3). Кокарда офицерская на фуражку (с 1844 г.) (4), кокарда офицерская на каску (с 1845 г.) (5). Капсюльная сумочка (с 1846 г.) (6). Ранец (7) и патронташ (8) полков Отдельного Кавказского корпуса (с 1848 г.). Погоны офицерские на походную шинель (с 1854 г.): обер-офицерские (9), штаб-офицерские (10)

Детали обмундирования
(пояснения - на стр.188)

Императорского или Королевского Высочества"; одетым в мундиры иностранным послам, посланникам и генералам; генералам российской службы; коменданту и плац-майору гарнизона; начальнику штаба и дежурному офицеру корпуса, своим бригадному и полковому командирам, штаб-офицерам своего полка или батальона, дежурному по караулу. Ротному командиру отдавали честь унтер-офицерские и ефрейторские караулы.

Честь с барабанным боем гвардейские офицерские караулы отдавали Императору, Императрице, иностранным Государям с титулом Величества, знаменам, штандартам, хоругвям и крестам. Армейские офицерские караулы, помимо этого, отдавали честь с барабанным боем Великим Князьям, Княгиням и Князьям; иностранным Государям и Принцам с титулом Высочества; генерал-адмиралу, фельдмаршалу, Военному министру, главнокомандующему армией, начальнику Главного морского штаба и Морскому министру.

Караульные знаменные унтер-офицеры салютовали знаменем лишь особам с титулом Величества, хоругвям и крестам.

После пробития вечерней и до утренней зори караульные при отдании чести не брали на караул, а барабаны не били.

Из приведенного выше списка видно, сколь сложна была задача часового на платформе: он должен был вовремя разузнать в приближающемся человеке особу, достойную отдаче чести. Фельдфебель Лейб-Гвардии Московского полка Павел Петров вспоминал потом: "Тогда очень много было караулов, и в них строго приходилось. Бывало, как чешую от каски застегнешь в казармах, идя в караул, — так и не расстегнешь, пока на другой

Летали обмундирования (к стр. 187)

Фуражные шапки (с 1844 г.) и древки жалонерских значков (с 1833 г.) в 1-8-м батальонах (1-8). Жалонерские значки в 1-4-м полках 1-3-й дивизий пехотного корпуса (с 1833 г.) (9-11). Навершие жалонерских значков: с 1833 г. (12), с 1846 г. (13). Офицерский знак (с 1854 г.) (14). Офицерские вице-чепраки (с 1852 г.): полков Преображенского, Московского, Литовского, армейской тяжелой пехоты (15); полков Семеновского, Гренадерского, Кексгольмского (16); полков Измайловского, Павловского, Санкт-Петербургского (17); полков Егерского, Финляндского, армейской легкой пехоты (18); Волинского полка (19), Финского Стрелкового батальона и поселенных финских стрелковых батальонов (20), стрелковых батальонов (21), морских полков (22)

день опять в казармы не явишься... Великий Князь Михаил Павлович сам проверял караулы, да еще на извозчика сядет, да откуда-нибудь из-за угла, чтобы его не заметили. А попробуй только прозевай его — так и унтер-офицера сейчас разжалует, и офицера на гауптвахту, и всем достанется. Тогда, бывало, один часовой на платформе стоит, а человека 3 или 4 махальных на всех углах. Редкий караул был, чтобы кому не нагорело здорово" [133, т.2, стр.175].

При осмотре караула предусмотренными уставом особами начальники отдавали рапорт с титулованием: "Караул Его Императорского Величества при таком-то месте обстоит исправно; нового ничего нет (или что случилось), под арестом штаб- и обер-офицеров столько-то, нижних чинов и разного звания столько-то".

Важная особа могла одним мановением руки остановить церемонию отдачи чести. В уставе предусматривался целый ряд действий, сопровождающих "мах рукой": если особа махала рукой после вступления караула на платформу, то караульные вставали у своих сошек и не брали ружья; если до вступления — разворачивались и уходили в караульный дом; если караульные уже взяли ружья на плечо — по "маху" они опять клали их в сошки.

При следовании мимо платформы погребальной процессии караул также вызывался в ружье и брал "на погребение"; если в процессии принимала участие военная команда, то из положения "на погребение" брали "на караул", барабанщики били и горнисты играли "поход".

Военное погребение, равно как и проследование знамен, штандартов, хоругвей и крестов, было причиной вызова караула и при морозе свыше 10 градусов; в такую погоду караул не вызывался ни для кого более.

Часовые на постах сменялись каждые два часа, причем всегда в нечетные часы. Часовой на платформе вызывал смену одним ударом колокола или криком "смена!".

Зори бились: вечерняя — в 9 часов вечера, утренняя — на рассвете в летнее время и "когда можно будет читать во дворе" зимой. Поскольку рассветало летом довольно рано, а зимой — поздно, то местный военный начальник обладал правом назначать время пробития утренней зори по своему усмотрению. В караулах при дворцах и замках во

время пребывания членов Императорской Фамилии, а также при госпиталях или вблизи оных утренняя зоря не билась.

За четверть часа до зори барабанщики били "повестку". Часовой, увидев, что наступило время играть зорю, бил в колокол один раз или кричал "к зоре!". В прикрытие к музыкантам и барабанщикам выделялись ефрейтор и 1—2 рядовых. Вместе с барабанщиками зорю играли караульные горнисты и флейтчики; начальники, помимо этого, могли назначать на зорю и музыкантов. Сыграв на особо назначенном месте зорю, вся команда возвращалась на платформу. Барабанщики били "на молитву". По командам "к ноге, на молитву, каски длй, два, три, четыре" выстроенный караул готовился к молитве. "Отче наш" читал барабанщик (в карауле со знаменем — знаменный унтер-офицер); прочтя, он надевал каску и бил "отбой". Затем следовал рапорт старшего офицера начальнику и развод смены караулов. При морозе свыше 10 градусов зоря не игралась, но в положенное время караул выстраивался для молитвы.

После вечерней зори крепостной флаг опускался, после утренней — поднимался.

При прохождении рундов следовали правилам павловского устава. Офицеры караула и рунда при встрече упирали друг другу в грудь сабли; если рунд был старше караульного начальника чином, то последний отдавал ему рапорт; младший чином рунд говорил караульному офицеру пароль. Каждый караул с количеством нижних чинов не менее семи выделял в конвой к рунду унтер-офицера (ефрейтора) и двух рядовых, которые сменялись у следующего караула.

Устав определял сложные и ответственные обязанности каждого караульного чина, от дежурного по караулам до рядового.

Например, караульному начальнику запрещалось "отлучаться от своего караула, принимать посетителей и жалобы, относящиеся до разбирательства полиции, курить трубку вне караульного дома, ложиться, раздеваться, расстегиваться и снимать шарф или саблю" [75, стр.235]. Он, помимо прочего, ведал сохранением порядка в районе своего караула, помощью пострадавшим от несчастных случаев и преступлений, участием караула (не более одной трети людей) в помощи полиции и в тушении пожара.

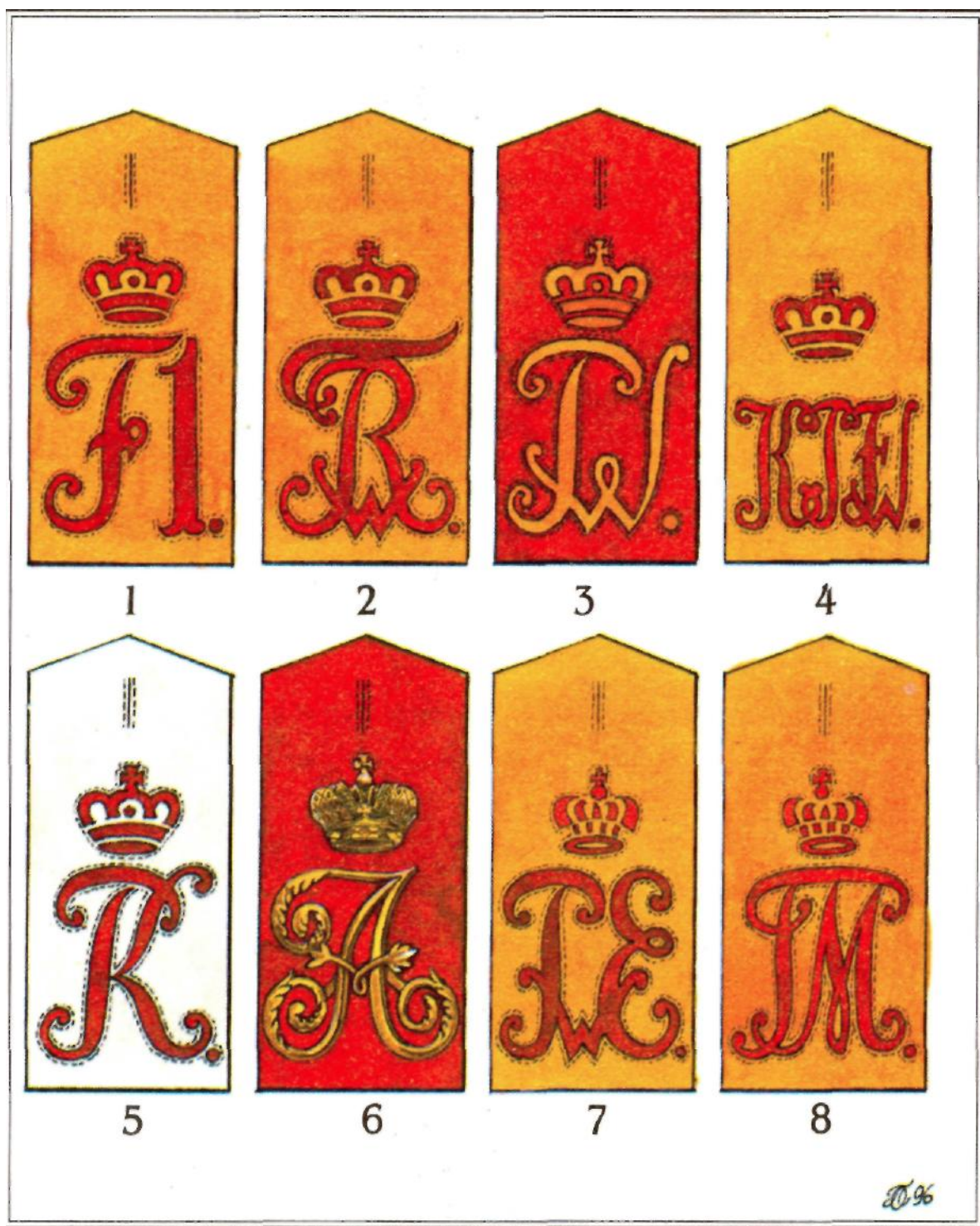
Начальник караула у заставы или "въезда" обязан был удостоверяться, что часовые, за-

ступившие на пост, умеют обращаться со шлагбаумом и знают порядок опроса и пропуска проезжающих. Начальник имел право задерживать для дополнительного выяснения не отвечающих на вопросы проезжающих, не снабженных "письменными видами" иностранцев и лиц, которым запрещено было въезжать в город. Пропуская через заставу воинскую, конвойную или пожарную команды или рекрутскую партию, начальник осведомлялся о командирах, общем количестве людей, о маршруте группы. О всех командах численностью свыше 100 человек и о любой рекрутской партии посылалось донесение коменданту.

Разнообразны были функции старшего в карауле унтер-офицера. При заступлении в караул он принимал по описи все имущество, находящееся в караульном доме; следил за своевременным отправлением смен; зимой наблюдал за пришедшими с караула людьми и, обнаружив обморожение, докладывал начальнику; "увольнял" нижних чинов для естественных надобностей; следил за сохранностью имущества и сдавал его унтер-офицеру следующего караула.

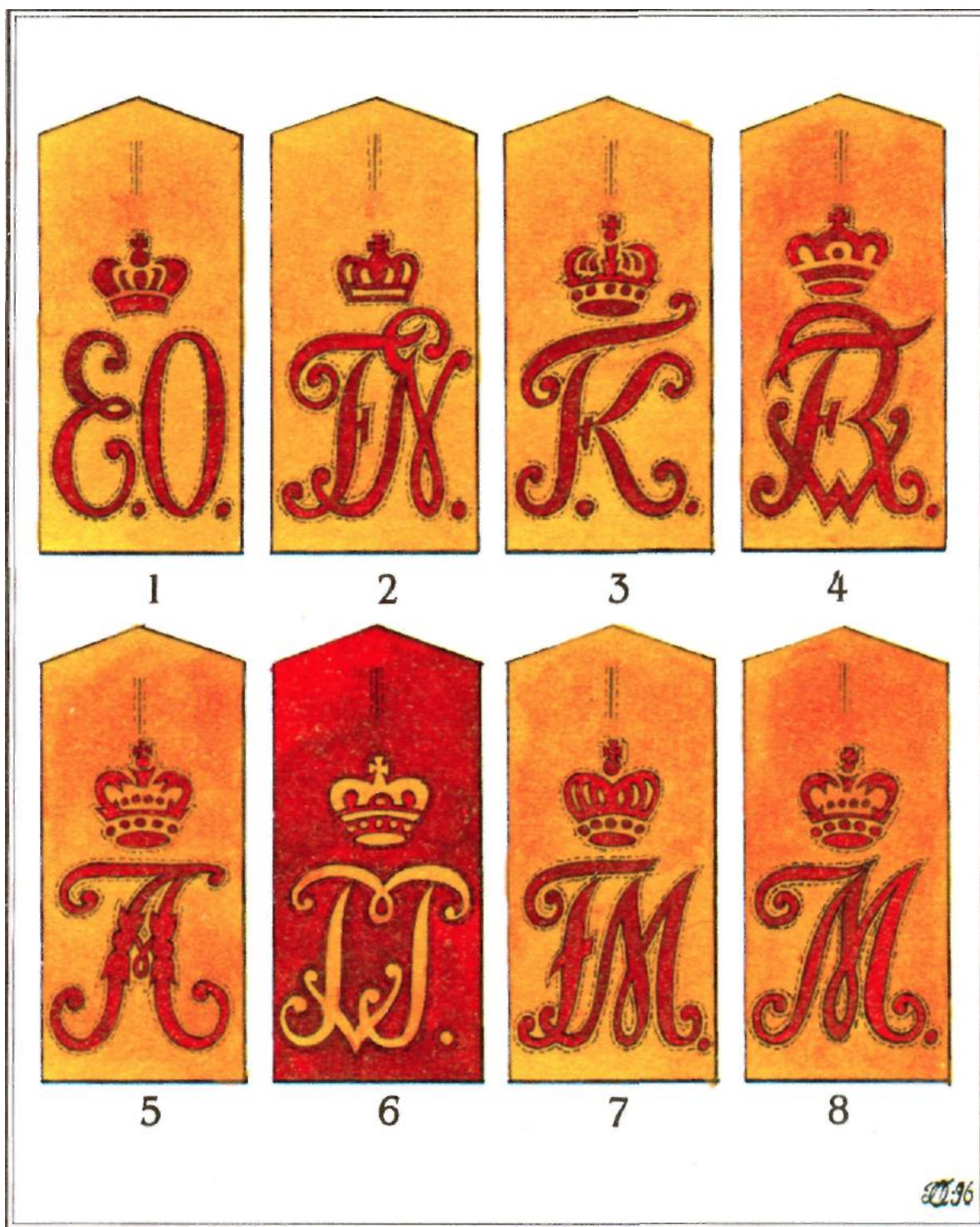
Чеканным слогом устав определял обязанности часового: "Часовой обязан бдительно охранять свой пост, не позволяя ничего охраняемого им портить; предупреждать и прекращать по возможности всякий поблизости себя шум и беспорядок. Усмотрев что-либо подобное или увидев пожар, он извещает о том своего караульного начальника через проходящих людей или передает голосом ближайшему часовому, дабы сие дошло до начальства караула. Вообще часовой должен исполнять в точности данные ему приказания. Если кто ему воспротивится, то против такого он может, в случае крайности, употребить свое оружие...

Часовому следует стоять на часах бодро, не теряя ни в каком случае приличного солдату вида, и запрещается ему: сидеть, спать, есть, пить, курить или нюхать табак, свистать, петь, разговаривать с посторонними, принимать деньги или вообще подарки, брать что-либо на сбережение, делать ружейные приемы, выпускать из рук или отдавать кому-либо свое ружье, разве от Государя Императора получит повеление Ему лично отдать оное..." [75, стр. 272 — 273]. Часовому разрешалось заходить в будку только в проливной дождь, бурю или вьюгу.

Погоны с вензелями Высочайших шефов.

Кексгольнского гренадерского (с 1814 г.) полка (1), Санкт-Петербургского гренадерского (с 1814 г.) полка (2), Калужского пехотного (с 1818 г.) полка (3), Перновского гренадерского (с 1818 г.) полка (4), Либавского пехотного (с 1822 г.) полка (5), шефских рот Лейб-Гвардии Преображенского и Семеновского полков (с 1826 г.) (6), Таврического гренадерского (с 1825 г.) полка (7), Московского гренадерского (с 1826 г.) полка (8)

Погоны с вензелями Высочайших шефов.

Киевского гренадерского (с 1834 г.) полка (1), Ростовского гренадерского (с 1835 г.) полка (2), Самогитского гренадерского (с 1838 г.) полка (3), Санкт-Петербургского (новый вензель с 1840 г.) полка (4), Екатеринославского гренадерского (с 1840 г.) полка (5), Калужского пехотного (с 1840 г.) полка (6), Московского карабинерного (с 1843 г.) полка (7), Сибирского гренадерского (с 1844 г.) полка (8)

Рядовой, назначенный на заставе спрашивать проезжающих, подойдя к остановившемуся у шлагбаума экипажу, спрашивал: "Честь имею спросить, кто едет?"; "Откуда и с кем изволите ехать?"

Получив удовлетворительный ответ, рядовой командовал часовому у шлагбаума "бом-двысь!", что означало "поднять шлагбаум".

В гарнизоне назначались патрули для наблюдения за "исправностью часовых" и за порядком на улице. Унтер-офицерский патруль состоял из унтер-офицера и двух рядовых, ефрейторский — из ефрейтора и двух рядовых, простой — из двух рядовых.

Подробно излагались правила церковного парада, который проводился по воскресным и праздничным дням. Численность войск, участвующих в параде, определялась с учетом вместительности церкви (от полка до роты). Выделенные для парада подразделения строились по правилам Строевого устава; штаб-офицеры и адъютанты выходили в пешем строю. Офицер ЕЛ и солдаты одевались в парадную форму (зимой — в сюртуки и шинели), но офицеры, повязав шарф, не надевали офицерский знак. К каждой двери церкви выставлялось по паре унтер-офицеров в караульной форме с ружьями. В параде обязаны были принимать участие и чины, придерживающиеся иного вероисповедания, которым разрешалось не заходить в церковь.

Знамена в сопровождении вооруженного ружьями взвода выносились на церковный парад только в храмовый праздник полка или батальона (в этом случае в параде участвовал весь полк или батальон, офицеры знаменного взвода надевали знаки, а батальонные и полковые командиры были верхом).

Выставив наряженных унтер-офицеров к дверям, командир командовал "каска длой, в церковь марш!". Во время богослужения стоящие у дверей унтер-офицеры брали ружье "на молитву" и снимали головные уборы. При параде со знаменами знаменосцы, сняв каски, вносили знамена в церковь; знаменные взводы, составив ружья в козлы и выставив часового, следовали за ними.

Ряд положений устава касался нарядов войск на работу и на пожары. По требованию местного военного начальства на работу наряжалось нужное количество нижних чинов под командованием офицера или ун-

тер-офицера. Офицер, сопровождающий команду, надевал сюртук; унтер-офицер — шинель, каску и португез; рядовые в командах надевали шинели и фуражки. Для содействия полиции и пожарным каждые сутки наряжались рота от полка, взвод — от батальона. При возвращении команды с тушения пожара офицеры строго следили, чтобы нижние чины не уносили с собой вещей; хищения строго наказывались.

Несколько изменились правила экзекуции. Осужденного заставляли держаться обеими руками за приклад ружья, которое за ствол нес конвойный унтер-офицер.

Очень подробно расписывались все варианты участия войск в погребениях. Самая пышная процессия сопровождала тело погибшего генерал-фельдмаршала. К "печальной колеснице" выставлялись четыре полковника и четыре капитана, каждый орден нес штаб-офицер с двумя капитанами-ассистентами. Под начальством полного генерала и двух генерал-майоров шли три батальона, шесть эскадронов и одна батарея.

Колесницу пехотного полковника сопровождали 400 человек со знаменем (построенные в 8 взводов) и од командой батальонного командира. У самой колесницы шли четыре офицера, с каждым орденом — три офицера.

Прапорщику полагалось 40 человек с поручиком, фельдфебелю — 30 человек с подпоручиком, рядовому — 20 рядовых с двумя унтер-офицерами.

Сопровождавшие погребальное шествие офицеры надевали парадную форму, но обшивали флером кисточки и петлицы на шляпе, шарф, эполеты, аксельбант и темляк. На каске лента закрывала кокарду, один раз оборачивалась вокруг каски, закрывала верхнюю часть герба, крепилась под металлическим навершием и вновь опускалась к кокарде. Повязка из флера на левом рукаве дополняла траурное убранство. Бант из черного флера повязывался на навершии знамен; барабаны и трубы обшивались черной фланелью. Всего этого не делалось при похоронах нижних чинов. Когда тело покойного проносили мимо строя, все чины брали "на караул"; для движения солдаты отмыкали штыки и брали "на погребение".

Шествие открывали офицеры, несущие ордена (сначала иностранные, потом российские, начиная с младших степеней). Затем следовали "духовная процессия", колесница с

гробом, родственники и приглашенные, военная команда.

На крышку гроба клали каску или шляпу, шарф и обнаженные шпагу или саблю, перекрещенные с ножнами. При "опущении тела в могилу" команда делала три залпа холостыми патронами (стреляли лишь при похоронах побывавших в походах против неприятеля чинов).

В разделе устава "О службе в гарнизонах" четко определялись виды форм одежды и все случаи, при которых надевалась та или иная форма.

Парадная форма для генералов подразумевала парадные мундиры, белые панталоны, ленты, шарфы и шпаги; для штаб- и обер-офицеров — "форму, в которой выходят на смотр", но без ранцев и знаков; для нестроевых — мундиры, шарфы, летом — летние брюки.

Праздничная форма у генералов, имеющих полковые мундиры, отличалась мундирами с открытыми лацканами, а летом — летними брюками; у штаб- и обер-офицеров — мундиром и летними брюками (летом).

Обыкновенная форма включала в себя мундиры с открытыми лацканами и суконные панталоны.

"В первый день Рождества Христова, в первый день Светлой недели и в дни тезоименитства, рождения и коронования Их Императорских Величеств, как равно и в день восшествия на престол Госудря Императора" до развода носили парадную форму, а после развода — праздничную. Для прогулок разрешалось надевать сюртуки, каски с султанами и полусабли. В эти дни все публичные собрания военнослужащие посещали в праздничной форме.

В остальные торжественные и праздничные дни для развода особо назначалась парадная или праздничная форма; после развода переходили на обыкновенную. Во время развода в парадной форме в дни "кавалер-ственных праздников" св. Георгия, св. Владимира или св. Александра Невского кавалеры этих орденов (в двух первых случаях — кавалеры 1-й степени) надевали орденские ленты поверх мундира.

При вступлении в караул нижние чины прикрепляли к сумам скатанные шинели; знаменосец и музыканты надевали скатки через плечо. При температуре ниже 5 градусов тепла заступающие в караул надевали ру-

кавицы (на улице). "Удостоенные к производству в офицеры" портупей-прапорщики, подпрапорщики и юнкера в караул выходили без ружей с полусаблей, которой и салютовали по-офицерски. В ненастную погоду шинели надевались внакидку поверх амуниции. На развод в шинелях нижние чины надевали шинели в рукава и наушники; амуниция вешалась поверх шинели. Офицеры при этом выходили в сюртуках и наушниках, а при движении вместе с караулом накидывали поверх сюртука шинель. Внутренние караулы во дворцах назначались в мундирах, а почетные караулы — в парадной форме и полной амуниции (при этом адъютант не надевал знак, а музыканты — ранцы и шинели). Только в том случае, если развод осуществлялся в шинелях и не следовало особых указаний, почетный караул выходил в шинелях, но при полной амуниции.

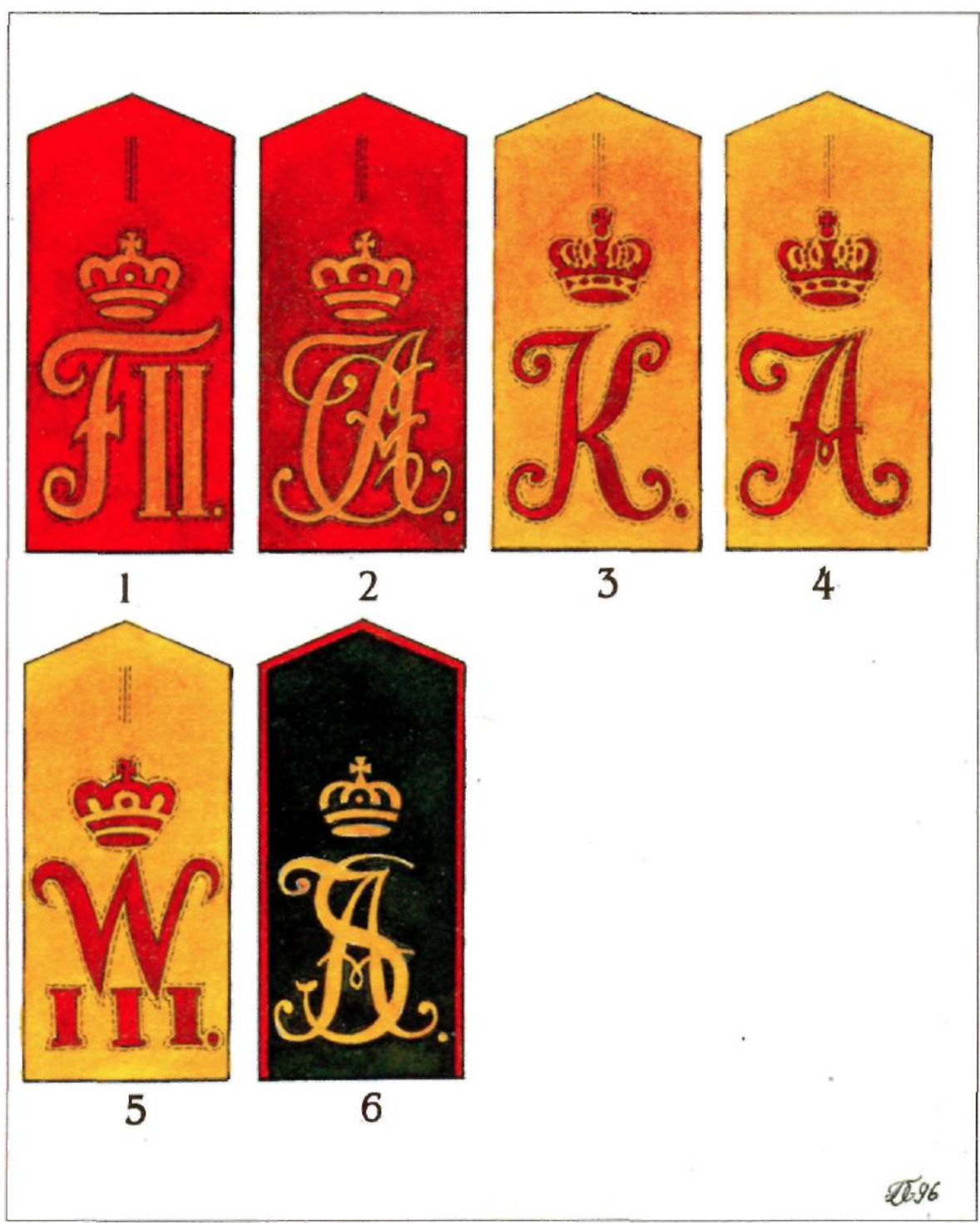
При представлениях высшему начальству офицеры надевали парадную форму. Назначенные в ординарцы офицеры должны были быть в парадной форме при шпорах; летом — в летних брюках, но без знака. Нижние чины-ординарцы надевали парадную форму и всю амуницию. При плохой погоде и в случае особых распоряжений назначенные в ординарцы нижние чины надевали шинели, а офицеры — сюртуки.

Для присутствия на учениях, как правило, назначалась обыкновенная форма (при учениях более одного батальона — в шарфах); для участия в церковных парадах — парадная (в день полкового или батальонного праздника) или обыкновенная (во всех других случаях).

Для прибивания новых знамен к древкам все чины надевали обыкновенную форму, офицеры — шарфы, генералы — полковые мундиры и орденские ленты; для освящения знамен — парадную форму; для закладки и освящения церкви — обыкновенную.

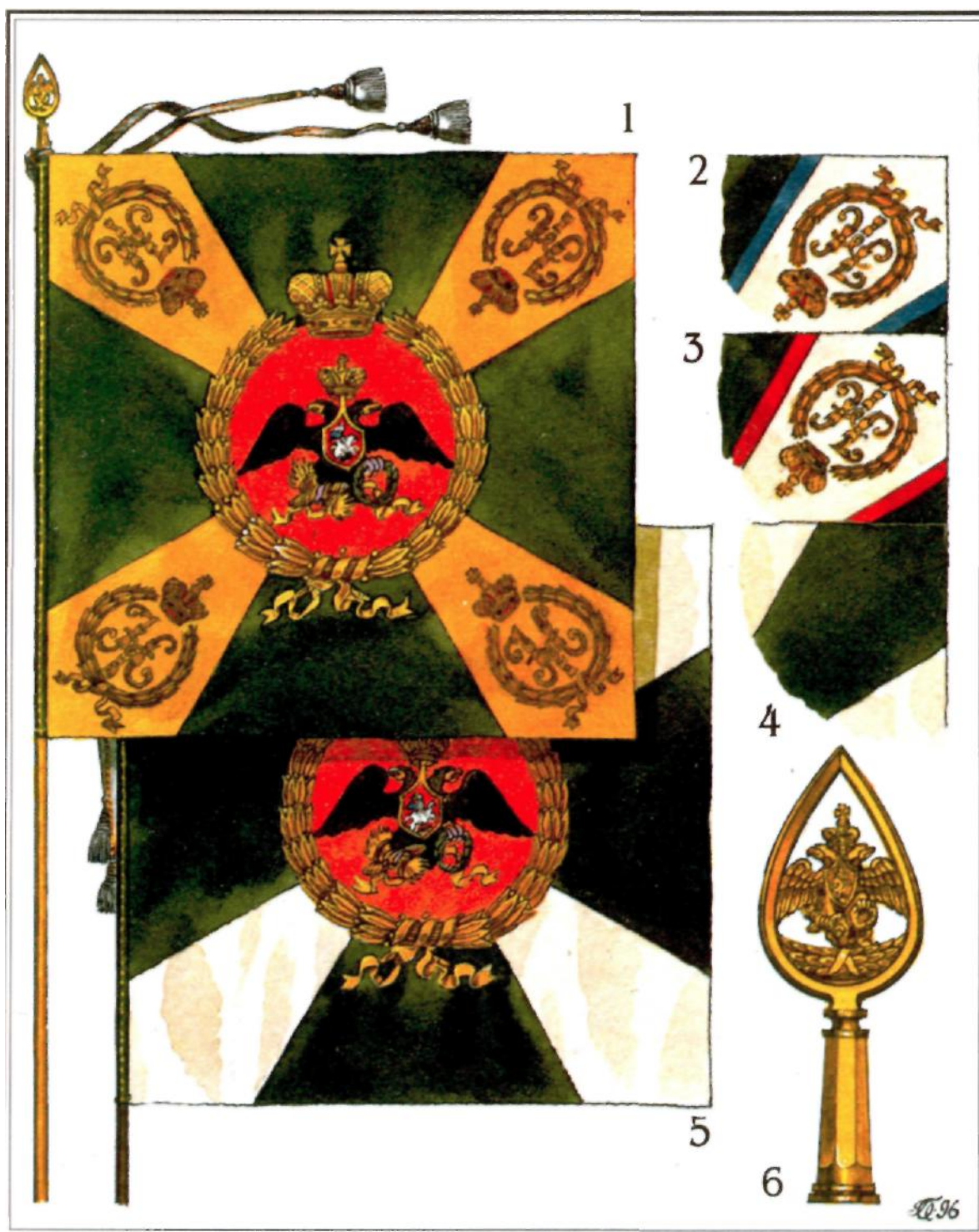
Светские празднества также не были обделены вниманием: "На балах и маскарадах иметь при башмаках открытые лацканы; в маскарадах иметь каску на голове" [75, стр.394].

Посыльные надевали форму, назначенную для караулов, но без ранцев, сум и ружей. Нижние чины, "увольняемые со двора", должны были одеваться так: в дни полковых и иных торжественных праздников — как посыльные, с открытыми лацканами; с

Погоны с вензелями Высочайших шефов.

Невского пехотного (с 1846 г. - Короля Неаполитанского) полка (1),
 Архангелогородского пехотного (1846-1848 гг. - Короля Сардинского) полка (2),
 Грузинского гренадерского (с 1848 г. - Великого Князя Константина Николаевича)
 полка (3), Эриванского карабинерного (с 1851 г. - Наследника Цесаревича
 Александра Николаевича) полка (4), Киевского гренадерского (с 1849 г. - Короля
 Нидерландского) полка (5), Копорского егерского (с 1852 г. - Принца
 Альберта Саксонского) полка (6)

Знамена армейской пехоты.

Грузинского гренадерского полка (с 1854 г.) (1), егерских полков: старших в бригаде (2), младших в бригаде (с 1827 г.) (3); линейных батальонов (1829-1850 гг.) (4), гарнизонных батальонов (1820-1856 гг.) (5). Навершие знамен образца 1816 г. (6)

апреля по 15 октября в город при хорошей погоде надевали мундиры и фуражки, при плохой — шинели в рукава и фуражки; с 15 октября по 15 апреля — шинели и фуражки (в мороз под шинель надевали мундиры).

Отправляющиеся на рынок или в баню нижние чины всегда были в шинелях и фуражках; во время торжественных праздников такие увольнения запрещались.

Общими правилами признавались следующие: лацканы открывались с 1 мая по 1 ноября; летние брюки носились с 15 мая по 15 сентября; генералы носили шляпы только вне службы.

В период общего траура без оного позволялось выходить на развод в парадной форме и во фронт (на учения, в караул и т.д.).

На смену уставу о лагерной службе 1823 г. в 1846 г. был опубликован "Устав о полевой службе в мирное время", переизданный затем в 1852 г. В трех "отделениях" устава говорилось о походном движении, о расположении лагерем и о расположении биваком.

Выходя из населенного пункта, колонна отделяла авангард и арьергард; при полку всегда двигались денежный ящик и лазаретные кареты, остальной обоз помещался в означенном предварительно месте. Колонна маршировала по одной стороне дороги, оставляя другую для проезда. На переходе всегда делался привал, а в случае необходимости — два и более, но всегда вдалеке от населенных пунктов. По командам "составь" и "ранцы долой" люди составляли ружья в козлы, снимали каски и амуницию и вешали ее на ружья. Знамя клали на барабаны, и к нему приставлялся часовой; в роте один человек всегда находился при ружьях. Солдаты надевали фуражные шапки и располагались на отдых; дежурным унтер-офицерам, дневальным и дежурным барабанщикам разрешалось снимать только ранцы. По приказанию начальника дежурные барабанщики били "подъем", что означало окончание привала.

Вступив на ночлег в населенный пункт, полк отсылал знамя на квартиру командира, выставял караулы (к квартире командира, к фронту, к денежному ящику, к знаменам, к обозам) и расходился по квартирам. Квар-

тирмейстеры, указав ротам места квартирования, сразу же отправлялись к следующему ночлегу.

Устав предусматривал два вида лагеря: "в колоннах к атаке" и "развернутым фронтом"; последний предназначался для мест с жарким климатом и на случай длительной остановки. Вместо палаток в "продолжительном и позднем лагере" могли строиться бараки, но в том же порядке, что и палатки.

В полках назначались дежурные: по полку, по батальону, по ротам (унтер-офицеры и дневальные), дежурные барабанщики батальона, дежурные по кухням унтер-офицеры, дежурный по лагерю и т. д. В их обязанности входило: "наблюдение за порядком и чистотой в лагерях, за формой одежды, за исправностью караулов и за отправлением из лагеря всякого рода команд"; сопровождение людей к "обеденным и ужиным" столам (дежурные по батальону), передача распоряжений старших начальников. После пробития вечерней и утренней зорь дежурные рапортовали старшим дежурным и начальникам и представляли подробные рапорты. Для проверки действия всех лагерных служб назначались "Главный Визитир" и "Белый Рунд".

Биваком называлось "расположение войск под открытым небом или же в наскоро устраиваемых самими войсками шалашах из древесных ветвей, хвороста, соломы и т.п." [137, стр.83]. Для ночевки на биваке батальоны выстраивались в колонны к атаке, взводы размыкались на 20 шагов, а люди становились в рядах "просторно"; после этого ружья составлялись в козлы, солдаты снимали амуницию и головные уборы и вешали их на ружья; отойдя за линию ружей взвода, они подкладывали под голову ранцы и ложились. Бивак батальона в этом случае занимал 60 шагов по фронту и 80 шагов в глубину. При устройстве более длительного по времени бивака солдаты с ранцами расходились в стороны от центра (по полубатальонам) и располагались по бокам от рядов ружейных козел. Изначальную линию бивака обозначали выставляемые предварительно жалонеры. Все правила лагерной службы распространялись и на бивачное расположение; единственным отличием было то, что все барабанные сигналы, кроме зорь, заменялись словесными приказаниями. Костры в холодное время года разводились перед фронтом и

за флангами бивака. Люди ложились на отдых ногами к огню.

Первым после павловского устава подробным узаконением о полевой службе в военное время стал устав, изданный в 1852 г.

Главными отличиями "между порядком движения войск в военное время вблизи от неприятеля и движением их в мирное время" признавались, во-первых, необходимость совокупного перемещения больших масс войск, а во-вторых, соблюдение ряда мер предосторожности против внезапных нападений противника.

При наличии в полосе движения нескольких близко расположенных дорог войска шли по ним, разделившись на отдельные колонны. Движение по одной дороге осуществлялось эшелонами, между которыми поддерживалось расстояние от одной до трех и более верст. Эти правила позволяли избежать возникающих неудобств при передвижении больших скоплений войск; заминки и неразбериха на дороге угнетающе действовали на солдат, замедляли темп марша и давали возможность врагу воспользоваться удобным моментом и напасть на колонну. В колоннах и в эшелонах отдельные соединения, части и подразделения сохраняли то взаиморасположение, которое было установлено для боевого порядка.

Батальоны для похода строили шести-рядную колонну из середины; между ними устанавливались интервалы в 50 шагов. Полки разделяли интервалы в 100 шагов, бригады — в 200 шагов. При отступлении все батальоны, кроме арьергардных, двигались "на первую шеренгу", то есть перед маршем строили фронт в направлении движения.

В авангард выделялось от 1/5 до 1/4 всех войск. Авангард должен был, двигаясь впереди основных сил, заблаговременно обнаружить неприятеля и оценить его силы; постоянно держать в поле зрения отступающего и останавливать перешедшего в наступление врага (хотя бы до тех пор, пока главные силы не выстроятся в боевой порядок); устранять возникающие на пути препятствия; прикрывать главные силы на стоянках; при отступлении авангард, кроме того, служил прикрытием для обоза.

Арьергард во время наступления поддерживал порядок в тылу войск (где собирались,

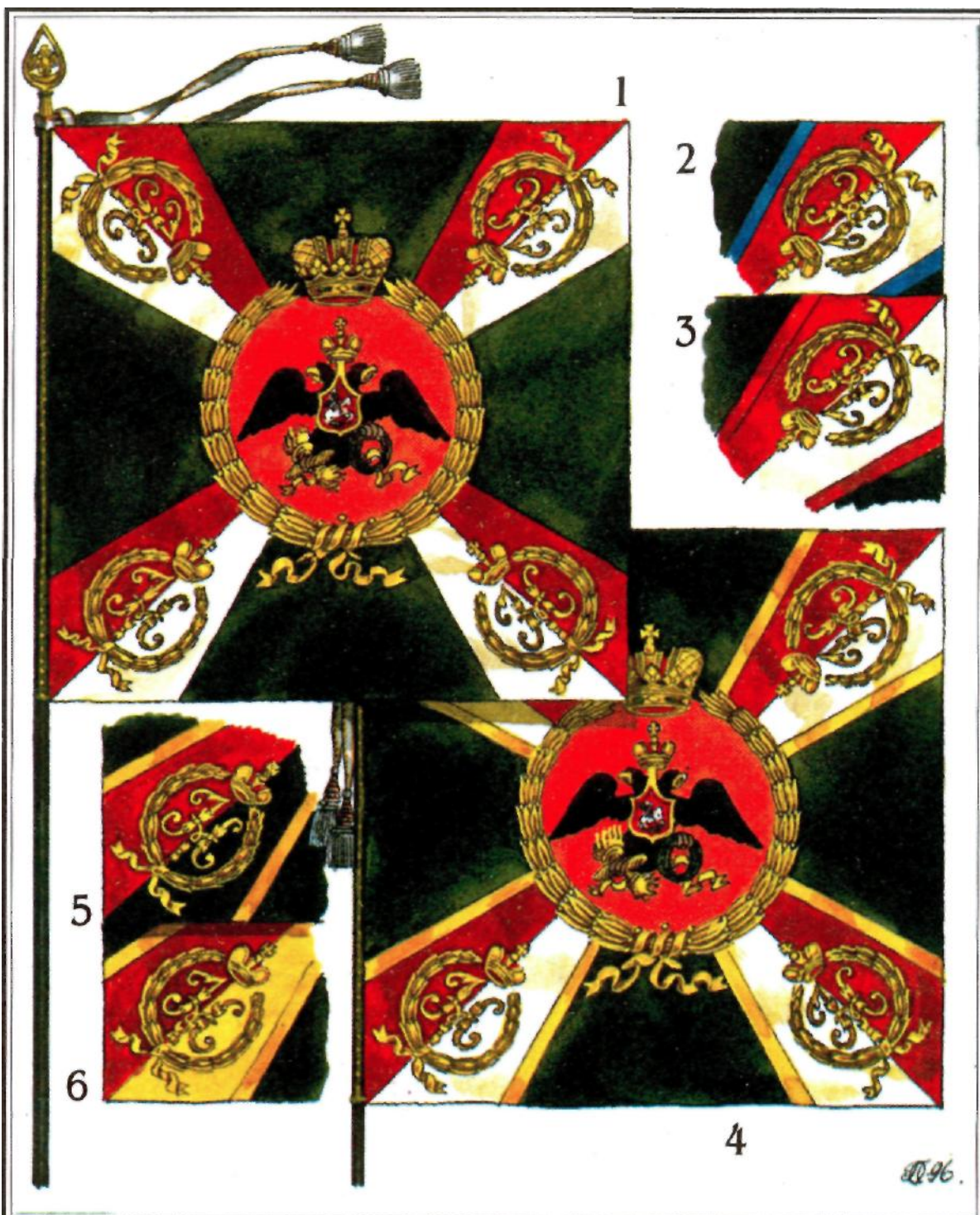
как правило, все "неустойчивые" элементы), подбирая всех отставших, прикрывал обоз. При отступлении на него ложилась основная тяжесть борьбы с наседающим противником. Для "освещения" местности за фланги колонны выделялись боковые отряды.

Вся подвижная часть войск разделялась на три разряда. Обоз 1-го разряда, всегда двигающийся за полками и батальонами, состоял из повозок для больных, при которых находились медики с частью перевязочных средств. Позади основной колонны войск, перед арьергардом, следовал обоз 2-го разряда: патронные ящики, ящики для казны, казначейские телеги и тому подобные повозки. На значительном расстоянии от войск отдельным вагенбургом передвигался обоз 3-го разряда (провиантские телеги, церковные фуры, телеги для перевозки лазаретных вещей и другие).

Диспозицию для движения объявлял главный начальник войск. В диспозиции отражались такие принципиальные моменты, как распределение отдельных частей войск и порядок их следования, маршрут, меры поддержания безопасности марша. Все частные командиры должны были знать, в каком месте колонны находится главный начальник.

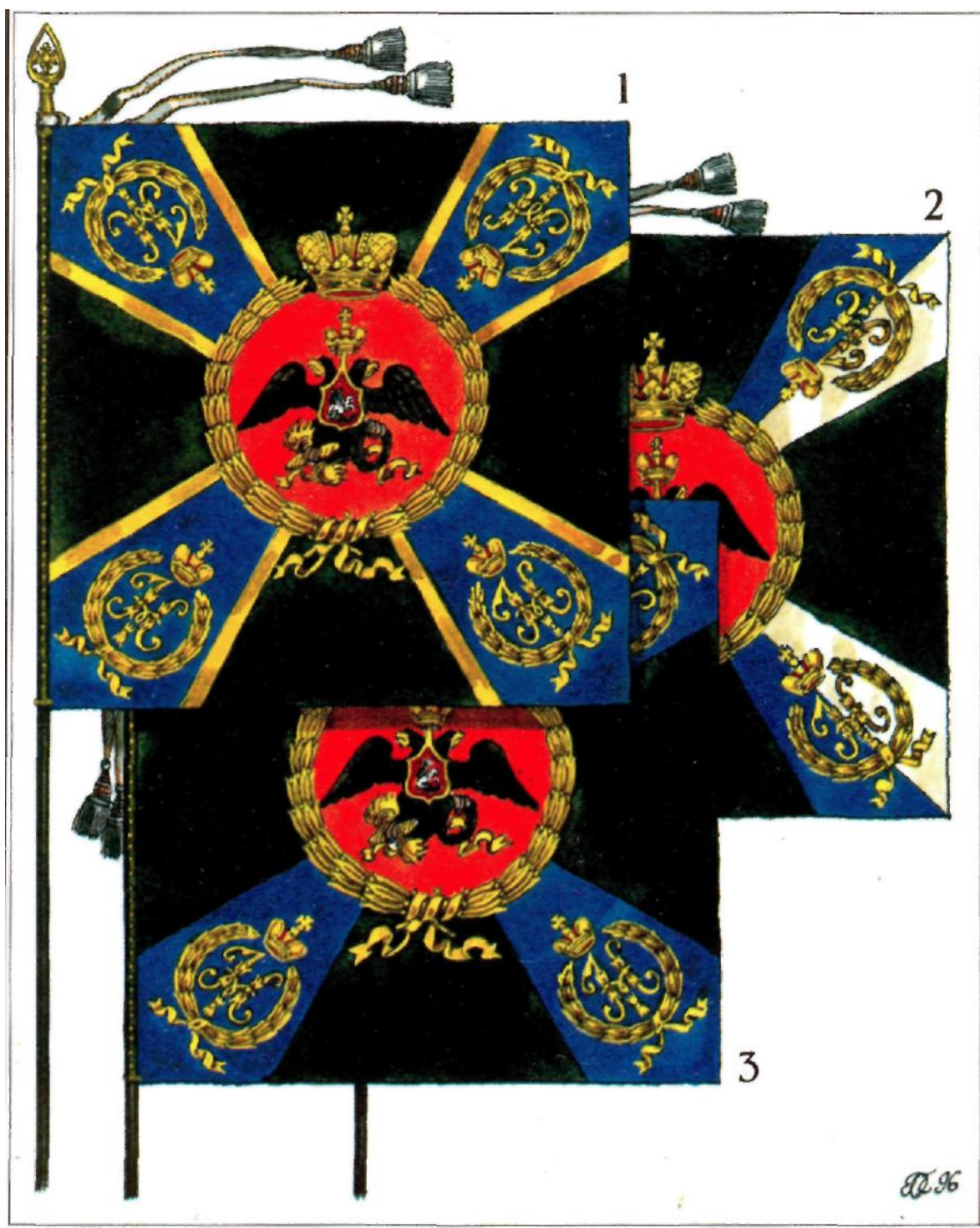
Авангард, арьергард и боковые отряды высылали патрули "для обозрения по возможности большего пространства во все стороны и для получения сведения о неприятеле". Основная ответственность возлагалась на передовые посты (аванпосты), расположенные ближе всего к противнику. В этих постах первую линию составляла цепь парных часовых; позади нее в непосредственной близости помещались пикеты, призванные оказать скорую поддержку часовым; пикеты, в свою очередь, полагались на помощь главных караулов.

Часовые должны были контролировать все пространство между собой: в хорошую видимость визуально, в плохую — перемещением по цепи (часовой с ружьем наперевес проходил до соседней пары и возвращался обратно). Большое внимание уделялось скрытному расположению цепи; часовым запрещалось разговаривать, курить, "насмивывать и петь". Для привлечения внимания соседа часовые должны были разработать систему условных сигналов (например, постукивание по ружью), которые не потревожили бы противника.

Знамена гвардейской пехоты.

Навершие гвардейских знамен образца 1830 г. (1), знамя Роты Дворцовых Гренадер (2), знамя Лейб-Гвардии Преображенского полка с юбилейными лентами (с 1850 г.) (3). Способ крепления георгиевского креста к навершиям георгиевских гвардейских знамен (с 1830 г.) (4)

Знамена гвардейской пехоты.

Знамена Лейб-Гвардии Финского Стрелкового батальона: 1829-1833 гг. (1), с 1833 г. (2). Знамя Лейб-Гвардии Гарнизонного батальона (3)

Через цепь к неприятелю часовые не пропускали никого, кроме команд с офицерами и патрулей. Задержанных людей содержали под присмотром до прибытия патруля или смены. Ночью, заведя приближающихся людей, часовой окликал их: "Стой, кто идет?" Если идущий назывался генералом, офицером, патрулем или рундом, то у него спрашивался отзыв. Услышав правильный отзыв, часовой пропускал человека; в противном случае один из пары бежал к начальнику пикета и получал от него указания. Продолжавшего движение незнакомца часовой, взяв ружье на руку, окликал еще дважды; не получив вразумительного ответа, он стрелял в него.

При любом подозрительном движении в неприятельской цепи или в лагере (например, прибытие парламентаров, шум, перемещение огней, отступление или подкрепление постов) младший в паре часовой бежал к начальнику пикета. Появившегося в непосредственной близости противника встречали выстрелами, но стрельба вообще допускалась лишь в крайних случаях, когда не оставалось сомнений в решительности намерений врага.

Для проверки цепи часовых, установления сообщения между отдельными частями передовых постов, осмотра местности и для "узна-ния о неприятеле" от пикетов и главных караулов посылались предварительно назначенные патрули (часовые должны были знать в лицо патрульных). Патрулем из нескольких рядовых командовал унтер-офицер или ефрейтор.

Начальник пикета по прибытии на место лично расставлял первую смену часовых, выбирая удобные для наблюдения и скрытые места. Он указывал людям, где будет находиться пикет, и назначал каждому посту номер. В пару никогда не назначались два молодых солдата; один из них обязательно должен был быть старослужащим. Нельзя было "ставить пару: днем — двух близоруких, а ночью — тугих на ухо". При расстановке часовых присутствовал и командир главного караула (обычно ротный командир, которого сопровождали барабанщик и горнист).

Один из взводов роты оставался в главном карауле; солдаты составляли ружья в козлы и снимали ранцы.

Стрельба в цепи заставляла начальника главного караула поднимать людей в ружье. После этого он посылал офицера или унтер-

офицера с двумя рядовыми разузнать, в чем дело. Получив достоверные известия о наступлении неприятеля, он информировал об этом начальника передовых постов и в зависимости от поступивших распоряжений подкреплял передовую цепь или приказывал ей отступать, постоянно при помощи патрулей поддерживая связь с соседними главными караулами и со своими пикетами.

В важных местах на флангах или впереди основной цепи размещались отдельные пикеты, выставя цепь часовых для собственной защиты. Между этими пикетами и основной цепью для поддержания связи выставлялись промежуточные посты, оказывающие первую помощь отдельным пикетам в случае необходимости.

Еще ближе к неприятелю могли высылаться секреты — "несколько человек, расположенных скрытно впереди передовой цепи или в ином месте". Особенно полезны секреты оказывались в "азиатских войнах", так как турки очень широко использовали практику внезапных нападений на передовые посты, пользуясь темнотой или условиями местности. В этих случаях секреты, заметившие противника, открывали огонь и тем самым разрушали его замыслы. Как правило, секреты высылались только ночью; солдаты ложились на землю и внимательно наблюдали и слушали. Условными знаками или через посыльного секрет извещал передовую цепь о всех сколь-нибудь значительных передвижениях или шумах у противника. Ни патрули, ни рунды не имели права проверять секреты, чтобы не обнаруживать их.

Один или два раза в сутки главные караулы и пикеты сменялись; на смену заступали войска из резерва. Люди резерва, в любую минуту готовые поддержать передовые посты, имели заряженные ружья, им разрешалось снимать только ранцы и каски.

Руководство всеми передовыми постами осуществлял начальник передовых постов — штаб-офицер или генерал.

На биваке войска располагались в том порядке, в котором участвовали в бою. Каждый частный командир должен был твердо знать место своего подразделения в строю. Местность вокруг и внутри бивака по возможности расчищалась, чтобы не препятствовать передвижениям войск. Все важные объекты на расстоянии пушечного выстрела от бивака предварительно осматривались и

распределялись между частями войск (в случае необходимости их занимали высланные команды).

При расположении войск на квартирах все заботы о прикрытии большого пространства возлагались на легкую регулярную и иррегулярную кавалерию. Передовые посты в этом случае не выставлялись, но на основных путях, ближайших к противнику, размещались главные передовые отряды. Отряды эти выделяли караулы и часовых для своей защиты и соответствующим образом обрабатывали близлежащую местность: готовили к быстрой разборке мосты и вообще уничтожали позиции, удобные для наступления противника.

Военно-уголовный устав, изданный в Своде военных постановлений в 1839 г. и переиздаваемый позднее, основывался на всех дисциплинарных документах XVIII — начала XIX в. В первом разделе устава объяснялось существование преступления и различного рода казней и наказаний. Второй и третий разделы устанавливали наказания за преступления в мирное и военное время; оба эти раздела зачитывались нижним чином в каждый воскресный и праздничный день в присутствии ротных офицеров.

Преступлением, согласно уставу, считалось "всякое деяние, запрещенное Военно-уголовными законами под страхом наказания" [112, стр.1].

Деяния, "запрещенные под страхом взыскания по службе" (замечание, выговор, арест, легкие телесные наказания), не описывались в уставе и определялись без вмешательства военного суда.

Военные суды имели возможность приговорить преступника к перечисленным ниже казням и наказаниям: смертная казнь; "смерть политическая"; "смерть гражданская, то есть лишение всех прав состояния, соединенное с ссылкой"; ссылка в арестантские роты; ссылка в отдаленные места Империи; лишение чинов, знаков отличия и изгнание из армии в военное время; заточение в каземат и содержание под арестом на гауптвахте; исключение из службы и отрешение от должности; денежное взыскание; телесные наказания ("прогнание сквозь строй или наказание шпицрутенами"). Независимо от этих

мер воздействия распоряжением духовных властей за ряд преступлений назначались церковные наказания.

Смертная казнь, как правило, означала расстрел; но Верховный уголовный суд мог приговорить и к повешению. В мирное время казнь в большинстве случаев заменялась для дворян лишением всех прав и ссылкой на каторжные работы, для недворян — наказанием шпицрутенами и ссылкой.

Политическая казнь представляла собой символическое действие, означавшее лишение всех прав состояния: преступника клали на плаху или ставили под виселицу, а потом палач ломал над его головой шпагу; после церемонии следовала ссылка на каторжные работы.

Разжалование в солдаты разделялось на несколько категорий: с лишением дворянства и без лишения, с выслугой и без выслуги. Разжалованного лишали орденов и знаков отличия и переводили на службу в другую часть, обязательно в строевую.

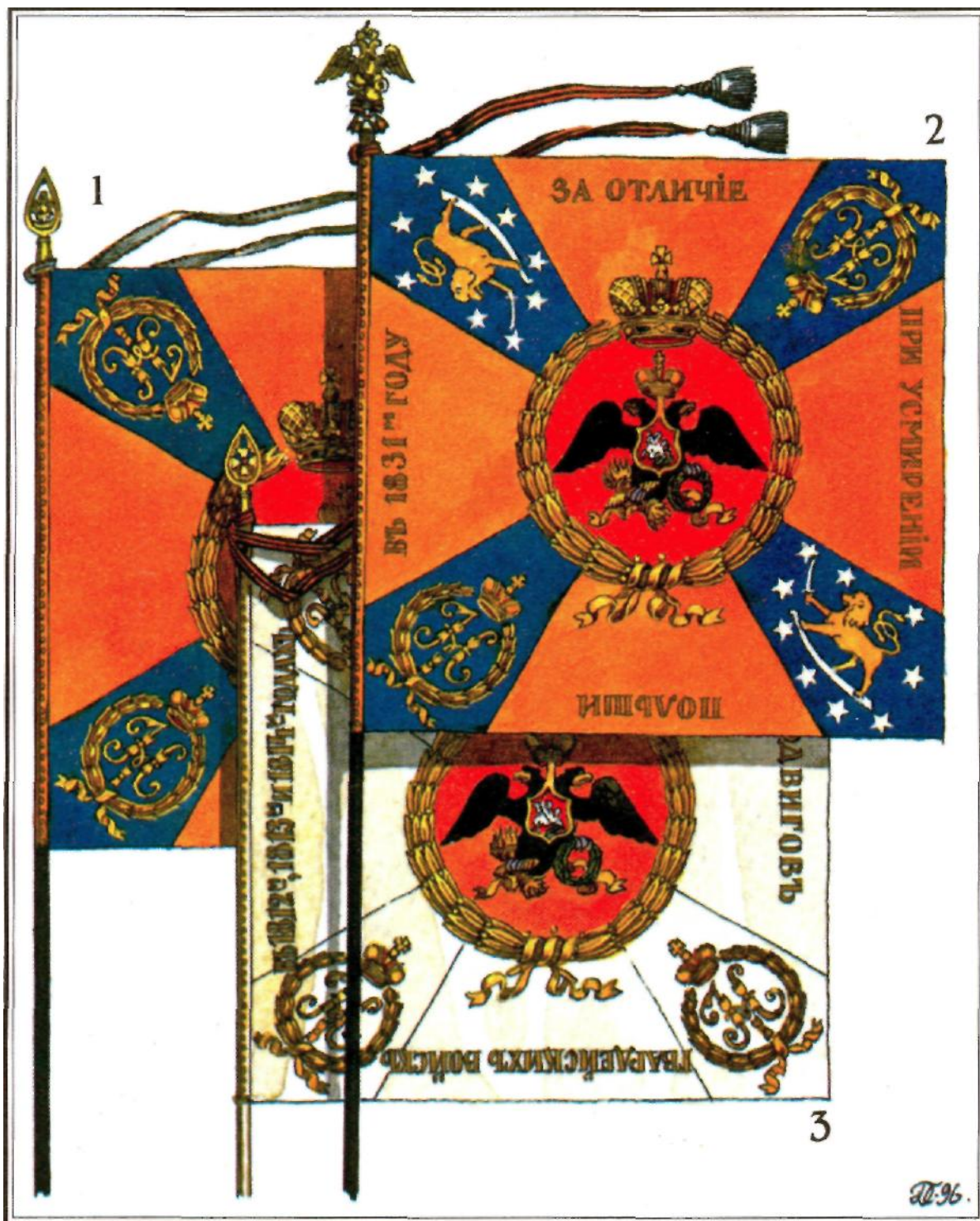
При лишении чинов снимались одновременно все чины. Нижние чины, имеющие "знаки отличия Военного ордена и св. Анны, серебряный темляк за добровольный отказ от офицерского чина и Всемиловейше жалуемые медали с надписью "За спасение погибавших" и "За усердие", лишались всех вышеперечисленных отличий "по суду" за первоначальное преступление, но без телесного наказания. Нашивки на рукаве мундира спарывались при "всяком приговоре к телесному наказанию". С нижних чинов, после телесного наказания выключенных из Военного ведомства, снимались также и все медали за войны и походы.

Денежные взыскания на нижних чинов не налагались. От телесных наказаний освобождались потомственные дворяне, личные дворяне и их дети, иностранные дворяне, священнослужители и их дети, почетные потомственные граждане, почетные личные граждане, иностранные гости, купцы первой и второй гильдий и их дети, выпускники (особенно "отличнейшие") высших и средних учебных заведений, престарелые (не моложе 70 лет), однодворцы. Из нижних чинов-недворян этим правом пользовались унтер-офицеры, "отказавшиеся от производства в офицеры и удостоенные ношения серебряного темляка, равно нижние чины, имеющие знаки отличия Военного ордена и

Знамена армейской пехоты.

Знамена Отдельного Литовского корпуса с 1827 г.: пехотных полков (1), старших егерских полков (2), младших егерских полков (3); карабинерных полков с 1827 г.: 1-й гренадерской дивизии (4), 2-й гренадерской дивизии (5), 3-й гренадерской дивизии и Эриванского карабинерного полка (6)

Знамена стрелковых батальонов.

Гренадерского Стрелкового батальона с 1846 г. (1), поселенных финских стрелковых батальонов с 1855 г. (2), армейских стрелковых батальонов с 1846 г. (3)

св. Анны и медалей "За спасение погибавших" и "За усердие"; унтер-офицеры, представленные к производству в офицеры или выдержавшие экзамена первый гражданский чин. При назначении наказания обязательно указывалось число ударов в сотнях человек, а не в подразделениях (то есть если раньше назначали "полк" или "батальон", то теперь "пятьсот" или "тысячу человек").

В 20-х гг. был запрещен ряд применявшихся ранее наказаний: "посаждение в железа, поставление под бремя ружей, положение цепей на шею, заключение в неподвижные колодки, наказание шомполами и тесаками".

Церковными наказаниями являлись "церковное покаяние"; "смирение, исправление или увещание по правилам св. Апостола и св. Отца и по церковному уставу"; наконец, "лишение христианского погребения".

Во втором разделе устава подробнейшим образом описывали все разновидности преступлений и наказаний за конкретные проступки.

Строго карались преступления против Веры. Так, "возложивший хулу на Господа Бога" лишался всех прав состояния, наказывался шпицрутенами и ссылался на каторжные работы. Различались также преступления государственные, против правительства, воинские, против безопасности жизни и прав общественного состояния, против прав семейственного состояния, против прав на имущество; наконец, связанные с развратным поведением, запрещенной картежной игрой, подлогами и лживыми поступками.

Приведем несколько примеров. Так, нижние чины, участвовавшие в запрещенных "сходбищах и собраниях" (если даже они были направлены на составление прошения от имени всех), приговаривались к шпицрутенам, а зачинщики и к ссылке.

Начальник воинской команды, посланной для усмирения неповинующихся крестьян, имел право употребить огнестрельное оружие только по приказанию гражданского руководства.

К воинским преступлениям относились: неповиновение и нарушение воинского чинопочитания; "сопротивление в явке на смотр", уклонение от службы, побег и самовольные отлучки; неисполнение обязанностей; злоупотребление властью и нарушение порядка

службы; преступления по управлению и охране казенного воинского имущества; похищение и утрата казенного воинского имущества; умышленная порча солдатского оружия и амуниции.

За явное ослушание и дерзость нижних чинов могли приговорить к шестикратному "прогнанию" через тысячу человек; а по представлению на Высочайшее усмотрение и к большему количеству ударов.

Офицеры за самовольную отлучку длительностью менее суток приговаривались к штрафу и аресту; при более длительных отлучках предавались суду и наказывались исключением из службы или разжалованием в солдаты. В мирное время отсутствие нижнего чина в команде до трех дней считалось отлучкой, свыше трех дней — побегом. За первый побег нижних чинов приговаривали к 500—1500 ударам; за второй — не более чем к 3000 ударов; за неоднократные побеги назначали до 5000 ударов и направляли в арестантские роты.

Для рекрутов количество шпицрутенов в тех же случаях было меньшим: 500, 1500 и 4000.

Поборы с обывателей при постое войск, не определенные правилами, считались лихоимством и соответствующим образом наказывались. Офицеров, принуждавших нижних чинов к работе для своей частной выгоды, разжаловали в солдаты.

В одной из статей устава говорилось: "Начальник, употребивший в данных им приказах слова, оскорбительные для чести подчиненных, подлежит строгому наказанию и, по важности дела, отрешению от должности или исключению из службы" [112, стр.149].

Шпицрутенами наказывались солдаты, оставившие без уважительной причины свое оружие и амуницию, явившиеся в строй с чужим оружием, умышленно испортившие оружие или амуницию. При третьем подобном нарушении нижнего чина ссылали в арестантские роты.

"Смертоубийство" каралось лишением всех прав состояния, шпицрутенами и ссылкой в каторжные работы. При этом преступлением не считалось убийство в бою офицером не-подчинившегося нижнего чина; убийство часовым или караульным нападавшего; убийство конвоиром опасного преступника при попытке побега или бунта; убийство при са-

мообороне; убийство крестьян при усмирении волнений.

"Учинивший вызов" на поединок лишался чинов и прав состояния; таким же образом карали и откликнувшегося на вызов. Секунданты и присутствующие на дуэли считались сообщниками и подвергались суду "наравне с учинившими поединок".

"Запрещенная картежная и азартная" игры признавались "благовидной отраслью грабежа" и соответствующим образом карались уже с 1801 г.

Устав различал три вида воровства: "воровство-мошенничество", "воровство-кража" и "воровство-грабеж". Наиболее строгим наказанием за воровство (грабеж) было наказание шпицрутенами и ссылка на каторжные работы.

Вообще во многих статьях устава мера наказания указывалась неявно; в зависимости от различных условий ее назначал суд.

В военное время практически все преступления карались с большей строгостью. За измену лица любого "чина, звания или состояния" предавались смертной казни. Изменой почиталась, кроме прочего, сдача неприятелю города, крепости или команды людей (сдача крепости допускалась лишь в двух случаях — когда при всяческом сбережении заканчивались боевые припасы или продукты или когда инженерные сооружения неприятеля приближались к валу крепости, при этом гарнизон должен был отразить не менее трех штурмов); "рассеяние ужаса пред неприятелем ропотом и жалобами", распространение ложных слухов; срыв снабжения войск любым видом довольствия; поступление пленных на службу к неприятелю.

Смертью наказывались побег к неприятелю и заговор, нацеленный на побег; в последнем случае казни подвергали каждого десятого. За побег с места сражения офицеров и генералов карали смертью, нижних чинов (в зависимости от тяжести проступка) — смертью или "прогнанием сквозь строй". Побегом считались отлучки из армии без особого приказа или письменного позволения и переход за передовую цепь без позволения.

Смертной казни подвергали всех офицеров и нижних чинов, не выполнивших при-

казания "в виду неприятеля". Воинская команда, "оставившая место, которое ей назначено, без сражения... и без особенного приказа ея начальства", почиталась "взбунтовавшейся"; зачинщики предавались смертной казни.

Оригинальному наказанию подвергалась команда, "оказавшая нерешимость идти на неприятеля": "на другой день отбираются у ней знамена, ружья и шпаги у офицеров. В сем положении выводится она пред войско и проходит мимо онаго, неся вместо знамя, на большом шесте, надпись: "трусы", на белой доске черными литерами изображенную. После сего солдаты и унтер-офицеры размещаются в разные полки; а офицеры и прочие начальники изгоняются из армии и исключаются из службы" [112, стр.249].

Начальник, допустивший обращение к подчиненному офицеру "бранными словами", исключался из службы; поднявший руку на подчиненного офицера лишался всех чинов и изгонялся из армии.

Смертью карались убийство "пощаженного" пленного, грабеж любой собственности, поджоги домов, убийство жителей, насилие над женщиной.

За ограбление мертвых тел назначали "прогнание сквозь строй чрез пять сот человек один раз", за ограбление раненых — два раза.

Перечень "исправительных" наказаний, назначаемых без суда, был довольно широк.

Так, полковой командир имел право налагать следующие взыскания: объявлять офицерам выговоры и замечания (с 1806 г.), объявлять офицерам выговоры при собрании офицеров, наряжать офицеров не в очередь на службу, назначать офицеров идти пешком за фронтом во время похода, отрешать от командования батальоном или ротой (с 1817 г.), подвергать аресту штаб-офицеров (на двое суток) и обер-офицеров (на 5 суток) (с 1806 г.), назначать унтер-офицеров к исправлению на время службы рядовых (с 1806 г.), понижать в рядовые унтер-офицеров, смещать унтер-офицеров и рядовых на низшую степень или на меньший оклад (с 1825 г.), снимать с нижних чинов нашивки, подвергать телесному наказанию нижних чинов (до 200 ударов розгами).

Ротные командиры имели возможность объявлять словесные замечания подчиненным

офицерам, наряжать нижних чинов не в очередь на службу или на работу, подвергать нижних чинов содержанию под арестом и телесным наказаниям (до 100 ударов розгами).

По штатам 1833 г. в полках из четырех действующих батальонов полагалось содержать обоз из 16 патронных ящиков, 16 провиантских фур, 1 фуры для казны и полковых дел, 1 фуры под инструменты, 1 аптечного ящика. В повозки впрягалась 121 лошадь, 12 лошадей считались запасными. В трехбатальонных полках патронных ящиков и провиантских фур числилось по 12, а количество лошадей было сокращено до 93 (и 9 запасных). Каждый резервный батальон имел 4 патронных ящика, 4 провиантские фуры и 1 ящик для казны и батальонных дел (в сводном резервном батальоне соответственно обоз удваивался). Пароконные палаточные ящики в военное время выдавались из расчета 5 на батальон; в батальоне же содержалась лазаретная карета. При дивизии состояли церковная фура, ящик для письменных дел дивизионного штаба и провиантская фура для штаба.

В 1853 г. полному генералу разрешалось иметь в походе 3 повозки, генерал-лейтенанту и генерал-майору — 2, полковнику — 1; прочие офицеры довольствовались вьючными лошадьми. Каждая рота могла содержать артельную повозку.

С 30-х гг. существенно усложнилась система письменной отчетности. Теперь в роте полагалось иметь приказную книгу, книгу словесных приказаний, книгу ротных арматурных денег, книгу образной суммы, ранжирный список, список по капральствам, формулярный список, табель вещам, арматурный список, список о претензиях, список о раздаче жалованья, список мастеровых, список женатых, список окладам, список по классам людей, входящий журнал, исходящий журнал, штрафной журнал, книгу для записи приемов в роте, список грамотных и список кантонистов, состоящих при родителях, — всего 21 наименование различных документов.

Взамен общей полковой церкви в ротах были заведены собственные образа, нередко весьма ценные.

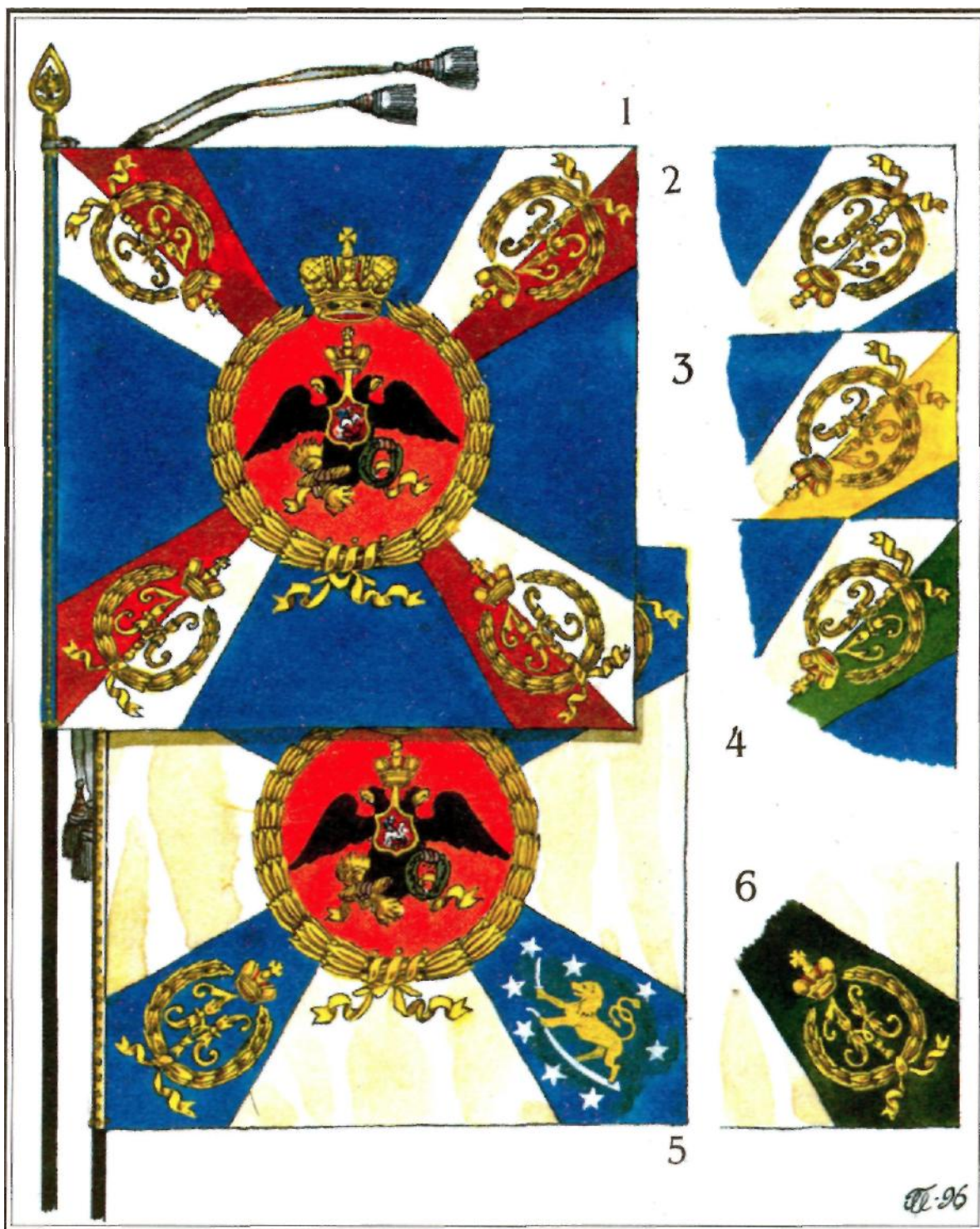
* * *

При Николае I так и не был преодолен пресловутый барьер — 1 врач на 800—1000 военнослужащих; качество медицинского обслуживания повышалось крайне медленно. Так, во время подавления польского восстания Лейб-Гвардии Московский полк потерял убитыми и ранеными 10 человек, а умершими от болезней — 142 человека.

Особенно остро вопрос о лечении раненых и больных встал во время Крымской войны 1854—1855 гг. Врачей и фельдшеров было слишком мало, хронически не доставало лекарств, перевязочных средств, лазаретного имущества. Снабжение госпиталей питанием также не удавалось наладить. Назначенный врачом в 17-ю дивизию доктор Генрици вспоминал, что 2000 раненых дивизии, лежащих на соломе, могли рассчитывать на помощь только от одного доктора, имевшего единственный медицинский инструмент — "изломанный ланцет," да и то чужой [77, стр.92-93]. Во многих госпиталях и солома для подстилок считалась роскошью. Многократно используемые бинты наскоро стирали и еще мокрые накладывали на раны.

Более организованной стала уборка раненых с поля боя. В разработанных в 1854 г. правилах вынос раненых возлагался на особо выделенных людей (по 8 рядовых с унтер-офицером в батальоне). За полком во время боевых действий всегда двигались все 8 лазаретных фургонов, в 7 из которых были заготовлены тюфяки, подушки и одежда для раненых. В 8-м фургоне перевозили лекарственные средства и необходимые для перевязок вещи: корпию, бинты, холодные компрессы на 500 человек, по 2 ведра уксуса и водки, по 2 бутылки "деревянного" масла и вина, 3 фунта свечей, стеклянный фонарь, две пары носилок, шесть пар костылей, полотенца и медицинскую посуду. Днем перевязочный пункт обозначался флагом на высоком шесте, ночью — фонарем.

В южных областях, где войска постоянно страдали от последствий употребления растительных плодов, велась активная разъяснительная работа с солдатами. Так, приказ по

Знамена учебных полков.

Знамена учебных карабинерных полков с 1837 г.: 1-го (1, 2 и 3-го) (1), 2-го (1-го и 2-го) (2), 3-го (в 1832 г. - 1-го и 2-го) (3), 4-го (в 1837 г. - 1-го и 2-го) (4), Финского Учебного Стрелкового батальона с 1855 г. (5), Образцового Пехотного полка с 1836 г. (6)

войскам 4-го и 5-го корпусов от 30 июня 1853 г. гласил: "Ротные, батальонные и полковые командиры должны беспрестанно внушать солдатам, что здоровье их дорого, что они нужны Царю и России, что солдату должно пренебрегать жизнью только в сражении и что рисковать ею для дыни или арбуза есть дело постыдное и глупое" [54].

В качестве частичной компенсации недостатков медицинской службы немалое внимание уделялось улучшению питания нижних чинов как основному средству профилактики многих болезней.

Как известно, государство в мирное время обеспечивало солдат только мукой и крупой. Разнообразить солдатский стол можно было только на средства артелей, то есть на собственные солдатские деньги. Порционным довольствием пользовались до 1836 г. только строевые чины Гвардии и войск, находящихся в Крыму и Херсонской губернии: первым выдавали мясные порции (37 фунтов, то есть чуть больше 15 кг мяса в год), последним — мясные и винные порции (32 кг мяса и 156 чарок вина в год). С мая 1836 г. мясные и винные порции стали выдавать частям, содержащим караулы в городах и крепостях: строевым чинам полагалось по три мясных и винных порции в неделю, нестроевым — по две. Такие же нормы с декабря 1836 г. были установлены для войск Гренадерского и 1 — 6-го пехотных корпусов на время прохождения 6-недельных корпусных сборов. С 1842 г. мясом (по 37 фунтов в год) обеспечивали всех чинов полевых войск; в 1849 г. порции строевым увеличили до 80 фунтов (нестроевым — до 40 фунтов). Кроме того, с 1848 г. каждому нижнему чину выдавалось по 20 фунтов (8,2 кг) соли ежегодно.

Например, нижним чинам находящихся в придунайских княжествах войск в 1853 г. ежедневно выдавали по 3 фунта хлеба (или по 1 3/4 фунта сухарей, или по 2 фунта 40 золотников ржаной муки), по 1/4 фунта крупы (овес, просо, ячка, полба или рис), по 5 1/3 золотника соли, по 1/4 золотника перца, по 1/2 чарки уксуса (уксус и соль отпускали с 1846 г. для профилактики заболеваний). Строевые, кроме того, получали мясные и винные порции три раза в неделю, нестроевые — два раза. Обер-офицерам ежедневно полагалось 3 фунта хлеба, 1/4 фунта крупы и 1 фунт мяса; штаб-офице-

рам — вдвое больше. Недостаток ржаной муки замещали пшеничной, недостаток хлеба — мясом (за фунт хлеба — 1/4 фунта мяса), недостаток круп — бобовыми культурами (за 1/4 фунта круп — 1/2 фунта) или овощами (1 фунт картофеля или репы).

Декларируемое улучшение питания не всегда было заметно "объектам приказов" — солдатам. К концу царствования Николая I небывалого размаха достигло воровство чиновников-снабженцев: особенно удобно было "проворачивать" различные махинации во время боевых действий. Так, адъютант командующего армией князя Меншикова вспоминал об одном занятом случае. "Возвращаясь по линии резервов, мы застали в последнем резерве ужинавших солдат: они черпали из манерок какую-то жидкость, похожую на кофе, вылавливая в ней кусочки, черные, как угольки. Эта похлебка обратила на себя внимание князя; он приветствовал людей обычным пожеланием "хлеба-соли", пристально посмотрел на кушанье и проехал мимо, приказав мне слезть с лошади и попробовать пищу.

Я исполнил приказание князя и крайне удивился, когда отведав увидел, что это был не кофе, а вода, окрашенная сухарями последней приемки. Определить вкус этой жидкости было невозможно, она пахла гнилью и драла горло. Догнав главнокомандующего, я доложил ему о том, чем питаются солдаты. Его как бы передернуло, и он почти вскрикнул: "Ах, это, верно, из Южной армии нам прислали те самые сухари, которые во множестве были забракованы войсками Горчакова. Интендантство сбыло их ко мне" [140, стр.243].

В 1838 г. оклады офицерского жалованья несколько повысили: полковник теперь получал 2000 рублей ассигнациями (502 рубля серебром) в год, капитан — 1500, поручик — 1100, прапорщик — 850. Помимо этого, офицерам стали выдавать столовые и квартирные деньги.

+ * *

Николай I скончался, и вместе с ним ушла в историю целая эпоха в развитии воору-

женных сил Российской Империи. Менялись тактика и стратегия боевых действий, менялся сам характер войны. Долгое время остававшаяся "душой" пуля внезапно "поумнела", и смертоносный град заставлял бойцов на поле боя прятаться за любые укрытия. Сомкнутый строй безнадежно устарел. Тем труднее приходилось русскому солдату: он еще мог смириться с недостатком оружия, но, будучи неисправимым коллективистом, тя-

жело переносил переход к тактике одиночных стрелков. Для непобедимой прежде пехоты наступали трудные времена. Отныне основными средствами достижения победы становились упорство и крайняя неприхотливость, столь характерные для россиянина. С такими союзниками прославленные полки продолжали оставаться грозной силой, способной уничтожить (хотя как правило, ценой невероятных жертв) любого противника.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Предлагаемые читателю приложения составлены автором для облегчения работы с книгой. Все даты приводятся по старому стилю. В приложении 3 названия полков приведены в алфавитном порядке по первому территориальному названию в рассматриваемый период. За недостатком места в него не включены временные части. В книге также встречаются следующие аббревиатуры:

ВС — Военный сборник;

ЖИРВИО — Журнал Императорского русского военно-исторического общества;

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской Империи;

РА — Русский архив;

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив;

РС — Русская старина.

Приложение 1

СПИСОК УПОМИНАЕМЫХ ЕДИНИЦ ИЗМЕРЕНИЯ

1 линия = 2,5 мм

1 дюйм = 2,5 см

1 фут = 12 дюймов = 30,5 см

1 сажень = 7 футов = 213,4 см

1 верста = 500 саженей = 10670 см

1 вершок = 4,4 см

1 аршин = 16 вершков = 71 см

1 золотник = 4,25 г

1 фунт (торговый) = 96 золотников = 409,50 г

1 гарнец = 3,28 литра

**ШТАТНЫЕ РАСПИСАНИЯ ПОЛКОВ И БАТАЛЬОНОВ Штаты
гвардейских полков тяжелой пехоты от 29.12.1802**

ЗВАНИЕ ЧИНАМ	В Преображенском полку	В Семеновском и Измайловском
Шеф	1	1
Полковой командир, генерал	1	1
Шефов батальонных, генералов	3	2
Полковников	8	6
Капитанов	4	3
Штабс-капитанов	12	9
Поручиков (в том числе полковые казначей и квартирмейстер)	18	14
Подпоручиков	20	15
Прапорщиков	20	15
Фельдфебелей	16	12
Портупей-прапорщиков	16	12
Подп рапорщиков	16	12
Каптенармусов	16	12
Младших унтер-офицеров	96	72
Гренадеров на старшем окладе	1000	750
Гренадеров на младшем окладе	1256	942
Музыкантов	22	11
Полковой барабанщик	1	1
Батальонных барабанщиков	3	2
Ротных барабанщиков	48	36
Флейтчиков	32	24
Нестроевых		
Аулитов	1	1
Священник	1	1
Перковников	2	2
Штаб-лекарь	1	1
Батальонных лекарей	4	3
Батальонных фельдшеров	4	3
Надзиратель больных унтер-оф. чина	1	1
Цирюльников ротных	16	12
Лазаретных служителей	16	12
Вагенмейстер	1	1
Полковой писарь	1	1
Батальонных писарей	4	3
Квартирмейстерский писарь	1	1
Казначейский писарь	1	1
Ложной мастер	1	1
Емв учеников	16	12
Оружейный мастер	1	1
Емв учеников	8	6
Коновал и полковой кузнец	1	1
Кузнецов	8	6
Плотников	16	12
Фурлейтов	69	53
Профосов	4	3
Денщиков	216	174

Штаты гвардейских батальонов легкой пехоты

ЗВАНИЕ ЧИНАМ	В Лейб-Гвардии Егерском батальоне 29.12.1802	В Лейб-Гвардии Финляндском батальоне 21.01.1809
Шеф	1	1
Полковник	2	1
Капитанов	1	3
Штабс-капитанов	3	2
Поручиков	5	7
Подпоручиков	6	7
Прапорщиков	-	5
Фельдфебелей	4	5
Портупей-юнкеров	4	5
Юнкеров	4	5
Каптенармусов	4	5
Младших унтер-офицеров	20	55
Рядовых старшего оклада	140	365
Рядовых младшего оклада	260	460
Музыкантов	—	25
Батальонный барабанщик	1	1
Ротных барабанщиков	8	15
Валторнистов	5	—
Флейтщиков	—	2
Нестроевых		
Аулитов	1	1
Пастор	—	1
Батальонный лекарь	1	1
Батальонный фельдшер	1	1
Надзиратель для больных	1	1
Цирюльников ротных	4	5
Лазаретных служителей	4	5
Вагенмейстер	1	1
Батальонных писарей	1	1
Квартирмейстерский писарь	1	1
Казначейский писарь	1	1
Церковных служителей	-	2
Ложник	1	1
Ему учеников	4	5
Ружейный мастер	1	1
Ему учеников	2	2
Коновал и кузнечный мастер	1	1
Кузнецов	4	2
Плотников	4	5
Фурлейтов	16	19
Профос	1	1
Денщиков	51	62

Штаты полков армейской пехоты от 30.04.1802

ЗВАНИЕ ЧИНАМ	В мушкетерском (гренадерском) полку	В егерском полку
Шеф, генерал	1	1
Полковник	1	1
Батальонный командир, подполковник	1	1
Майоров	4	1
Капитанов	5	8
Штабс-капитанов	7	4
Поручиков (в том числе полковые казначей и квартирмейстеры)	14	14
Подпоручиков	12	12
Прапорщиков	12	—
Адъютант шефа	1	1
Батальонных адъютантов	3	3
Фельдфебелей	12	12
Портупей-прапорщиков	12	—
Полп прапорщиков	12	—
Портупей-юнкеров	-	12
Юнкеров	—	12
Каптенантмусов	12	—
Младших унтер-офицеров	72	60
Гренадеров	564 (1692)	—
Мушкетеров	1128 (-)	—
Рядовых	—	1200
Музыкантов	9	5
Полковой барабанщик	1	1
Батальонных барабанщиков	2	2
Ротных барабанщиков	36	24
Флейтщиков	8	—
Искусствовед	—	—
Аудитор	1	-
Священник	1	—
Перковников	2	—
Штаб-лекарь	1	1
Батальонных лекарей	3	3
Фельдшеров	3	3
Надзиратель больных унтер-оф. чина	1	1
Пирульников ротных	12	12
Лазаретных служителей	12	12
Вагенмейстер	1	1
Писарей	6	6
Ложной мастер	1	1
Ему учеников	12	12
Оружейный мастер	1	1
Ему учеников	6	6
Коновал	1	—
Кузнецов	6	6
Плотников	12	12
Фурлейтов	53	41
Профосов	3	3

Штаты учебных гренадерских батальонов

ЗВАНИЕ ЧИНАМ	В Учебном Гренадерском батальоне 23.06.1808	В 3-м Учебном Гренадерском батальоне 26.06.1811
Батальонный командир, подполковник	1	1
Майор	i	1
Капитанов	4	2
Штабс-капитанов	2	2
Поручиков	2	4
Полпоручиков	4	4
Прапорщиков	3	4
Фельдфебелей	6	4
Каптенармусов	4	4
Младших унтер-офицеров	22	70
Гренадеров	600	600
Капельмейстер	1	-
Музыкантов	150	-
Батальонных барабанщиков	4	1
Ротных барабанщиков	150	62
Флейтчиков	тм"	8
Нестроевых		
Батальонный лекарь	-	1
Фельдшер	1	1
Цирюльников ротных	6	4
Писарей	3	3
Батальонный ложник	1	1
Ложников	2	2
Слесарь	1	1
Емв учеников	2	2
Кузнец	I	"^
Рядовых для артелей, шитья одежды и обуви приготовления амунции	—	40
Денщиков	29	26

Штат полка из трех батальонов 28.01.1833

ЗВАНИЕ ЧИНАМ	В 3 действующих батальонах	В резервном батальоне в мирное время
Полковой штаб		
Полковой командир, полковник	1	
Полковой адъютант, поручик	1	
Полковой квартирмейстер, поручик	1	
Полковой казначей, поручик	1	
Аудитор	1	
Штаб-лекарь	1	
Чиновник для обучения музыкантов	1	
Тамбурмажор	1	
Музыкантов унтер-офицерского чина	16	
Музыкантов рядовых	24	
Полковой барабанщик	1	
Полковой горнист	1	
Писарей	3	
Младших писарей	6	
Аптекарский ученик	1	
Полковой фельдшер	1	
Полковой священник	1	
Церковников	2	•
Батальонный штаб		
Батальонный командир, подполковник	1	1
батальонных командиров, майоров	2	—
Младших штаб-офицеров, майоров	2	1
Батальонных адъютантов, подпоручиков	3	1
Батальонных лекарей	3	1
Портупей-прапорщиков	3	1
Подпрапорщиков	3	1
Батальонных барабанщиков	3	1
Батальонных горнистов	3	1
Батальонных писарей	9	3
Батальонных фельдшеров	3	1
Состав строевых рот		
Капитанов	3	1
Штабс-капитанов	9	1
Поручиков	12	2
Подпоручиков	12	4
Прапорщиков	12	4
Фельдфебелей	12	4
Каптенармусов	12	4
Унтер-офицеров	216	72
Гренадеров, карабинеров, стрелков	690	130
Фузилеров, мушкетеров или егерей	2070	390
Ротных барабанщиков, гр., фуз., мушк./караб., егерей	48/36	12/8
Ротных горнистов, гр., фуз., мушк./караб., егерей	24/36	8/8
Флейтщиков	6	2
Цирюльников	12	4

Штат полка из четырех батальонов 28.01.1833

ЗВАНИЕ ЧИНАМ	В 4 действующих батальонах	В резервном (сводном резервном) батальоне в
Полковой штаб		
Полковой командир, полковник	1	
Полковой адъютант, поручик	1	
Полковой квартирмейстер, поручик	1	
Полковой казначей, поручик	1	
Аудитор	1	
Штаб-лекарь	1	
Чиновник для обучения музыкантов	1	
Тамбурмажор	1	
Музыкантов унтер-офицерского чина	16	
Музыкантов рядовых	24	
Полковой барабанщик	1	
Полковой горнист	1	
Писарей	3	
Младших писарей	6	
Аптекарский ученик	1	
Полковой фельдшер	1	
Полковой священник	1	
Церковников	4	
Батальонный штаб		
Батальонных командиров, полковников	2	1 (1)
Батальонных командиров, майоров	2	"(1)
Младших штаб-офицеров, майоров	4	КД
Батальонных адъютантов, полпоручиков	4	1 (2)
Батальонных лекарей	4	1 (2)
Портупей-прапорщиков	2	1 (2)
Подпрапорщиков	4	1(2)
Батальонных барабанщиков	4	1(2)
Батальонных горнистов	4	1(2)
Батальонных писарей	12	3(6)
Батальонных фельдшеров	4	1(2)
Состав строевых рот		
Капитанов	4	UD
Штабс-капитанов	12	1 (3)
Поручиков	16	2(4)
Подпоручиков	16	4(4)
Прапорщиков	16	4(4)
Фельдфебелей	16	4(8)
Каптенармусов	16	4(8)
Унтер-офицеров	288	72 (144)
Гренадеров, карабинеров, стрелков	920	80 (160)
Мушкетеров или егерей	2760	240 (480)
Ротных барабанщиков, гренад. мушк./караб. егерей	64/48	12/8 (24/16)
Ротных горнистов, гренад. мушк./караб. егерей	32/48	8/8 (16/16)
Флейтчиков	8	2(4)
Цирюльников	16	4(8)

Штат полка из трех батальонов (в Отдельном Кавказском корпусе) 21.03.1834

ЗВАНИЕ ЧИНАМ	В 3 действующих батальонах	В резервном батальоне в мирное время
Полковой штаб		
Полковой командир полковник	1	
Полковой адъютант, поручик	1	
Полковой квартирмейстер, поручик	1	
Полковой казначей, поручик	1	
Аудитор	1	
Штаб-лекарь	1	
Чиновник для обучения музыкантов	1	
Тамбурмажор	1	
Музыкантов унтер-офицерского чина	16	
Музыкантов рядовых	24	
Полковой барабанщик	1	
Полковой горнист	1	
Писарей	3	
Младших писарей	6	
Аптекарский ученик	1	
Полковой фельдшер	1	
Полковой священник	1	
Церковников	2	
Батальонный штаб		
Батальонный командир, полковник	1	1
Батальонных командиров, майоров	2	-
Младших штаб-офицеров, майоров	2	1
Батальонных адъютантов, подпоручиков	3	1
Батальонных лекарей	3	1
Портупей-прапорщиков	3	1
Подпрапорщиков	3	1
Батальонных барабанщиков	3	1
Батальонных горнистов	3	1
Батальонных писарей	9	3
Батальонных фельдшеров	3	1
Состав строевых рот		
Капитанов	3	1
Штабс-капитанов	9	1
Поручиков	12	2
Подпоручиков	12	4
Прапорщиков	12	4
Фельдфебелей	12	
Каптенармусов	12	4
Унтер-офицеров	240	80
Гренадеров, карабинеров, стрелков	780	130
Мушкетеров или егерей	2340	390
Ротных барабанщиков, гренад., мушк./караб., егерей	48/36	12/8
Ротных горнистов, гренад., мушк./караб., егерей	24/36	8/8
Флейтчиков	6	2
Цирюльников	12	4

Штаты полков Гвардии 1840 г.

ЗВАНИЕ ЧИНАМ	ВЗ батальонах
Полковой штаб	
Шеф полка	1
Полковой командир. генерал-майор	1
Полковой адъютант и казначей, поручик	1
Аудитор	1
Штаб-лекарь	1
Чиновник для обучения музыкантов	1
Тамбурмажор	1
Музыкантов унтер-офицерского чина	18
Музыкантов рядовых	24
Учеников музыкантов	18
Полковой барабанщик	1
Полковой горнист	1
Писарей	3
Младших писарей	6
Аптекарский ученик	1
Полковой священник	1
Перковников	2
Батальонный штаб	
Батальонных командиров. полковников	3
Младший штаб-офицер, полковник	1
Батальонных адъютантов полпоручиков	3
Батальонных лекарей	3
Портупей-прапорщиков или портупей-юнкеров	12
Подпрапорщиков или юнкеров	12
Батальонных барабанщиков	2
Батальонных горнистов	3
Батальонных писарей	9
Батальонных фельдшеров	3
Состав строевых рот	
Капитанов	5
Штабс-капитанов	7
Поручиков	12
Подпоручиков	12
Прапорщиков	12
фельдфебелей	12
Каптенармусов	12
Унтер-офицеров	192
Гренадеров, карабинеров, стрелков	690
Фузилеров, мушкетеров или егерей	1920
Ротных барабанщиков. гр..фвз..мушк./караб..егерей	84
Ротных горнистов. гр..фвз..мушк./караб..егерей	60
Флейтчиков	6
Цирюльников	12
В Преображенском полку — 84 музыканта и 24 флейтщика.	

Штаты полков Отдельного Гренадерского корпуса (по 3 действ. батальона) и 1—6-го пехотных корпусов (по 4 действ. батальона) 1840 г.

ЗВАНИЕ ЧИНАМ	В 3 действующих батальонах	В 4 действующих батальонах
Полковой штаб		
Полковой командир, полковник	1	1
Полковой адъютант, поручик	1	1
Полковой квартирмейстер, поручик	1	1
Полковой казначей, поручик	1	1
Аудитор	1	1
Штаб-лекарь	1	1
Чинovníк для обучения музыкантов	1	1
Тамбур-мажор	1	1
Музыкантов унтер-офицерского чина	16	16
Музыкантов рядовых	24	24
Полковой барабанщик	1	1
Полковой горнист	1	1
Писарей	3	3
Младших писарей	6	6
Полковой фельдшер	1	1
Полковой священник	1	1
Церковников	2	4
Батальонный штаб		
Батальонный командир, подполковник	1	1
Батальонных командиров, майоров	2	2
Младших штаб-офицеров, майоров	1	2
Батальонных адъютантов, подпоручиков	3	4
Батальонных лекарей	3	4
Портупей-п рапорщиков	3	4
Подпрапорщиков	3	4
Батальонных барабанщиков	3	4
Батальонных горнистов	3	4
Батальонных писарей	9	12
Батальонных фельдшеров	3	4
Состав строевых рот		
Капитанов	3	4
Штабс-капитанов	9	12
Поручиков	12	16
Подпоручиков	12	16
Прапорщиков	12	16
Фельдфебелей	12	16
Каптенармусов	12	16
Унтер-офицеров	216	288
Гренадеров, карабинеров, стрелков	690	920
Фузилеров, мушкетеров или егерей	1920	2320
Ротных барабанщиков, гр..фвз..мушк./караб..егерей	48/36	64/48
Ротных горнистов, гр..фвз..мушк./караб..егерей	24/36	32/48
Флейтщиков	6	8
Цирюльников	12	16

Штаты полков Отдельного Кавказского корпуса (в гренадерской бригаде - по 3 действ, и 1 резервному батальону, в других полках - по 4 действ, и 1 резервному батальону) 1840 г.

ЗВАНИЕ ЧИНАМ	В 3 действующих батальонах	В 4 действующих батальонах
Полковой штаб	1	1
Полковой командир, полковник		
Полковой альютант, поручик	1	1
Полковой квартирмейстер, поручик	1	1
Полковой казначей, поручик	1	1
Аудитор	1	1
Штаб-лекарь	1	1
Чиновник для обучения музыкантов	1	1
Тамбурмажор	1	1
Музыкантов унтер-офицерского чина	16	16
Музыкантов рядовых	24	24
Полковой барабанщик	1	1
Полковой горнист	1	1
Писарей	3 6	3 6
Младших писарей	1	1
Полковой фельдшер		
Полковой священник	1	1
Церковников	2	4
Батальонный штаб		
Батальонный командир, полковник	1	1
Батальонных командиров, майоров	2	2
Младших штаб-офицеров, майоров	4	5
Батальонных альютантов, подпоручиков	4	5
Батальонных лекарей	4	5
Портупей-прапорщиков	4	5
Подпрапорщиков	4	5
Батальонных барабанщиков	4	5
Батальонных горнистов	4	5
Батальонных писарей	12	18
Батальонных фельдшеров	4	5
Состав строевых рот		
Капитанов	4	5
Штабс-капитанов	12	15
Поручиков	16	20
Подпоручиков	16	20
Прапорщиков	16	20
Фельдфебелей	16	20
Каптенармусов	16	20
Унтер-офицеров	320	400
Гренадеров, карабинеров, стрелков	1040	1300
Фузилеров, мушкетеров или егерей	3120	3900
Ротных барабанщиков, гр.^v3..MvuiK./Караб..егерей	64/48	80/60
Ротных горнистов, гр..fvз..mvшк./караб..егерей	32/48	40/60
флейтчиков	8	10
Цирюльников	16	20

Штаты нестроевых рот (1833 и 1834 гг.)

ЗВАНИЕ ЧИНАМ	В полку из 3 действующих батальонов 28.01.1833	В полку из 4 действующих батальонов 28.01.1833	В полку из 3 действующих батальонов 21.03.1834
Состав одной нестроевой роты	1 1	1 1	1
Обер-офицер (от поручика)	1 2	1 3	1
Вагенмейстер унтер-оф. чина	12	16	1
Надзиратель больных унтер-оф. чина	1	1	1
Фурштатских унтер-офицеров	12	16	32
Лазаретных служителей	1	1	1
Ложной мастер	12	16	16
Ложников	1 6	1 8	1
Оружейный мастер	6 1	8 1	16
Оружейников	36	48	1
Коновал	3	4	8
Кузнецов			8
Плотников			1
Колесник			98
Фурштатских рядовых			4
Профосов			

Штаты нестроевых рот 1840 г.:

- I — полков Отдельного Гренадерского корпуса; II — полков
1—6-го пехотных корпусов;
III — полков Гренадерской бригады Отдельного Кавказского корпуса;
IV — прочих полков Отдельного Кавказского корпуса;
V — гвардейских полков.

ЗВАНИЕ ЧИНАМ	I	II	III	IV	V
Состав одной нестроевой роты	1 1	1 1	1 1	1	1 1
Обер-офицер (от поручика)	1 2	1 3	1 1	1	1
Вагенмейстер унтер-оф. чина	12 1	16	32 1	1	2
Надзиратель больных унтер-оф. чина	12 1	1	16 1	5 40	12
Фурштатских унтер-офицеров	12 1	16	16 1	1	1
Лазаретных служителей	6 6	1	8 8	20	12
Ложной мастер	1	16	1	1	1
Ложников	39 2	1 8	98 4	20	12
Оружейный мастер		8 1		1	1
Оружейников		51		10	3
Коновал		4		10	3
Кузнецов				1	1
Плотников				126	43
Колесник				1	3
Фурштатских рядовых					
Профосов					

Штаты стрелковых батальонов

ЗВАНИЕ ЧИНАМ	В Лейб-Гвардии Финском стрел- ковом батальоне 12.08.1830	В армейском стрелковом батальоне 4.05.1844
Батальонный штаб		
Батальонный командир, полковник	1	1
Младший штаб-офицер, подполковник	1	1
Батальонный казначей, подпоручик	—	1
Батальонный квартирмейстер, поручик	1	1
Батальонный адъютант, подпоручик	1	1
Батальонный лекарь	1	1
Аудитор	1	—
Чиновник, обучающий музыке	1	—
Священник	1	—
Портупей-прапорщик	2	1
Подпрапорщик	2	1
Тамбурмажор	1	—
Музыкантов	32	—
Батальонный барабанщик	1	—
Батальонный горнист	1	1
Батальонных фельдшеров	2	1
Состав строевых рот		
Капитанов	2	2
Штабс-капитанов	2	2
Поручиков	4	4
Подпоручиков	4	4
Прапорщиков	4	4
Фельдфебелей	4	4
Каптенармусов	4	4
Унтер-офицеров	48	48
Рядовых	600	600
Ротных барабанщиков	16	—
Ротных горнистов	12	16
Цирюльников	4	4
Нестроевых		
Вагенмейстер	1	—
Писарей	4	2
Надзиратель больных	1	1
Помощников	4	4
Церковников	2	2
Оружейников	3	7
Ложников	5	5
Кузнецов	2	2
Плотников	4	2
Кочегар	1	1
Фуражничий унтер-офицер	—	1
Фуражничьи рядовых	13	16
Профос	1	1

ПОЛКИ РОССИЙСКОЙ ПОЛЕВОЙ ПЕХОТЫ В 1801-1855 гг.

Азовский мушкетерский полк — сформирован 25.06.1700 г.; 3.10.1799 г. - мушкетерский генерал-майора Селехова; 31.03.1801 г. — Азовский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Азовский пехотный; 28.01.1833 г. присоединены 2 батальона 37-го Егерского полка.

Алексопольский мушкетерский полк — сформирован 11.11.1731г.; 26.06.1800 г. - мушкетерский генерал-майора Ловейки; 31.03.1801 г. — Алексопольский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Алексопольский пехотный; 28.01.1833 г. присоединен 15-й Егерский полк, назван Алексопольским егерским.

Апшеронский мушкетерский полк — сформирован 9.06.1724 г.; 31.10.1798 г. - мушкетерский генерал-майора Милорадовича 1-го; 31.03.1801 г. — Апшеронский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Апшеронский пехотный; 4.11. 1819 г. - Троицкий пехотный; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Белозерскому пехотному полку.

Архангелогородский мушкетерский полк — сформирован 25.06.1700 г.; 28.06.1799 г. - мушкетерский генерал-майора графа Каменского 2-го; 31.03.1801 г. — Архангелогородский мушкетерский; 22.02.1811г. — Архангелогородский пехотный; 28.01.1833 г. присоединен Тамбовский пехотный полк; 1.02.1846 г. — пехотный Его Величества Короля Сардинского; 30.03.1848 г. — пехотный Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича.

Астраханский гренадерский полк — сформирован 25.06.1700 г.; 28.06.1799 г. - гренадерский генерал-лейтенанта Наследного Принца Мекленбургского; 31.03.1801 г. — Астраханский гренадерский; 29.08.1805 г. — 3 роты отчислены на формирование Пензенского мушкетерского полка; 28.01.1833 г. присоединен 1 батальон 5-го Карабинерного и 1,5 батальона 6-го Карабинерного полков, назван Астраханским карабинерным; 24.02.1845 г. — карабинерный Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Александровича.

Батальон Императорской милиции — сформирован 12.12.1806 г. из крестьян Императорских вотчин; 22.01.1808 г. — Лейб-Гвардии батальон Императорской милиции, на правах Старой Гвардии; 8.04.18082 Лейб-Гвардии Финляндский батальон; 7.10.1811 г. — Лейб-Гвардии Финляндский полк; 7.12.1817 г. — 1 батальон отчислен на формирование Лейб-Гвардии Волынского полка.

Белевский мушкетерский полк — сформирован 15.01.1731г.; 31.10.1798 г. - мушкетерский генерал-майора Мансурова 1-го; 31.03.1801 г. — Белевский мушкетерский; 22.02.1811 г. - Белевский пехотный; 4.11.1819 г. — Мингрельский пехотный; 21.03.1834 г. расформирован, 1 батальон присоединен к Грузинскому гренадерскому полку, но 1 батальону отчислены на формирование Черноморских линейных 8-го и 10-го батальонов.

Белозерский мушкетерский полк — сформирован в 1708 г.; 13.05.1799 г. -- мушкетерский генерал-майора Седморацкого; 31.03.1801 г. — Белозерский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Белозерский пехотный; 28.01. 1833 г. — присоединен Троицкий пехотный полк; 1.01.1843 г. — пехотный генерал-адъютанта князя Волконского; 6.12.1850 г. — пехотный генерал-фельдмаршала князя Волконского; 28.08.1852 г. — Белозерский пехотный.

Белостокский мушкетерский полк — сформирован 12.05.1807 г. из трех сводных гарнизонных батальонов, отличившихся при обороне Данцига; 22.02. 1811 г. — Белостокский пехотный; 14.02.1831 г. 1 батальон отчислен на формирование Модлинского пехотного полка, присоединен 1 батальон Суздальского пехотного полка; 28.01.1833 г. присоединен 1 батальон 47-го Егерского полка; 20.02.1845 г. 2 батальона направлены на формирование Карталинского егерского полка; 23.02.1845 г. присоединен 1 батальон Суздальского пехотного полка.

Бендерский пехотный полк — сформирован 11.06.1813 г. из рекрутов; 4.11.1813 г. — 57-й Егерский; 12.02.1816 г. — 46-й Егерский;

28.01.1833 г. расформирован, 1,5 батальона присоединены к Вильманстрандскому пехотному полку, 1,5 батальона — к Нейшлотскому пехотному полку.

Бородинский пехотный полк — сформирован 11.03.1813 г. из половины Московского гарнизонного полка; 28.01.1833 г. присоединен 27-й Егерский полк, назван Бородинским егерским; 26.08.1839 г. — Бородинский егерский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича.

Брестский мушкетерский полк — сформирован 16.08.1806 г. из 4 рот Ширван-ского мушкетерского полка и рекрутов; 22.02.1811 г. — Брестский пехотный; 14.02.1831 г. 1 батальон отчислен на составление Модлинского пехотного полка, присоединен 1 батальон Владимирского пехотного полка; 28.01.1833 г. присоединены 2 батальона 47-го Егерского; 20.02.1845 г. 2 батальона отчислены на формирование Карталинского егерского полка; 23.02.1845 г. присоединен 1 батальон Владимирского пехотного полка.

Брянский мушкетерский полк — сформирован в 1713 г.; 24.09.1800 г. — мушкетерский генерал-майора Лидерса; 31.03.1801 г. — Брянский мушкетерский; 19.10.1810 г. — 39-й Егерский; 21.03.1834 г. расформирован, 2 батальона присоединены к Кабардинскому пехотному полку, 1 батальон — на формирование Грузинского линейного 9-го батальона.

Брянский мушкетерский полк — сформирован 17.01.1811 г. из 12 гарнизонных рот; 22.02.1811 г. — Брянский пехотный; 28.01.1833 г. присоединен 17-й Егерский, назван Брянским егерским.

Бутырский мушкетерский полк — сформирован 29.11.1796 г.; 16.09.1800 г. - мушкетерский генерал-майора Малышкина; 31.03.1801 г. — Бутырский мушкетерский; 22.02.1811 г. - Бутырский пехотный; 28.01. 1833 г. присоединен Уфимский пехотный полк.

Великолуцкий мушкетерский полк — сформирован 25.06.1700 г.; 19.01.1800 г. - мушкетерский генерал-майора Кастелля; 31.03. 1800 г. — Великолуцкий мушкетерский; 29.08.1805 г. 6 рот отчислено на формирование Костромского мушкетерского полка; 19.10.1810 г. - 44-й Егерский; 16.07.1819 г. -

45-й Егерский; 28.01.1833 г. расформирован, 1,5 батальона присоединены к Выборгскому пехотному полку, 1,5 батальона — к Петровскому пехотному.

Великолуцкий мушкетерский полк — сформирован 17.01.1811 г. из 12 гарнизонных рот; 22.02.1811г. — Великолуцкий пехотный; 28.01.1833 г. присоединен 6-й Егерский полк, назван Великолуцким егерским.

Виленский мушкетерский полк — сформирован 29.08.1805 г. из 6 рот Невского мушкетерского полка и рекрутов; 19.10.1810 г. — 34-й Егерский; 28.01.1833 г. расформирован, 2 батальона присоединены к Кольванскому пехотному полку, 1 батальон — к Томскому пехотному.

Виленский пехотный полк — сформирован 19.10.1811 г. из 2 рот Углицкого пехотного полка, 6 гарнизонных рот и рекрутов; 14.02.1831 г. 1 батальон отчислен на формирование Прагского пехотного полка, присоединен 1 батальон Ярославского пехотного полка; 28.01.1833 г. присоединены 2 батальона 48-го Егерского полка, назван Виленским егерским; 20.02.1845 г. 2 батальона отчислены на формирование Имеретинского пехотного полка; 23.02.1845 г. присоединен 1 батальон егерского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича (Казанского) полка.

Вильманстрандский мушкетерский полк — сформирован 16.08.1806 г. из 4 рот Уфимского мушкетерского полка и рекрутов; 22.02.1811 г. — Вильманстрандский пехотный; 28.01.1833 г. присоединены 1,5 батальона 46-го Егерского, назван Вильманстрандским егерским; 3.07.1835 г. расформирован, гренадерские роты отчислены на укомплектование Гренадерского корпуса, 3 роты — на укомплектование флота, по 4 роты — на формирование Финляндских линейных 6-го и 7-го батальонов, 1 рота — на формирование Финляндского линейного 8-го батальона.

Витебский мушкетерский полк — сформирован 6.12.1703 г.; 5.03.1801 г. — мушкетерский генерал-майора Мусина-Пушкина; 31.03.1801 г. — Витебский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Витебский пехотный; 28.01.1833 г. присоединен 13-й Егерский полк, назван Витебским егерским.

Владимирский мушкетерский полк — сформирован 25.06.1700 г.; 8.06.1800 г. - мушке-

терский генерала от инфантерии Розенберга; 31.03.1801 г. — Владимирский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Владимирский пехотный; 28.01.1833 г. присоединен Ярославский пехотный полк.

Вологодский мушкетерский полк — сформирован 16.05.1803 г. из 12 рот гренадерских и мушкетерских полков; 29.08.1805 г. 1 батальон отчислен на формирование Могилев-ского мушкетерского полка; 22.02.1811 г. — Вологодский пехотный; 4.11.1819 г. — Нава-гинский пехотный; 21.03.1834 г. присоединены 2 батальона Севастопольского пехотного полка.

Волинский мушкетерский полк — сформирован 16.05.1803 г. из 11 рот гренадерских и мушкетерских полков; 22.02.1811 г. — Волинский пехотный; 14.02.1831 г. 1 батальон отчислен на формирование Люблинского пехотного полка, присоединен 1 батальон Московского пехотного полка; 28.01.1833 г. присоединены 2 батальона 49-го Егерского; 20.02.1845 г. 3 батальона отчислены на формирование Дагестанского пехотного полка; 23.02.1845 г. присоединен 1 батальон Московского пехотного полка.

Воронежский мушкетерский полк — сформирован 25.06.1700 г.; 29.01.1799 г. - мушкетерский генерал-майора Арсеньева 2-го; 31.03.1801 г. — Воронежский мушкетерский; 19.10.1810 г. - 37-й Егерский; 28.01.1833 г. расформирован, 2 батальона присоединены к Азовскому пехотному полку, 1 батальон — к Днепровскому пехотному.

Воронежский мушкетерский полк — сформирован 17.01.1811 г. из 12 гарнизонных рот; 22.02.1811 г. — Воронежский пехотный; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Полтавскому пехотному полку.

Выборгский мушкетерский полк — сформирован 25.06.1700 г.; 18.08.1800 г. - мушкетерский генерал-майора Ганжи 1-го; 31.03.1801 г. — Выборгский мушкетерский; 22.02.1811 г. - Выборгский пехотный; 28.01. 1833 г. присоединены 1,5 батальона 45-го Егерского полка; 3.07.1835 г. расформирован, гренадерские роты — на укомплектование Гренадерского корпуса, 3 роты — на укомплектование флота, по 4 роты — на формирование Финляндских линейных 9-го и 12-го батальонов, 1 рота — на формирование Финляндского линейного 8-го батальона.

Вятский мушкетерский полк — сформирован 25.06.1700 г.; 18.02.1799 г. - мушкетерский генерал-майора фон Мантейфеля; 31.03.1801 г. — Вятский мушкетерский; 22.02. 1811 г. - Вятский пехотный; 28.01.1833 г. расформирован, присоединен к Суздальскому пехотному полку.

Галицкий мушкетерский полк — сформирован 16.05.1803 г. из И рот гренадерских и мушкетерских полков; 19.10.1810 г. — 38-й Егерский; 28.01.1833 г. расформирован, 2 батальона присоединены к Одесскому пехотному полку, 1 батальон — к Украинскому пехотному.

Галицкий мушкетерский полк — сформирован 17.11.1811 г. из 12 гарнизонных рот; 22.02.1811 г. — Галицкий пехотный полк; 28.01.1833 г. присоединен 10-й Егерский полк, назван Галицким егерским.

Гельсингфорский Учебный батальон — сформирован 7.03.1818 г. из чинов 1—3-го Финляндских полков; 22.02.1826 г. — Финский Учебный Стрелковый батальон; 16.07.1829 г. — Лейб-Гвардии Финский Стрелковый батальон, на правах Молодой Гвардии.

1-й Гренадерский полк Отдельного Литовского корпуса — сформирован 7.12.1817 г. из чинов 2-й и 3-й гренадерских дивизий, родившихся в Царстве Польском и Княжестве Литовском; 4.03.1825 г. — Самогитский гренадерский; 6.10.1831 г. присоединено 0,5 батальона Несвижского карабинерного полка; 28.01.1833 г. присоединено 1,5 батальона карабинерного генерал-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли полка; 15.07.1838 г. — гренадерский эрцгерцога Франца-Карла.

2-й Гренадерский полк Отдельного Литовского корпуса — сформирован 7.12.1817 г. из чинов 2-й и 3-й гренадерских дивизий, родившихся в Царстве Польском и Княжестве Литовском; 4.03.1825 г. — Луцкий гренадерский; 6.10.1831 г. присоединено 0,5 батальона Несвижского карабинерного полка; 28.01.1833 г. расформирован, по 1,5 батальона присоединены к гренадерскому Наследного Принца Прусского (Перновскому) и к гренадерскому графа Аракчеева (Ростовскому) полкам.

Гренадерский Стрелковый батальон — сформирован 17.01.1834 г.; 29.12.1847 г. - Резервный Стрелковый батальон; 2.10.1854 г.

разделен на 1-й и 2-й резервные стрелковые батальоны.

Дагестанский пехотный полк — сформирован 20.02.1845 г. из 3 батальонов Волынского пехотного полка, 2 батальонов Минского пехотного полка, Кавказского линейного 11-го батальона и чинов Модлинского пехотного полка.

Днепровский мушкетерский полк — сформирован 6.03.1775 г.; 19.05.1800 г. - мушкетерский генерал-майора Кононовича; 31.03.1801 г. — Днепровский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Днепровский пехотный; 28.01.1833 г. присоединен 1 батальон 37-го Егерского полка.

1-й Егерский полк — сформирован 29.11.1796 г.; 4.09.1800 г. - егерский генерал-майора Михельсона 2-го; 31.03.1801 г. — 1-й Егерский; 3.04.1814 г. — 1-й Гренадерский Егерский; 30.08.1815 г. — 1-й Карабинерный; 6.10.1831 г. присоединен 1 батальон Несвижского карабинерного полка; 28.01.1833 г. присоединено 1,5 батальона карабинерного генерал-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли полка, назван карабинерным генерал-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли.

2-й Егерский полк — сформирован 29.11.1796 г.; 31.10.1798 г. - егерский генерал-майора Гвоздева; 31.03.1801 г. — 2-й Егерский; 20.08.1805 г. 4 роты отчислены на формирование 21-го Егерского полка; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Копорскому пехотному полку.

3-й Егерский полк — сформирован 29.11.1796 г.; 31.10.1798 г. - егерский генерал-майора Барклая-де-Толли; 31.03.1801 г. — 3-й Егерский; 3.04.1814 г. — 3-й Гренадерский Егерский; 30.08.1815 г. — 2-й Карабинерный; 17.08.1826 г. — карабинерный генерал-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли; 6.10.1831 г. присоединен 1 батальон Несвижского карабинерного полка; 28.01.1833 г. расформирован, по 1,5 батальона присоединено к Самогитскому гренадерскому и 1-му Карабинерному полкам.

4-й Егерский полк — сформирован 29.11.1796 г.; 20.12.1800 г. - егерский генерал-майора фон Врадке; 31.03.1801 г. — 4-й Егерский; 28.01.1833 г. расформирован и при-

соединен к Эстляндскому пехотному полку.

5-й Егерский полк — сформирован 29.11.1796 г.; 3.01.1800 г. - егерский генерал-майора Алфимова; 31.03.1801 г. — 5-й Егерский; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к пехотному князя Кутузова-Смоленского (Псковскому) полку.

6-й Егерский полк — сформирован 29.11.1796 г.; 9.06.1800 г. - егерский полковника графа Ивелича 3-го; 31.03.1801 г. — 6-й Егерский; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Великолуцкому пехотному полку.

7-й Егерский полк — сформирован 29.11.1796 г.; 13.05.1799 г. - егерский генерал-майора Миллера; 31.03.1801 г. — 7-й Егерский; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Староингерманландскому пехотному полку.

8-й Егерский полк — сформирован 29.11.1796 г.; 9.07.1800 г. - егерский полковника Приуды; 31.03.1801 г. — 8-й Егерский; 3.04.1814 г. — 8-й Гренадерский Егерский; 30.08.1815 г. - 3-й Карабинерный; 28.01.1833 г. расформирован, по 1 батальону присоединено к Киевскому гренадерскому, гренадерскому Его Королевского Высочества Принца Евгения Виртембергского (Таврическому) и гренадерскому Принца Карла Мекленбургского (Московскому) полкам.

9-й Егерский полк — сформирован 29.11.1796 г.; 6.03.1799 г. - егерский генерал-майора Вейдемейера; 31.03.1801 г. — 9-й Егерский; 4.11.1819 г. - 42-й Егерский; 28.01.1833 г. расформирован, по 1 батальону присоединено к Тифлисскому пехотному, Мингрельскому егерскому и Ширванскому пехотному полкам.

10-й Егерский полк — сформирован 29.11.1796 г.; 17.01.1799 г. - егерский генерал-майора Маркова; 31.03.1801 г. — 10-й Егерский; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Галицкому пехотному полку.

11-й Егерский полк — сформирован 29.11.1796 г.; 2.03.1800 г. - егерский генерал-майора Баллы; 31.03.1801 г. — 11-й Егерский; 29.08.1805 г. 6 рот отчислены на формирование 22-го Егерского полка; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Низовскому пехотному полку.

12-й Егерский полк — сформирован 29.11.1796 г.; 27.09.1799 г. - егерский генерал-майора Гангблова; 31.03.1801 г. — 12-й Егер-

ский; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Сибирскому пехотному полку.

13-й Егерский полк — сформирован 29.11.1796 г.; 27.07.1800 г. - егерский полковника князя Вяземского; 31.03.1801 г. — 13-й Егерский; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Витебскому пехотному полку.

14-й Егерский полк — сформирован 29.11.1796 г.; 15.12.1800 г. - егерский полковника Штедера; 31.03.1801 г. — 14-й Егерский; 3.04.1814 г. — 14-й Гренадерский Егерский; 30.08.1815 г. - 4-й Карабинерный; 28.01.1833 г. расформирован, по 1,5 батальона присоединено к гренадерскому Принца Карла Мекленбургского (Московскому) и Екатеринбургскому гренадерскому полкам.

15-й Егерский полк — сформирован 29.11.1796 г.; 15.01.1800 г. - егерский генерал-майора Штемпеля; 31.03.1801 г. — 15-й Егерский; 411.1819 г. - 44-й Егерский; 21.03.1834 г. расформирован, по 1 батальону направлено на формирование Черноморских линейных 2-го, 3-го и 7-го батальонов.

16-й Егерский полк — сформирован 29.11.1796 г.; 31.10.1798 г. - егерский генерал-майора Лихачева; 31.03.1801 г. — 16-й Егерский; 411.1819 г. - 43-й Егерский; 21.03.1834 г. расформирован, 2 батальона присоединены к Апшеронскому пехотному, 1 батальон — к Ку-ринскому пехотному полкам.

17-й Егерский полк - сформирован 29.11.1796 г.; 31.10.1798 г. - егерский генерал-майора Лазарева; 31.03.1801 г. — 17-й Егерский; 12.02.1816 г. — 7-й Карабинерный; 27.10.1827 г. — Эриванский карабинерный; 21.03.1834 г. присоединен 1 батальон Херсонского гренадерского полка; 14.11.1850 г. — Эриванский карабинерный Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича.

18-й Егерский полк — сформирован 10.04.1786 г.; 8.05.1800 г. - егерский генерал-майора Воейкова; 31.03.1801 г. — 18-й Егерский; 1.03.1806 г. 1 батальон отчислен на формирование 23-го Егерского полка; 16.08.1806 г. 4 роты отчислены на формирование 32-го Егерского полка; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Орловскому пехотному полку.

19-й Егерский полк — сформирован 10.04.1786 г.; 30.05.1800 г. - егерский полковника Корницкого; 31.03.1801 г. — 19-й Егерский; 1.03.1806 г. 1 батальон отчислен на

формирование 23-го Егерского полка; 16.08.1806 г. 4 роты отчислены на формирование 32-го Егерского полка; **28.01.1833** г. расформирован и присоединен к Муромскому пехотному полку.

20-й Егерский полк — сформирован 16.05.1803 г. из 12 рот егерских полков; 30.08.1815 г. - 1-й Егерский; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Нарвскому пехотному полку.

21-й Егерский полк — сформирован 8.09.1805 г. из 4 рот 2-го Егерского полка и рекрутов; 30.08.1815 г. — 3-й Егерский; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Ревельскому пехотному полку.

22-й Егерский полк — сформирован 29.08.1805 г. из 6 рот 11-го Егерского полка и рекрутов; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Севскому пехотному полку.

23-й Егерский полк — сформирован 1.03.1806 г. из батальонов 18-го и 19-го Егерских полков и рекрутов; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Шлиссельбургскому пехотному полку.

24-й Егерский полк — сформирован 13.06.1806 г. из рот Рязанского, Белозерского, Софийского мушкетерских полков (по 3 роты), из 2 гарнизонных рот и рекрутов; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Ладожскому пехотному полку.

25-й Егерский полк — сформирован 13.06.1806 г. из рот Екатеринбургского и Углицкого мушкетерских полков (по 3 роты), 2 гарнизонных рот и рекрутов; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к пехотному графа Остен-Сакена (Углицкому) полку.

26-й Егерский полк — сформирован 13.06.1806 г. из 3 рот Уфимского мушкетерского полка, 6 гарнизонных рот и рекрутов; 3.04.1814 г. — 26-й Гренадерский Егерский; 30.08.1815 г. - 5-й Карабинерный; 28.01.1833 г. расформирован, по 1 батальону присоединено к Сибирскому гренадерскому, гренадерскому фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского (Малороссийскому) и Астраханскому гренадерскому полкам.

27-й Егерский полк — сформирован 16.08.1806 г. из 4 рот Тамбовского мушкетерского полка и рекрутов; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Бородинскому пехотному полку.

28-й Егерский полк — сформирован

16.08.1806 г. из 4 рот Тамбовского мушкетерского полка и рекрутов; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Тарутинскому пехотному полку.

29-й Егерский полк — сформирован 16.08.1806 г. из 4 рот Рыльского мушкетерского полка и рекрутов; 3.04.1814 г. — 29-й Гренадерский Егерский; 30.08.1815 г. — 6-й Карабинерный; 28.01.1833 г. расформирован, по 1,5 батальона присоединено к Астраханскому гренадерскому и гренадерскому генералиссимуса князя Суворова (Фанагорий-скому) полкам.

30-й Егерский полк — сформирован 16.08.1806 г. из 4 рот Рыльского мушкетерского полка и рекрутов; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Рязанскому пехотному полку.

31-й Егерский полк — сформирован 16.08.1806 г. из 4 рот Уфимского мушкетерского полка и рекрутов; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Белевскому пехотному полку.

32-й Егерский полк — сформирован 16.08.1806 г. из 4 рот 18-го Егерского, 4 рот 19-го Егерского полков и рекрутов; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Тульскому пехотному полку.

47-й Егерский полк — сформирован 17.01.1811 г. из 12 гарнизонных рот; 1402.1831 г. 1 батальон отчислен на формирование 51-го Егерского полка; 28.01.1833 г. расформирован, 2 батальона присоединено к Брестскому пехотному, 1 батальон — к Белостокскому пехотному полкам.

48-й Егерский полк — сформирован 17.01.1811 г. из 12 гарнизонных рот; 1402.1831 г. 1 батальон отчислен на формирование 51-го Егерского полка; 28.01.1833 г. расформирован, 2 батальона присоединено к Виленскому пехотному, 1 батальон — к Литовскому пехотному полкам.

49-й Егерский полк — сформирован 17.01.1811 г. из 12 гарнизонных рот; 1203.1811г. -Софийский пехотный; 24.05.1833 г. присоединено 2 батальона 2-го Морского и 1 батальон 4-го Морского полков.

49-й Егерский полк — сформирован 19.10.1811 г. из 4 рот 35-го Егерского полка, 4 гарнизонных рот и рекрутов; 14.02.1831 г. 1 батальон отчислен на формирование 52-го Егерского полка; 28.01.1833 г. расформирован,

2 батальона присоединено к Волынскому пехотному, 1 батальон — к Минскому пехотному полкам.

50-й Егерский полк — сформирован 19.10.1811 г. из 4 рот 35-го Егерского полка, 4 гарнизонных рот и рекрутов; 14.02.1831 г.

1 батальон отчислен на формирование 52-го Егерского полка; 28.01.1833 г. расформирован, 2 батальона присоединено к Житомирскому пехотному, 1 батальон — к Подольскому пехотному полкам.

51-й Егерский полк — сформирован 11.06.1813 г. из 4 рот 35-го Егерского полка и рекрутов; 30.08.1815 г. — 8-й Егерский; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Новоингерманландскому пехотному полку.

51-й Егерский полк — сформирован 14.02.1831 г. из 1 батальона 47-го Егерского и 1 батальона 48-го Егерского полков; 28.01.1833 г. расформирован, 2 батальона присоединено к Модлинскому пехотному, 1 батальон — к Прагскому пехотному полкам.

52-й Егерский полк — сформирован 11.06.1813 г.; 30.08.1815 г. - 14-й Егерский; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Полоцкому пехотному полку.

52-й Егерский полк — сформирован 14.02.1831 г. из 1 батальона 49-го Егерского и 1 батальона 50-го Егерского полков; 28.01.1833 г. расформирован, 2 батальона присоединено к Замосцкому пехотному, 1 батальон — к Люблинскому пехотному полкам.

53-й Егерский полк — сформирован 11.06.1813 г.; 30.08.1815 г. - 20-й Егерский; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Нижегородскому пехотному полку.

Екатеринбургский мушкетерский полк — сформирован 29.11.1796 г.; 31.10.1798 г. - мушкетерский генерал-майора Певцова; 31.03.1801 г. — Екатеринбургский мушкетерский; 13.06.1806 г. 3 роты отчислены на формирование 25-го Егерского полка; 16.08.1806 г. 8 рот отчислено на формирование Камчатского и Мингрельского мушкетерских полков; 22.02.1811г. — Екатеринбургский пехотный; 28.01.1833 г. присоединено 2 батальона 33-го Егерского полка.

Екатеринославский гренадерский полк — сформирован 30.03.1756 г.; 24.10.1799 г. - гренадерский генерал-майора Палицына; 31.03.1801 г. — Екатеринославский гренадерский; 28.01.1833 г. — присоединено 1,5 ба-

тальона 4-го Карабинерного полка; 2.09. 1840 г. — Екатеринославский гренадерский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича.

Елецкий мушкетерский полк — сформирован 15.01.1731г.; 4.07.1800 г. - мушкетерский генерал-майора Ефимовича; 31.03. 1801 г. Елецкий мушкетерский; 28.01.1833 г. присоединен 21-й Егерский полк.

Замосцкий пехотный полк — сформирован 14.02.1831 г. из 1 батальона Подольского и 1 батальона Житомирского пехотных полков; 16.02.1831 г. присоединен 1 батальон Тульского пехотного полка; 28.01.1833 г. присоединено 2 батальона 52-го Егерского полка, назван Замосцким егерским; 23.02.1845 г. присоединен 1 батальон Тульского егерского полка.

Измаильский пехотный полк — сформирован 11.06.1813 г.; 4.11.1813 г. - 56-й Егерский; 30.08.1815 г. - 29-й Егерский; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Рязанскому пехотному полку.

Имеретинский пехотный полк — сформирован 20.02.1845 г. из 2 батальонов Литовского, 2 батальонов Виленского, 1 батальона Минского пехотных полков, Кавказского линейного 2-го батальона и чинов Замосцкого пехотного полка; 21.09.1845 г. — Кубанский егерский.

Кабардинский мушкетерский полк — сформирован 15.12.1726 г.; 29.01.1800 г. - мушкетерский генерал-майора Туликова; 31.03. 1801 г. — Кабардинский мушкетерский; 16.08.1806 г. 4 роты отчислены на формирование Брестского, 4 роты — на формирование Кременчугского мушкетерских полков; 22.02.1811 г. — Кабардинский пехотный; 4.11.1819 г. — Ширванский пехотный; 13.09. 1828 г. — пехотный генерала от инфантерии графа Паскевича-Эриванского; 22.09.1829г. — пехотный генерал-фельдмаршала графа Паскевича-Эриванского; 4.09. 1831 г. — пехотный генерал-фельдмаршала князя Варшавского, графа Паскевича-Эриванского; 21.03.1834 г. присоединено по 1 батальону 42-го Егерского и Херсонского гренадерского полков.

Кавказский гренадерский полк — сформирован 4.06.1786 г.; 10.11.1798 г. - гренадерский генерал-майора Тучкова 2-го;

31.03.1801 г. — Кавказский гренадерский; 3.02.1811 г. — Грузинский гренадерский; 21.03.1834 г. присоединено по 1 батальону Мингрельского пехотного и Херсонского гренадерского полков; 6.02.1848 г. — гренадерский Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Николаевича.

Казанский мушкетерский полк — сформирован 25.06.1700 г.; 2.03.1799 г. - мушкетерский генерал-лейтенанта Кнорринга 2-го; 31.03.1801 г. — Казанский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Казанский пехотный; 4.11.1819 г. — Кабардинский пехотный; 21.03.1834 г. присоединено 2 батальона 39-го Егерского полка и назван Кабардинским егерским; 26.03.1843 г. — егерский генерал-адъютанта князя Чернышева.

Калужский мушкетерский полк — сформирован 29.08.1805 г. из 1 батальона Литовского, 1 батальона Софийского мушкетерских полков и рекрутов; 22.02.1811 г. — Калужский пехотный; 6.02.1818 г. — пехотный Принца Вильгельма Прусского; 24.05.1833 г. присоединено 2 батальона 3-го Морского и 1 батальон 1-го Морского полков; 25.07.1840 г. — пехотный Принца Прусского.

Камчатский мушкетерский полк — сформирован 16.08.1806 г. из 4 рот Екатеринбургского мушкетерского полка и рекрутов; 22.02.1811 г. — Камчатский пехотный; 28.01.1833 г. присоединено 2 батальона 36-го Егерского полка и назван Камчатским егерским.

Карабинерный полк Отдельного Литовского корпуса — сформирован 7.12.1817 г. из чинов 2-й и 3-й гренадерских дивизий, родившихся в Царстве Польском и Княжестве Литовском; 4.03.1825 г. — Несвижский карабинерный; 6.10.1831 г. расформирован, по 1 батальону присоединено к 1-му Карабинерному и карабинерному генерал-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли, по половине батальона — к Луцкому и Самогитскому гренадерским полкам.

Карталинский егерский полк — сформирован 20.02.1845 г. из 2 батальонов Брестского, 2 батальонов Белостокского, 1 батальона Житомирского пехотных полков, Кавказского линейного 8-го батальона и чинов Люблинского пехотного полка; 21.09.1845 г. — Ставропольский егерский.

Каспийский Морской батальон — сформирован 14.06.1805 г. из солдатской команды Каспийской морской флотилии и чинов

морских полков; 16.03.1813 г. перечислен в Сухопутное ведомство; 18.01.1830 г. — Грузинский линейный 8-й батальон; 21.03.1834 г. — Грузинский линейный 7-й батальон; 8.08.1840 г. — Грузинский линейный 9-й батальон; 31.08.1842 г. — Грузинский линейный 8-й батальон.

Кексгольмский мушкетерский полк — сформирован в 1710 г.; 4.12.1800 г. — мушкетерский генерал-майора Вердеревского; 31.03.1801 г. — Кексгольмский мушкетерский; 16.08.1806 г. 3 роты отчислены на формирование Перновского мушкетерского полка; 22.02.1811 г. — Кексгольмский пехотный; 13.04.1813 г. — Кексгольмский гренадерский; 7.10.1814 г. — гренадерский Его Величества Императора Австрийского; 22.08.1831 г. причислен к Отдельному Гвардейскому корпусу; 28.02.1835 г. — гренадерский Императора Франца I; 28.12.1848 г. — гренадерский Императора Австрийского.

Киевский гренадерский полк — сформирован 25.06.1700 г.; 7.06.1799 г. - гренадерский генерал-майора Пассека; 31.03.1801 г. — Киевский гренадерский; 28.01.1833 г. присоединен 1 батальон 3-го Карабинерного полка; 1.01.1834 г. — гренадерский Его Королевского Высочества Наследного Принца Оранского; 7.10.1840 г. — гренадерский Принца Оранского; 14.03.1849 г. — гренадерский Его Величества Короля Нидерландского.

Козловский мушкетерский полк — сформирован 15.01.1731 г.; 25.01.1800 г. - мушкетерский генерал-майора Макшеева; 31.03.1801 г. — Козловский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Козловский пехотный; 21.03.1834 г. расформирован, 1 батальон присоединен к Тенгинскому пехотному полку, по 1 батальону отчислены на формирование Кавказского линейного 2-го и Грузинского линейного 14-го батальонов.

Колыванский мушкетерский полк — сформирован 20.08.1798 г. как мушкетерский генерал-майора Миллера 1-го; 31.03.1801 г. — Колыванский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Колыванский пехотный; 28.01.1833 г. присоединено 2 батальона 34-го Егерского и назван Колыванским егерским.

Копорский мушкетерский полк — сформирован 16.05.1803 г. из 11 рот гренадерских и мушкетерских полков и рекрутов; **22.02.1811г.** - Копорский пехотный; 28.01. 1833 г. присоединен 2-й Егерский полк и

назван Копорским егерским; 14.08.1852 г. — егерский Его Королевского Высочества Принца Альберта Саксонского; 17.08.1854 г. — егерский Его Королевского Высочества Наследного Принца Саксонского.

Костромской мушкетерский полк — сформирован 29.06.1805 г. из 6 рот Великолуцкого мушкетерского полка, 2 гарнизонных рот и рекрутов; 22.02.1811 г. — Костромской пехотный; 28.01.1833 г. присоединен 9-й Егерский полк и назван Костромским егерским.

Красинский пехотный полк — сформирован 11.06.1813 г.; 4.11.1813 г. - 54-й Егерский; 30.08.1815 г. - 21-й Егерский; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Елецкому пехотному полку.

Кременчугский мушкетерский полк — сформирован 16.08.1806 г. из 4 рот Ширванского мушкетерского полка и рекрутов; 22.02.1811г. — Кременчугский пехотный; 28.01.1833 г. присоединен 16-й Егерский полк и назван Кременчугским егерским.

Крымский мушкетерский полк — сформирован 16.05.1803 г. из 11 рот разных полков и рекрутов; 22.02.1811 г. — Крымский пехотный; 21.03.1834 г. расформирован, 2 батальона присоединено к Тенгинскому пехотному полку, 1 батальон отчислен на формирование Грузинского линейного 12-го батальона.

Куринский мушкетерский полк — сформирован 29.12.1802 г. из 11 рот гренадерских и мушкетерских полков и рекрутов; 28.08.1805 г. 1 батальон отчислен на формирование Одесского мушкетерского полка; 5.10.1806 г. присоединен 1 батальон Ахти-арского гарнизонного полка; 22.02.1811 г. — Куринский пехотный; 4.11.1819 г. — Севастопольский пехотный; 21.03.1834 г. расформирован, 2 батальона присоединено к На-вагинскому пехотному полку, 1 батальон отчислен на формирование Грузинского линейного 13-го батальона.

Курский мушкетерский полк — сформирован в 1713 г.; 31.10.1798 г. — мушкетерский генерал-лейтенанта Пршибышевского; 31.03.1801 г. — Курский мушкетерский; 22.02.1811 г. - Курский пехотный; 28.01.1833г. расформирован и присоединен к Смоленскому пехотному полку.

Ладожский мушкетерский полк — сформирован 29.06.1708 г.; 5.04.1800 г. - мушке-

терский генерал-майора Сукина 2-го; 31.03.1801 г. — Ладожский мушкетерский; 22.02.1811 г. - Ладожский пехотный; 28.01. 1833 г. присоединен 24-й Егерский полк и назван Ладожским егерским.

Лейб-Гвардии Волынский полк — сформирован 7.12.1817 г. из 1 батальона Лейб-Гвардии Финляндского полка и чинов Гвардии, родившихся в Царстве Польском и Княжестве Литовском; на правах Старой Гвардии.

Лейб-Гвардии Егерский батальон — сформирован 9.11.1796 г.; 10.05.1806 г. - Лейб-Гвардии Егерский полк.

Лейб-Гвардии Измайловский полк — сформирован 22.09.1730 г.; 28.05.1800 г. - Лейб-Гвардии Его Императорского Высочества Николая Павловича; 14.03.1801 г. — Лейб-Гвардии Измайловский.

Лейб-Гвардии Литовский полк — сформирован 7.11.1811 г. из 1 батальона Лейб-Гвардии Преображенского полка и чинов Гвардии и армии, на правах Старой Гвардии; 12.10.1817 г. 1 батальон отчислен на формирование нового Лейб-Гвардии Литовского полка, назван Лейб-Гвардии Московским.

Лейб-Гвардии Литовский полк — сформирован 12.10.1817 г. из 1 батальона прежнего Лейб-Гвардии Литовского полка и чинов Гвардии, родившихся в Царстве Польском и Княжестве Литовском; на правах Старой Гвардии.

Лейб-Гвардии Преображенский полк — сформирован из "потешных Преображенских" в 1683 г.; 17.03.1800 г. - Лейб-Гвардии Его Величества; 14.03.1801 г. — Лейб-Гвардии Преображенский; 7.11.1811 г. 1 батальон отчислен на формирование Лейб-Гвардии Литовского полка.

Лейб-Гвардии Семеновский полк — сформирован из "потешных Преображенских" в 1683 г.; 17.03.1800 г. - Лейб-Гвардии Его Императорского Высочества Александра Павловича; 14.03.1801 г. — Лейб-Гвардии Семеновский; 2.11.1820 г. расформирован и сформирован заново из батальонов Кексгольмского, Санкт-Петербургского и Перновского гренадерских полков на правах Молодой Гвардии; 6.12.1823 г. возвращены права Старой Гвардии.

Лейб-Гренадерский полк — сформирован 30.03.1756 г.; 10.07.1775 г. - Лейб-Гренадерский; 13.04.1813 г. Лейб-Гвардии Гренадер-

ский на правах Молодой Гвардии; 6.12.1831 г. присвоены права Старой Гвардии.

Либавский мушкетерский полк — сформирован 16.08.1806 г. из 3 рот Кексгольмского, 3 рот Петровского мушкетерских полков и рекрутов; 22.02.1811 г. — Либавский пехотный; 23.10.1822 г. — пехотный Принца Карла Прусского; 24.05.1833 г. присоединено 2 батальона 4-го Морского и 1 батальон 2-го Морского полков.

Литовский мушкетерский полк — сформирован 21.01.1764 г.; 2.04.1800 г. - мушкетерский генерал-майора Ушакова; 31.03.1801 г. — Литовский мушкетерский; 29.08.1805 г. 1 батальон отчислен на формирование Калужского мушкетерского полка; 9.10.1810 г. - 33-й Егерский; 28.01.1833 г. расформирован, 2 батальона присоединено к Екатеринбургскому пехотному, 1 батальон — к Тобольскому пехотному полкам.

Литовский мушкетерский полк — сформирован 17.01.1811 г. из 12 гарнизонных рот; 22.02.1811 г. — Литовский пехотный; 14.02.1831 г. 1 батальон отчислен на формирование Прагского пехотного полка, присоединен 1 батальон пехотного генерал-фельдмаршала графа Сакена полка; 28.01.1833 г. присоединен 1 батальон 48-го Егерского полка, назван Литовским егерским; 20.02.1845 г. 2 батальона отчислены на формирование Имеретинского пехотного полка; 23.02.1845 г. присоединен 1 батальон Углицкого егерского полка.

Люблинский пехотный полк — сформирован 14.02.1831 г. из 1 батальона Волынского пехотного и 1 батальона Минского пехотного полков; 16.02.1831 г. присоединен 1 батальон Белевского пехотного полка; 28.01.1833 г. присоединен 1 батальон 52-го Егерского полка, назван Люблинским егерским; 23.02.1845 г. присоединен 1 батальон Белевского пехотного полка.

Малороссийский гренадерский полк — сформирован 30.03.1756 г.; 19.11.1800 г. - гренадерский генерал-майора Берга; 31.03. 1801 г. — Малороссийский гренадерский; 17.08.1826 г. — гренадерский фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского; 28.01.1833 г. присоединен 1 батальон 5-го Карабинерного полка.

Мингрельский мушкетерский полк — сформирован 16.08.1806 г. из 4 рот Екатеринбургского мушкетерского полка и рекрутов; 22.02.1811 г. — Мингрельский пехотный; 4.11.1819 г. - Белевский пехотный; 28.01.1833 г. присоединен 31-й Егерский полк, назван Белевским егерским.

Минский мушкетерский полк — сформирован 16.08.1806 г. из 4 рот Томского мушкетерского полка и рекрутов; 22.02.1811 г. — Минский пехотный; 14.02.1831 г. 1 батальон отчислен на формирование Люблинского пехотного полка, присоединен 1 батальон Бутырского пехотного полка; 28.01.1833 г. присоединен 1 батальон 49-го Егерского полка; 20.02.1845 г. 2 батальона отчислены на формирование Дагестанского пехотного полка, 1 батальон — на формирование Имеретинского пехотного полка; 23.02.1845 г. присоединен 1 батальон Бутырского пехотного полка.

Могилевский мушкетерский полк — сформирован 29.08.1805 г. из 1 батальона Навагинского, 1 батальона Ревельского мушкетерских полков и рекрутов; 22.02.1811 г. — Могилевский пехотный; 28.01.1833 г. присоединен Старооскольский пехотный полк.

Модлинский пехотный полк — сформирован 14.02.1831 г. из 1 батальона Брестского и 1 батальона Белостокского пехотных полков; 16.02.1831 г. присоединен 1 батальон Рязанского пехотного полка; 28.01.1833 г. присоединены 2 батальона 51-го Егерского полка; 23.02.1845 г. присоединен 1 батальон Рязанского пехотного полка.

1-й Морской полк — сформирован 16.05.1803 г. из батальонов Балтийского гребного флота; 16.03.1813 г. перечислен в Сухопутное ведомство; 28.01.1833 г. расформирован, 24.05.1833 г. 2 батальона присоединено к Невскому пехотному, 1 батальон — к Калужскому пехотному полкам.

2-й Морской полк — сформирован 16.05.1803 г. из батальонов Балтийского гребного флота; 16.03.1813 г. перечислен в Сухопутное ведомство; 28.01.1833 г. расформирован, 24.05.1833 г. 2 батальона присоединено к Софийскому пехотному, 1 батальон — к Либавскому пехотному полкам.

3-й Морской полк — сформирован 16.05.1803 г. из батальонов Балтийского гребного флота; 16.03.1813 г. перечислен в Сухо-

путное ведомство; 28.01.1833 г. расформирован, 24.05.1833 г. 2 батальона присоединено к Калужскому пехотному, 1 батальон — к Невскому пехотному полкам.

4-й Морской полк — сформирован 16.05.1803 г. из батальонов Балтийского гребного флота; 16.03.1813 г. перечислен в Сухопутное ведомство; 28.01.1833 г. расформирован, 24.05.1833 г. 2 батальона присоединено к Либавскому пехотному, 1 батальон — к Софийскому пехотному полкам.

Московский гренадерский полк — сформирован 15.05.1790 г.; 8.06.1800 г. - гренадерский Принца Карла Мекленбургского; 31.03.1801 г. — Московский гренадерский; 11.01.1826 г. — гренадерский Принца Павла Мекленбургского; 28.01.1833 г. присоединено 1 батальон 3-го Карабинерного и 1,5 батальона 4-го Карабинерного полков, назван карабинерным Принца Павла Мекленбургского; 14.09.1838 г. — карабинерный Гросс-Герцога Павла Мекленбургского; 3.03.1842 г. — Московский карабинерный; 10.06.1843 г. — карабинерный Гросс-Герцога Фридриха Мекленбургского.

Московский мушкетерский полк — сформирован 25.06.1700 г.; 31.10.1798 г. - мушкетерский генерал-лейтенанта Фенша; 31.03.1801 г. — Московский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Московский пехотный; 28.01.1833 г. присоединен Пермский пехотный полк.

Муромский мушкетерский полк — сформирован в 1708 г.; 23.09.1800 г. - мушкетерский генерал-майора Петровского; 31.03.1801 г. — Муромский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Муромский пехотный; 28.01.1833 г. присоединен 19-й Егерский полк.

Навагинский мушкетерский полк — сформирован 20.08.1798 г.; 15.12.1799 г. - мушкетерский генерал-майора Рунича 1-го; 31.03.1801 г. — Навагинский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Навагинский пехотный; 4.11.1819 г. — Вологодский пехотный; 28.01.1833 г. присоединен Саратовский пехотный полк.

Нарвский мушкетерский полк — сформирован 6.12.1703 г.; 31.10.1798 г. - мушкетерский генерал-майора Ротгофа; 31.03.1801 г. — Нарвский мушкетерский; 22.02.1811 г. - Нарвский пехотный; 28.01.1833 г. присоеди-

нен 1-й Егерский полк, назван Нарвским егерским.

Нашебургский мушкетерский полк — сформирован 26.02.1726 г.; 24.12.1800 г. - мушкетерский генерал-майора Ермолова; 31.03. 1801 г. — Нашебургский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Нашебургский пехотный; 21.03.1834 г. расформирован, по 1 батальону направлено на формирование Черноморских линейных 4-го и 3-го батальонов и Кавказского линейного 7-го батальона.

Невский мушкетерский полк — сформирован 9.05.1706 г.; 8.03.1800 г. - мушкетерский генерал-лейтенанта князя Горчакова 2-го; 31.03.1801 г. — Невский мушкетерский; 29.08.1805 г. 6 рот отчислено на формирование Виленского мушкетерского полка; 22.02.1811 г. Невский пехотный; 24.05.1833 г. присоединено 2 батальона 1-го Морского и 1 батальон 3-го Морского полков, назван Невским морским; 20.01.1846 г. — пехотный Его Величества Короля Неаполитанского.

Нейшлотский мушкетерский полк — сформирован 16.08.1806 г. из 4 рот Томского мушкетерского полка и рекрутов; 22.02.1811 г. — Нейшлотский пехотный; 28.01.1833 г. присоединено 1,5 батальона 46-го Егерского полка, назван Нейшлотским егерским; 3.07.1835 г. расформирован, гренадерские роты отчислены на укомплектование Гренадерского корпуса, 3 роты — на укомплектование флота, по 4 роты на формирование Финляндских линейных 1-го и 2-го батальонов, 1 рота — на формирование Финляндского линейного 8-го батальона.

Нижегородский мушкетерский полк — сформирован 25.06.1700 г.; 1.10.1799 г. - мушкетерский генерал-майора Хитрова; 31.03.1801 г. — Нижегородский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Нижегородский пехотный; 28.01.1833 г. присоединен 20-й Егерский полк.

Низовский мушкетерский полк — сформирован 7.05.1726 г.; 28.01.1801 г. - мушкетерский генерал-лейтенанта графа Шембека; 31.03.1801 г. — Низовский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Низовский пехотный; 28.01.1833 г. присоединен 11-й Егерский полк, назван Низовским егерским.

Новгородский мушкетерский полк — сформирован 25.06.1700 г.; 24.04.1799 г. - муш-

кетерский генерал-майора Фертча; 31.03. 1801 г. — Новгородский мушкетерский; 19.10.1810 г. - 43-й Егерский; 4.11.1819 г. - 16-й Егерский; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Кременчугскому пехотному полку.

Новоингерманландский мушкетерский полк - сформирован 20.08.1790 г.; 21.10. 1798 г. — мушкетерский генерал-майора барона Розена; 31.03.1801 г. — Новоингерманландский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Новоингерманландский пехотный; 28.01.1833 г. присоединен 8-й Егерский полк.

Образцовый Учебный батальон — сформирован 7.06.1826 г.; 28.04.1827 г. - Образцовый Пехотный полк.

Одесский мушкетерский полк — сформирован 29.08.1805 г. из 1 батальона Кубинского мушкетерского полка и рекрутов; 19.10.1810 г. - 40-й Егерский; 21.03.1834 г. расформирован, 2 батальона присоединено к Куринскому пехотному полку, 1 батальон отчислен на формирование Кавказского линейного 10-го батальона.

Одесский пехотный полк — сформирован 19.10.1811 г. из 2 рот Углицкого пехотного полка, 6 гарнизонных рот и рекрутов; 28.01.1833 г. присоединено 2 батальона 38-го Егерского полка, назван Одесским егерским.

Олонецкий мушкетерский полк — сформирован 20.08.1798 г.; 14.12.1800 г. - мушкетерский генерал-майора Кашкина; 31.03.1801 г. — Олонецкий мушкетерский; 22.02.1811 г. - Олонецкий пехотный; 28.01. 1833 г. присоединен Пензенский пехотный полк.

Орловский мушкетерский полк — сформирован в 1713 г.; 18.12.1799 г. — мушкетерский генерал-майора Брунова; 31.03.1801 г. — Орловский мушкетерский; 19.10.1810 г. - 41-й Егерский; 4.11.1819 г. - 17-й Егерский; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Брянскому пехотному полку.

Орловский мушкетерский полк — сформирован 17.01.1811 г. из 12 гарнизонных рот; 22.02.1811 г. - Орловский пехотный; 28.01. 1833 г. присоединен 18-й Егерский полк, назван Орловским егерским; 10.09.1835 г. — Егерский генерал-фельдмаршала князя Варшавского, графа Паскевича-Эриванского.

Охотский мушкетерский полк — сформирован 16.08.1806 г. из 4 рот Селенгинского мушкетерского полка и рекрутов; 22.02.1811 г. — Охотский пехотный; 28.01.1833 г. присоединен 1 батальон 36-го Егерского полка, назван Охотским егерским.

Павловский гренадерский полк — сформирован 19.11.1796 г.; 8.04.1800 г. - гренадерский генерал-майора Кербица; 31.03.1801 г. — Павловский гренадерский; 13.04.1813 г. — Лейб-Гвардии Павловский на правах Молодой Гвардии; 6.12.1831 г. присвоены права Огарой Гвардии.

Пензенский мушкетерский полк — сформирован 29.08.1805 г. из 3 рот Астраханского гренадерского полка и рекрутов; 19.10.1810 г. - 45-й Егерский; 16.07.1819 г. - 44-й Егерский; 4.11.1819 г. — 15-й Егерский; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Алексопольскому пехотному полку.

Пензенский мушкетерский полк — сформирован 17.01.1811 г. из 12 гарнизонных рот; 22.02.1811 г. - Пензенский пехотный; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Олонецкому пехотному полку.

Пермский мушкетерский полк — сформирован 25.06.1700 г.; 1801 г. — мушкетерский генерал-майора барона Вимпфена; 31.03.1801 г. — Пермский мушкетерский; 22.02.1811 г. - Пермский пехотный; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Московскому пехотному полку.

Перновский мушкетерский полк — сформирован 16.08.1806 г. из 3 рот Кексгольмского полка, 3 рот Петровского мушкетерского полка и рекрутов; 22.02.1811 г. — Перновский пехотный; 13.04.1813 г. — Перновский гренадерский; 20.06.1818 г. — гренадерский Наследного Принца Прусского; 28.01.1833 г. присоединено 1,5 батальона Луцкого гренадерского полка; 26.05.1840 г. — гренадерский Его Величества Короля Прусского.

Петровский мушкетерский полк — сформирован 16.05.1803 г. из 11 рот разных полков и рекрутов; 16.08.1806 г. 3 роты отчислены на формирование Либавского мушкетерского полка, 3 роты — на формирование Перновского мушкетерского полка; 22.02.1811 г. — Петровский пехотный; 28.01.1833 г. присоединено 1,5 батальона 45-го Егерского полка; 3.07.1835 г. расформирован, гренадерские

роты направлены на укомплектование Гренадерского корпуса, 3 роты — на укомплектование флота, по 4 роты — на формирование Финляндских линейных 5-го и 4-го батальонов, 1 рота — на формирование Финляндского линейного 8-го батальона.

Подольский мушкетерский полк — сформирован 16.05.1803 г. из 11 рот разных полков и рекрутов; 19.10.1810 г. — 36-й Егерский; 28.01.1833 г. расформирован, 2 батальона присоединено к Камчатскому пехотному, 1 батальон — к Охотскому пехотному полкам.

Подольский мушкетерский полк — сформирован 17.01.1811 г. из 12 гарнизонных рот; 22.02.1811 г. Подольский пехотный; 14.02.1831 г. 1 батальон отчислен на формирование Замосцкого пехотного полка, присоединен 1 батальон Бородинского пехотного полка; 28.01.1833 г. присоединен 1 батальон 50-го Егерского полка, назван Подольским егерским; 20.02.1845 г. 3 батальона отчислено на формирование Самурского егерского полка; 23.02.1845 г. присоединен 1 батальон Бородинского пехотного полка.

Полоцкий мушкетерский полк — сформирован 6.03.1775 г.; 7.05.1799 г. — мушкетерский генерал-майора Тинькова; 31.03.1801 г. — Полоцкий мушкетерский; 22.02.1811 г. — Полоцкий пехотный; 28.01.1833 г. присоединен 14-й Егерский полк, назван Полоцким егерским.

Полтавский мушкетерский полк — сформирован 20.08.1798 г.; 13.10.1800 г. - мушкетерский генерал-майора Аникеева; 31.03.1801 г. — Полтавский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Полтавский пехотный; 28.01.1833 г. — присоединен Воронежский пехотный полк.

Прагский пехотный полк — сформирован 14.02.1831 г. из 1 батальона Литовского и 1 батальона Виленского пехотных полков; 16.02.1831 г. присоединен 1 батальон Рижского пехотного полка; 28.01.1833 г. присоединен 1 батальон 51-го Егерского полка; 23.02.1845 г. присоединен 1 батальон Рижского пехотного полка.

Псковский мушкетерский полк — сформирован 25.06.1700 г.; 26.10.1799 г. - мушкетерский генерала от инфантерии Голе-нищева-Кутузова; 31.03.1801 г. — Псковский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Псковский пехотный; 17.08.1826 г. — пехотный генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского;

28.01.1833 г. присоединен 5-й Егерский полк, назван егерским генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского.

Ревельский мушкетерский полк — сформирован 6.03.1775 г.; 2.03.1799 г. - мушкетерский генерал-майора Хотунцева; 31.03.1801г. — Ревельский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Ревельский пехотный; 28.01.1833 г. присоединен 3-й Егерский полк, назван Ревельским егерским.

Ростовский мушкетерский полк — сформирован 26.06.1700 г.; 10.08.1800 г. - мушкетерский генерал-майора Мицкого; 31.03. 1801 г. — Ростовский мушкетерский; 30.08. 1808 г. — мушкетерский графа Аракчеева; 27.01.1811 г. — гренадерский графа Аракчеева; 28.01.1833 г. присоединено 1,5 батальона Луцкого гренадерского полка; 2.05.1834 г. — Ростовский гренадерский; 8.06.1835 г. — гренадерский Принца Фридриха Нидерландского.

Ростовский пехотный полк — сформирован 11.06.1813 г.; 4.11.1813 г. - 55-й Егерский; 30.08.1815 г. - 26-й Егерский; 8.11.1819 -35-й Егерский; 28.01.1833 г. расформирован, 2 батальона присоединено к Селенгинскому пехотному, 1 батальон — к Якутскому пехотному полкам.

Рота Дворцовых Гренадер — сформирована 2.10.1827 г. из отличнейших нижних чинов Гвардии, уволенных со службы.

Рыльский мушкетерский полк — сформирован 29.11.1796г.; 31.10.1798г. - мушкетерский генерал-майора Бахметева; 31.03.1801г. — Рыльский мушкетерский; 16.08.1806 г. 8 рот отчислены на формирование 29-го и 30-го Егерских полков; 22.02.1811 г. — Рыльский пехотный; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Черниговскому пехотному полку.

Рязский мушкетерский полк — сформирован 15.01.1731г.; 13.05.1799 г. - мушкетерский генерал-лейтенанта графа Ланжерона; 31.03.1801 г. — Рязский мушкетерский; 22.02. 1811 г. — Рязский пехотный; 28.01.1833 г. присоединен 30-й Егерский полк.

Рязанский мушкетерский полк — сформирован 6.12.1703 г.; 26.10.1799 г. - мушкетерский генерал-майора Алексева; 31.03.1801 г. — Рязанский мушкетерский; 22.02.1811 г. - Рязанский пехотный; 28.01.1833 г. присоединен 29-й Егерский полк.

Санкт-Петербургский гренадерский полк — сформирован 6.07.1790 г.; 2.01.1801г. - гренадерский генерал-лейтенанта барона фон дер Остен-Сакена 1-го; 31.03.1801 г. — Санкт-Петербургский гренадерский; 7.10.1814 г. — гренадерский Его Величества Короля Прусского; 22.08.1831 г. причислен к Отдельному Гвардейскому корпусу; 26.05.1840 г. — гренадерский Короля Фридриха-Вильгельма III.

Саратовский мушкетерский полк —сформирован 20.08.1798 г.; 29.01.1801г. - мушкетерский генерал-майора Несветаева; 31.03.1801 г. — Саратовский мушкетерский; 19.10.1810 г. - 46-й Егерский; 12.02.1816 г. - 17-й Егерский; 4.11.1819 г. — 41-й Егерский; 21.03.1834 г. расформирован, 2 батальона присоединено к Мингрельскому егерскому полку, 1 батальон — к Тифлисскому пехотному полку.

Саратовский мушкетерский полк — сформирован 17.01.1811 г. из 12 гарнизонных рот; 22.02.1811 г. — Саратовский пехотный; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Вологодскому пехотному полку.

Севастопольский мушкетерский полк — сформирован 21.09.1777г.; 13.02.1800г. - мушкетерский генерал-майора Сербина; 31.03. 1801 г. — Севастопольский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Севастопольский пехотный; 4.11.1819 г. — Куринский пехотный; 21.03. 1834 г. присоединено 2 батальона 40-го Егерского и 1 батальон 43-го Егерского полков, назван Куринским егерским; 8.07.1845 г. — Егерский генерал-адъютанта князя Воронцова.

Севский мушкетерский полк — сформирован в 1713 г.; 31.10.1798 г. — мушкетерский генерал-майора Тучкова 1-го; 31.03.1801 г. — Севский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Севский пехотный; 28.01.1833 г. присоединен 22-й Егерский полк.

Селенгинский мушкетерский полк —сформирован 29.11.1796 г.; 27.08.1800 г. - мушкетерский генерал-майора Купфершмита; 31.03.1801 г. — Селенгинский мушкетерский; 16.08.1806 г. 8 рот отчислено на формирование Охотского и Якутского мушкетерских полков; 22.02.1811 г. — Селенгинский пехотный; 28.01.1833 г. присоединено 2 батальона 35-го Егерского полка.

Сибирский гренадерский полк — сформирован 25.06.1700 г.; 31.03.1800 г. - гренадерский генерал-майора Бахметева 3-го;

31.03.1801 г. — Сибирский гренадерский; 28.01.1833 г. присоединен 1 батальон 5-го Карабинерного полка; 25.06.1844 г. — гренадерский Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича; 19.09. 1849 г. — гренадерский Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича.

Симбирский пехотный полк — сформирован 19.10.1811 г. из 2 рот Углицкого пехотного полка, 6 гарнизонных рот и рекрутов; 28.01.1833 г. присоединен 12-й Егерский полк, назван Симбирским егерским.

Смоленский мушкетерский полк — сформирован 25.06.1700 г.; 6.10.1800 г. - мушкетерский генерал-майора Репнинского; 31.03.1801 г. — Смоленский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Смоленский пехотный; 19.03.1826 г. — пехотный фельдмаршала герцога Веллингтона; 28.01.1833 г. присоединен Курский пехотный полк; 17.09.1852 г. — Смоленский пехотный.

Софийский мушкетерский полк — сформирован 14.01.1785 г.; 1.01.1801г. - мушкетерский генерал-майора Нечаева; 31.03. 1801г. — Софийский мушкетерский; 29.08.1805 г. 1 батальон отчислен на формирование Калужского мушкетерского полка; 19.10.1810 г. - 35-й Егерский; 8.12.1819 г. -26-й Егерский; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Казанскому пехотному полку.

Староингерманландский мушкетерский полк - сформирован 19.06.1703 г.; 502.1800 г. - мушкетерский генерал-майора Энгельгардта 1-го; 31.03.1801 г. — Староингерманландский мушкетерский; 22.02.1811г. — Староингерманландский пехотный; 28.01.1833 г. присоединен 7-й Егерский полк; 26.06.1851 г. — пехотный генерал-адъютанта князя Мен-шикова.

Старооскольский мушкетерский полк — сформирован 15.01.1731г.; 3.01.1800 г. - мушкетерский генерал-майора Быкова; 31.03.1801 г. — Старооскольский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Старооскольский пехотный; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Могилевскому пехотному полку.

1-й Стрелковый батальон — сформирован 10.07.1837 г. при Лейб-Гвардии Финском Стрелковом батальоне из чинов 1-го пехотного корпуса; 14.11.1843 г. - Кавказский Стрелковый.

2-й Стрелковый батальон — сформирован 22.07.1839 г. при Лейб-Гвардии Финском Стрелковом батальоне из солдатских детей Воронежского батальона военных кантонистов и чинов 2-го пехотного корпуса.

3-й Стрелковый батальон — сформирован 22.07.1839 г. при Лейб-Гвардии Финском Стрелковом батальоне из чинов 3-го пехотного корпуса.

4-й Стрелковый батальон — сформирован 26.07.1841 г. при Лейб-Гвардии Финском Стрелковом батальоне из чинов егерских полков 4-го пехотного корпуса; 14.08.1843 г. — Кавказский Стрелковый; 14.11.1843 г. — 1-й Стрелковый.

4-й Стрелковый батаульон — сформирован 14.08.1843 г. из чинов егерских полков 6-го пехотного корпуса; 20.04.1845 г. — 5-й Стрелковый.

5-й Стрелковый батальон — сформирован 26.06.1841 г. при Лейб-Гвардии Финском Стрелковом батальоне из чинов 5-го пехотного корпуса; 20.04.1845 г. — 4-й Стрелковый.

6-й Стрелковый батальон — сформирован 18.07.1845 г. при Лейб-Гвардии Финском Стрелковом батальоне из чинов стрелковых батальонов и рекрутов; 10.12.1853 г. — часть батальона отчислена на формирование 1-го Запасного Стрелкового батальона, пополнен из егерских полков 6-го пехотного корпуса.

Стрелковый полк Императорской Фамилии — сформирован 25.10.1854 г. из удельных крестьян Новгородской, Архангелогородской и Вологодской губерний.

Суздальский мушкетерский полк — сформирован 21.06.1707 г.; 12.01.1801 г. - мушкетерский генерал-майора Шеншина; 31.03.1801 г. — Суздальский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Суздальский пехотный; 4.11.1819 г. — Тенгинский пехотный; 21.03.1834 г. 1 батальон отчислен на формирование Кавказского линейного 3-го батальона, при соединено 2 батальона Крымского и 1 батальон Козловского пехотных полков.

Таврический гренадерский полк — сформирован 30.03.1756 г.; 14.09.1800 г. — гренадерский генерал-майора Данзаса; 31.03.1801 г. — Таврический гренадерский; 25.12.1825 г. — гренадерский Его Королевского Высочества Принца Евгения Виртембергского; 28.01.1833 г.

присоединен 1 батальон 3-го Карабинерного полка.

Тамбовский мушкетерский полк — сформирован 15.01.1731 г.; 31.10.1798 г. - мушкетерский генерал-майора Ферштера; 31.03.1801 г. — Тамбовский мушкетерский; 16.08.1806 г. — 4 роты отчислены на формирование 27-го Егерского полка; 22.02.1811 г. — Тамбовский пехотный; 28.01.1833 г. — расформирован и присоединен к Архангелогородскому пехотному полку.

Тарнопольский пехотный полк — сформирован 19.10.1811 г. из 2 рот Углицкого пехотного полка, 6 гарнизонных рот и рекрутов; 5.10.1815 г. — Житомирский пехотный; 14.02.1831 г. 1 батальон отчислен на формирование Замосцкого пехотного полка, присоединен 1 батальон Тарутинского пехотного полка; 28.01.1833 г. присоединено 2 батальона 50-го Егерского полка, назван Житомирским егерским; 20.02.1845 г. 2 батальона отчислено на формирование Самурского егерского полка, 1 батальон — на формирование Карталинского егерского полка; 23.02.1845 г. присоединен 1 батальон Тарутинского пехотного полка.

Тарутинский пехотный полк — сформирован 11.03.1813 г. из половины Московского гарнизонного полка; 28.01.1833 г. присоединен 28-й Егерский полк, назван Тарутинским егерским; 23.02.1845 г. 1 батальон присоединен к Житомирскому егерскому полку.

Тенгинский мушкетерский полк — сформирован 29.11.1796 г.; 27.10.1800 г. - мушкетерский генерал-майора князя Щербатова; 31.03.1801 г. — Тенгинский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Тенгинский пехотный; 4.11. 1819 г. — Суздальский пехотный; 28.01.1833 г. присоединен Вятский пехотный полк.

Тифлиссский мушкетерский полк — сформирован 26.02.1726 г.; 8.10.1800 г. - мушкетерский генерал-майора Леонтьева; 31.03.1801 г. — Тифлиссский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Тифлиссский пехотный; 21.03. 1834 г. присоединены 1 батальон 42-го Егерского и 1 батальон 41-го Егерского полков, назван Тифлиссским егерским.

Тобольский мушкетерский полк — сформирован 6.12.1703 г.; 14.01.1800 г. - мушкетерский генерал-майора Гарина; 31.03.1801 г. — Тобольский мушкетерский; 22.02.1811 г. — То-

больский пехотный; 28.01.1833 г. присоединен 1 батальон 33-го Егерского полка.

Томский мушкетерский полк — сформирован 29.11.1796 г.; 16.03.1801 г. - мушкетерский генерал-майора Стеллиха; 31.03.1801 г. — Томский мушкетерский; 16.08.1806 г. 8 рот отчислено на формирование Минского и Ней-шлотского мушкетерских полков; 22.02.1811 г. — Томский пехотный; 28.01.1833 г. присоединен 1 батальон 34-го Егерского, назван Томским егерским.

Троицкий мушкетерский полк — сформирован 25.06.1700 г.; 31.10.1798 г. - мушкетерский генерал-майора Бороздина 2-го; 31.03.1801 г. — Троицкий мушкетерский; 22.02.1811 г. — Троицкий пехотный; 4.11.1819 г. — Апшеронский пехотный; 21.03. 1834 г. присоединено 2 батальона 43-го Егерского и 1 батальон Куринского пехотного полков.

Тульский мушкетерский полк — сформирован 6.03.1775 г.; 9.01.1800 г. — мушкетерский генерал-майора барона Дрекслея; 31.03.1801 г. — Тульский мушкетерский; 22.02.1811 г. - Тульский пехотный; 28.01. 1833 г. присоединен 32-й Егерский полк, назван Тульским егерским.

Углицкий мушкетерский полк — сформирован 1.10.1708 г.; 20.02.1801 г. - мушкетерский генерал-майора барона Герсдорфа; 31.03.1801 г. — Углицкий мушкетерский; 22.02.1811 г. - Углицкий пехотный; 28.01. 1826 г. — пехотный генерала от инфантерии графа фон дер Остен-Сакена; 22.08.1826 г. — пехотный генерал-фельдмаршала графа фон дер Остен-Сакена; 8.11.1832 г. — пехотный генерал-фельдмаршала князя Сакена; 28.01. 1833 г. присоединен 25-й Егерский полк, назван егерским генерал-фельдмаршала князя Сакена; 15.04.1837 г. — Углицкий егерский.

Украинский мушкетерский полк — сформирован 20.08.1798 г.; 17.02.1800 г. - мушкетерский генерал-майора Баклановского; 31.03.1801 г. — Украинский мушкетерский; 22.02.1811 г. - Украинский пехотный; 28.01. 1833 г. присоединен 1 батальон 38-го Егерского полка, назван Украинским егерским.

Уфимский мушкетерский полк — сформирован 29.11.1796 г.; 19.05.1800 г. - муш-

кетерский генерал-майора Цыбульского; 31.03.1801 г. — Уфимский мушкетерский; 16.08.1806 г. 8 рот отчислено на формирование Вильманstrandского мушкетерского и 31-го Егерского полков; 22.02.1811 г. — Уфимский пехотный; 28.01.1833 г. расформирован и присоединен к Бутырскому пехотному полку.

Учебный Гренадерский батальон — сформирован 20.06.1808 г.; 15.08.1809 г. - 1-й Учебный Гренадерский; 20.10.1812г. — Учебный Гренадерский; 16.03.1816 г. направлен на формирование Учебного Карабинерного полка.

Учебный Гренадерский батальон — сформирован 28.06.1809 г.; 15.08.1809 г. - 2-й Учебный Гренадерский; 20.10.1812г. — Учебный Гренадерский; 16.03.1816 г. направлен на формирование Учебного Карабинерного полка.

3-й Учебный Гренадерский батальон — сформирован 16.07.1811 г.; 20.10.1812 г. - Учебный Гренадерский; 16.03.1816 г. направлен на формирование Учебного Карабинерного полка; 22.10.1826 г. отделен, присоединены кантонисты Московского Военно-Сиротского отделения, назван 2-м Учебным Карабинерным полком.

Учебный Карабинерный полк — сформирован 16.03.1816 г. из трех учебных гренадерских батальонов; 20.10.1826 г. расформирован, 2 батальона обращены на создание 1-го Учебного Карабинерного полка, 3-й батальон — на формирование 2-го Учебного Карабинерного полка.

1-й Учебный Карабинерный полк — сформирован 20.10.1826 г. из 2 батальонов Учебного Карабинерного полка.

3-й Учебный Карабинерный полк — сформирован 25.02.1834 г. из 2 Нижегородских батальонов военных кантонистов; 30.03.1835 г. — 4-й Учебный Карабинерный.

3-й Учебный Карабинерный полк — сформирован 30.03.1835 г. из 2 Ярославских батальонов военных кантонистов.

Фанагорийский гренадерский полк — сформирован 25.05.1790 г.; 27.09.1799 г. - гренадерский генерал-майора Мамаева; 31.03.1801 г. — Фанагорийский гренадерский; 17.08.1826 г. — гренадерский генералиссимуса князя Суворова; 28.01.1833 г. присоединено 1,5 батальона 6-го Карабинерного полка.

Финский Стрелковый батальон — сформирован 21.03.1846 г.; 2.03.1848 г. - Гренадерский Стрелковый.

Херсонский гренадерский полк — сформирован 7.01.1790 г.; 6.11.1798 г. - гренадерский генерал-майора Титова 1-го; 31.03.1801 г. — Херсонский гренадерский; 21.03.1834 г. расформирован, по 1 батальону присоединено к Грузинскому гренадерскому, Эриванскому карабинерному и Ширванскому пехотному полкам.

Черниговский мушкетерский полк — сформирован 25.06.1700 г.; 2.11.1800 г. - мушкетерский генерал-лейтенанта Эссена 1-го; 31.03.1801 г. — Черниговский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Черниговский пехотный; 4.06. 1831 г. — пехотный генерал-фельдмаршала графа Дибича-Забалканского; 28.01.1833 г. присоединен Рылский пехотный полк.

Ширванский мушкетерский полк — сформирован 9.06.1724 г.; 15.10.1800 г. - мушкетерский генерал-майора Лаврова; 31.03.1801 г. — Ширванский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Ширванский пехотный; 4.11.1819 г. — Казанский пехотный; 28.01.1833 г. присоединен 26-й Егерский полк, назван Казанским егерским; 26.08.1839 г. — егерский Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича; 19.09.1849 г. — егерский Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича.

Шлиссельбургский мушкетерский полк — сформирован 25.06.1700 г.; 31.10.1798 г. - мушкетерский генерал-майора Измайлова; 31.03.1801 г. — Шлиссельбургский мушкетерский; 22.02.1811г. — Шлиссельбургский пехотный; 28.01.1833 г. присоединен 23-й Егерский полк, назван Шлиссельбургским егерским.

Эстляндский мушкетерский полк — сформирован 29.08.1805 г.; 19.10.1810 г. - 42-й Егерский; 4.11.1819 г. - 9-й Егерский; 28.01. 1833 г. расформирован и присоединен к Костромскому пехотному полку.

Эстляндский мушкетерский полк — сформирован 17.01.1811 г. из 12 гарнизонных рот;

22.02.1811 г. — Эстляндский пехотный; 28.01.1833 г. присоединен 4-й Егерский полк, назван Эстляндским егерским.

Якутский мушкетерский полк — сформирован 16.08.1806 г. из 4 рот Селенгинского мушкетерского полка и рекрутов; 22.02.1811 г. — Якутский пехотный; 28.01.1833 г. присоединен

1 батальон 35-го Егерского полка.

Ярославский мушкетерский полк — сформирован 6.07.1790 г.; 11.10.1799 г. — мушкетерский генерал-майора Ласунского 1-го; 31.03.1801 г. — Ярославский мушкетерский; 22.02.1811 г. — Ярославский пехотный; 28.01. 1833 г. расформирован и присоединен к Владимирскому пехотному полку.

СПИСОК ИМЕН, УПОМИНАЕМЫХ В ТЕКСТЕ

Аракчеев Алексей Андреевич (1760—1834) — граф, генерал от артиллерии, в 1806—1810 гг. — Военный министр, главный организатор структуры военных поселений.

Андрианов И. — в 1854 г. — квартирмейстер 10-й пехотной дивизии.

Барклай-де-Толли Михаил Богданович (1761 — 1818) - князь, генерал-фельдмаршал, в 1814 г. — главнокомандующий русско-прусскими войсками.

Баумгартен Александр Карлович (1815 — 1883) — генерал-адъютант, начальник Академии Генерального штаба, в 1854 г. — командир 1-й бригады 10-й пехотной дивизии.

Веллингтон Артур Уэсли (1769—1852) — герцог, английский полководец, фельдмаршал; главнокомандующий англо-голландской армией в сражении при Ватерлоо в 1815 г., в котором была разбита французская армия под командованием Наполеона I.

Виллие Яков Васильевич (1768—1854) — медик, выходец из Шотландии, с 1799 г. — Лейб-хирург, с 1806 г. — Главный инспектор по медицинской части армии, в 1808 — 1838 гг. — президент Императорской Медико-Хирургической академии, в 1813—1836 гг. — директор Медицинского департамента Военного министерства.

Генрици Александр Александрович (1824 — 1861) — в 1854—1855 гг. — штаб-лекарь Азовского пехотного полка, затем врач 12-й пехотной дивизии.

Глинка Федор Николаевич (1786—1880) — известный русский поэт и писатель; в 1805 г. — подпоручик Апшеронского мушкетерского полка; в 1812 г. — адъютант Милорадовича.

Горбунов Наум Александрович — в 1854 г. — адъютант 1-го батальона Владимирского пехотного полка.

Давыдов Денис Васильевич (1784—1839) — генерал-майор, поэт и военный писатель.

Екатерина II Великая (1729—1796) — императрица с 1762 г.

Ермолов Алексей Петрович (1777—1861) — генерал от артиллерии, генерал от инфантерии, с 1816 по 1827 г. — командир Отдель-

ного Кавказского корпуса, главнокомандующий на Кавказе.

Еропкин Василий Михайлович (1807 — 1890) — генерал-майор, в 1831 г. — офицер Лейб-Гвардии Гренадерского полка.

Зарубаев Валериан — в 1854—1855 гг. — командир 1-й карабинерной роты Алексопольского егерского полка.

Коновницын Петр Петрович (1764 — 1822) — граф, генерал от инфантерии; в начале Отечественной войны 1812 г. — генерал-лейтенант, командир 3-й пехотной дивизии в 3-м пехотном корпусе.

Константин Павлович (1779—1831) — Цесаревич с 1799 г., сын Павла I, брат Александра I, в начале 1812 г. — командир 5-го пехотного корпуса.

Кульнев Яков Петрович (1763—1812) — генерал-майор; в 1808 г., во время Русско-Шведской войны — командующий авангардом русской армии; убит в бою при Клястицах 20.07.1812 г.

Кутузов (Голенищев-Кутузов) Михаил Илларионович (1745—1813) — Светлейший князь, князь Смоленский, генерал-фельдмаршал; выдающийся русский полководец.

Лонжерон Александр Федорович (Людовик Александр) (1763—1831) — граф, генерал от инфантерии; выходец из Франции, в русской службе с 1790 г.

Маевский Сергей Иванович (1779—1849) — генерал-лейтенант; в 1813—1814 гг. — полковник, командир 13-го Егерского полка.

Милорадович Михаил Андреевич (1771 — 1825) — граф, генерал от инфантерии; в октябре 1805 г. — генерал-майор, шеф Апшеронского мушкетерского полка.

Михаил Павлович (1798—1848) — Великий Князь, сын Павла I.

Меншиков Александр Сергеевич (1787 — 1869) — князь, Главнокомандующий сухопутными и морскими силами в Крыму в 1853 — 1855 гг.

Мюрат Иоахим (1767—1815) — маршал Франции, Король Неаполитанский, в начале войны 1812 г. — командующий Резервной ка-

Валерией Великой Армии Наполеона I.

Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — Император Франции в 1804—1814 и в 1815 гг.

Николай I Павлович (1796—1855) — Император с 1825 г., сын Павла I.

Норов Авраам Сергеевич (1795—1869) — министр народного просвещения, сенатор, писатель, член Академии Наук, в 1812 г. — артиллерийский офицер.

Павел I Петрович (1754—1801) — Император с 1796 г., сын Петра III и Екатерины II, убит заговорщиками.

Паскевич Иван Федорович (1782—1856) — князь Варшавский, граф Эриванский, генерал-фельдмаршал; в 1812 г. — генерал-майор, командир 26-й пехотной дивизии в 7-м пехотном корпусе.

Петров Михаил Матвеевич (1780—1858) — полковник, в 1806 г. — штабс-капитан Елецкого мушкетерского полка, в 1810—1815 гг. — командир батальона 1-го Егерского (1-го Гренадерского Егерского, 1-го Карабинерного) полка.

Пуцин Павел Сергеевич (1789—1865) — офицер Лейб-Гвардии Семеновского полка; в 1812 г. — капитан, с января 1813 г. — полков-

ник, командир батальона (с октября).

Раджицкий Илья Тимофеевич (1788 — 1861) — генерал-майор, в 1812 г. — поручик 11-й артиллерийской бригады 4-го пехотного корпуса; писатель.

Сакен, фон дер Остен-Сакен Фабиан Вильгельмович (1752—1837) — генерал-фельдмаршал.

Тимофеев Василий Иванович (1783—1859) — генерал от инфантерии, в зимнюю кампанию 1806—1807 гг. — капитан Выборгского мушкетерского полка; участник войн 1812 — 1814 гг.

Тормасов Александр Петрович (1752 — 1819) — граф, генерал от кавалерии, в начале Отечественной войны 1812 г. — командующий 3-й Западной армией.

Франц / Иосиф-Карл (1768-1835) - Император Австрии с 1804 г.

Фридрих-Вильгельм III (1770-1840) - Король Прусский с 1797 г.

Чичагов Павел Васильевич (1767—1849) — адмирал, с апреля 1812 г. — командующий Дунайской, а с сентября 1812 г. — 3-й Западной армией (после объединения двух армий).

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ

Аксельбант — наплечное украшение в виде сплетенных шнуров.

Алебарда — древковое холодное оружие, табельное оружие большинства унтер-офицеров в начале XIX в.

Артиллерия — 1) вооружение и воинское снаряжение; 2) декоративная композиция из оружия и предметов воинского снаряжения.

Артиль — товарищество, объединение солдат роты для ведения совместной экономической деятельности.

Артикул — статья, часть воинского устава, а также оружейные приемы.

Басон — узорная плетеная тесьма.

Бруствер — земляная насыпь.

Выпушка — суконная прокладка в швах обмундирования.

Гренада — в рассматриваемый период — украшение в виде стилизованного изображения пылающей ручной гранаты (металлического шара, наполненного взрывчатой смесью); могли быть "одногневными" (с одним пламенем наверху) или "трехгневными" (с тремя языками пламени).

Гренадер — в рассматриваемый период — нижний чин отборных подразделений пехоты (гренадерских батальонов, затем взводов).

Егер — нижний чин егерских рот — основной массы карабинерных и егерских полков.

Застрельщик — 1) до 1818 г. — сопровождающий офицера в цепи нижний чин егерских полков; 2) с 1818 г. — нижний чин, высылаемый в цепь из сомкнутого строя.

Затравка — отверстие в казенной части ствола ружья для поджигания заряда пороха.

Захождение — движение строя каким-либо флангом вперед или назад.

Знак офицерский — металлический щиток на шейной ленте, атрибут офицерского обмундирования, знак различия чина.

Инвалид — в рассматриваемый период — нижний чин, из-за старости или увечья неспособный нести службу в полевых частях.

Инспекция — территориально-административное войсковое объединение в России второй половины XVIII — начала XIX в.; включала в себя все рода войск.

Карабинер — гренадер легкой пехоты, нижний чин карабинерных взводов карабинерных и егерских полков.

Каразя — редкая грубая шерстяная материя, идущая на подкладку мундира.

Кеньги — особая теплая зимняя обувь, надеваемая на сапоги.

Лампас — широкая цветная нашивка.

Легкая пехота — пехотные части и подразделения, обученные в полном составе действовать в рассыпном строю; егерские, карабинерные полки и стрелковые батальоны.

Линейная (тяжелая) пехота — пехотные части и подразделения, предназначенные для действий только в сомкнутом строю (основам рассыпного строя в них обучались лишь некоторые солдаты — стрелки или застрельщики); гренадерские, мушкетерские (пехотные) и морские полки.

Мушкетер — нижний чин мушкетерских рот — основной массы мушкетерских, а с 1811 г. — пехотных полков.

Нижний чин — военнослужащий рядового и младшего командного состава, то есть рядовой или унтер-офицер.

Обер офицер — офицер чином (в пехоте) от прапорщика до капитана.

Одноворцы — сословие лично свободных землевладельцев, обложенных подушной податью.

Плутонг — единица подразделения батальона для стрельбы, обычно взвод.

Полба — злаковая культура, разновидность пшеницы.

Полунагалище — кожаный чехол для ру-

жейного замка.

Поярок — шерсть первой стрижки молодой овцы.

Приборный цвет — цвет установленных для отличия конкретной воинской части (или группы частей) металлических деталей униформы и амуниции (мог использоваться белый или желтый металл) или суконных деталей обмундирования.

Равендук — толстая парусина, парусинный холст.

Ретирада — отступление.

Смурый (цвет) — темно-серый, темно-бурый.

Сошка — подставка для одного ружья.

Стрелок — 1) нижний чин отборных подразделений пехоты (стрелковых взводов гренадерских рот); 2) с конца 20-х гг. XIX в. — нижний чин стрелковых батальонов; 3) до начала 20-х гг. XIX в. — действующий в рассыпном строю солдат линейной пехоты.

"Уборный" часовой — часовой, заступающий на пост у покоев особ Императорской Фамилии.

Фабра — косметический состав для придания усам нужной формы и цвета; изготовлялся на основе жира с добавлением сажи.

Фас каре — одна из сторон четырехугольного оборонительного построения пехоты; как правило, 3 или 6 шеренг солдат.

Флер — прозрачная легкая ткань, как правило, шелковая.

Форштадт — предместье города.

Фузилер — нижний чин фузилерных рот — основной массы гренадерских полков.

Цейхгауз — военный вещевой склад.

Шарф офицерский — вязанная из серебра и шелка лента с кистями на обоих концах, атрибут офицерского обмундирования; в рассматриваемый период повязывался на поясе или (крайне редко) через плечо.

Штаб офицер — офицер чином от майора до полковника.

Эполет — в рассматриваемый период — офицерский погон с золотыми или серебряными (скрученными из канители или штампованными) закругленными валиками на одном конце; у штаб-офицеров и генералов — с тонкой или толстой бахромой.

Эспонтон — древковое холодное оружие, табельное оружие пехотного офицера до 1807 г.

Юфть — сорт кожи.

Вернуться к оглавлению

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ ВОЙСК

И. Ульянов
РЕГУЛЯРНАЯ ПЕХОТА
1801 - 1855

